ОРДЖОНИКИДЗЕ

И. Дубинский-Мухадзе

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вся жизнь Серго Орджоникидзе, большая, прекрасная и могучая, как песня, - это страницы героической истории партии и социалистической революции.

В глубоком подполье при царизме, в боевых дружинах иранских революционеров и в Шлиссельбургской крепости, в Париже, Праге и в насквозь промерзшей якутской деревушке Покровское, на фронтах гражданской войны, в Рабкрине и БСНХ Серго не знает страха и сомнений. То преследуемый по пятам профессиональный революционер, то могущественный чрезвычайный комиссар огромных территорий, то организатор нового большевистского подполья в тылу у Деникина и в захваченной меньшевиками Грузии, то командарм шестимиллионной армии индустрии, в горе и в радости, всегда он прямой, твердый, смелый Большевик. Из самых близких Ленину.

Книга писателя И. М. Дубинского-Мухадзе, уже известного читателям серии "Жизнь замечательных людей" по книге "Ной Буачидзе", - одна из первых попыток воссоздать образ Серго Орджоникидзе - отважного бойца старой ленинской гвардии.

- И. Дубинский-Мухадзе
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106

И. Дубинский-Мухадзе
Орджоникидзе

«Вручи свое сердце бурям»

Саади

Холодная, с ветром московская ночь с семнадцатого на восемнадцатое февраля 1937 года. Второй час. Кабинет наркома тяжелой промышленности в старом доме на площади Ногина.

Орджоникидзе расстегнул крючок и верхнюю пуговицу на кителе оливкового цвета. Подобную вольность он допускал иногда, когда оставался один в кабинете и хотел почувствовать себя свободнее.

Серго выглядел немного бледным, хотя в последнее время его здоровье заметно улучшилось. После приступа грудной жабы в начале ноября прошлого года сердце больше не беспокоило. — Оба лечащих врача — Плетнев и Левин — были довольны своим пациентом. Со стороны он и вовсе казался очень здоровым и сильным.

Нарком придвинул к себе последнюю сводку о выплавке металла и рабочий блокнот. По лицу пробежала улыбка: шестнадцатого выпуск стали опять поднялся выше пятидесяти тысяч тонн!

Вошел помощник наркома Семушкин. Давным-давно, в 1921 году или еще раньше, Орджоникидзе, воспользовавшись правами члена Реввоенсовета республики, забрал Семушкина из политотдела XI армии. С тех пор они не расставались.

— Что, пора домой? — виновато спросил Серго.

— Да, уж Зинаида Гавриловна два раза звонила.

— Хорошо, будем собираться. Составь только телеграмму инженеру Гнедину, что я прошу его через два дня приехать с новым красителем… Девятнадцатого на десять утра пропуск профессору Гальперину, закончим с ним разговор о проблемах Кемерова… Еще письмо в Киев директору завода «Большевик», чтобы оказал максимальную помощь старому рабочему Гончарову. Пусть позвонит мне, скажет, что сделал.

Серго поднялся, дошел до двери, вернулся, размашисто написал в раскрытом блокноте:

«Газовые месторождения в Дагестане.
Йод и бром Берекеевский.

Проект приказа».

…Серго строил планы, делал заметки для памяти, назначал часы приема. По проводам неслись его телеграммы. Поезда и самолеты мчали его письма. На севере и юге, на западе и востоке необъятной страны шахтеры, сталевары, строители автомобилей, кораблей, всевозможных машин, рабочие и ученые, золотоискатели, монтажники-верхолазы и «маги», сотворившие первые ручейки «тяжелой воды», — миллионы людей выполняли его приказы. А он…

Около двух часов ночи Орджоникидзе покинул наркомат. В тот же четверг в семнадцать часов тридцать минут ушел из жизни…

Последняя попытка объяснить Сталину, другу многих лет, что на его болезненной, пронесенной через всю жизнь подозрительности сейчас играют самые темные силы, что из партии вырывают ее лучших людей. Круг неотвратимо сжимался. После истязаний расстрелян старший брат Серго — Папулия. Вынесен смертный приговор Алеше Сванидзе — человеку, который не раз делил с ними последний кусок хлеба. Сестра Алеши была женой Сталина, матерью его сына… С обыском незадолго до того приходили и на квартиру Орджоникидзе. Оскорбленный, разъяренный Серго весь остаток ночи звонил Сталину. Под утро дозвонился и услышал ответ:

— Это такой орган, что и у меня может сделать обыск. Ничего особенного…

Разговор со Сталиным утром семнадцатого. Несколько часов с глазу на глаз. Второй разговор по телефону, после возвращения Серго домой. Безудержно гневный, со взаимными оскорблениями, русской и грузинской бранью. Уже ни любви, ни веры. Все разрушено… Разделять ответственность за то, что никак не в состоянии предотвратить, Серго не мог. Подличать не хотел, это значило бы перечеркнуть всю прошлую жизнь… Оставалось уйти!..

Сталин явился тотчас после звонка Зинаиды Гавриловны. Ни о чем не спросил, только высказал удивление:

— Смотри, какая каверзная болезнь! Человек лег отдохнуть, а у него приступ, сердце разрывается.

Эти слова без ссылки на автора и были повторены в официальном медицинском заключении. Вскоре был арестован и уничтожен нарком здравоохранения Каминский, в прошлом бакинский работник, близкий Серго, очень неохотно подписавший официальное «заключение» о смерти.

Кто знает, о чем думал Серго в свои последние минуты.

Возможно, он вспомнил и слова Ленина, сказанные им о смерти Поля Лафарга и его жены Лауры (дочери Карла Маркса), покончивших самоубийством в октябре 1911 года: «Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги».

Смотреть правде в глаза! Наверное, нет умения более трудного и более необходимого человеку, особенно если он на гребне истории. Умел ли это делать Серго, вспыльчивый и горячий по натуре?

Об этом книга.

Я впервые увидел Серго в конце лета 1934 года. В качестве корреспондента «Известий» я писал отчеты о поездке Орджоникидзе по Уралу. Потом всякое бывало: и приятные беседы и строгий нагоняй за путаную корреспонденцию. Еще позднее — в недавние годы, когда я работал над книгой о большом российском революционере, друге В.И.Ленина — Ное Буачидзе, — посчастливилось многое узнать о детстве, о школьных годах Серго. По той простой причине, что Ной и Серго земляки, учились в одной школе. Из рук Ноя Серго, красивый кудрявый подросток, получил отпечатанную на гектографе работу Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»… Так, уже зная финал, я приблизился к началу.

1

В веселых зеленых горах Имеретии, где в студеных водах речки Квадауры круглый год играет пятнистая форель, разбросала свои дома из каштановых досок деревня Тореша. Дом от дома на почтительном расстоянии, и все на разной высоте. Прежде чем сложить очаг и привить виноградную лозу, человек должен был вырубить террасу на склоне горы или очистить от леса и цепкого кустарника приглянувшийся холм.

…Никому не нужный взгорок сельское общество уступило под домишко церковноприходской школы. На весь большой и богатый Шорапанский уезд таких немудреных школ было четыре. А в школе-то всего одна комната для занятий. В ней попеременно давал уроки то учитель Виссарион Цицкишвили, то священник.

Как-то, уже ближе к весне, из губернского центра Кутаиса в Горешу прибыл главный инспектор церковноприходских школ. Солидный господин с большими правами стал проверять, что мальчишки усвоили из высочайше утвержденной программы. Вызвал к доске ученика четвертого — самого старшего класса. Дал решить задачку. Прошло несколько минут, и паренек с сильным имеретинским акцентом, но все-таки довольно понятно сообщил:

— Решил, ваше высокородие.

Инспектор пробежал глазами по цифрам и благосклонно потрепал вихры мальчугана:

— Садись, голубчик.

Тут бы учителю облегченно вздохнуть, священнику поблагодарить всевышнего, а они оба… побледнели. Неужто только потому, что ученик второго класса Серго Орджоникидзе (при крещении ему дали в честь деда имя Григорий, но родные и близкие с детства ласково звали его Серго) приподнялся, нетерпеливо тянет руку? Батюшка поспешно и даже неприлично громко кашляет, машет широким рукавом рясы. Серго тоже кашляет, но руки не опускает. Он давно отличался своеволием. Не далее как вчера этот рослый крепыш остановил на дороге священника и почтительно спросил:

— Мамао,[1] скажи, пожалуйста, кого больше на свете — дьяволов или ангелов?

Батюшка насупился, строго приказал:

— Иди, негодник, домой. Будет урок закона божьего, тогда я вразумлю тебя.

Серго не отставал:

— Мамао, я очень, очень прошу! Батюшка, незлой по

характеру, сдался:

— Если тебя, Серго, добавить к дьяволам, то их будет больше.

Серго захлопал в ладоши, помчался на речку, где его ждала ватага мальчишек. Издали закричал:

— Слава богу, дьяволов больше!..

А сейчас что еще задумал проказник, почему тянет руку при господине инспекторе?

Обычная неблагодарность взрослых. Серго вовсе не помышляет о каверзах. Просто хочет помочь инспектору. И едва господин инспектор спросил: «Что тебе?», Серго выпалил:

— Неправильно решили задачу.

Учитель ахнул. Опустил глаза священник. Замерли мальчишки. Инспектор с интересом разглядывал Серго. Тот еще раз повторил:

— Неправильно решили задачу.

— Иди к доске, — приказал инспектор.

Серго стер ладошкой решение, взял мел и быстро написал новый ответ.

Теперь господин инспектор строго проверял каждую цифру. Наконец, ровным голосом, не выдавая своего интереса, предложил:

— Попробуй решить еще одну задачку. Пиши условие.

Новая задача также из курса четвертого класса. Виссарион Цицкишвили порывался сказать господину Ярославу, что Серго еще только во втором, но тут же понял, что нужды в его вмешательстве нет, Серго благополучно управлялся. Что-то стер, снова написал, быстро разделался с квадратными скобками. Стучит мелок по доске, сияет мальчишечье лицо. В класс заглядывает соскользнувшее с ближних гор солнце.

Инспектору не хочется продолжать проверку. Он благосклонно кивает учителю и священнику и просит послать за отцом Серго.

— Боюсь, что его отца нет в Гореше, — с сожалением отвечает учитель. — Константин Николаевич, конечно, принадлежит к старинному дворянскому роду. Но… Такова уж судьба грузинского дворянства… Орджоникидзе очень беден. Чтобы как-то свести концы с концами, ему приходится искать заработка в Чиатурах. Возит на быках марганцевую руду на железную дорогу, а то и в Поти, к морским причалам.

— М-да, — несколько разочарованно произносит господин Ярослав. — Ну, все равно, передайте ему, пусть в начале сентября пожалует с мальчиком в Кутаис. Я определю его в гимназию на казенный счет.

Отец Серго не прочь был воспользоваться заманчивым

предложением, да в Горешу неожиданно приехал погостить однофамилец и дальний родственник Симон Георгиевич Орджоникидзе. Известный в Западной Грузии педагог и общественный деятель. Он поселился в усадьбе на горе Клдисдзири, где почти с самого рождения жил и Серго.

Отец Серго, жизнерадостный, добродушный, представительный имеретинец, постоянно уверял друзей, что он баловень судьбы, что ему очень везет (это при том, что в кармане ни гроша, дом заложен и перезаложен); ну кому еще в Гореше господь бог послал четырех сыновей?!

Серго был вторым. Он родился 12 октября[2]1886 года. Шесть недель спустя скончалась его мать — Евпраксия Григорьевна Тавзарашвили.[3] Умирая, она взяла слово со своей сестры Эки, что та будет заботиться о ее крошке, как о родном сыне. Эка унесла Серго к себе в усадьбу. Мальчонка быстро набирался здоровья, рано начал ходить.

Об одном только жалела тетка Эка. Тут уж ее любовь была бессильна. Изумительные золотые кудри мальчика вскоре потемнели, стали совсем-совсем черными.

…У маленького семилетнего человека начал проявляться характер. Случилось, он тяжело заболел. Ни врача, ни фельдшера поблизости не было. До Кутаиса или до Поти далеко. Хорошо, если доберешься к концу вторых суток. Все жалели Серго. Женщины плакали. Мужчины отворачивали хмурые, злые лица.

Серго посинел, задыхался. Катия, дочь Эки, возбужденно сообщила матери, не отходившей от постели мальчика:

— Соседка сказала, если прорвать нарыв, наш бичико[4] сразу выздоровеет.

Эка устало махнула рукой.

— Кто знает, как это сделать?

Серго зашевелился, приподнял голову, быстро засунул глубоко в горло палец. Изо всех своих силенок нажал. Пошла кровь с гноем… Нарыв прорвался. На пятый или шестой день мальчик уже верховодил во дворе.

Чего только с ним не бывало! На полном скаку упал с лошади. Хорошо, неподалеку проходил крестьянин, бросился на помощь, привел в чувство, остановил кровь. Джигитовка, отчаянная скачка в горах — особая страсть Серго. Как-то он взял у одного из своих дядей породистую скаковую лошадь. Носился где-то далеко от Гореши, а когда вернулся, сотворил непоправимую глупость: напоил разгоряченного коня студеной водой Квадауры. Лошадь пала.

Никто из взрослых не знал, что коня взял Серго. Никто не видел, как он гордо ускакал и как вернулся с поникшей головой.

Сам все рассказал. Спросил, когда накажут — сейчас, сразу, или, как принято, в субботу?

— Если ты обещаешь больше не ходить на конюшню и не… — попыталась воспользоваться моментом тетка Эка.

— Нет, нет, я буду ездить!!

Серго джигитовал пуще прежнего. И в облавах на волков участвовал и на куниц и лис охотился вместе со взрослыми. Только губы закусывал, когда приклад берданки больно отдавал в плечо.

Муж Эки — дядя Давид был доволен своим воспитанником Серго. А в глазах мальчика Давид олицетворял все достоинства мужчины — воин, участник русско-турецкой войны, георгиевский кавалер, силач, превосходный наездник и стрелок. Куда больше!

Вновь объявившийся родственник — Симон Георгиевич — таких очевидных достоинств, как Давид, не имел. Вначале Серго даже не интересовался гостем. Тот сам позвал Серго, его старшего брата Папулия (он рос в новой семье отца) и их закадычного друга Сания послушать рассказы о единоборстве Автандила с тигром, битвах Георгия Саакадзе, путешествиях баснописца Сулхан Саба Орбелиани и многом другом. Стал читать им стихи Руставели, Гурамишвили, Александра Чавчавадзе, Грибоедова, Пушкина, кобзаря Шевченко, огромной популярности которого в Грузии немало способствовал властитель дум Акакий. Церетели.

Симон не упустил случая рассказать мальчикам о признании Акакия:[5] «Из слов Шевченко я впервые понял, как нужно любить свою родину и свой народ… Прежде всего я грузин, так как я рожден грузином, но это не означает того, чтобы я стремился построить свое счастье на несчастье другого народа. Моей мечтой является всеобщее счастье всех народов».

Книжник и рассказчик Симон умел еще очень ловко перегораживать Квадауру камнями, отводить речку в сторону и на отмели брать трепещущую форель. После этого старый способ ловли — на крючок — казался совсем не привлекательным, зато слова Симона приобретали особый вес!

Подружились, и Симон Георгиевич раскрыл карты. Он имел свои виды на Серго. Попросил Эку отпустить мальчика с ним в местечко Хоби в долине Колхиды. Его, Симона, переводят туда учительствовать, и он очень хочет, чтобы Серго был его учеником.

Спросили мальчика:

— Поедешь?

— А Сания можно взять с собой?

— Возьмем и Сания, — поспешил ответить Симон. Георгиевич.

До ближайшей железнодорожной станции мальчиков взялись

отвезти верхом дядя Давид и отец Сания. Взрослые сели в седла, за их спинами пристроились ребята. Накануне весь день и всю ночь лил дождь, и обычно мелководная речка Чхеримела сейчас взбухла, не вмещалась в берега, с разгона налетала на камни, яростно вскипала, пенилась.

Всадники обменялись взглядами. Без слов спросили друг у друга: ты рискуешь? Какой грузин ответит — нет! Погнали лошадей в бурлящий мутный поток. Почти на середине лошадь отца Сания задела за корягу, споткнулась, рванула в сторону. Мальчик упал. Быстрое течение подхватило Сания, грозя каждую секунду ударить о камень. Еще мгновение, и в вскипевшую, с белыми хребтами речку бросился Серю, как был — в одежде, в сапожках.

Река то с головой накрывала Серго, то отбрасывала в сторону от захлебывавшегося друга, то обоих несла на приволоченные с гор обломки скал, чуть прикрытые водой… Все-таки Серго вытащил Сания на берег. Управился сам, без взрослых. Хотя и шишек немало набил себе.

В Хоби прожили совсем недолго. Слишком плохая история произошла, уже не с мальчиками, а с самим Симоном Георгиевичем. Плохая история с добрыми последствиями для Серго.

Симона Георгиевича любили ученики, уважали крестьяне и подчеркнуто сторонились некоторые «коллеги». Его давно подозревали в чрезвычайно опасных действиях и вели за ним тайное наблюдение. Страшно сказать: носились упорные слухи, будто он… позволяет себе преподавать грузинский язык в нарушение запрета самого монарха!

Сейчас в Хоби Симона поймали с поличным.

Чтобы избежать слишком большого скандала и сверх меры не накалять страсти, попечитель Кавказского учебного округа граф Карл Эрнестович Ренненкампф проявил снисхождение. Он предложил Симону немедленно покинуть Хоби и отправиться младшим преподавателем в Белогорское двухклассное министерское училище.

— Имейте в виду, сударь, один дурной отзыв о вашем поведении, и, я ручаюсь, вам обеспечен волчий билет. Вы умрете нищим, под забором. Один дурной отзыв — вы понимаете, да?

А Серго только выигрывал от нового переезда с Симоном. Недалеко от Белогор,[6] всего за двумя перевалами, — Гореша, вокруг родные горы, любимые леса и привычный гул речек в теснинах. И новый друг, еще более близкий, чем Сания. Даже чем брат Папулия! С теми было просто очень весело, а с невысоким худощавым Самуилом Буачидзе как-то особенно интересно. И

дружба началась необычно — с драки…

На перемене они из-за чего-то поспорили. Ни один не желал уступить. Истину мог установить лишь рыцарский поединок — бой на кулачках.

Самуил изловчился, подпрыгнул, чтобы достать своего более рослого противника, и… на траву упала спрятанная за пазуху книжка. Серго нагнулся, поднял книгу, стал листать. Имя автора — Эгнате Ниношвили — было мальчику незнакомо, и, позабыв о ссоре, он спросил:

— Что, интересно?

Самуил ответил, что успел прочесть один рассказ. Называется «Распоряжение».

— Все совсем как в жизни. Хочешь, после уроков почитаем вместе?

Серго кивнул головой.

— Я поведу тебя на поляну, в ущелье. Там никто не помешает.

Мальчики после истории с Симоном Георгиевичем хорошо знали: грузинскую книгу можно читать только тайком, тем более если в книге «все совсем как в жизни».

Писатель недюжинного таланта и к тому же один из организаторов «Месаме-даси» — первой социал-демократической организации в Закавказье, Эгнате Ниношвили не называл селения, где жил герой его рассказа Кация Мунджадзе. Но едва Самуил и Серго прочли первую страничку, как им показалось, что это кто-то из их близких соседей безнадежно. сказал: «Я так устал, что мясо от костей отходит».

— Что я говорил, все как в жизни, — повторил Самуил.

— Много ли ты знаешь о жизни? — подогрел Серго.

Самуил рассказал, что ему еще не было восьми лет, когда отец, чтобы как-нибудь прокормить большую семью — десять человек, — отвез его из Парцх* нали (это такое же маленькое селение, как и Горе-ша, только в Гореше шумит незамерзающая речка Квадаура, а в Парцхнали — Джихвела) в Ахалцих-скйе горы, отдал в подпаски. У костра на кочевках мальчик слышал рассказы и пострашнее, видел людей, на все готовых.

Прошло несколько месяцев, и друзья показали, что и они уже на многое готовы. Серго низверг царя! Если не живого, то хотя бы портрет со стены училища.

Началось все с того, что Самуил Буачидзе публично обозвал лжецом графа Карла Эрнестовича Ренненкампфа, того самого попечителя Кавказского учебного округа. Граф объявил питомцам белогорского училища: детям мужиков наука Ни к чему. Сколько их ни учи, они останутся жестокими и тупыми тварями. Граф

даже сочинил афоризм: «дворянскому сыну расти — умнеть, крестьянскому — ослеть».

Тогда и произошло неслыханное. Крестьянский мальчик Буачидзе бросил графу в ответ:-

— Ложь, ложь!..

Заботливый попечитель народного образования приказал исключить, обязательно исключить Самуила из училища. Тут уж взорвался Серго. По его призыву ученики заперлись внутри здания. Для верности входную дверь подперли партами, на лестнице, ведущей на второй этаж, воздвигли еще и баррикады.

Серго сорвал со стенки портрет царя, растоптал его. Подбежал к окну, с силой ударил по стеклу локтем, закричал так, чтобы слышали стоявшие на улице учителя:

— Пусть вернут Буачидзе, или мы все уйдем! Они не имеют права исключать нашего Самуила!..

Другие ученики тоже били стекла, ломали парты, столы, стулья. Смотритель училища прислал для переговоров священника, преподавателя закона божьего. Ему не открыли дверей.

— Пусть придет Симон Георгиевич, его пустим, — настаивали «забастовщики».

Никто так и не узнал, каким образом Симону Орджоникидзе удалось выполнить обещание, данное в этот бурный день мальчикам. Самуила он отстоял. Даже «низвергатель царя» — Серго — не пострадал.

Самуил окончил занятия в Белогорах раньше Серго. Уехал в Кутаис и поступил там в сельскохозяйственное училище. Он часто писал другу, советовал, что читать, прислал в подарок «Утопию» Томаса Мора, «Что делать?» Чернышевского, «Записки одного молодого человека» и «Кто виноват?» Герцена, книгу Чарлза Дарвина о кругосветном путешествии на корабле «Бигль».

В следующем году, на пасхальные каникулы, мальчики снова встретились в Белогорах. На любимой поляне, в узкой расселине между скалами, Самуил признался, что один из преподавателей сельскохозяйственного училища — это был известный профессиональный революционер Миха Цхакая — помог ему вступить в социал-демократический кружок.

— После нашей схватки с Ренненкампфом, — говорил Самуил, — я подумал, что читать запрещенные книги, втайне изучать грузинский язык и литературу — этого слишком мало. А что надо делать, как по-настоящему прогнать русского царя и его помощников — грузинских князей, — я не знал. Стал потихоньку расспрашивать. От одного русского студента — он был на каторге в Сибири, теперь отбывает ссылку на Кавказе — я услышал, что в

нашем возрасте или еще раньше двое друзей — Александр Герцен и Николай Огарев — поднялись на гору и, обратившись лицом к Москве, поклялись, что вся их жизнь будет отдана одному — борьбе за свободу. Годы испытаний, несчастья — ничто не сломило, не поколебало их клятвы.

Серго порывисто обнял Самуила.

— Клянусь всем, что дорого мне.

— Значит, до конца?

— На всю жизнь!

Буачидзе вытащил из-за подкладки своей форменной тужурки тетрадь.

— На, прочти, потом вернешь.

Это была отпечатанная на гектографе работа Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?».

…Пора было прощаться с детством, с Белогорами и Горешей, со всем привычным окружением. Умер отец Серго — Константин Николаевич. Ненамного пережила его добрейшая тетка Эка. Кончались дни, месяцы и годы XIX столетия.

Бичико, осиротевший, входил в новый, XX век.

2

Осень. До чего же она разноликая даже в одной стране! Может все краски сразу, в один час, упрятать под серой пеленой, может и, наоборот, так расцветить все вокруг, что не хватит палитры, чтобы передать игру света, оттенков, полутонов.

Осень — дожди и въедливые туманы в Прибалтике, ледостав в Якутии, раздвинувшиеся дали и прозрачные солнечные дни на Кавказе; сбор винограда в Грузии — ртвели.

Лишь в одном все осени похожи. Всегда и везде они начинаются со школьного звонка и прихода первоклассников.

Новички пришли осенью 1901 года и в тифлисскую фельдшерскую школу при Михайловской больнице. Восторженно и почтительно смотрели они на старшеклассников. А те, как все первопосвященные, их старательно не замечали.

Так ли уж впрямь не замечали?

— Видали, какой веселый и сильный парень появился в младшем классе? — спросил Ражден Чхартишвили своих соседей по комнате, которую они втроем снимали на Авчальской улице у паровозного машиниста.

— Подходил он ко мне сегодня, — отозвался Виктор Шарашенидзе, лучший в школе игрок в лапту. — «Примите, — говорит, — меня в свою паству».

Ражден подскочил.

— Откуда он знает?

— Ничего он не знает, — успокоил Виктор, — просто хочет играть в лапту.

Серго и в самом деле не догадывался, что люди, которые ему так нужны, с ним рядом, Невдомек ему, что «паства» Виктора — подпольный социал-демократический кружок. «Пастырь» — член общегородского нелегального центра.

Серго почему-то больше подозревал в связях с социал-демократами своего двоюродного брата Тарасия, телеграфиста Управления железных дорог. Тот на все расспросы и мольбы отвечал одно и то же:

— Подрасти, научись сначала зарабатывать на хлеб насущный… революция будет не завтра.

В одну счастливую субботу Ражден Чхартишвили подозвал Серго:

— Имеретин, ты на горе Давида бывал?

К большому конфузу, пришлось признаться:

— Нет, я… не успел.

Фуникулера и парка на горе в ту пору еще не было.

Подняться туда можно было далеко в обход по Коджорскому шоссе или по чуть приметным крутым тропам. Обычно участники массовок, революционеры, пользовались тропами. Их постоянные противники — казаки — всякий раз появлялись с тыла — с шоссе.

— Тогда ты жди меня в пансионате, — решил Ражден. (Серго, как сирота, жил в пансионате при фельдшерской школе и учился на казенный кошт.) — Я зайду за тобой. Виктор велел привести тебя. У нас один игрок заболел, может, заменишь? Посмотрим!

Большого спортивного таланта Орджоникидзе не проявил Да это было и неважно. Игра в лапту не более как предлог для «паствы» Виктора Шараше-нидзе протянуть Серго руку. Решению подпольщиков предшествовал довольно любопытный эпизод.

На уроке физической географии Орджоникидзе нежданно-негаданно спросил преподавателя Потемковского, не скрывавшего своих левых взглядов:

— Где же место бога во всем мироздании?

Александр Феликсович чуть помедлил — у него уже было немало неприятностей с начальством и полицией, окинул взглядом учеников и ответил вполне исчерпывающе:

— Наука не нуждается в боге![7]

…Новички всегда нетерпеливы и категоричны в решениях. Они рвутся на штурм вершин, а их подолгу тренируют в долинах и в легкодоступных горах.

Примерно так обстояло и с Серго после вступления в нелегальный ученический кружок. Тайные сходки, запрещенные книги, подпольная большевистская газета «Брдзола» («Борьба»). Распространение прокламаций и листовок. Новые поручения — новые испытания. Еще и еще! И, как высшее признание, доступ в круг наиболее видных грузинских революционеров. Его, шестнадцатилетнего, знакомят и с русскими социал-демократами, сосланными на Кавказ.

Еще был на свободе друг Ленина, вместе с ним отбывавший ссылку в Шушенском, Виктор Константинович Курнатовский. Осенью 1900 года, сразу после окончания ссылки, Курнатовский по совету Ильича поселился в Тифлисе. Сердечный, разносторонне образованный человек, великолепный организатор, он пользовался огромным влиянием и очень много сделал для распространения в Закавказье революционных ленинских Идей.

Для Серго знакомство с Курнатовский было редкой удачей. О лучшем наставнике он и мечтать не мог. Тогда, в Тифлисе, они виделись не так уж часто — Курнатовского вскоре арестовали и с группой грузинских социал-демократов выслали в Якутию. Но уважение и признательность Виктору Константиновичу Серго

сохранил навсегда.

Жизнь их снова свела в Париже в 1910 году. От Ленина Орджоникидзе узнал, что Курнатовский тяжело болен, лежит в госпитале. Каторга в Нерчинске, скитания в Японии и в Австралии вконец подорвали его силы. Он тяжело мучился из-за страшных головных болей, наполовину оглох. Серго часто навещал его. Иногда вместе с Владимиром Ильичей. Оба горько переживали болезнь друга, старались как-то облегчить его участь. Жить Курнатовскому оставалось совсем недолго…

Еще трагичнее оборвалось короткое знакомство Серго с Ладо Кецховели, одним из самых подготовленных и деятельных грузинских марксистов.[8] Ленин в письмах к Ладо величал его «отцом Нины». А кто такая «Нина», большевики Закавказья, всего Юга России, отлично знали. Это была крупная подпольная типография, где с матриц, доставляемых из-за границы в Баку, печаталась ленинская «Искра». Там же большими тиражами печатались брошюры и прокламации на русском, грузинском, армянском языках. Кецховели был и издателем и автором…

Не зря в одном «совершенно секретном» донесении руководители тифлисского губернского жандармского управления зондировали почву, как отнесется департамент полиции к убийству Кецховели. «Хорошо было бы избавиться от Кецховели, — сообщали тифлисские жандармы. — Следствием установлено серьезное значение его революционной деятельности. В случае ссылки он постарается скрыться за границей и своими крайними взглядами в будущем причинит нам немало вреда».

Серго познакомился с Ладо Кецховели в 1902 году в один из его приездов в Тифлис — Ладо большей частью жил в Баку, изредка появлялся в Грузии и на Северном Кавказе. Кто мог предполагать, что через год с небольшим часовой застрелит Кецховели в Метехском замке?! Серго, незадолго до того принятый в Российскую социал-демократическую партию, был одним из главных ораторов на траурном митинге. Никогда раньше гора Давида не видала такого множества потрясенных, разгневанных тифлисцев. Серго прочел им строки из «Новой Марсельезы», написанной Кецховели в тюремной камере и переданной на волю за несколько дней до гибели:

В стране, подавленной бесправием, —
Вам слышно ль близкий ураган?
То в смертный бой с самодержавием
Вступает русский великан…

Кавказские революционеры всегда напоминали своим новым товарищам, что «…грузинское рабочее движение не представляет собой обособленного, только лишь грузинского с собственной программой, оно идет рука об руку со всем российским движением и подчиняется Российской социал-демократической партии». Еще в самый первый социал-демократический кружок, созданный в Тифлисе рабочим-механиком Федором Афанасьевым, — 1893 год — входили грузины, русские, поляки, евреи, армяне, литовцы. Деятельным участником кружка Афанасьева позднее стал и Максим Горький.

Живое общение с марксистскими группами Кутаи-са, где тогда работали М. Цхакая и А. Цулукидзе, поддерживали русские революционеры Г. Франчески, И. Лузин, Н. Козеренко. Все они принимали активное участие в переводе на грузинский язык «Коммунистического манифеста» и многих изданий «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», основанного Лениным в Петербурге.

Над упрочением связей русских и грузинских социал-демократов с самого начала энергично работал Ленин. Со многими революционными деятелями Тифлиса и Кутаиса Владимир Ильич переписывался, встречался. На страницах «Искры» Ильич воспроизводил наиболее интересные прокламации и нелегальные листовки Тифлисского комитета РСДРП В 1902 году Ленин настоял, чтобы редакция «Искры» издала специальную брошюру «Из тифлисского рабочего движения», В предисловии Ильич подчерки вал изумительную энергию и революционность грузинских искровцев.

Интернациональный принцип построения партии был одобрен и собравшимся в Тифлисе в середине марта 1903 года первым съездом социал-демократических организаций Закавказья. Четырнадцатью голосами против одного был создан Кавказский союз РСДРП, одобрены программа и тактика Ленина.

Орджоникидзе не был участником съезда. Но свою искреннюю приверженность его решениям Серго пришлось отстаивать довольно часто. Ради торжества светлого интернационализма Серго скрещивал оружие и в подполье, и на каторге, и после победы революции; с давнишними противниками и со вчерашними единомышленниками-друзьями. Случалось, Серго очертя голову бросался на приступ или в лобовую атаку там, где необходимо было хладнокровие и искусный маневр.

А пока что Серго участвовал в ученическом нелегальном центре, где он заменил Виктора Шарашенидзе, закончившего фельдшерское училище и уехавшего из Тифлиса. На выборах Серго получил все голоса.

У него много и вполне взрослых обязанностей. Он пропагандист в Главных железнодорожных мастерских и работник партийной типографии, что не год и не два, много лет благополучно существовала по соседству с монастырем Мтацминда.

Первое знакомство с типографией не обошлось без курьеза. Подпольщики, впервые посылая Серго в типографию, учили его:

— От монастыря спустишься немного вниз. Там увидишь серый, без окон дом — запасное городское водохранилище. Войдешь, тут же лесенка в подвал, в нем от пола до потолка трубы всех размеров. В углу за большой трубой кирпичи легко поддаются. Вынешь — откроется узкий лаз. Ложись на живот и втискивайся в этот лаз. Через несколько метров он расширится…

— Что будет — будет! — говорят в таких случаях грузины. Серго засунул голову в лаз, зажмуривать глаза было не к чему — и так ни зги не видать, — просунул плечи. В это мгновение его кто-то схватил за ноги, с силой рванул назад!

Сторож негодовал безмерно:

— Куда ты, окаянный, забрался?.. И не проси, откуда я знаю, может ты хотел полгорода (водохранилище снабжало правобережную часть Тифлиса) оставить без воды? Пошли в участок, там тебе хорошенько накостыляют по шее, так во всем сознаешься!

Осуществить угрозу сторож почему-то медлил. Заслонил спиной узкую дверь — и ни с места.

— Ну, что ты можешь сказать?

До Серго, наконец, дошло. Какой же он растяпа! Перетрусил от неожиданности и забыл, что должен был назвать пароль и получить от сторожа отзыв. Сторож-то — свой! Тифлисский комитет РСДРП устроил его на водохранилище, как только задумал оборудовать подпольную типографию и при ней склад нелегальной литературы. Сюда доставляли и транспорты из-за границы. Кому-то пришла счастливая мысль — самую ценную литературу хранить в маленьких лодочках, тихонько покачивающихся на тихой глади центрального бассейна водохранилища.

Серго сказал пароль. Сторож ответил условленной фразой. От себя обнадеживающе добавил:

— Ты не толстый, легко протиснешься. Беда была, когда печатную машину тащили, все измучились, хотя и лаз был пошире, потом камнями и кирпичами заложили.

Сначала Серго полз на животе, потом поднялся на четвереньки, а там и вовсе выпрямился, зашагал как обычно. Где-то, уже за пределами водохранилища, в скале была выбита

большая, размером с хорошую комнату, ниша. В ней — «американка», кассы со шрифтами, запас бумаги — будто и совсем обычная типография.

Сюда, в подпольную типографию, Серго часто наведывался. Помогал печатникам, правил корректуру, разносил готовые «заказы». Как и у каждой типографии, у этой тоже водились свои постоянные клиенты, крупные заказчики.

Серго знал: спрашивать лишнее о заказчиках, интересоваться их настоящими фамилиями нельзя. Так в случае провала лучше товарищам да и самому легче держаться на допросах. А как хочется узнать, кто этот человек, всякий раз необыкновенно ловко меняющий свою внешность! Артист, фокусник! То он веселый кинто — тифлисский уличный торговец в широких шароварах, архалуке, с обязательной круглой корзинкой на голове; то затянутый в черкеску князь, в мягких сапогах и дорогой каракулевой папахе, то бедный студент в выцветшей тужурке. А то однажды явился совсем неузнаваемый: одетый как прачка с майдана, с большой сумкой белья. И имя у него — не кавказское, не русское — просто Камо!

Серго не выдержал.

— Ответь, пожалуйста, ты что, нарочно так изменил наше слово «кама»?

Тот засмеялся.

— Нет, укроп[9] здесь ни при чем. Я его даже не ем. Камо меня прозвали в школе за то, что вместо русского слова «кому», я говорил «каму», еще чаще — «камо»… Настоящее мое имя Семен. Сын Аршака Тер-Петросяна.

Разговор закончился неожиданным предложением Камо:

— Иди ко мне в помощники.

По имеретинской привычке Серго не мог отказать себе в удовольствии подсыпать перцу.

— Кому помогать, батоно Камо, князю или прачке?

— Ты о другом позаботься, как бы с тобой чего не случилось с испугу! Мальчишка!

Заметив, что Серго насупился, закусил губу, Камо поторопился добавить:

— Давай руку! Ты плохо пошутил, я плохо ответил.

Камо взялся учить Серго приемам конспирации, способам распространять листовки, прокламации, умению какой-нибудь необычной проделкой мгновенно отвлечь внимание полиции и потом прикинуться совершеннейшим простаком. Преобладали уроки вполне практические. Одно из первых занятий Камо провел в театре Тифлисского артистического общества, на премьере «Гамлета».

«Учитель» поместился на галерке и, по собственному признанию, «ждал того момента, когда Гамлет увидит тень своего отца и все внимание публики всецело будет направлено на сцену. В это мгновение я швырнул пачку прокламаций в пятьсот штук по направлению к центральной люстре. Произошел большой переполох, публика начала хватать прокламации, а жандармский ротмистр, известный своей свирепостью, носился и отбирал у публики прокламации. От одной светской дамы ротмистр чуть не получил пощечину. Она негодовала:

— Вы блюститель порядка, почему же вы это допускаете? Теперь по крайней мере дайте прочесть листки. Бог мой, как вы плохо воспитаны!»

Камо — ему было немногим больше двадцати лет — иной раз перебарщивал. Ученик Серго ему старательно подражал. Обоим крепко попало от подпольного Тифлисского Комитета за то, что, распространяя листовки в Казенном театре, запустили увесистую пачку в Голову помощника главнокомандующего. Правда, они метили в сидевшего через два кресла полицеймейстера…

За изобретательных друзей взялась все более терявшая покой жандармерия. Первым попался Камо — в Батуме, в конце ноября 1903 года. Серго арестовали следующим летом на перроне станции Гори. У парня с собой был тючок, плотно набитый листовками на русском и грузинском языках.

На допросе Серго, упаси бог, не спорил, держался благовоспитанно.

— Я очень прошу, позвольте мне, сыну и внуку имеретинских дворян Орджоникидзе, вам помочь. Я сразу опознаю того бесчестного человека, который попросил меня присмотреть за его багажом, покуда он закончит свое дело с кондуктором соседнего вагона. Вы только потрудитесь, найдите его. Пожалуйста!

Серго отправили в следственную тюрьму. Губернское жандармское управление стало наводить справки. Коллеги из Кутаиса сообщили: «предосудительных и вообще агентурных сведений о дворянине Григории Константинове Орджоникидзе в наличии не имеется»!

Инспектор фельдшерской школы Гедеванишвили также засвидетельствовал:

«Учащийся Орджоникидзе поведения отличного. Почтителен, старателен и к наукам способен».

Дело доложили прокурору Тифлисской судебной палаты. Он выразил неудовольствие, обвинительный материал жидок, на суде можно провалиться. Написал: «Полагаю освободить, как несовершеннолетнего».

Серго выпустили. Камо после десяти месяцев

предварительного заключения бежал. Во время прогулки молниеносно перескочил через стену, никто и не заметил. На ближайшем углу ждал фаэтон. «Извозчик» отлично знал, куда везти господина,

Камо вернулся в Тифлис. Сразу спросил:

— Серго здесь?

Время было горячее. Последние недели 1904 года. Обстановка на Кавказе день ото дня накалялась. После небывало долгой стачки бакинские рабочие вынудили нефтепромышленников подписать первый во всей Российской империи коллективный договор. В отместку охранка спровоцировала в Баку, Елизаветполе и нескольких других городах дикую армяно-татарскую[10] резню. Такой же кровавый и бессмысленный погром готовился в Тифлисе. Город наводнили провокаторы и черносотенцы.

До предела обострилась борьба и в самом революционном подполье. Меньшевики, захватившие руководство Тифлисским городским комитетом, сразу запретили подготовку к вооруженному восстанию, как ненужную и вредную затею. Объявили, что они против созыва III съезда партии и выходят из Кавказского союза РСДРП.

Сторонники Ленина создали новый комитет. Двенадцатого февраля 1905 года руководители комитета встретились с Камо и Серго.

— Надо немедленно отпечатать обращение ко всем гражданам Тифлиса. Несколько тысяч экземпляров. Постарайтесь побольше успеть до утра.

Серго взял листок с рукописным текстом, с удовольствием прочел: «Теперь эти жалкие рабы жалкого царя стараются поднять и у нас, в Тифлисе, братоубийственную войну! Они требуют вашей крови, они хотят разделить вас и властвовать над вами.

Вы — армяне, татары, грузины, русские! Протяните друг другу руки, смыкайтесь теснее и на попытки разделить вас единодушно отвечайте: „Долой царское правительство! Да здравствует братство народов!“

Протяните друг другу руки и, объединившись, сплачивайтесь вокруг пролетариата, действительного могильщика царского правительства — этого единственного виновника бакинских убийств».

Остаток дня и ночь пролетели незаметно. Забрезжил рассвет. Пора было выбираться из подпольной типографии. Поработали хорошо, хотя и устали. С этим считаться не приходилось. Серго и Камо принялись укладывать прокламации в припасенные корзинки кинто. Внизу — листовки, сверху — зелень, яйца,

лаваш, прочая снедь.

Около полудня Серго с друзьями из фельдшерской школы затесались в многотысячную толпу армян, татар, персов, грузин, русских, запрудивших двор кафедрального Ванкского собора. Это было единственное место, где полиция не смела разгонять тифлисцев, потрясенных, разгневанных национальной резней, спровоцированной властями в городах Бакинской губернии. Юноши быстро роздали одну, вторую, третью тысячу прокламаций. Камо притащил еще несколько увесистых пачек. Их также нетерпеливо расхватали. В первые минуты люди по привычке оглядывались, косились на соседей, потом листовки стали читать открыто, группами, вслух. Прежде чем разойтись по домам, приняли клятву сообща «бороться с дьяволом, сеющим рознь между нами».

Впереди вторая бессонная ночь. Комитет снова поручил двум друзьям напечатать прокламации и распространить их у собора. Там толпа побольше вчерашней. Запружены прилегающие улицы и переулки. Все возбуждены, шумно перекликаются, чего-то ждут. У многих в руках прокламации большевиков, отпечатанные на четырех языках. Двенадцатитысячного тираж оказывается непомерно малым.

Как и накануне, выступают представители высшего духовенства армян и татар, либералы разных национальностей. Их слушают без интереса. Сегодня уже не они задают тон. Святым отцам боязно. Людская река слишком полноводна и яростна. Вот-вот она вырвется из берегов. Уже кто-то подает добрый совет:

— Пойдем к Сионскому грузинскому собору, к главной мечети, на персидское кладбище и всюду поклянемся любить друг друга.

Десять или двенадцать тысяч грозно подхватывают:

— Пошли! По Дворцовой и Головинскому проспекту![11]

Все строятся в ряды. Толпы больше нет.

Это неожиданно и для большевиков. Тифлисский комитет к демонстрации не готовился Времени на раздумье нет. Камо отыскивает Серго, торопливо бросает:

— Надо устроить настоящую социалистическую демонстрацию.

Серго готов. Он зовет:

— Бежим в караван-сарай. В мануфактурных рядах у меня есть знакомый приказчик. Наш имеретин. Он даст красной материи.

— Вай, молодец, — одобряет Камо. — Демонстрация без красного знамени — что джигит без коня!

Земляк без лишних расспросов отрезал, подал Серго три

аршина кумача. Нашлась и палка взамен древка. Что еще? Серго торопливо большими буквами пишет мелом на кумаче: «Долой самодержавие! Да здравствует социалистическая революция!»

Теперь знамя вполне готово. Камо прячет его под широкую полу пальто, и оба друга бегут догонять демонстрантов. Те как раз огибают Эриванскую площадь, приближаются к дворцу наместника. Самое подходящее место поднять красный флаг и сказать речь.

— Я старше, — неожиданно и очень твердо напоминает Камо, — и ты слушай меня, Серго. Сразу двоим рисковать не нужно. Меня схватят, продолжишь ты!

Серго покорно кивает головой. Он знает: в таких случаях Камо неумолим.

В передних рядах Камо высмотрел двух рослых парней, хорошо ему знакомых. Попросил их пригнуться, стал им на плечи и развернул знамя…

Недели полторы спустя Миха Цхакая, собиравшийся в Лондон на III съезд партии, втолковывал приунывшему Камо:

— Ну, пойми же ты, упрямец! Ленин обязательно потребует самого подробного рассказа о демонстрации четырнадцатого февраля, а из тебя каждое слово надо тащить клещами.

Камо взмолился:

— Батоно Миха! Лучше я тебе достану еще один заграничный паспорт.

Миха не выдержал, рассмеялся.

— Какой хитрец! За паспорт тебе огромное спасибо… А сейчас не мучай, рассказывай.

— Клянусь, я в первый и в последний раз в своей жизни произнес речь, — сообщил для начала Камо. — Говорил я по-грузински, мало-мало сам переводил на армянский и русский. Объяснял, кому нужны погромы. Указал на всех националистов, как махровых, так и немножко красных. Все эти националисты — армянские, грузинские, татарские, которых до того в толпе было много и которые усердно ораторствовали во дворе кафедрального собора, — теперь исчезли. Они боятся красного знамени, как сова дневного света. Публика подтвердила — правильно!

Возле типографии газеты «Кавказ», где рабочие остановили машины и вышли приветствовать демонстрацию, ко мне сзади подкрались филер и околоточный надзиратель. Серго крикнул, бросился на филера. Околоточный схватил меня за пальто. Я, как уже говорил, стоял на плечах товарищей. Оглянулся, ударил околоточного в зубы. Он упал. Я тоже, лицом в землю. В ряды врезались казаки, им приказали захватить знамя. Я и околоточный лежали под ногами казачьих лошадей, они

оказались приличнее своих хозяев и нас не раздавили. Эскадрон промчался.

Я — живой. Поднялся, полез на забор. Подоспел казак, ударил шашкой. По счастью, попал в руку, не в голову, как целил… Дальше слушать нечего. Перелез через забор. Увидал, на фаэтоне едет кинто. Я к нему. В подвале выпили по стаканчику вина. Кинто провел меня переулками в Темные ряды, оттуда на Хлебную площадь, там, знаешь, явочная квартира… Серго я больше не видал, — упавшим голосом добавил Камо, вытирая лицо большим пестрым платком.

— Да, вам встречаться больше не надо, — подтвердил Миха. — Серго уже предупрежден. Тебе придется заняться нелегальной оружейной мастерской, сейчас оружие нужно больше всего… Серго пусть спокойно заканчивает свою школу. Осталось совсем немного… Он нам нужен для Западной Грузии.

Серго сдавал выпускные экзамены, когда в Лондоне открылся III съезд РСДРП. Кавказ сразу привлек внимание съезда. Была даже принята специальная резолюция о положении в Польше и на Кавказе. По традиции, по строгим правилам конспирации, Миха не называл никаких имен. Другое дело задушевные беседы с Лениным во время совместных прогулок по Гайд-парку и набережным Темзы. Тут уж Миха раскрыл душу. Раз, другой — кто считал — повторил имена своих расправлявших крылья питомцев. И на будущее планами поделился.

— Товарища Ноя оставляем в Белогорах, Камо — в Тифлисе, его молодого помощника Серго устроим на Черноморском побережье. Туда и надо будет адресовать транспорты с оружием.

События так разовьются, что все три молодых кавказских революционера прочно войдут в жизнь Ленина. Ильич признает: Миха не ошибся, это действительно очень стоящие, архитвердые люди.

3

К ночи дождь разъярился. Хлестал по крышам. Свирепо стучался в окна домов, сгрудившихся на берегу живописной бухты. Затяжными дождями, штормами отличался октябрь 1905 года.

Благонравные обыватели внимали совету князя Джандиери — засветло возвращались из кофеен, навешивали на двери замки, накидывали цепочки. Плотно поев, прилежно смотрели сны под перинами из овечьей шерсти…

За шумом ливня никто не уловил, как скрипнула дверь одноэтажного деревянного дома, где помещалась единственная в городке Гудауты больница на шесть коек и квартировали два фельдшера и акушерка. Поплотнее закутавшись в морской клеенчатый плащ и надвинув капюшон, человек шагнул в темноту. Под ногами зачавкала немощеная, раскисшая улица. Незнакомец обогнул церковь, торговые ряды, выбрался на Сухумскую дорогу. Здесь ночной путник остановился, постоял. Потом решился, взбежал на крыльцо дома некоего Квиташвили. Дернул двери. Никто не отозвался. Пришелец забарабанил в двери, в окно. Наконец звякнула щеколда.

Вслед за угрюмо молчавшим хозяином гость вошел в комнату. У грубо сколоченного, ничем не покрытого стола сидели еще двое мужчин. Все вопросительно и нетерпеливо уставились на пришельца. Он сбросил плащ, привычно потеребил черную шевелюру пальцами. Звонким голосом представился:

— Фельдшер местной больницы Орджоникидзе.

Никто не отозвался.

Парень придвинул к себе табуретку. Усаживаясь, как. бы между прочим заметил;

— Товарищи, вы плохие подпольщики. Все попрятали, а носы ваши сразу показывают, что вы с гектографом дело имели.

Гость заливается, хохочет. Хозяева не в силах скрыть смятение, да и на лицах действительно очень уж заметны следы краски и химических растворов. Один из сидевших у стола — портовый грузчик — вскочил, схватил фельдшера за косоворотку:

— Ты что болтаешь?!

— Наша грузинская пословица говорит: друга ругай в лицо, а врага за спиной, — спокойно напомнил Серго. — Я прислан к вам бюро Сухумской социал-демократической группы.

…План Миха Цхакая, изложенный им в Лондоне Ленину, начинал осуществляться. Серго действительно получил работу в

Гудаутах. Только немного позднее. Первые же месяцы после окончания фельдшерской школы неожиданно пришлось провести в дорогой сердцу Верхней Имеретии. В местах, где прошло детство и где вместе с мальчиком Самуилом Буачидзе он повторил клятву Александра Герцена и Николая Огарева.

Не обошлось без недоразумения. Связной доставил в Белогоры Буачидзе сообщение губернского подпольного центра: в уезд едет из Тифлиса опытный пропагандист, гроза меньшевиков. Вскоре Самуил обнимал своего самого близкого друга — Серго. Молодые, полные сил, чудесно настроенные, они отчетливо видели близкую и полную победу, после которой Самуил займется народным образованием, Серго — медициной. Обоим любимые женщины подарят множество ребят. Хорошо бы мальчиков. Увы, все это оказалось несбыточной мечтой!

Пока что друзья энергично громили меньшевиков. Серго полностью оправдывал свою репутацию. Он в самом деле был грозой для отступников, для тех, кто в своих речах твердил, что «не надо готовиться к восстанию, не надо организовывать революцию, может, она будет через пятьдесят, а то и через сто лет». Крестьяне отвечали с усмешкой: «В таком случае приходите после и учите наших детей и внуков, а теперь для нас вы, меньшевики, лишние».

По воле случая одним из самых злых противников Серго оказался его коллега, также питомец фельдшерской школы, Абесалом Чичуа. Собрав силы со всего уезда, запросив подмогу из Кутаиса, меньшевики решили дать бой Серго на горе Марьямцкаро, вблизи Гореши. На митинг пришло несколько тысяч крестьян, празднично одетых, с красными знаменами.

Абесалом Чичуа неистовствовал. Исчерпав все «доводы», он попросту призвал:

— Заткните рот этому дворянскому сынку! У него своя тайная цель — ему нужна ваша кровь. Потому он зовет к восстанию.

Подручные Чичуа — Микадзе и Катамадзе — выхватили револьверы, направили на Серго:

— Сейчас же уходи, или застрелим!

На защиту Серго бросились десятки крестьян. Они вмиг отняли револьверы, скрутили руки Микадзе и Катамадзе.

Серго попросил:

— Не надо их трогать. Они мне очень помогли, хорошо показали, что за люди меньшевики…

В середине сентября Орджоникидзе отправился в Абхазию. Опять, как и в первый год занятий в фельдшерской школе, путь к «пастве» Серго показал Ражден Чхартишвили. Он работал в

лечебнице профессора Остроумова. Там, в приемном покое, удобнее всего было устроить встречу вновь назначенного гудаутского фельдшера с руководителем Сухумской группы большевиков Леваном Готошия.

…У маленьких Гудаут было огромное достоинство. Городок расположился в самом центре Сухумского округа. Больничка на шесть коек обслуживала все побережье нынешней Абхазии. Это давало молодому фельдшеру возможность, не вызывая подозрений, посещать Гагры, Новый Афон, проводить тайные сходки абхазских крестьян в Лыхнах, Дурипше, Ачандарах. По меткому замечанию Серго, он лечил большей частью здоровых!

И «лекарства» фельдшер Орджоникидзе выписывал также весьма своеобразные. «Рецепты» печатал на гектографе в Гудаутах. Случалось, и в типографиях Сухума, Сочи. Старался, чтобы как можно больше пациентов вовремя узнали:

«Тифлис, Батум, Баку, Кутаис, Поти — весь Кавказ бастует, протестуя против жестоких разорений… Чувство гражданского долга, чувство солидарности подсказывает и нам, граждане и товарищи, стать на защиту разоренных деревенских жителей, освободить деревни от экзекуции, удалить войска».

К концу октября до Тудаут благополучно добрался манифест о дарованных царем «свободах». Объявить высочайшую волю безмерно осчастливленным подданным приказано было казачьему есаулу Майме-вову. Полицейские обходили кофейни и лавки, стучались в дома.

— Спешите на Приморский бульвар, господин есаул будут читать казенную бумагу.

В список ораторов, составленный есаулом, заведующим полицейской частью, и владельцем четырех тысяч десятин земли князем Маргания, фельдшера Орджоникидзе не внесли — лицо слишком незаметное. А обойденный вниманием фельдшер быстро собрал своих пациентов — портовых рабочих, матросов, таможни, дрогалей, кузнецов, чувячников. Все они явились на бульвар. Матрос Василий Конджария и сапожник Ладо Горгошидзе деликатно сняли со стола, заменявшего трибуну, князя Маргания. На его место поднялся фельдшер в своей неизменной черной косоворотке, перетянутой узким пояском, с соломенной шляпой в руках.

«Дворянин Кутаисской губернии Григорий Константинов Орджоникидзе, имевший 19 лет от роду, — составлял потом обвинительный акт товарищ прокурора Тифлисской судебной палаты Москалев, — произносил в местечке Гудауты речи, в которых призывал народ к неплатежу податей, к отказу в поставке рекрут, к уничтожению администрации и полиции, к

низвержению царя, который является „первым врагом народа“, к разделению земли поровну между всеми».

Товарищ прокурора задумался, взвесил, насколько это будет благоразумно, наконец дописал: «Означенный Орджоникидзе заканчивал свои речи отвратительными призывами: „Долой Николая Второго! Дзирс Николози!“

Да, в этом маленьком удовольствии Серго себе не отказывал. Раз или два в день он обязательно напоминал в полный голос, так, чтобы было слышно далеко окрест:

— Дзирс Николози!

Из Гудаут до Николоза добраться было просто невозможно. И поэтому после торжественного сожжения манифеста и портрета царя и разоружения полиции Орджоникидзе занялся организацией революционной власти. Так же, как его друг Буачидзе в Квирильско-Белогорской республике. Позднее до них обоих дойдут слова Ленина: „Некоторые города России переживали в те дни период различных местных маленьких „республик“, в которых правительственная власть была смещена и Совет рабочих депутатов действительно функционировал в качестве новой государственной власти. К сожалению, эти периоды были слишком краткими, „победы“ слишком слабыми, слишком изолированными“.

В помещении большой портовой кофейни обосновался „комитет по заведованию нуждами местного населения“. Там же заседали общественные судьи, избранные на общегородском митинге.

Свою помощь по охране порядка любезно предложил есаул Маименов. Он уверял, что отряд в сто двадцать казаков им срочно затребован единственно для охраны Гудаут от погромщиков и мародеров. Это его долг лояльного гражданина.

— Ну, в таком случае у вас есть отличная возможность проявить свои гражданские добродетели, — откликнулся Серго. — Прикажите казакам побыстрее оседлать коней и убраться из Гудаут.

Есаул заупрямился:

— Я такой же полноправный гражданин, как вы, фельдшер. Требую народного голосования!

— Извольте, — согласился Серго. Проголосовали дружно: пусть казаки немедленно убираются!

Неодолимую потребность побеседовать с согражданами почувствовал и начальник округа князь Джандиери. В Новом Афоне он оставил конвой. Генеральский мундир заменил поношенным костюмом из гардероба полиции. Тихонько явился на сход абхазцев Гудаутского участка. Князь попросил слова. Ему

отказали. Он повторил просьбу. С дрожью в голосе уверял, что он абсолютно недоволен царем и мечтает об освобождении Кавказа.

— Я друг народа, член партии социал-федералистов.[12]

Серго не вмешивался, ждал.

— Граждане, — заливался Джандиери, — разве кто-нибудь из вас допустит отчаянную глупость — сломает старый дом, прежде чем готов новый? Почему же вы не бережете святых свобод, священных прав, дарованных вам… э… конституцией… Для собственной пользы абхазское население ни в коем случае не должно примыкать к существующим… э… противоправительственным движениям!

Серго одним прыжком вскочил на чью-то арбу — дольше он терпеть не мог.

— Перед вами переодетый жандарм. Пусть объяснит, за какие заслуги он, бывший помощник пристава, стал генералом. Пусть скажет, сколько наших товарищей отправил на виселицы и в Сибирь, сколько семей он обездолил, сколько крестьянской земли прибрал к рукам!.. Ваша воля — слушайте царского лакея, а я ухожу.

Вмешался Осман Джения, участник восстания крестьян старинного абхазского села Лыхны, незадолго до того вернувшийся с каторги.

— Фельдшер говорит правду! Шакал не может быть другом человека. Пусть убирается, мы еще не разучились бить зверя.

Крестьянские комитеты,[13] ради которых фельдшер Орджоникидзе так энергично навещал своих „больных“, проводя целые дни в разъездах, принялись делить землю. В долины, на плодородные угодья, отнятые у помещиков и князей, переселялись абхазцы, загнанные царскими властями в бесплодные каменистые ущелья и на гололобые горы. Одновременно были отменены все подати и налоги, в том числе и издевательский „христовыи налог“, установленный для всех лиц нехристианского вероисповедания.

„Политическое состояние, — доносил наместнику заведующий полицией на Кавказе генерал-лейтенант Ширинкин, — приняло характер не просто „анархии“, более или менее всегда поддающейся воздействию военной репрессии, а какого-то особого государства из самоуправляющихся революционных общин, признающих лишь власть революционных комитетов и ныне запасающихся оружием для открытого восстания… Происходящие события настолько поразительны на общем фоне государственного строя империи, что иностранцы специально приезжают на Кавказ с целью ознакомиться на месте с новыми формами русской государственности“.

Что же, генерал от полиции знал правду. Оружием запасались из всех источников и к восстанию готовились энергично. 17 ноября на прием к популярному фельдшеру явилось особенно много страждущих. И свои, гудаутские, и приезжие — Богателия, Куция с Гагринской климатической станции, Поярков и Гречкин из Сочи. Были и гости из Сухума-Ражден Чхартишвили и Леван Готошия.

Много времени спустя казачий сотник Буткевич каким-то образом выведал, что в приемном покое заседал тогда штаб восстания. Начаться оно должно было после того, как к берегам Абхазии пришвартуется зафрахтованный революционерами пароход „Сириус“. В его трюмах — ящики с винтовками, револьверами, бомбами, цинки с патронами. Красные дружины ждали сигнала.

Рейс „Сириуса“ проходил несчастливо. Корабль попал в жесточайший шторм, менял курс, чинился — безвозвратно потерял несколько самых нужных дней. Сухумский и Черноморский округа уже были объявлены „на положений чрезвычайной охраны“. По всем дорогам стягивались казачьи полки, артиллерия, карательные отряды. В довершение бед почти у самой цели „Сириус“ нарвался на пограничную стражу. После небольшой перестрелки пароход снова ушел в открытое море, курсировал вдали от берега, покуда к его борту не подошли два баркаса с низко срезанными парусами — черноморские фелюги. На них перегрузили оружие. Одна фелюга направилась к югу — в сторону Поти. Вторая причалила у села Алахадзы. Отсюда винтовки и боевой запас для красных сотен Серго переправлял на лодках.

Беда грянула к вечеру двадцать четвертого декабря.

Лил дождь, бушевало море. Серго на низко осевшей под тяжелыми ящиками рыбачьей шаланде поплыл к Гудаутам. На веслах сидели два дружинника. Вблизи маяка заколебались — как бы не нарваться на военный кордон.

— Остановимся лучше у Бомбор,[14] - решил Серго, — там берег пустынный, поросший кустарником. Вы подождете, я схожу в Гудауты, позову людей, дроги достану.

В городке Орджоникидзе быстро собрал товарищей, снарядил две подводы. Поспешил назад в Бомборы.

Как ни спешил, а шаланда исчезла. Побежали дружинники в одну, в другую стороны — нет нигде. Только зоркие глаза матроса Конджария заметили, что на волнах бьется какое-то суденышко. Взлетит на белые гребни и снова провалится в пучину.

Потом узнали: для большей надежности гребцы решили

перевести шаланду в маленькую уединенную бухточку. Отошли от берега. Разбушевавшееся море давай с ними забавляться…

Конджария, Серго и еще несколько человек бросились в воду, обжигающе холодную. Добрались до шаланды, ухватились за нее, вытащили на берег. Стали делить оружие. Получил — уходи скорее и схорони винтовку понадежнее.

Вскрыли последний ящик. Чтобы немного размяться, озябший Серго взбежал на песчаный холмик. Невольно бросил взгляд вперед. Вдоль каменистого берега, где обычно никто не ездил, скакали верховые. Развевались башлыки.

— Казаки!

Оставалась одна-единственная возможность. Серго, Ладо Горгошидзе, два или три других гудаутца сели на дроги, погнали навстречу казакам. Пока те будут расспрашивать, кто да зачем, остальные дружинники унесут оружие. Всадники приближались. Ладо предложил:

— Говорите, что мы искали разбойников, укравших корову у жителя Гудаут Квачантирадзе. Иван поймет…

Нарочно, чтобы привлечь к себе внимание казаков, свернули с дороги, метнулись туда, сюда. Горгошидзе спрыгнул с дрог, отбежал в сторону.

— Стой, ни с места!

Защелкали затворы. Прибывший накануне Лабинский полк мог представить первую реляцию. В герои дня попадал младший урядник пятой сотни Евлампий Бойков. Он всех отхлестал нагайкой и приволок в казарму. В казармах снова били нагайками, прикладами, выкручивали руки…

Завертелась государственная машина.

Помощник начальника Кутаисского губернского жандармского управления ротмистр Ушинский вызвал из тюрьмы к себе в кабинет Серго и десять арестованных дружинников. Тотчас же появился князь Джандиери, теперь в полной генеральской форме.

— Прошу опознать арестованных, — предложил ротмистр князю.

— Они, безусловно, они! — поспешил услужить Джандиери. Подойдя вплотную к Серго, князь вполголоса быстро сказал ему по-грузински: — Дай слово, что ты не скажешь жандарму о моей принадлежности к социал-федералистам. Забудем, что говорили на митинге!

Серго улыбнулся.

— А ты тем временем меня с головой продашь, да?

— Молчи! Я дам выгодные для тебя показания… Отвернулся и весьма непринужденно обратился к ротмистру:

— Прошу прощения! Это имеретинский дворянин Орджоникидзе, он почти не понимает по-русски, так я ему внушал, чтобы он вел себя достойно, показывая правду. Фельдшер Орджоникидзе, — импровизировал князь, — хотя и придерживается революционных взглядов, но не главный агитатор… Оружия я в его руках не видал. В приватном разговоре он доказывал, что правовой порядок уже не существует и каждый волен действовать по своему усмотрению. Возмутительно, да ведь что спросишь с несовершеннолетнего горячего грузина!

Ротмистр бегло опросил арестованных: — Что вы делали на берегу двадцать четвертого декабря?

Восемь ответили:

— Искали разбойников, укравших корову… Искали корову…

Двое оказались самозабвенными рыболовами. Последний, одиннадцатый по счету, направлялся к родственнику. Увидал толпу, заинтересовался, подошел поближе. Тут его схватили казаки.

Ротмистр больших профессиональных талантов не проявил. Он приказал отвести всех арестованных обратно в тюрьму. А так как тюрьма уже была переполнена, то всех одиннадцать втиснули в одну камеру № 5. Никто им не мешал как следует договориться о деталях, включая кличку и масть несуществовавшей коровы.

Двадцать девятого декабря ротмистр Ушинский записывал показания Серго, якобы с большим трудом подбиравшего русские слова:

„Виновным в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве строя и заведомо имевшем в своем распоряжении склад оружия, я себя не признаю.

Я нахожусь в Гудаутах с 26 сентября этого года. 24 декабря я, по окончании занятий в лечебнице, вышел по направлению к центру местечка, где находятся лавки, и там заметил необычайное движение. Из расспросов оказалось, что у жителя Гудаут Ивана Квачантирадзе украли корову. Квачантирадзе хороший человек, обременен большой семьей. Из сочувствия к нему многие отправились искать его корову. Не известный мне по фамилии человек предложил сесть на дроги и ехать вместе с ним на поиски. Вскоре у того человека заболел живот, он по нужде спрыгнул с дрог. Я поехал один за другими подводами. Фамилии дрогаля я также не знаю. Грузины фамилии употребляют очень редко.

Когда мы проехали село Бомборы и спустились к берегу, я слез с дрог и остался на берегу, где и находился около получаса. Приблизительно был третий час пополудни. Затем из лесу ко мне

подошел матрос таможни Василий Конджария. Потом еще два человека. Кто такие, не знаю, раньше встречаться не приходилось. Все они сказали, что также разыскивают украденную корову.

Все мы вместе прошли несколько далее в сторону Гагр и заметили около берега фелюгу. А на берегу против нее человек пять или шесть, узнать которых я не мог вследствие дальности расстояния. Также потому, что, увидев нас, они тотчас разбежались, а фелюга отчалила от берега. На том месте, где находились эти люди, мы нашли разбитый ящик, в котором оказались три или четыре винтовки, а кругом были разбросаны пачки патронов. Винтовки эти хотел было взять с собой на таможню матрос Конджария, но другие мои спутники объяснили, что они принадлежат к охране князя Маргания и желают иметь новое оружие. Старые винтовки отдадут управляющему имением князя. Я же положил себе в карман лишь одну пачку патронов без всякой определенной цели.

По дороге, при обратном нашем следовании на дрогах, к нам подошли, это было возле леса, Владимир (Ладо) Горгошидзе, Ахмет Бекир-оглы и еще один человек. Они спросили, не нашли ли мы корову. Я ответил: „Вот что нашли“, показывая пачку патронов. После мы все направились в Бомборы. На дороге пачку патронов взял у меня Горгошидзе.

Не доезжая села, поблизости от берега моря, нас остановили казаки. Их было шесть человек или больше. Они спросили, зачем мы едем. Мы ответили, что разыскивали корову, а на вопрос — откуда у нас ружья? — один из охраны князя Маргания ответил, что ружье принадлежит ему, как милиционеру, а другое — его товарища. Третье ружье унес Конджария, которого в то время с нами уже не было, он пошел в Гудауты по тропе.

Казаки нас оставили в покое, и мы продолжали путь, но вскоре они опять нас настигли и арестовали. При аресте один из казаков ударил меня по лицу, а затем всех нас, в том числе и меня, били нагайками“.

Били нагайками!.. Всего два месяца назад царь милостиво даровал народу „незыблемые основы гражданской свободы“. В манифесте все обстоятельно перечислено: „действительная неприкосновенность. личности, свобода совести, слова, собраний и союзов“.

Написать бы на каждом экземпляре манифеста: „Дзирс Николози!“

Ротмистр пододвинул Серго аккуратно пронумерованные листы.

— Обвиняемый, поставьте свою подпись.

В тюрьме ждала горькая новость. В соседнюю камеру к

уголовникам посажен Леван Готошия. Ему грозит смертная казнь за „покушение на жизнь унтер-офицера полицейской стражи Сухумского округа Муркузана Чирикбая“.

…Ротмистра осенила идея. Поехать в Гудауты, спросить у самого Квачантирадзе: а была ли у него корова? Если присягнет, что была, то как выглядела, ее подробные приметы. Отдельного корпуса жандармов ротмистра не проведешь!

Чувячник Иван Квачантирадзе, один из первых пациентов Серго, смиренно и очень обстоятельно описывал его высокоблагородию, какой чудо-коровы он, Иван, лишился.

— Второй такой ни за что не найти, — твердил бедняга.

„Дело несрочное, — решил ротмистр, — пусть посидят. Какую-нибудь статью потихоньку подберем. С революцией, слава богу, покончено…“ Газета „Кавказ“, пользующаяся постоянным покровительством властей, воспроизвела телеграмму царя наместнику: „С чувством полного удовлетворения прочел я ваше последнее донесение о мерах, принятых вами для подавления мятежного движения на Кавказе“.

На допросы больше не звали. Лишали передач, свиданий. Отказывали в прогулках, даже в нарах, на которых можно было бы приткнуть голову; в переполненных камерах люди валялись на полу.

Серго передал записку Левану:

„В наших руках еще остается оружие — голодовка“.

„Нас двоих мало, — ответил Леван, — присоединятся ли другие?“

— Восемь… Девятнадцать… Двадцать семь… Сорок три! — начальник тюрьмы со всем штатом надзирателей обходил камеры, не скрывая интереса, считал, сколько „политических“ отказалось принять пищу.

Голодовка! Такого никогда не бывало в стенах сухумской тюрьмы, хотя она неплохо служила еще турецким пашам…

На четвертый день голодовки начальник округа князь Джандиери рекомендовал полицейскому и тюремному начальству:

— Все в руках всевышнего. Попросите тюремного священника, пусть батюшка объявит узникам, что благодаря заступничеству святой церкви власти готовы явить милость — разрешают прогулку, передачи, свидания. Не всем! Надо быть более гибкими — кому пряник, кому виселица! И время надо уметь выбирать.

Среди тех, кому разрешили свидания, неожиданно оказался Серго. Его навестил Ражден Чхартишвили. Радость двойная.

Однокашник и один из немногих, оставшихся на свободе большевиков. Наконец восстанавливается связь с партией.

— Надо ухитриться, Ражден, — настаивает Серго, — передай нам хотя бы пару лобзиков и запасные пилки к ним. Организуем побег смертников, тех, кто уже осужден на виселицу.

Лобзики и пилки Ражден передал, их запекли в пышные домашние пироги. В камере, где сидел Серго, немедля, распилили половицы, начали рыть подземный ход к тюремной стене. Вынутой землей набивали карманы, с тем чтобы потом выбросить в уборной. Работали круглые сутки. Особенно энергично по ночам. Как только очередная смена спускалась, дыру тщательно прикрывали половицами, сверху бросали тюфяк и кто-нибудь ложился.

Через два месяца добрались до наружной стены. Приговоренный к смерти террорист Кадейшвили и Серго вытащили первый камень…

Разные слухи впоследствии ходили. Не то часовые услышали шум под землей, не то донес кто-то из уголовников. Было подозрение и на одного социал-федералиста, знакомца Джандиери.

Среди ночи прокурор, начальник тюрьмы, надзиратели начали обыскивать камеры. К счастью, камера Серго была пятой по счету. Всех „землекопов“ успели вернуть. Улеглись как ни в чем не бывало.

Напрасно выходил из себя господин прокурор, брызгал слюной, стучал кулаками. И начальник тюрьмы понапрасну тыкал в лицо заключенным выпиленные половицы. Узники на все лады твердили одно и то же:

— Ничего не знаем.

— Наверное, так было до нас…

Взбешенный прокурор приказал: всех рассадить по одиночкам. Наиболее подозрительных — в карцер! Начальник тюрьмы развел руками.

— Никак невозможно. Нехристи, будь они неладны, поставили тюрьму всего на тридцать арестантов. У меня, вам известно, двести двадцать пять. Каждый день пригоняют новых.

После переполоха Серго попал в одну камеру с Ладо Горгошидзе, Леваном Готошия и двумя другими смертниками — Кадейшвили и пожилым крестьянином абхазцем. Вскоре их обоих повесили во дворе тюрьмы. Много дней не снимали тела.

Нервный, впечатлительный Готошия не выдержал. Едва наступала темнота, его мучили кошмары. Леван бился в судорогах, бесконечно повторял: „Вешают, снова вешают!“

На неделю Готошия перевели в тюремную больницу, после

снова втолкнули в камеру. Он становился слишком обременительным для тюремщиков. В таком состоянии его не полагалось отправлять на виселицу или хотя бы на каторгу. Левана Готошия можно было просто застрелить.

Полицейский офицер Якубович щедро угостил водкой солдата первогодка Шалагина. Когда тот как следует опьянел, поставил его часовым во дворе против окна камеры Готошия. Приказал: „Не оплошай, только сумасшедший начнет кричать и трясти решетку, сразу стреляй“. Пуля попала Левану в голову. Через час он скончался.

Снова голодовка. Третья за неполных полгода. Самая долгая и самая мучительная. Восьмой день. Уже не тошнит. Совсем не хочется есть, и по ночам Серго больше не снится богатый имеретинский стол. Только очень трудно пошевелиться. Обязательно надо заставить себя встать, выйти на середину камеры, рассказать что-нибудь веселое. Еще лучше затянуть песню. Голос ослаб — ничего, товарищи услышат. Они любят эти слова, написанные таким же узником, брошенным в карцер… Серго был еще очень мал, когда тот русский человек уже боролся.

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа.
Дети семьи трудовой.
„Братский союз и свобода“ —
Вот наш девиз боевой!

О голодовке узнали на воле. Ражден Чхартишвили использовал родственные связи с влиятельным судовладельцем и экспортером табака Маглакелидзе. Ражден знал, как воздействовать на старика, стремившегося на исходе жизни прослыть благотворителем.

— Понапрасну обвиненный юноша — дворянин… в раннем детстве лишился матери и отца. Сейчас умирает в тюремной камере от голода. Честь ему дороже жизни!

Маглакелидзе и его компаньон Церцвадзе согласились поручиться за Серго имуществом на две тысячи рублей. Прокурор потребовал еще пятьсот рублей наличными. Внесли и их.

Серго отдали на поруки. До суда он обязан был неотлучно находиться в Гореше под присмотром старшины сельского общества.

4

Чувствую себя хорошо, хожу по улицам, прислушиваюсь к говору на немецком языке. Теперь уже сам могу купить хлеб, бумагу, марки и т. п. мелочь. Берлин — город огромный, с красивыми, садами, в которых воздвигнуты памятники здешним всевозможным тиранам, начиная с XII века. Это портит естественный вид здешних садов.

Новый телеграфист станции Елизаветполь Тарасий Орджоникидзе читал и перечитывал открытку с яркими заграничными марками. Впервые за все это беспокойное, хлопотное лето Тарасий широко и облегченно улыбнулся.

— Гора с плеч! Серго за границей. Тут же вздохнул.

— Все-таки Серго слишком рискует. Беспрестанно подставляет голову. И я хорош, фальшивый паспорт ему добыл. Сибирью пахнет. Говорил, за границей долго останется, учиться хочет. Ну, дай бог!

В Берлине Серго делился с Филиппом Махарадзе, одним из организаторов Кавказского союза РСДРП:

— Учиться мне надо. Слишком многого я не знаю. Не читал. Не слышал.

— Постараюсь тебе помочь, — пообещал Филипп Евсеевич. — Похлопочу через немецких социал-демократов. По законам их страны ты можешь получать стипендию, если представишь свидетельство о бедности.

В разгар хлопот, затеянных Махарадзе и его женой Ниной Прокофьевной,[15] в Берлин нагрянул Камо. Из Тифлиса он выехал почти одновременно с Серго, в конце лета 1906 года. По заданию боевой группы при Центральном Комитете РСДРП Камо побывал в Петербурге, Финляндии, Швеции, Германии. Последние недели провел в Льеже, на знаменитых бельгийских оружейных заводах.

Камо очень гордился своей ролью эксперта при председателе комиссии ЦК по закупке оружия Максиме Максимовиче Литвинове, тогда еще не подозревавшем о своем призвании дипломата и оратора. Но перед Серго Камо похвалился совсем другим:

— Имею специально для тебя, генацвале, кавказскую загадку. Один очень бедный имеретин слишком рассердился. Пошел утром в Квирилы в казначейство, что-то там сделал — двести тысяч рублей в руках! Сложил их в казенные кожаные мешки, запечатал казенной печатью с орлами и в самом хорошем виде прислал в Центральный Комитет… Ну, говори, как фамилия этого

имеретина?

Серго нетерпеливо попросил:

— Камо — генацвале, скажи лучше сам. Камо расхохотался.

— Как скажу, если не знаю! Максиму Максимовичу известна только его партийная кличка — товарищ Ной.

Серго схватил Камо, закружил по комнате.

— Теперь знаю! Хорошо знаю! Его зовут Самуил Буачидзе. Я с ним учился в Белогорах.

— Ничего, хорошим делам вас научили, — усмехнулся Камо.

— Максим Максимович рассказывал, — продолжал Камо, — положение тогда было самое плохое. В партийной кассе, как в наших карманах, — ни копейки. И вдруг двести тысяч сваливаются с Кавказских гор. Ленин посоветовал, я от него слышал в Финляндии, на все эти кавказские деньги закупить оружие.

— А в Берлин зачем ты снова вернулся? — спросил Серго.

— Где-то я должен тихонько ждать вызова в Болгарию. Там наше оружие и наша яхта. Все вполне легально. Болгарское правительство уверено, что винтовки и все остальное принадлежат македонской военной организации, посылаются в турецкую Армению для повстанцев.

Объяснять не приходилось. Все, что против турецких властей, пользовалось тогда в Софии полным сочувствием и поддержкой. Слишком много зла турки причинили болгарам…

— Так чего же вы ждете? Осенью на Черном море сильные штормы. Разве ты не знаешь? — пожал плечами Серго.

Камо побагровел.

— Мне зачем говоришь? Я не ЦК и не меньшевик бессовестный!

Камо прозрачно намекал на то, что после Стокгольмского — объединительного — съезда делами в ЦК РСДРП вершили меньшевики. От карательных же экспедиций, от чудовищных репрессий страдали-то преимущественно большевики. Против них была направлена вся лютая ярость властей.

Меньшевики, оправившись от первого испуга, решили: нет резона упускать то, что само дается в руки, грех не воспользоваться! Оки шумно, так, чтобы дошло до властей, предали анафеме сторонников вооруженной борьбы и принялись хозяйничать в обезглавленных социал-демократических организациях. И делегатов на съезд соответственно подобрали. От Грузии поехало десять меньшевиков… и один большевик.

Серго еще услышит от Ленина на занятиях партийной школы в Лонжюмо, близ Парижа.

— Запомнился, — говорил Владимир Ильич, — мне еще

один, по-видимому довольно крупный факт, связанный с определением состава съезда. Это — протест тифлисских рабочих (числом, кажется, до 200) против полномочий тифлисской делегации, которая была почти сплошь меньшевистская и по численности своей выделялась из ряда вон, доходя, кажется, до 11 человек. Протест этот читался на съезде и, следовательно, должен быть в протоколах.

Серго сразу вспомнил милейшего приобретателя Чичикова из «Мертвых душ». Улыбнулся: до чего же полное сходство! Меньшевики записали в «ревизские сказки», то есть в свои партийные списки, три тысячи чохоносцев и тариэлов мклавадзе. [16]

Одно к одному. И в большом и в малом все не так, как хотелось. От Литвинова никаких вестей. Ни обещанной телеграммы, ни простой открытки. Камо тревожился, ругался, клялся, что все к черту бросит… Женится на белокурой фрейлейн!

У Серго свои неприятности. Тарасий известил, что мачеха ходила к старшине за свидетельством о бедности, вернулась в слезах. По всему Кавказу разослана «розыскная ведомость» — «по обнаружении Орджоникидзе… его надлежит обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение Кутаисского губернского жандармского управления».

Доброжелательные немецкие социал-демократы не сочли за труд обстоятельно растолковать геноссе Георгию — так они называли Серго, — что в Германии очень уважают порядок. Без свидетельства о бедности они не могут себе позволить хлопотать о стипендии.

Серго нетрудно было продолжить: без стипендии он не может себе позволить поступить учиться. Просто не на что.

…В Тиргартене, на Унтер-ден-Линден, на Курфюрстендамм назойливо лезли в глаза таблички: «Осторожно, листопад!» С черных кудрей Серго — он, как истый кавказец, конечно, без шапки — за воротник легкого пальто стекают холодные струйки дождя. Тоскливо.

…Серго торопился. Перед массивной дверью Национальной библиотеки у него свидание с Камо. Пусть ответит, как мужчина, как революционер, честно ли дольше оставаться в Берлине, изучать труды философов, ходить на дискуссии, проводить вечера за приятными беседами?

А право есть на это у него, двадцатилетнего?! В строю осталось так мало бойцов! Не подумают ли товарищи, томящиеся в тюрьмах, что он, Серго, просто струсил, отсиживается за границей. Сейчас он скажет Камо:

— Если тебе необходимо, оставайся, жди… Я уезжаю, немедленно, завтра.

Первым уехал все-таки Камо.

«Выезжайте экспрессом. Дорог каждый час», — телеграфировал Литвинов.

Все, что предшествовало этому, Камо узнал уже в болгарском порту Варне.

— Видя, что делу, над которым я работал десять месяцев, грозит несомненный крах и что письмами и телеграммами на меньшевистский ЦК не воздействуешь, — объяснял Максим Максимович, — я вынужден был отправиться в Петербург. Там не без труда удалось вырвать от ЦК остаток закавказских денег, оказавшийся уже значительно урезанным. В Болгарию смог вернуться лишь поздней осенью, и благоприятное время оказалось упущенным…

Одиннадцатого декабря яхта «Зара» подняла болгарский флаг. Получила от капитана порта сигнал «добро» и вышла в море.

Накануне, втайне от всех, судовой кок Камо поместил в одном из рундуков с продуктами «адскую, машину».

— Когда не останется ни грана надежды — взрывайте, — напутствовал Литвинов. — Яхта. ни в коем случае не должна попасть в руки царской полиции.

Участвовать в скорой трагической гибели «Зары» Камо не пришлось, Свою роковую роль исполнили зимние штормы. Через двадцать часов после выхода из Варны гигантские волны, те, что принято называть девятым валом, раскололи корпус яхты. Вода хлынула в трюмы, машинное отделение, ворвалась в каюты…

Нескольких человек из экипажа «Зары» подобрали румынские рыбаки, доставили в порт Сулин, Дальше в Констанцу. Среди счастливцев и Камо.

А в Берлине впервые в жизни трудными мужскими слезами плакал Серго. Из немецких газет он узнал о гибели яхты, ее команды и оружия. Сначала балканская, затем вся европейская пресса с увлечением описывала таинственную трагедию «Зары». Следовали опровержения и контропровержения. Появилось даже интервью с директором департамента полиции Трусевичем. Он утверждал, что на борту, яхты было не менее двух тысяч винтовок, 650 тысяч патронов, много ящиков бомб и гранат. Правительству Болгарии Петербург заявил официальный протест.

Но почему Серго все еще в Берлине?

Придя, как он надеялся, в последний раз на мрачную набережную Шпрее, Серго застал в квартире Махарадзе немецкого врача. Нина Прокофьевна горько плакала. Доктор

пытался побыстрее выскользнуть за дверь, Филипп Евсеевич его не отпускал, бесконечно спрашивал:

— Скажите, можно надеяться?

Опасно заболела маленькая дочь Махарадзе — Русудан. Крупозное воспаление легких в тяжелой форме.

— Сам бог вас сейчас прислал, — сквозь слезы, сказала Нина Прокофьевна.

— Правда, Серго, ты же фельдшер, — подхватил Филипп Евсеевич, — я тебя никуда не отпущу.

У Серго не повернулся язык сказать, что он забежал на несколько минут — попрощаться, что в девять вечера с Центрального вокзала уходит его поезд.

Много бессонных ночей провел Серго, тщетно борясь за жизнь маленькой Русудан. Спасти девочку не удалось…

— Приедешь, низко поклонись от меня Тифлису, — попросил Махарадзе при прощании, — я тоже не задержусь в Германии.

В начале нового, 1907 года Серго вернулся в родные края. По доброму кавказскому обычаю осушил рог за благополучие и новые радости, а под окнами уже прогуливались филеры.

Отдельного корпуса жандармов ротмистр Заварицкий относился к своим высокополезным обязанностям несравненно серьезнее, чем его предшественник Ушинский. Новый ротмистр был энергичен и крут.

— Приказываю доставить этого беглого фельдшера живым или мертвым. Срок исполнения — сорок восемь часов, — предписал Заварицкий начальнику Гудаутского участка.

Ответ был неожиданным: «По имеющимся частным сведениям Григорий Константинович Орджоникидзе проживает в настоящее время в Вене».

Заварицкий бросился к товарищу прокурора Кутаисского окружного суда Васильеву, наблюдавшему за ходом дознания по гудаутскому делу.

Васильев снял пенсне, швырнул на стол.

— Ротмистр, мне не хотелось бы употреблять бранные выражения. Ваш гудаутский доноситель идиот… Орджоникидзе скрывается в Гореше, в доме своей мачехи. Его своими глазами видал старшина. Приставу в Харагоули послан приказ. Преступник, должно быть, уже находится под стражей. Позволю заметить, без вашего участия.

Харагоульский пристав и в самом деле окружил своими стражниками дом Деспине — мачехи Серго. Старшина по-свойски рекомендовал перепуганной женщине:

— Не бери на душу тяжкого греха перед богом и царем — покажи господину приставу, где ты спрятала злодея.

Деспине причитала:

— Святой крест целую, не знаю, где сын покойника Константина. Святой крест…

Мачеха ничуть не грешила. Под крышей ее дома пасынка уже не было. Едва стражники начали подниматься на гору Клдисдзири, где жили Орджоникидзе, крестьяне предупредили Серго, подсказали ему, где укрыться. Серго быстренько забрался в винодельню, принадлежавшую одному из вполне благонадежных соседей. Винодельня необыкновенная. Она очень искусно выдолблена в стволе старого раскидистого дерева. Пройдешь рядом, даже засветло, ни за что не заподозришь, что внутри дерева давильня — место, где начинается превращение солнечных ягод в вино. Сверху Серго еще заботливо забросали виноградными листьями.

К обоюдному удовольствию, революционера и оскорбленного прокурором жандармского ротмистра, шумная экспедиция харагоульского пристава ничего не дала. Серго по знакомым с детства тропинкам выбрался к Сурамскому перевалу, одолел его. Дальше уже поездом добрался до Тифлиса. Там было два подпольных центра. Закавказский объединенный областной комитет, сплошь из меньшевиков, и не очень многочисленная боевая группа ленинцев под скромным названием «Литературное бюро».

При первом же свидании «литераторы» Миха Цхакая и Степан Шаумян порекомендовали Орджоникидзе:

— Отправляйся в Баку. В Тифлисе тебя жандармы зацапают не сегодня, так через неделю. И Нам ты больше нужен в Баку — в городе ста пятидесяти нефтяных промыслов и своевольного, разноплеменного люда. Мы перебрасываем на Каспий все силы, дабы выбить меньшевиков из пролетарского центра края… Явки получишь у Алеши[17] в союзе нефтепромышленных рабочих.

В начале марта на промыслах Шамси Асадуллаева появился новый фельдшер. При поступлении он предъявил солидные рекомендации и произвел весьма благоприятное впечатление на господина управляющего. Ему вменили в обязанность проверять также санитарное состояние рабочих казарм, бараков и землянок. Своему помощнику Мешади Сафаралиеву фельдшер категорически приказал:

— Пришел рабочий — обязательно впусти. Буду спать — разбуди.

…В Черном городе на заброшенном промысле бушевали страсти.

— Мы здесь собрались рабочие, а вы всё интеллигенты! — выкрикивал человек в остро пахнувшей сырой нефтью куртке и в

латаных-перелатанных штанах из «чертовой кожи»; на ногах у него были постолы из сыромятной овечьей шкуры, стянутые на щиколотке ремешком. — Мы не понимаем того, что доступно вам, и вы подло хотите воспользоваться нашей темнотой!

Вскочил молодой человек с курчавой головой, в накинутом на плечи пиджаке.

— Спросите, пожалуйста, этого господина, кто он такой? Давно ли щеголяет в костюме тартальщика?

— Я протестую против личных выпадов, — взвизгнул оратор, — вы не имеете права нарушать конспирацию!

— Говори, кто ты такой?

— Кочи-погромщик!

— Провокатор!

— Молодого тоже надо потрясти, откуда взялся! — выкрикивали возмущенные голоса.

Молодой человек сбросил с плеч пиджак, раздражавший его, и охотно представился:: — Я - фельдшер на промыслах Шамси Асадуллаева в Раманах.

— Чох яхши адамди. Кароший человека, — подтверждали рабочие-тюрки.

— Мой сосед, — засвидетельствовал слесарь Василий Тронов, председатель союза нефтепромышленных рабочих.

Стало тихо. Серго тем временем вплотную приблизился к оратору.

— Почему проглотил язык, Сеид? Продолжай, ты красиво умеешь говорить, хорошо помог отступнику Исидору Рамишвили отнять у рабочих место в Государственной думе. Расскажи, какие интеллигенты хотят воспользоваться темнотой рабочих. Ты, твой друг Рамишвили, ваш общий покровитель граф Воронцов-Дашков?! Хотя до настоящих интеллигентов вам так же далеко, как и до подлинных пролетариев! — Вспомни, сколько лет я тебя ругаю. Мы встречались в Кутаисе, Чиатурах, Квирилах, Тифлисе, теперь в Баку. Всегда ты врешь, кривляешься, клевещешь. Всю жизнь подличаешь!

Мир ли чрезмерно тесен, или жизнь слишком склонна к предельно драматическим коллизиям, но еще много раз Серго будет жестоко схватываться с Сеидом Девдариани. После каждого политического столкновения взаимная неприязнь будет возрастать еще больше, вражда обострится, тем более что у обоих характеры грузинские — вспыльчивые. Молва признает их самыми заклятыми врагами. И в конце концов… секретарь Закавказского комитета правящей партии Серго Орджоникидзе предоставит возможность лидеру разгромленных меньшевиков подробнейшим образом изложить свои взгляды и претензии на

страницах центральных грузинских газет. Сеид признает свое поражение в публичной дискуссии, с тем чтобы тут же организовать тайный заговор. Девдариани схватят за руку, и тогда Серго сохранит ему жизнь.

Произойдет последняя встреча между ними. Девдариани горько пошутит:

— Ты что, вспомнил о гуманной специальности фельдшера, стараешься вырвать человека из лап смерти?

Серго ответит:

— Ты, Сеид, публицист, должен знать, народная мудрость говорит: бойся корову спереди, коня — сзади, а дурака со всех сторон. Поумней, пожалуйста!..

5

Все это написано в Баку. В разное время, при весьма несхожих обстоятельствах. Набросок статьи Серго, отрывок из рассказа слесаря Василия Тронова, протокол обыска и заключение товарища прокурора судебной палаты.

Если читать подряд, то покажется, что перед глазами кадры, смонтированные в манере современного кинорежиссера. Что-то существенное нарочито убрано в подтекст…

…Серго Орджоникидзе. «Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков».

«…Мы… стали готовиться к забастовке нефтепромышленных рабочих. Меньшевики выступили против забастовки, противопоставив ей совещание с промышленниками по заключению коллективного договора. Через несколько времени свыше двухсот рабочих делегатов ночью собралось в Балаханах. После опроса каждого представителя в отдельности выяснилось, что среди нефтяников колебание и что при таких условиях всеобщая забастовка не удастся. Перед нами опять стал вопрос о совещании с промышленниками… На собрании нашей фракции в одном из помещений Сабунчинской больницы (кажется, в прачечной) после довольно жарких дебатов нами было принято решение участвовать в совещании, при условии предоставления нам полной свободы печати, собраний, неприкосновенности личности, юридического признания профсоюзов, представительства рабочих и т. п. Это называлось совещание с гарантиями.

С таким решением мы пустились в рабочие массы. Меньшевики оказались одураченными. Выступать за гарантии они не решались, выступать против — значило без боя сдаться нефтепромышленникам. Так и не оказалось у них ясной и определенной платформы, и вся кампания прошла под нашим руководством.

Не помню, как власть ответила официально на: наши требования о гарантиях, но фактически, явочным порядком, нами была завоевана почти полная свобода. На собраниях совершенно открыто выступали наши ораторы, и их не смели арестовать.

Как-то в ту пору полицейские задержали Алешу. На второй день в меньшевистской печати появилось сообщение об аресте нескольких товарищей, в том числе л Алеши. Так и было написано: „Арестован Алеша Джапаридзе“. Власть знала, что знаменитый бакинский Алеша в ее руках, и, несмотря на это, вынуждена была через два-три дня освободить его.

В конце 1907 года начались собрания уполномоченных промыслов и заводов для выработки требований к промышленникам. Громадное большинство выборных оказалось на нашей стороне. Председателем был выбран рабочий-большевик Тронов, и около двух недель, в то время как по всей России господствовала черная реакция, в Баку заседал настоящий рабочий парламент. В этом парламенте открыто разрабатывались все требования бакинских рабочих, развертывалась нашими ораторами вся программа-минимум.

Долго продолжаться так не могло. Реакция докатилась и до Баку и беспощадно взялась за разгром бакинского пролетариата. Бакинской вольнице был положен конец. Я в то время уже вторично сидел в тюрьме».

…Что-то сугубо официальное. В правом верхнем углу большими буквами:

> «СЕКРЕТНО
> АРЕСТАНТСКОЕ
>
> Начальнику Бакинского губернского жандармского управления.
>
> Представляя настоящий протокол обыска со всем обнаруженным, докладываю, что по сведениям агентуры назвавшийся Григорием Орджоникидзе есть личность нелегальная. Названный Орджоникидзе принадлежит к Бакинской организации РСДРП и известен в организации под конспиративной кличкой „Серго“.
>
> Агентура дает указание, что Серго привлекался к дознанию при Кутаисском губернском управлении по 126 ст. и якобы был задержан при провозе оружия, а затем, с изменением меры пресечения на не сопряженную с лишением свободы, скрылся и под нелегальной фамилией Орджоникидзе проживал в Балаханах, являясь довольно видным партийным работником.
>
> Орджоникидзе, впредь до вашего распоряжения, задержан при 2-м полицейском участке Балахано-Сабунчинского полицмейстерства. Заведующий охранным пунктом в г. Баку ротмистр Зайцев».

…Также с грифом «секретно»:

> «…было обнаружено следующее: два экземпляра обращения Балаханского, Биби-Эйбатского, Черногородского, Белогородского, Морского районов и мусульманской группы „Гуммет“[18] ко всем членам

Бакинской организации РСДРП; в этом обращении критикуется деятельность „руководящего центра Бакинской организации“, он называется отсталым от жизни, выборы его признаются неправильными, члены партии приглашаются выразить ему недоверие, признать его несуществующим и приступить к созданию нового руководящего центра и к созыву конференции всех районов; затем указывается порядок выбора делегатов в конференцию; вверху обращения отпечатано: „только для членов партии“.

Писанный от руки черновик воззвания: «Пролетариат не допустит раскола!» Экземпляр воззвания «Роспуск второй Государственной думы» и проект избирательной платформы РСДРП;

Две чистые, без текста, паспортные книжки;

Номера газеты «Вперед» и несколько брошюр, изъятых цензурой из обращения.

Экспертизою сличения почерков установлено, что все обнаруженные по обыску рукописи писаны рукою Орджоникидзе.

На основании изложенного дворянин Кутаисской губ. Григорий Константинов Орджоникидзе, 21 года, обвиняется в том, что в 1907 г. в городе Баку вступил участником в сообщество, присвоившее себе название «Бакинской организации РСДРП» и, заведомо для него, поставившее целью своей деятельности уничтожение в России сословий, замену постоянного войска всеобщим вооружением, конфискацию церковных, монастырских, удельных, кабинетских, частновладельческих земель и передачу их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления.

В качестве главенствующего члена этого сообщества составлял воззвания от имени означенной «организации», принимал участие в партийных заседаниях и имел в своем распоряжении документы, предназначенные исключительно для членов партии, т. е. в преступлении, предусмотренном I ч. 126 ст. угол, уложения. Вследствие этого Орджоникидзе подлежит суду с участием сословных представителей. Товарищ прокурора судебной палаты Попов.

…Василий Тронов. Строки, продиктованные не позднее 1924 года:

> «Весной мы узнали о начале суда над Серго. Его судила выездная сессия Тифлисской судебной палаты в Баку. Вся наша ячейка и боевая группа сговорились —

если его крепко засудят, расстрелять жандармов и устроить побег Серго.

Когда Серго привезли и оставили во дворе судебного здания, мы пробрались к нему и сообщили о нашем намерении. Он категорически запротестовал. Пришлось дать слово, что мы откажемся от своего плана, не допустим напрасных жертв.

— Я все равно скоро вернусь в Баку! — обещал Серго.

„В видах ограждения достоинства государственной власти“ суд удовлетворил ходатайство прокурора — дело слушать при закрытых дверях. Публику допустили в зал лишь на чтение приговора: „…по лишении всех прав состояния, сослать на вечное поселение в Сибирь… возложив на него же уплату судебных по сему делу издержек. Вещественные доказательства истребить…“

В Сибирь Серго долго не отправляли. Ждали, пока министр юстиции доложит приговор царю. У дворян была такая привилегия…

Вместе с другими рабочими я пришел на свидание к Серго в Баиловскую тюрьму. Место мрачное, как ад. Одинокий обрывистый утес. О замшелые камни бьется море. Ждем на тюремном дворе выхода политических заключенных. Появились, но за железной решеткой. Раньше, в прошлые разы, нам разрешали разговаривать с ними нормально, а теперь подумали и это запретили.

Мы поспешили к решетке, но Серго крикнул во весь голос:

— Не хотим такого свидания, товарищи, откажемся!

С этими словами он изо всех сил дернул железные ставни и с шумом и лязгом закрыл их.

Не уходим, ждем, что будет дальше. Нас не трогают. Десять минут, двадцать, полчаса. Наконец выходят «политические». Впереди их староста — Серго. Подошел к нам, стал расспрашивать, какие новости, как работаем, кое-что посоветовал. На прощанье попросил:

— Передайте товарищам сердечный привет. Скажите, что я не задержусь!

6

Государь император, по всеподданнейшему докладу, в 18 день июня 1908 года высочайше соизволил на лишение дворянина Григория Орджоникидзе прав состояния, согласно приговору Тифлисской судебной палаты 27 марта сего года".

Теперь Серго можно было отправить. Нет, еще не в Сибирь… в Сухум. Там уже дважды назначали и откладывали "за неявкой подсудимого" "гудаутское дело".

Двенадцатого июля этап заключенных двинулся по раскаленным пескам Азербайджана в сторону Тифлиса.

"Какую тяжесть перенес я в этапе! — рассказывал впоследствии Серго товарищам, сидевшим с ним в Баиловской тюрьме. — Когда вышли от вас, то сопровождал очень плохой конвой. В Тифлисе посадили в карцер. Такого мучения я в жизни не видал. После большого скандала выпустили. От Тифлиса солдаты были хорошие. В Харагоули меня встретили родные, передачу получил. Должен сказать, что хуже этапа ничего нет!"

Из Кутаиса по недоразумению или в силу высших государственных интересов Серго вместо Сухума направили в Батум. Забеспокоилась Тифлисская судебная палата. Председатель 2-го уголовного департамента обратился лично к

> "Г. Военному губернатору Батумской области.
>
> Судебная палата имеет честь просить распоряжения вашего превосходительства о немедленном переводе в Сухумскую тюрьму содержащегося в Батумской тюрьме подсудимого Григория Орджоникидзе, обвиняемого в государственных преступлениях. Дело названного подсудимого назначено к слушанию в гор. Сухуме в выездной сессии особого присутствия судебной палаты. Председатель Д-та Левицкий".

В середине октября Серго посадили в трюм грузового парохода. Через двое суток он оказался в хорошо знакомой Сухумской тюрьме.

"Осудили на один год крепости, — сообщил Серго родным. — По малолетству сократили на *1/3*. И этим вся комедия закончилась…"

А скитания по тюрьмам и этапам продолжались. После Сухума — губернская тюрьма в Кутаисе. В ней Серго провел ноябрь, декабрь, встретил новый 1909 год. И лишь когда в древний город на скалистых берегах Риона пришла ранняя весна,

Орджоникидзе отправили в суровую зиму Восточной Сибири. Под звон кандалов, от тюрьмы к тюрьме! Один начальник этапа принял арестанта, другой сдал. Принял, сдал… Карцер есть всюду — от отрогов Кавказа до Приангарской тайги. Серго пообвык!

Енисейский губернатор взял во внимание весьма дурной характер ссыльного Григория Орджоникидзе и приказал водворить его на бессрочное жительство в деревушку с игривым названием Потоскуй. Слева — стан Погорюй, справа заимка Покукуй.

Первую неделю после выхода из Красноярска вся большая партия ссыльных шла по Енисейскому тракту. Ночевала в казематах, выстроенных на этапах.

В начале апреля мало тревоженная тайга расступилась. Серго увидел скованную льдом Ангару. Без помех переправились на правый берег. К вечеру седьмого числа Орджоникидзе "водворили" в Потоскуй. Три черные крестьянские избы с одной стороны просеки, четыре — с другой.

Привыкать Серго не собирался, а подумать о хлебе, об источнике существования надо было. У околицы он срубил подходящее дерево, ободрал, выдолбил в широком стволе колоду — нечто среднее между пирогой индейца и южнорусской душегубкой. Свой челн — это уже серьезное дело. И рыбачишь, где больше по душе, и рекогносцировку местности производишь невзначай.

Огляделся Серго и, не утруждая губернатора, не беспокоя казачьего сотника, командовавшего охраной ссыльных, тихонько перебрался из Потоскуя в деревню Мотыгино. Там жителей побольше, заработок предвиделся — богатым мужикам требовался пастух, и до торгового села Рыбного всего двенадцать верст по Ангаре. В Рыбном две лавки, церковь, не слишком привлекавшие Серго, и очень нужная почта. По воскресеньям на почту со всей округи приплывают на своих колодах ссыльные. Вот и случай, не возбуждая лишних подозрений казаков, познакомиться с нужными людьми.

— Хорошо бы всем нам собраться, поговорить, душу отвести, — предложил Серго одному, другому новому товарищу.

— В воскресенье, говорите, после почты… (дальше заканчивал уж каждый по-своему, часто в зависимости от срока пребывания в ссылке).

— Благодарствую, обязательно буду!

— А? Отчего же, можно.

— Вы считаете, это безопасно, да?

— Гм. Любопытно. Ну, была не была!

Всех их не так много — тридцать пять — сорок человек.

Очень разных и по нынешним стремлениям и по прошлой жизни. По политическим взглядам — большевики, меньшевики, эсеры, анархисты, польские, латышские и еврейские националисты. Были люди безнадежно разочарованные, полностью смирившиеся, ничего хорошего уже не ждавшие. Были колеблющиеся, слишком давно вырванные из активной жизни. Теперь, если налетит свежий ветер, искра, прикрытая их нетвердой рукой, может и совсем угаснуть, а может и разгореться славным костром.

В ближайшее воскресенье поплыли челны от Рыбного вниз по быстрой высокой воде. Ссыльные выгребали к левому берегу Ангары. Там, за сплошной стеной тайги, сколько угодно укромных мест, легко затаиться от нежелательного человека, от сотника и его казаков. А мошкару, гнуса, как говорят сибиряки, в летние месяцы всюду приходится терпеть.

Серго нетрудно было заинтересовать своих слушателей. При всем различии их взглядов, при всех непримиримых противоречиях все одинаково жаждали новостей. А новости Серго мог выкладывать со щедростью рождественского Деда Мороза. За новость вполне сходили события хотя бы двухлетней давности — третьеиюньский переворот премьера Столыпина, вся его последующая политика, крест-накрест перечеркнувшая "свободы", высочайше дарованные манифестом 17 октября, и жалкие "основные законы" 1906 года. И уже совсем откровением явилось то немногое, что Серго успел услышать в пересыльных тюрьмах и на этапе о Парижской пятой конференции РСДРП, осудившей, после доклада Ленина, ликвидаторов и отзовистов.[19]

Возможно, сам Владимир Ильич не стал бы переносить в глубь вековой тайги на тайную сходку людей, осужденных на вечное мытарство в приангарской глуши, остроту и непримиримость парижских заседаний. Хотя Ильич терпеть не мог недомолвок и криводушия!

Серго ничего не принимал во внимание. Не хотел или по молодости и особенностям характера не умел? Без околичностей и смягчений Серго объявил, что часть ссыльных хуже, чем ликвидаторы, они политические мертвецы.

— Мертвецов, извините, приходится закапывать. Неумолимый закон!

Если отбросить эмоции и крики оскорбленных, то вся разношерстная колония добивалась от Серго ответа на один разумный вопрос: ты не ликвидатор, не мертвец, самый убежденный большевик, ну и что ты сделал?! Потихоньку убежал из Потоскуя в Мотыгино. Экая важность для России! Смех… Есть у тебя что — выкладывай, душу понапрасну не тревожь!

Вскоре в министерство внутренних дел Российской империи

прибыло срочное, совершенно секретное донесение начальника Енисейского губернского жандармского управления. Водворенный в Потоскуй Григорий Орджоникидзе "учредил беспартийный союз политических ссыльных на Ангаре. Хотя союз этот и считается беспартийным, но преобладающий в нем элемент с.-д., и фактически он социал-демократический… Орджоникидзе и его единомышленники насаждают школы агитаторов, пропагандистов и организаторов для того, чтобы по окончании ссылки водворенные возвращались бы на места хорошо подготовленными партийными работниками.

Независимо от изложенного, — писал начальник губернской охранки, — стараниями Орджоникидзе сорганизовалась также небольшая особая группа, которая приняла на себя обязанность устройства побегов политических ссыльных, снабжая последних паспортами, явками и даже деньгами; группа эта приняла название "Бюро помощи ссыльным", причем в г. Красноярске учреждается филиальное отделение этого бюро".

Обеспокоенный министр внутренних дел обратился к коллеге — военному министру. По телеграфу был отдан приказ — безотлагательно снарядить карательную экспедицию в Приангарский край. "Начальнику экспедиции полковнику Комиссарову принять строжайшие меры. Дело особо опасного государственного преступника Григория Константинова Орджоникидзе изъять из общего порядка подсудности и передать на рассмотрение военного суда".

Серго не стал ожидать встречи с облеченным столь высокими полномочиями полковником Комиссаровым. Свои дела Серго вполне благополучно закончил до прибытия карательной экспедиции. Прочел курс лекций по политической экономии, разгромил в бурной дискуссии "теоретика" анархистов Евстратова, носившегося с книгой немецкого философа-идеалиста Макса Штирнера "Единственный и его собственность". И если Маркс и Энгельс в своей "Немецкой философии" назвали Штирнера (псевдоним Каспара Шмидта) идолом мелкой буржуазии, то Серго попросту сказал:

— Носишься, как дурак с писаной торбой, со своим немцем, кричишь: "Я поклоняюсь свободной личности", а в семье, которая из любви к тебе приехала в ссылку, не даешь никому дышать, ведешь себя как последний купец или восточный деспот. Противно с тобой говорить.

Создал Орджоникидзе несколько нелегальных библиотек, положил начало философскому кружку в Рыбном. "Учредил" союз политических ссыльных с районными бюро в важнейших пунктах Приангарья.

Тем временем подсохли дороги и тропы в тайге, деревья покрылись густой листвой. Наступила самая подходящая пора на вертком челне рискнуть пройти до совсем глухой, даже по восточносибирским понятиям, заимки Дворец. Оттуда по чуть приметной тропе между двумя трясинами выбраться к деревушке Червянка. Далее проселочные дороги. Если "вид на жительство" позволяет — нанимай телегу, трясись до самого Иркутска. Опасаешься встречи с жандармами — петляй тихонько по тайге, пока не доберешься до станции Тайшет. Там слаживай с кондукторами…

Серго предпочел от Червянки идти на Тайшет. При всем нетерпении он не мог себе позволить рисковать понапрасну. Другое дело сам побег!

Теперь Серго двигался в несравненно более приятном направлении, чем в начале года. Из быстро Увядавшего сибирского лета, от настигших его в Челябинске холодных дождей — к благодатной щедрой кавказской осени. Да и на Кавказе он не задержится. Его путь лежит дальше, в Иран. Там жарко и в прямом и в переносном смысле…

"Вслед за русским движением 1905 года демократическая революция, — писал Ленин, — охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай".

Перепуганный народными восстаниями во всех провинциях и крупных городах, шах, так же как Николай Второй, "даровал" манифест о свободах. В октябре 1906 года в Тегеране собрался первый меджлис — парламент; стали появляться выборные органы местного самоуправления. Затем весьма неторопливо, чуть ли не через год была принята конституция. Революция набирала силы. Этого одинаково не могли допустить самодержавная Россия и "демократическая" Англия. Они разделили Иран на сферы влияния. Россия ввела свои войска — преимущественно казаков — в Иранский Азербайджан и Гилян. Англия — в южные провинции. При такой поддержке иранским феодалам не трудно было покончить с меджлисом, отменить конституцию, восстановить свои былые привилегии.

После контрреволюционного переворота в Тегеране центром революционной борьбы на некоторое время стал Иранский Азербайджан, а еще позднее Гилян. Туда и отправлялась из Баку большая группа закавказских большевиков. Руководителем этой боевой дружины подпольный центр рекомендовал Орджоникидзе.

— Там, в Иране, ты будешь полезнее всего, — уговаривали колебавшегося Серго Мешади Азизбеков и Нариман Нариманов. — И для твоей безопасности лучше побыстрее перейти границу.

В ту пору между Баку и Энзели,[20] бойким торговым городком Северного Ирана, дважды в неделю ходили пароходы общества "Кавказ и Меркурий". Трюмы и палубы судов всегда были забиты артелями иранцев, искавших работы на нефтяных промыслах Баку или возвращавшихся в такой же бедности домой. Для таможенной стражи все они на одно лицо — одинаково плохо одеты и пропитаны запахом сырой нефти…

За иранца, возвращавшегося с заработков, сошел и Серго. Дальше из Энзели до Решта — центра Гилянской провинции — проще всего было плыть на шхуне по реке Пир-базар.

В Реште великое множество купцов, уйма ремесленников, толпы нищих, и один аллах знает, сколько разных властей — генерал-губернатор первого оста-на, иначе сказать — Гилянской провинции, русский консул, ханы, беки, сердары, иранские и русские офицеры, полицейские, доносчики, телохранители, профессиональные убийцы.

Все за завесой мелкой желтой пыли, вздымаемой верблюжьими караванами. И влажный зной, густо пропитанный стойким ароматом, шипящих на жаровнях овечьих курдюков.

У иностранца легко может закружиться голова. Он рискует надолго затеряться или навсегда исчезнуть в путанице узких, никуда не ведущих улочек и безнадежных тупичков. Против всех других иностранцев огромное преимущество у верноподданных Николая Романова. О них бескорыстно заботится "русское консульство.

А если подданный, но не верный, "дерзко сбежавший с места водворения"? Если заманить его обратно в Россию строжайше предписал Петербург?! Ему консул, господин Некрасов, шлет "любезное" приглашение с казачьим урядником и с иранским полицеймейстером. Переступи порог, дорогой соотечественник, и уж ты никуда не денешься! Казаки привычно скрутят тебе руки, спустят штаны, выпорют плетками. Ничуть. не хуже, чем в полицейском участке в Марьиной роще или в Нахаловке. Потом на первом русском пароходе отправят в Баку.

Нет, не верит русский консул в Реште в такую чрезмерную удачу! Разве что Гаджи Самед не устоит перед соблазном получить двадцать пять золотых "десяток" и столько же иранских туманов. Старшина уголовников, аккредитованных на главном рештском базаре, обещал, что его люди затеют драку с этим… (консулу трудно давались грузинские фамилии)… оглушат свинцовой гирькой. Живым или мертвым доставят в консульство!

У почтенного Гаджи Самеда свои терзания. Консул, он уверен, заплатит и в два раза больше золотых кружочков. Отвалит, ничего с ним, неверным, не случится.

"Даст, даст!" — шепчет старшина уголовников. Тут же тяжело вздыхает: "Нельзя взять, совсем нельзя! Грузин — гость Сердара Мухи.[21] Горе мне, несчастному. Вай, вай! Аллах лишил милости своего верного слугу!"

Страшно вспомнить! Еще не успел Гаджи после приятной доверительной беседы с господином Некрасовым выпить чашечку кофе, насладиться кальяном, как проклятый Мирза Керим, брат трижды проклятого Сердара Мухи, заставил его, Самеда, хорошим пинком под зад распластаться на ковре.

— Сын собаки, ты что, забыл, чей гость гурджи?[22] Еще пинок. Потом уже с улыбкой на лице:

— Прости, высокородный, может быть, ты очень торопишься встретиться с Ага Балаханом?

Уж куда яснее. Генерал-губернатора Ага Балахана казнили за неделю до этого друзья Сердара Мухи.

…Жизнь почему-то неумолимо устраивала так, что пятнадцать лет кряду в самые решающие моменты по одну сторону баррикад оказывался Серго или его ближайший друг Ной Буачидзе, по другую — полковник, позднее генерал, Ляхов.

После того как Николай Второй собственноручно начертал на рапорте Ляхова о разгроме рабочих слободок Владикавказа и Грозного, об усмирении чеченских, ингушских и кабардинских аулов "читал с удовольствием", карьера полковника была обеспечена. Более неожиданным явилось "международное признание" усмирителя Терской области. По высочайшему приказу Ляхова отрядили в Тегеран спасать трон насмерть перепуганного царя царей.

Обстановка в Иране Ляхову показалась вполне сходной с российской. Также под влиянием революционных событий шах "дарует" конституцию, созывает меджлис — парламент — и тут же сговаривается с Россией и Англией, благополучно разделившими Иран на "сферы влияния", об удушении едва пробившихся, неокрепших ростков свободы.

Высокие покровители шаха не стали делить только роль палача. Эту неджентльменскую обязанность англичане великодушно уступили Николаю Романову, тем более что, по убеждению Лондона, все грозные события в Иране, в соседней с ним Турции и в далеком Китае — прямое следствие русской революции.

Итак, Ляхов взял верх над всеми другими претендентами в начальники заграничной карательной экспедиции. И уж полковник постарался. За несколько часов он во главе казачьей бригады разгромил меджлис. Часть депутатов перебил на месте,

часть удушил веревкой на виселицах.

Шахиншах облегченно вздохнул, пожаловал Ляхову высший иранский орден. Сановники и губернаторы в честь великой победы заново окрасили бороды в ярко-оранжевый цвет. Да только все оказалось слишком преждевременным. Гонцы из Тебриза, главного города Иранского Азербайджана, доставили страшную весть. Восстание, власть в руках народа!

Из-за Аракса на Тебриз немедля двинулся пятитысячный отряд генерала Снарского. Вдогонку затарахтели дивизионы горной артиллерии. Еще через день сняли все крепостные орудия в Джульфе и Нахичевани — скорее на фронт под Тебриз!

Издалека, за тридевять земель от Ирана, за событиями в Тебризе следил Ленин. И в дни, когда положение повстанцев казалось совсем отчаянным, Ильич уверенно заявил:

— …упорная борьба в Тавризе, неоднократный переход военного счастья в руки революционеров, совсем уже — казалось — разбитых наголову, показывает, что башибузуки шаха, даже при помощи русских Ляховых и английских дипломатов, встречают самое сильное сопротивление снизу. Такое революционное движение, которое умеет дать военный отпор попыткам реставрации, которое заставляет героев таких попыток обращаться за помощью к иноплеменникам, — не может быть уничтожено, и самый полный триумф персидской реакции оказался бы при таких условиях лишь преддверием новых народных возмущений.

Новое народное возмущение теперь зрело на севере Ирана, в прикаспийской провинции Гилян. Туда из Тебриза перешли отряды революционной армии. Туда направился Серго. С ним боевая дружина бакинцев!

Умный, хорошо осведомленный русский посланник в Тегеране Н.Г. Гартвиг тотчас же занес в свою "тетрадь для памяти": "Наиболее крайние элементы состоят почти исключительно из кавказских выходцев, имеющих постоянные сношения с тайными комитетами на Кавказе".

Гартвиг отметил и то, что "артиллерией заведует русский матрос с "Потемкина", пробравшийся из Румынии через Трапезунд".

Серго изъездил все каспийское побережье, вдоль и поперек исколесил Гилян, нередко наведывался в Дрдебиль, Казвин, добирался до Тегерана. С ним и братья Сердара Мухи. Если собрание особенно важное или назначен смотр большому отряду вооруженных крестьян, ремесленников, рыбаков, то Серго обязательно приглашал с собой Мухи. Попозже, на втором году жизни Серго в Иране, люди искренне удивлялись, если в

жестоком бою, трудном походе или на бурном собрании рядом нет обоих — Сердара Мухи и Муштехида, по-русски "всеведущего". В стране Омара Хайяма, Саади и Хафиза исстари наделяют героев поэтическими именами.

Беспокойные и во многом завидные обязанности военного корреспондента в 1941–1943 годах несколько раз приводили меня в Иран. Книжка о Серго еще не была задумана, и я не искал встреч с людьми, его знавшими. И все же меня познакомили со стариками, гордо утверждавшими, что они были солдатами и товарищами Муштехида. Они не знали фамилии Орджоникидзе, им ничего не говорило имя Серго, только Муштехид. Сюда уже вкладывалось все — храбрость, несравненный ум, справедливость, доброта.

В Реште два очень старых горожанина позвали смотреть двор, где Муштехид спас крестьянина. Помнится, лил неукротимый субтропический дождь. Идти надо было далеко, почти к самому порту. Мне было жаль плохо одетых стариков, я пытался найти благовидный предлог для отказа. Они обижались. Фамилии их нельзя назвать, даже если стариков уже нет в живых. Все равно полиция заинтересуется детьми, внуками.

Мы добрались — насквозь мокрые — до нужного двора. И там бывшие солдаты Муштехида поведали довольно обычную и вполне современную историю. Помещик, собственник нескольких деревень, в целях воспитательных приказал подвесить к ветвям раскидистой чинары крестьянина, сильно ему задолжавшего. Руки у несчастного были связаны. Пальцы чуть-чуть касались земли. Два дюжих молодца из охраны помещика били крестьянина палками. Он кричал. Плакали его дети, намеренно привезенные для устрашения. А заплывший жиром помещик лежал на ковре и тоже кричал: "Сильнее, лентяи! Сильнее!"

Очевидно, Серго не имел права ввязываться в эту историю, не имел права рисковать собой, ему было поручено заботиться о судьбе тысяч и тысяч таких крестьян. А сердце, а элементарная порядочность! Серго, по рассказу стариков, выхватил револьвер, освободил крестьянина, вытянул помещика палкой… Разгорелся скандал. Русский консул еще подлил масла в огонь. В дом братьев Сердара Мухи, где тогда жил Орджоникидзе, полиция ворваться не решалась. Дождалась случая, схватила Серго на улице. Пришлось дружинникам освобождать своего руководителя силой.

…Так Серго становился Муштехидом, при жизни обретающим бессмертие. Он приезжал в Гилян еще раз в 1920 году. Тогда, по твердому убеждению иранских тружеников, Орджоникидзе был уже и муштехидом и сердаром. Никак не меньше! Об этом позднее.

Обязанности Серго становились все более разнообразными и многочисленными: перевод на персидский язык "Коммунистического манифеста", транспортировка через Иран и Баку заграничной большевистской литературы в глубь России, бесплатное преподавание русского языка в школах, военные и политические занятия с иранской молодежью. Еще создание интернациональных клубов в городах Гиляна, лекции, дискуссии с националистами, особенно непримиримые с армянскими "дашнакцутюнами".

В отличие от социал-демократов-ленинцев, долгие годы помогавших демократическим силам Ирана, дашнаки прислуживали шахиншахским властям. В благодарность одному из лидеров дашнаков — Ефрему Давидянцу шах милостиво пожаловал титул хана. Он был назначен начальником тегеранской полиции, правой рукой Ляхова. Потом они уже вместе охотились за Серго, за героями тебризского восстания Саттаром и Багиром.

Орджоникидзе, другие бакинцы и тифлисцы, работавшие в Иране, в долгу перед дашнаками не оставались. Громили их нещадно. И словом и оружием. В популярной армянской газете "Занг" Серго поместил памфлет "Социалистический хан". "Если дашнакцутюны имеют смелость называть себя социалистической партией, то кто же хан Ефрем Давидянц? Чудо двадцатого столетия — социалистический хан?! Единый в двух лицах — начальник полиции и социалист? Неужели не краснеете? А ведь социалисты с омерзением произносят слово "полиция"!.."

Серго втайне взвалил на себя еще одну нелегкую обязанность. Бог знает, когда он успевал, но много месяцев в тифлисских газетах "Ахали Схиви" ("Новый Луч"), "Чвени газети" ("Наша газета"), журнале "Схиви" печатались любопытные, окрашенные сочным имеретинским юмором корреспонденции и фельетоны Гурджи Серго и Серго Клдисдзирели. Второй псевдоним совсем легко расшифровывается, стоит лишь вспомнить, что в деревне Гореша усадьба тети Эки, где почти с самого рождения жил Серго, стояла на горе Клдисдзири…:

Серго и не заметил, как закончился 1909 год. Встреченный в тюремной камере, он, в сущности, оказался совсем неплохим годом. Даже очень богатым делами, событиями, борьбой — тем, что Серго больше всего ценил в жизни.

Новый год начался хорошо. Революционные отряды Сердара Мухи выиграли несколько крупных боев. Освобожденный Гилян протягивал руку Центральному Ирану. Ничто — ни труднодоступный перевал, ни казаки Ляхова, ни крепостные

пушки генерала Снарского — уже не могло изменить ход событий. Не сегодня, так завтра власть в Тегеране должна была перейти к народу.

Далеко не всегда тот, кто готовит победу, разрабатывает планы, бывает участником или хотя бы свидетелем торжества. Еще от стен Казвина Серго повернул назад, в Энзели. С первым же пароходом общества "Кавказ и Меркурий" отплыл в Баку.

В папках жандармских ротмистров — они почему-то предпочитали светло-салатовый цвет — опять появились донесения филеров, "указывающие на скрывающегося в Балаханах фельдшера Сергея Орджоникидзе. Принятыми мерами он обнаружен не был".

Из Тифлиса поправили бакинских коллег: "Разыскиваемый Орджоникизде на прошлой неделе опознан в местном Ботаническом саду. Он исчез раньше, чем агенты и полицейские сумели пробиться сквозь толпу, выражавшую сочувствие и поддержку с.-д. оратору".

В Закавказье Серго оставался до тех пор, покуда военное счастье в Иране снова не стало клониться на сторону контрреволюции. Для возвращения Орджоникидзе выбрал неожиданный для охранки путь. Сухопутный, через Эривань, Джульфу и Тебриз. Оттуда на Тегеран.

Радость новой встречи с Сердаром Мухи, с боевыми друзьями омрачалась совсем плохими вестями из Гиляна и соседних с ним провинций. Покуда революционеры укреплялись в Тегеране, русский консул в Реште и резиденты "Интеллидженс сервис" объединили враждующих ханов Северного Ирана, снабдили их оружием, подбодрили золотом. Вспыхнуло восстание.

"Персия переживает тяжелые дни, — писал Сер-го из Тегерана в Баку. — Нет ни денег, ни людей. Россия и Англия разинули рты и готовы проглотить ее".

Предстоял новый, трудный поход. В обратном направлении. Из Тегерана через горный хребет и пустыню на север. Из столицы вышли два отряда добровольцев. Один на Зенджан — узел шоссейных дорог на северо-западе страны. Второй — на Решт. Во главе с Сердаром Мухи и Серго.

Среди бойцов были и старые товарищи Серго из Тифлиса, Баку, Кутаиса, Елизаветполя. В пути присоединялись горцы, пастухи, ремесленники и особенно много крестьян. Покуда добрались до Решта, силы утроились.

Одну колонну Серго повернул на Ардебиль. Ему не терпелось покончить с мятежными шахсеванскими ханами. Он сам руководил штурмом города. Революционерам основательно помогли знаменитые ардебильские ковровщики. Они захватили в

плен руководителей мятежа — более пятидесяти ханов. Серго распорядился заковать ханов в кандалы и отправить на суд в Тегеран.

Серго получил возможность заняться делами более приятными.

Четвертого июня 1910 года Серго пишет в Париж Владимиру Ильичу:

> "Уважаемый товарищ!
>
> Ваше письмо и протоколы[23] получил, за что товарищеское спасибо Вам… Пока все, что выслали, получили. "Via Berlin, Bacou" лишнее, так как из Франции транспорт для Персии получается в запакованном пакете, который вскрывается только в Энзели… "Голос Социал-Демократа" и. "Дневник Социал-Демократа" получили… Товарищам энзелинцам написал, чтобы они тоже позаботились о деньгах. Как вышлют, переведу.
>
> По поводу просимого мною одного № ЦО: я, товарищи, ЦО получаю аккуратно. Тот № просил меня один товарищ из Энзели, который, оказывается, не знал, что в Энзели получается литература, а после того как он узнал, эта необходимость исчезла, так что "недоразумение" до некоторой степени оказалось к месту.
>
> …С большим удовольствием прочел "Дневники". От души рад плехановскому повороту, но не могу не отметить, что он больше других грешен в том, в чем он обвиняет наших. Но без этого и не могло быть: нужно же было за что-либо ухватиться. Кто дипломатничал после 2-го съезда? Кто в продолжение 7 лет шел рука об руку и вдохновлял российский ревизионизм в лице меньшевиков? Конечно, Плеханов и никто другой. Но, если в настоящее время он на самом деле останется на занимаемой позиции, это будет безусловно плюсом для партии. Но я должен признаться, что по отношению к нему я уподобился "неверующему Фоме". По-моему, подкованные ноги у нас всегда должны быть готовы… Впрочем, об этом Вы больше осведомлены, и если бы поделились своим мнением, было бы приятно.
>
> В Персии думают приступить к созданию социал-демократической организации; об этом, быть может, пришлю корреспонденцию в ЦО.
>
> С тов. приветом *Серго*
>
> Привет редакции ЦО"

Грех было бы жаловаться на почту. Она очень аккуратно, без задержки, все доставляла — и в Париж и в Решт. Тем сильнее забеспокоился Ленин, когда с наступлением осени связь оборвалась полностью, сразу. Ильич с недоумением, потом с явной тревогой спрашивал Надежду Константиновну, ведавшую всей перепиской:

— Из Персии так-таки ничего нет? Странно! Что тебе ответили бакинцы?

В первых числах декабря Ленин попросил отправить запрос Шаумяну, пусть сообщит архисрочно, депешей, какие последние известия о Серго он имел.

А виновник треволнений уже находился в других краях. Несколько недель назад Сердар Мухи пожелал благополучного пути своему Муштехиду.

7

Владимир Ильич завел строгий "прижим", как он шутливо определял. Вставал в восемь часов утра. После чая садился на велосипед. Ехал через весь Париж с окраинной улочки Мари-Роз в Национальную библиотеку. В два часа поневоле возвращался — библиотека закрывалась на обеденный перерыв, свято соблюдаемый всей Францией. Так было и в промозглый декабрьский день, когда в двери энергично застучала консьержка. Нрав у нее вообще-то вполне сносный, но сейчас женщина была разгневана тем, что ее оторвали от обеда.

Консьержка потребовала, чтобы Надежда Константиновна немедля последовала за ней.

— Пришел какой-то человек, ни слова не говорит по-французски, должно быть к вам.

"Я спустилась вниз, — рассказывала впоследствии Крупская, — стоит кавказского вида человек и улыбается. Оказался Серго.[24] С тех пор он стал одним из самых близких товарищей".

Для начала Ленин усадил Серго обедать, И тот совсем позабыл, что имеретинские правила хорошего тона разрешают воспользоваться приглашением лишь после того, как оно трижды повторено хозяином дома, Быстро принялся уплетать нехитрую стряпню Надежды Константиновны, всегда печалившейся из-за своих малых кулинарных способностей…

Потом Ильич позвал в "приемную". Она оказалась той же кухней. Только от стола пересели к окну, выходившему в сад.

Этой своей привычке — вести самые задушевные разговоры на кухне Владимир Ильич не изменил до конца жизни. В июле 1919 года Ленин узнал от Надежды Аллилуевой, что в Москву только что вернулся Орджоникидзе, которого уже несколько месяцев считали погибшим на Северном Кавказе, — белогвардейские телеграфные агентства и газеты передавали массу подробностей о пленении и расстреле ненавистного чрезвычайного комиссара Юга. Ильич тут же пригласил Серго к себе домой — в Кремль. Уселся с ним пить чай на кухне. Все совсем как в былые времена на улице Мари-Роз. Стол так же покрыт клеенкой в трещинках и вместо стаканов — чашки, явно не принадлежащие к одному сервизу. И долгая-долгая беседа решительно обо всем!

…За окном был Париж. Запах жареных каштанов и нежно-зеленая трава в декабре.

Серго говорил:

— Владимир Ильич, поверьте, у меня не было никакой возможности известить вас о выезде из Гиляна, тем более о том, что я пробираюсь в Париж. Нельзя было давать еще один лишний шанс нашей российской жандармерии и заграничным агентам политической полиции… Их кто-то очень точно информирует. Это мнение и бакинских работников.

Помолчали.

— Ну-с, продолжайте, — попросил Ленин.

— Со вчерашнего дня я в Париже…

Ильич укоризненно посмотрел на Орджоникидзе. Серго глаз не отвел.

— Еще в Реште решил, к черту всякие условности. Прямо с вокзала помчусь к Ленину. На площади перед Северным вокзалом сел в омнибус, час, нет, наверное два, терпел, покуда это двухэтажное чудище пересечет Большие бульвары, дотащится до парка Монсури. Со всех ног бросаюсь на улицу Бонье, звоню в парадную дверь, стучу молотком в ворота. С большим трудом соседи растолковали мне, что "мадам и месье рюсс адье". Ленин вздохнул:

— "Адье" — пока это сокровенная мечта. Мы прикованы к Парижу. На сколько времени — не знаю… Живется архитоскливо. Когда совсем невмоготу, ругаюсь: "И какой черт понес нас в Париж!"

Серго не сдержал удивления:

— Разве не Париж центр русской политической жизни?

— Центр политической эмиграции, — поправил Ленин. — Да, в годы реакции Париж стал центром эмигрантской жизни. Здесь и бой давать за партию, архисерьезный, архипринципиальный!.. Простите, Серго, я отвлек вас. Деловые разговоры впереди. Куда же вы направились с улицы Бонье, узнав, что мы съехали?

Оказалось, в запасе у Серго был адрес, без интереса взятый в Вене у грузина-эмигранта — Авеню де Гобелен, Мирон. В глубине длинного, шумного, совсем тифлисского двора Серго поднялся по совсем тифлисской винтовой лестнице, толкнул дверь. В помещении, не очень светлом и еще менее уютном, стояли полки с книгами и столы с русскими газетами. На душе сразу стало легче. Нашелся и Мирон — заведующий эмигрантской партийной библиотекой, худощавый, близорукий человек. Сразу подчеркнул, что в книгах он не отказывает и большевикам, но симпатией его они не пользуются.

Все-таки Серго выудил из библиотекаря, что большевики собираются в кафе на Авеню д`Орлеан. Там в зале на втором этаже читают рефераты: Ленин, Луначарский, Коллонтай, "кто-то еще из их компании".

Серго поблагодарил, взялся за дверь. Вдогонку крикнул Мирон:

— Вернитесь, молодой человек! Почему бы мне не помочь лично вам? Я вас прошу — запомните три слова: бульвар Монпарнас, Ротонда. Это уже другое кафе, совсем без рефератов Богема. Там спросите художницу Мямлину. Так она секретарь общества политэмигрантов и, очень жаль, большая поклонница вашего Ленина. У нее еще есть муж, поэт, Оскар Лещинский, наш полтавчанин. Ротонда для него дом родной. Их ребенок тоже в Ротонде…

В Ротонде, едва ли не самом живописном и уж никак неповторимом прибежище поэтов, художников, музыкантов, Серго придется бывать не раз. Там он сведет знакомство со многими интереснейшими людьми. Чудесным человеком был и Оскар Лещинский, крепко сложенный, коренастый, с тонким интеллигентным лицом. Он станет очень близким и Серго и его друзьям — Ною Буачидзе и Сергею Кирову.

Так же как и Серго, семнадцатилетний Оскар бежал из Енисейского края — он был осужден на вечную каторгу за участие в покушении на крупного царского сановника. Еще раньше, мальчишкой, Оскар был связным между рабочими отрядами, дравшимися на баррикадах в Ростове.

В Париже Лещинский сразу прослыл лириком и эстетом. Он издал книгу стихов "Серебряный пепел", вместе с Ильей Эренбургом (его больше знали под кличкой "Илья Лохматый") выпускал журнал "Гелиос" — "Солнце". Среди авторов журнала был и Луначарский. Одновременно Лещинский учился в студии изобразительного искусства "Академии рюсс", созданной Обществом политических эмигрантов. Секретарем академии и Общества эмигрантов работала будущая жена Оскара художница Лидия Мямли-на. Она познакомила Оскара с Лениным. Они часто предпринимали совместные загородные экскурсии. Сиживал Оскар[25] и на кухне с Лениным, на том же месте, где сейчас расположился Серго.

Оскар и Лида в вечер первого знакомства оставили Серго у себя ночевать. Утром Оскар посадил его в омнибус, идущий все туда же, к парку Монсури. Смеясь, объяснил, что "Ильичи" — друзья так называли Ленина и Крупскую — остались жить в том же районе. Только с улицы Бонье переехали на еще более тихую — Мари-Роз.

Выслушав все, Владимир Ильич сказал, что Серго обязательно должен остаться в Париже. Предвидится архиважная для судеб партии работа.

Несколько дней ушло на поиски дешевой комнаты, на

устройство других житейских дел. Обосновался Орджоникидзе в мансарде, вблизи бульвара Сен-Жак, почти рядом с русской типографией Рираховского, где каждая партия и политическое течение имели своего наборщика…

А тем временем у Владимира Ильича появился чудесный сюрприз для Серго. Именно появился! И всем доставил огромную радость. В первое мгновение Серго даже отпрянул назад, но Камо сам заключил его в объятья.

— Ты не бойся, бичико, я совсем живой!

А ведь это действительно похоже на сверхъестественное чудо, что Камо в Париже, что он жив!

По доносу провокатора Камо арестовали в Берлине с чемоданом, наполненным динамитом. Заведовавший заграничной агентурой русской тайной полиции А. Гартинг немедля передал в руки своих немецких коллег доказательства того, что Камо — по паспорту австрийский подданный Дмитрий Мир-ский — опасный террорист и главный участник экспроприации двухсот пятидесяти тысяч рублей в Тифлисе. Круг как будто уже совсем замкнулся. Впереди неминуемая выдача России, военно-полевой суд, виселица. И тогда Камо симулировал сумасшествие. В Берлине, затем в Тифлисе, он почти четыре года выносит ни с чем не сравнимые изуверские пытки. Полицейские эксперты жгут ему бедра докрасна раскаленными металлическими стержнями, втыкают под ногти булавки, колют иголками голову и спину…

В разгар борьбы Камо четыре месяца кряду не ложился — днем и ночью ходил по палате или становился лицом в угол.

Крупнейшие немецкие психиатры, доктора медицины Гофманн и Липманн, по поручению суда наблюдавшие состояние здоровья Камо, дали заключение:

"…Обвиняемый, несомненно, душевнобольной. Характерные черты его поведения не могут быть симулированы в течение продолжительного времени. Так держит себя лишь настоящий больной, находящийся в состоянии умопомрачения… К этому присоединяется еще факт отказа от пищи, который не мог бы проводиться здоровым человеком с такой настойчивостью".

Как-то, много лет спустя, Камо, уступая настояниям бывших узников Шлиссельбургской крепости, вкратце рассказал им о своих переживаниях. Николай Александрович Морозов, виднейший русский революционер, ученый, почетный член Академии наук, воскликнул:

— Я предпочитаю вновь просидеть двадцать один год в одиночестве в Шлиссельбургской крепости с ее ужасами, чем испытать то, что пережил Камо в психиатрических лечебницах.

В конце четвертого года испытаний Камо бежал. Среди бела

дня, едва ли не в самом центре Тифлиса. По его следу пустили собак. Во все концы разослали сотни агентов охранки. Филеры и жандармы круглые сутки дежурили в портах, на железнодорожных и автомобильных станциях. Министр внутренних дел обратился за содействием к немецкой полиции. Камо же ждал подходящего момента в подвальном этаже дома полицеймейстера Тифлиса!..

Через три месяца в Батуме некий турецкий подданный с закрученными кверху усами ослепительно черного цвета и такими же волосами предъявил пограничникам свой паспорт. Турок возвращался на Родину после поездки в Тифлис и Баку по коммерческим делам. Этого "турецкого негоцианта" сейчас и обнимал Серго.

Часами бродили два друга по набережным Сены, по бульварам, а не то забирались в пригороды Парижа — Фонтеней-о-Роз или Жювизи, — там Ильич показал им несколько укромных местечек, где можно было без помех посидеть, вспомнить былое, подумать о будущем. Камо оно представлялось крайне туманным.

Крупская, которой Камо охотно поверял свои тайны и сомнения, печалилась:

— Он страшно мучился тем, что произошел раскол между Ильичем, с одной стороны, и Богдановым и Красиным — с другой. Камо был горячо привязан ко всем троим. Кроме того, он плохо ориентировался в сложившейся за годы сидения обстановке. Ильич ему рассказывал о положении дел… Остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги и не знающего после побега, за какую работу взяться. Его проекты работы были фантастичны. Ильич не возражал, осторожно старался поставить Камо на землю, говорил о необходимости организовать транспорт и т. п.

В конце концов было решено, что Камо поедет в Бельгию, сделает себе там операцию глаза (он косил, и шпики сразу его узнавали по этому признаку), а потом морем проберется на юг и дальше на Кавказ.

Осматривая пальто Камо, Ильич спросил:

— А есть у вас теплое пальто, ведь в этом вам будет холодно ходить по палубе?

Сам Ильич, когда ездил на пароходах, неустанно ходил по палубе взад и вперед. Выяснилось, что никакого другого пальто у кавказца нет. Ленин отдал Камо свой мягкий серый плащ, который ему в Стокгольме подарила мать и который ему особенно нравился.

Серго еще не знал, что сулит будущее, зачем Ленин оставил

его в Париже. Дел, во всяком случае, ему хватало. Отправка транспортов литературы в Россию, занятия в библиотеке, рефераты и, в последние недели, помощь Владимиру Ильичу и Инессе Арманд[26] в организации партийной школы.

В сильной и довольно многочисленной парижской группе большевиков, по замечанию Серго, "обстреливаемой со всех сторон", Инесса сразу заняла видное место. Она обладала редким обаянием и поразительной энергией. Сейчас Инесса сняла целый дом в деревне Лонжюмо, в пятнадцати километрах от Парижа.

Деревню долго выбирали. Предпочтение отдали Лонжюмо главным образом потому, что там не было никаких русских, никаких дачников. Жили простые люди — крестьяне и рабочие небольшого кожевенного завода. Все подходило для организации партийной школы. Слушатели должны были приехать из России и туда же вернуться для подпольной работы.

"Обязательное условие — возвращение в Россию по окончании школы мною безусловно принимается", — писал Серго осенью 1910 года в комитет по организации партийной школы.

Едва газета "Социал-демократ" донесла до Ирана весть о том, что Центральный Комитет РСДРП готовится открыть в Париже школу, в которой бы профессиональные революционеры, подпольщики могли пополнить свои теоретические познания, Серго загорелся. Он почувствовал, что ему необходимо попасть на учебу. 9 июля он отправил из Решта в Париж взволнованное и энергичное письмо:

"Товарищи, имейте в виду, если здесь мне удастся собрать предполагаемую мною сумму, то, несмотря на то, что я в настоящее время в Персии, все же по открытии школы приеду, и вы должны будете допустить в школу меня в числе других".

Теперь настал желанный час. В доме, арендованном Инессой, поселились Серго и хорошо знакомые Ленину питерский рабочий Б.А. Бреслав (партийный псевдоним "Захар") и николаевский судостроитель И.И. Шварц ("Семен"). Никто тогда не подозревал, что это соседство совсем не случайное…

Владимир Ильич и Надежда Константиновна сняли для себя две комнаты в двухэтажном каменном доме на другом конце деревни. А о том, где предполагалось вести занятия, обстоятельно, с мелкими подробностями не преминула сообщить в Петербург парижская агентура департамента полиции.

"Школа партийных пропагандистов и агитаторов Российской социал-демократической рабочей партии помещается в сарае, представляющем ветхое одноэтажное строение, обшитое тесом, с большой, на всю стену, стеклянной галереей; имеет грязный вход, а мостовая уложена крупными камнями".

Назавтра, после начала учебы, в Петербург полетела новая шифровка:

"По полученным указаниям, первая общепартийная школа С. Д. открылась 20 июня с. г. В данное время в ней имеется десять учеников, приехавших из России. Ожидается еще приезд пяти-шести человек. Кроме приезжих, в школу из парижских членов партии поступили некие: "Серго", рабочий Семен… и женщина Инесса, настоящие фамилии и имена которых пока не выяснены".

Откуда бы такая изумительная осведомленность заграничной агентуры департамента полиции?

…Занимались в партийной школе много и усердно.

Ленин читал курс политической экономии, теорию и практику социализма, аграрный вопрос, Рязанов — историю западноевропейского рабочего движения, Стеклов и Финн-Енотаевский — государственное право, Луначарский — литературу. Инесса Арманд вела семинары, Станислав Вольский преподавал газетную технику.

Вечера часто проводили в поле. По русской привычке лежали под скирдами, говорили о всякой всячине, пели. Звучным сильным голосом выделялся делегат из Киева Малиновский, молодой рыжеватый парень. Был он тих и услужлив.

Более тесной компанией — "Ильичи", Арманд, Серго, Луначарский — ходили в театры, чаще на окраинах Парижа. Там нередко ставили пьесы, запрещенные в центре города. Предпочтение отдавали рабочему театру на улице Гэтэ, где сын коммунара Монтегюс исполнял революционные песенки. Из зала ему дружно подпевали фобуры — рабочие окраин.

Под нажимом Инессы выкраивали время и для концертов. Она и сама часто играла, и больше всего Бетховена. Если настроение было совсем хорошим, Серго под аккомпанемент Инессы пел грузинские песни.

Как-то после театра Ленин позвал Серго погулять по Парижу. Едва они остались вдвоем, спросил:

— Как вы отнесетесь к предложению немедленно выехать в Россию?

Серго вспыхнул.

— Владимир Ильич, вы спрашиваете… вы не уверены?!

Ленин взял Серго под руку. Впервые вместо обычного обращения "товарищ" душевно назвал:

— Дорогой друг! Убеждать меня слишком поздно. Сегодня на совещании членов ЦК, живущих за границей, я, наконец, добился согласия послать в Россию уполномоченного. Поедете вы. С вами Семен и Захар. Сформируете Российскую организационную комиссию. Архиэнергично начнете готовить партийную

конференцию. Она покончит навсегда с остатками формального объединения с меньшевиками, возродит нашу революционную большевистскую партию. Я подчеркиваю, возродит, ибо большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года!

Остановились возле знакомого Ильичу продавца жареных каштанов. Серго по старой имеретинской привычке набил себе карманы. Ильич улыбнулся. Однажды в Женеве он отрядил Надежду Константиновну с утра пораньше к Миха Цхакая — говорили, что Миха совсем без денег, скрывает это и питается одними каштанами — дикими, сырыми. Надежда Константиновна застала Миха за столом, он что-то писал, а вокруг горками лежали каштаны. "Провинившийся" был немедленно отведен к Владимиру Ильичу и признался, что действительно собирает каштаны во время прогулок, очень их любит… перебирать в руках, как четки, когда о чем-нибудь крепко задумается. А в пищу дикие каштаны вовсе не годятся.

Повернули назад. Снова неторопливо зашагали вниз по бульвару, продолжая волновавший обоих разговор. Ленин, будто вскользь, обронил фразу, сразу придавшую беседе острый характер.

— Вам, Серго, знакомо выражение "заграничная буря в стакане воды"?

По тому, как это было сказано, Орджоникидзе понял, что Ленин не сомневался и не ждал от него подтверждения. Скорее это был ответ Ильича на вопрос, который Серго так и не решился задать. Много раз он порывался спросить, знает ли Владимир Ильич о письмах Кобы, о его пренебрежительных отзывах "заграничная буря в стакане воды"… Был бы Коба здесь, Серго не посчитался бы с его обидчивым характером. Но Серго не хотел — это чересчур больно — услышать из уст Ильича слова, осуждающие друга, томящегося в ссылке.

Тут же мелькнула, в сущности, совсем неважная мысль — откуда известно Ленину? От Миха, Шаумяна или от не так давно приехавшего из Тифлиса Фидия? А может быть, от Владимира Бобровского? Ему было адресовано письмо Кобы из Сольвычегодска,[27] а ведь он давний, близкий знакомый Ленина, по его поручению долгое время провел в Грузии…

— Ишь ты, "заграничная буря в стакане воды", — повторил Ленин. — Экая ахинея!

— Владимир Ильич, не надо! — еще не понимая, против чего он протестует, попросил Серго. — Коба наш товарищ! Меня с ним многое связывает.

— Как же, знаю, — охотно подтвердил Ильич. — У меня

самого хорошие воспоминания о Сталине. Я хвалил его "Заметки делегата" о Лондонском съезде партии и особенно "Письма с Кавказа". Только революция еще не победила и не дала нам права ставить над интересами дела личные симпатии и всякие хорошие воспоминания… Вы, кавказцы, очень дорожите товариществом. Помню, на III съезд Кавказу предоставили три мандата. Приехали четыре человека. Расспрашиваю Миха Цхакая: кому же принадлежат мандаты? Кто получил большинство голосов? Миха возмущенно ответил: "Да разве у нас на Кавказе голосуют?! Мы дела все решаем по-товарищески. Нас послали четырех, а сколько мандатов, не важно…"

Ленин снова нахмурился.

— Говорите — "Коба наш товарищ", дескать, большевик, не перемахнет. А что непоследователен, на это закрываете глаза? Нигилистические шуточки "о буре в стакане" выдают незрелость Кобы как марксиста.

Не будем обольщаться! Распад и шатания чрезвычайно велики. Против нас не только авторы сборника "Вехи" — этой энциклопедии буржуазного ренегатства. В стане противника и правые ликвидаторы, добивающиеся разрешения на организацию легальной столыпинской рабочей партии, и ликвидаторы "слева", й революционеры фразы — отзовисты и "внефракционные" поклонники Троцкого… На местах партийные организации разгромлены охранкой… Не забывайте, царское правительство тоже имеет за плечами опыт 1905 года. Теперь оно опутывает рабочие организации густой сетью провокатуры. Это не старые шпики, торчащие на углах! Вы с этим столкнетесь, едва приступите к работе в России.

В сроках Владимир Ильич ошибся. Серго еще оставался во Франции, а в Петербурге "Южный" отдел департамента полиции уже располагал прелюбопытным сообщением из Лонжюмо. Директор департамента Белецкий остро отточенным зеленым карандашом дважды подчеркнул строки, вызвавшие крайнее беспокойство: "Имеются полные основания утверждать, что он также командирован Лениным с особыми инструкциями в Россию".

Из предыдущего текста легко понять, что "он" — это… "Серго", грузин или армянин по народности — провокатор сомневался в национальности Серго, — "Ярый ленинец по убеждениям; его приметы: около 26–28 лет от роду, среднего роста и телосложения, продолговатое худощавое лицо, брюнет, усы и борода бриты, волосы зачесаны назад; носит черный костюм, белую соломенную шляпу, штиблеты; по-видимому, интеллигент; приличная внешность.

Заявив о болезни горла или уха, уехал из Лонжюмо в Париж, якобы делать себе операцию…"

Духовный наставник российской тайной полиции Зубатов звал своих коллег: "Вы, господа, должны смотреть на тайного сотрудника, как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно… Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму".

Более просто и достаточно правдиво характеризовал своих "сотрудников" жандармский генерал Спиридович: "Причины, толкающие людей на предательство своих близких знакомых, очень часто друзей, различны… — Чаще всего будущие сотрудники сами предлагали свои услуги жандармскому офицеру, но бывали, конечно, случаи, и очень частые, когда предложения делались со стороны последних. Так или иначе, но из-за чего же шли в сотрудники деятели различных революционных организаций? Чаще всего, конечно, из-за денег. Получать несколько десятков рублей в месяц за сообщение два раза в неделю каких-либо сведений о своей организации — дело не трудное… если совесть позволяет".

Иногда приходилось платить и намного больше. Триста рублей в месяц в обычное время. Пятьсот после того, как тайный сотрудник стал депутатом Государственной думы! Плюс высокооплачиваемые "прогонные" во время частых поездок по России и Западной Европе. Хотя и сейчас никто не может сказать совсем категорически, что слесарь с крупными оспинами на нагловатом лице, охотник попеть и поплясать Роман Малиновский продал свою душу дьяволу, просто протянув руку за сребрениками Иуды.

Все обстояло сложнее, болезненнее, страшнее. Соперничает, а кое в чем и превосходит роковые придумы Достоевского…

Тщательно доискивалась до правды Надежда Константиновна Крупская, лучше всех знавшая чудовищно запутанную историю Малиновского, переживавшая ее вместе с Владимиром Ильичом. Она вспоминала, что:

"Малиновский… между прочим, рассказывал и о том, почему он пошел добровольцем в русско-японскую войну, как во время призыва проходила мимо демонстрация, как он не выдержал и сказал из окна речь, как был за это арестован и как потом полковник говорил с ним и сказал, что он его сгноит в тюрьме, в

арестантских ротах, если он не пойдет добровольцем на войну. У него, говорил Малиновский, не было иного выхода. Рассказывал также, что жена его была верующей и, когда она узнала, что он атеист, чуть не кончила самоубийством, что и сейчас у ней бывают нервные припадки…

Я потом думала: может быть, вся эта история во время призыва и была правдой, и, может быть, она и была причиной, что по возвращении с фронта ему поставили ультиматум — или стать провокатором, или идти в тюрьму. Жена его действительно что-то болезненно переживала, покушалась на самоубийство, но, может быть, причина покушения была другая, может быть, причиной было подозрение мужа в провокаторстве. Во всяком случае, в рассказах Малиновского ложь переплеталась с правдой, что придавало всем его рассказам характер правдоподобности. Вначале и в голову никому не приходило, что Малиновский может быть провокатором".

Неумолимое время делало свое. Уже многие не менее изобретательные и искусные "сотрудники" безнадежно вышли в тираж. В особом журнале секретного отдела департамента полиции против их фамилий появились красные пометки: "выбыл". А Малиновский все процветал. Он участвовал в международных совещаниях и конгрессах, читал лекции, писал статьи, прошел в Государственную думу и стал лидером большевистской фракции. Речи, написанные для него Лениным, он почтительнейше носил на просмотр господину Белецкому — шефу департамента полиции.

Кто-то из высоких жандармских чинов нарушил завет Зубатова и назвал фамилию Малиновского вновь назначенному товарищу министра внутренних дел генералу Джунковскому.

У этого не очень молодого годами генерал-майора были свои понятия о чести и долге. Он искренне, хотя и очень по-своему, любил Россию. Генерал не счел за труд встретиться с председателем Государственной думы, лидером октябристов Родзянко. Дал ему надлежащий совет, Родзянко, дородный екатеринославский помещик, всегда с опаской относился к неистовому мастеровому Малиновскому. Его раздражали крупные оспины на нагловатом лице, держали в душевном трепете грозные запросы и буйные речи Малиновского, то и дело нарушавшего приятное течение думских словопрений… Родзянко был крут; он потребовал от Малиновского немедля сложить полномочия депутата, исчезнуть из пределов империи.

Восьмого мая 1914 года Малиновский прислал заявление об уходе из думы. В тот же день уехал за границу. Не забыл известить депутатов-большевиков, что, к большому огорчению, не

может никаких объяснений дать в Петербурге; едет в Поронин[28] к Ленину.

Едва Малиновский появился в Поронине, Владимир Ильич созвал бывших на свободе членов Центрального Комитета партии. Из Петербурга приехал Григорий Иванович Петровский — один из старейших русских революционеров, неоднократно подвергавшийся арестам и ссылкам, депутат Государственной думы от рабочих Екатеринославской губернии.

"За анархический, дезорганизаторский поступок" ЦК исключил Малиновского из партии… "Но что касается провокаторства, — продолжала свои записи Надежда Константиновна, — то обвинение в нем Малиновского казалось настолько чудовищным, что ЦК назначил особую комиссию под председательством Ганецкого, куда вошли Ленин и Зиновьев.

…Были серьезные подозрения у Елены Федоровны Розмирович в связи с ее арестом — она работала при думской фракции, жандармы оказались осведомлены о таких деталях, которые иначе, как путем провокации, нельзя было им узнать. Были какие-то сведения у Бухарина".

Пробудились сомнения и у Ленина. Как-то во время вечерней прогулки Владимир Ильич остановился, с тревогой спросил Крупскую, обладавшую особенно тонким чутьем на людей:

— А вдруг правда?

— Ну что ты! — возразила Надежда Константиновна.

"Считаю провокаторство Малиновского невероятным", — сообщил письмом из Парижа "революционер-террорист" Владимир Бурцев, который к тому времени раскрыл нескольких крупных провокаторов и слыл высшим экспертом в подобных делах.

Комиссия ЦК несколько раз встречалась с Розмирович, с Бухариным, снова обменялась письмами с Бурцевым, расспрашивала, допытывала Малиновского. В конечном счете признала, что фактов против Романа Малиновского нет.

Года два спустя, когда Орджоникидзе и Петровский отбывали ссылку в Якутии, Серго спросил у Григория Ивановича:

— А что получилось с депутатом четвертой думы Малиновским? После моего ареста в Петербурге уже не приходилось с ним встречаться.

Григорий Иванович рассказал, что знал. От себя добавил:

— Очень дурной осадок у меня остался. Боюсь, не смогли мы до правды добраться!

Серго слушал, все более мрачнел. На его лице появились бурые пятна. Петровский удивился. — Что с вами, Серго?

— Очень плохо. Как последний мальчишка опозорился!.. На

Пражской конференции Ленин говорил, настаивал: "Ей-же-ей, не надо проводить Малиновского в ЦК. Бррр, сколько у него в голове ррреволюционной мути". Я подумал, неправильно это будет. Все ж таки Роман много лет старается, берет на себя самые рискованные поручения. Всегда на волоске. Другой давно бы кандалами загремел! Ну, и подал записку за Малиновского. Кажется, мой голос все и решил.[29] — И Серго огорченно вздохнул.

Всю горькую правду о Малиновском лишь после Февральской революции поведали расходные книги, платежные ведомости особого отдела департамента полиции. Газеты всех направлений охотно воспроизвели фотокопии расписок тайного сотрудника. В конце 1917 года Малиновский неожиданно объявился в Петрограде — приехал из-за границы, чтобы отдать себя в руки тех, кого он долгие годы так дьявольски предавал. Едва ли он рассчитывал на снисхождение. Революционный трибунал приговорил провокатора к расстрелу.

Но все это будет потом, уже после того, как Ленин провозгласит свое бессмертное: "Есть такая партия!" А пока ради возрождения этой революционной большевистской партии Серго должен был отправиться из Франции в Россию. Сославшись на болезнь и неотложную необходимость лечь на операцию, Орджоникидзе покинул Лонжюмо, Готовился к поездке. Прибавил забот заграничной агентуре охранки.

"Осветить наиболее вероятную цель поездки, предполагаемый маршрут, подлинную фамилию "Сергея", — неумолимо требовал директор департамента полиции. Нет, во Франции этого уже не выведаешь. А новый сотрудник, Юсуф Меликов, предложивший в Баку ротмистру Кулинскому: "…я сейчас же смогу приблизиться к местной партийной жизни и дать обстоятельные сведения", — слишком давно не видал "Сергея".

В Реште Юсуф Мамед Дадаш-оглы Меликов несколько раз захаживал к Серго. Уроженец Баку, ничем особенно не примечательный, он работал приемщиком на складах известного фабриканта Морозова. Орджоникидзе вначале относился к Меликову безразлично, даже не очень приязненно. Потом как-то привык к нему. Раз-другой попросил переправить с надежными людьми в Баку небольшие посылки. Юсуф не спрашивал, что в них. Серго тем более не объяснял, что это прибывшие из Парижа номера ленинской газеты "Социал-демократ".

Осенью 1910 года они после небольшого перерыва снова встретились. Теперь уже в Баку. Меликов и здесь служил на большом складе. Этим как раз и соблазнился Серго. Он попросил хранить заодно и его "товар".

— Я уезжаю в Европу, — поделился Серго, — а в Реште остался мой доверенный, ты его знаешь, Алексей Орешков, конторщик "Кавказа и Меркурия"… Все, что Алексей будет присылать, ты принимай. За письмами и посылками наведаются наши бакинские люди, мои хорошие друзья!

Через руки Меликова прошли и два-три письма Серго из Парижа к бакинским социал-демократам. Все обстояло вполне благополучно… до первого случайного обыска. Серьезных улик не нашли. Так, на всякий случай, начальник жандармского управления приказал ротмистру Кулинскому, пользовавшемуся славой незаурядного мастера развязывать языки, побеседовать с Меликовым и склонить его к откровенному показанию.

Ротмистр свою репутацию полностью оправдал. Меликов с ходу покорнейше попросил принять его в секретные сотрудники.

— Ишь ты, чего захотел! — с трудом скрывая удовольствие, прикрикнул Кулинский. — Надеешься так легко спастись от Сибири?

Тогда Юсуф Мамед Дадаш-оглы выложил свой главный козырь — показал припрятанное письмо Орджоникидзе из Франции.

В Сибирь Меликова не отправили. О его полном благополучии стало заботиться губернское жандармское управление, вполне резонно полагая, что, отправившись в Россию, Серго не преминет заехать в Баку.

8

На пограничной станции Радзивиллов жандармы и таможенники всегда готовы оказать любезность (влиятельным и богатым особам, возвращавшимся после приятного путешествия или лечения на целебных водах. Молодой человек с продолговатым, по-южному резко очерченным лицом, в котелке и безукоризненно сшитом светлом демисезонном пальто также поправлял свое здоровье на модном курорте Виши.

Таможенный чиновник деликатно коснулся кончиками пальцев верхнего слоя вещей и захлопнул саквояж симпатичного путешественника, за что тут. же был вознагражден дорогой сигарой. Раздались звонки к отправлению. Молодой господин, разумеется, занял место в купе первого класса.

В Киеве его встретила элегантная дама, прикрывавшая лицо букетом белых лилий.

Через минуту-другую молодой господин с легким сердцем кликнул носильщика, послал за своим саквояжем. Ехать в Одессу уже не нужно — дама с букетом сообщила: Воровский все берет на себя. Из парижских разговоров с Лениным Орджоникидзе знал: Ильич высоко ценит Вацлава Воровского.

А когда от Аскольдовой могилы к Труханову острову пролегла лунная дорожка и теплая ночь заботливо окутала днепровские кручи, киевлянка представила Серго конспиративному собранию социал-демократов, преимущественно сторонников Ленина и Плеханова:

— Товарищ Николай[30] уполномочен группой членов ЦК сформировать Российскую организационную комиссию по созыву Общепартийной конференции.

На ранней июльской зорьке Киевская организация первой проголосовала за созыв конференции, как говорил Серго, "нашей старой, испытанной в борьбе РСДРП". Избрала своего делегата в Организационную комиссию.

— Наши силы сразу удвоились. Вы да я, — пошутил Орджоникидзе, обращаясь к делегату киевлян. — Вы отправляйтесь в Екатеринослав. Я двинусь в Ростов. Там после нескольких провалов дела сильно пошатнулись. Подняли голову ликвидаторы.

Ростов, Баку, Тифлис. Свидание в Батумской нефтяной гавани с бежавшим из дальней якутской ссылки Самуилом Буачидзе, совместная поездка в Поти и Кутаис. Снова Баку. Провокаторы не успевали "освещать" маршруты Серго. Сбивались с ног филеры. Посланец Ленина счастливо уходил от погони.

За долгие годы Орджоникидзе не то чтобы привык, но как-то сжился с мыслью о неизбежности борьбы с охранкой, с полицией, жандармскими ротмистрами и генерал-губернаторами. Он знал, как бороться, умел побеждать — этому способствовали и собственный нелегкий опыт, и школа Камо, и имеретинская лукавая находчивость. Несравненно болезненнее, горше Серго воспринимал удары в спину, западни, втайне подготовленные мнимыми единомышленниками.

В последних числах августа 1911 года, выиграв трудный бой с ликвидаторами в Тифлисе, Серго вновь приехал в Баку. С недоумением и плохо сдерживаемым гневом узнал, что все его десять писем и несколько телеграмм оставлены без ответа Заграничной организационной комиссией[31] чьим уполномоченным он формально являлся. Не было и денежного перевода. Не на что даже купить билет до Ростова, где снова зашевелились ликвидаторы, подбодренные приездом из Вены представителя "внефракционного" Троцкого.

Чтобы как-то облегчить положение Серго, Степан Шаумян послал экспрессом письмо Крупской. (Для большей конспирации вся почта Ленина адресовалась Надежде Константиновне.)

"Особенно печально было молчание по отношению к Серго. Около месяца оставили человека без денег для продолжения работы и в полном неведении. Ему приходилось делать самые неприятные предположения. Ввиду такого отношения ОК к делу и к людям мы теперь мало верим в. работоспособность ее… Об этом я прошу передать им. Кроме недоверия, их отношение вызвало возмущение всех товарищей".

Из всех предположений Серго оправдалось самое неприятное. Заграничную организационную комиссию к тому времени прибрали к рукам явные и тайные ликвидаторы. Представитель ленинцев Владимирский один ничего сделать не мог. И то, что Орджоникидзе испытал осенью в Баку, Ростове, Тифлисе, было еще сравнительно мелкими гадостями…

Меж тем расторопный и весьма старательный филер Фикус донес, что его давний-давний "подопечный", бывший фельдшер на промыслах Шамси Асадуллаева "Сергей", он же "Орджоникидзе", он же "Николай", выехал, по слухам, в Ростов и намеревается вернуться через несколько дней.

Начальник Бакинского охранного отделения написал на рапорте Фикуса:

"1) Внутреннее наблюдение продолжается. 2) Предложено уведомить в случае возвращения; сообщено начальнику Донского Охранного Отделения".

Сведения Фикуса были точны. По просьбе ростовских

партийцев Серго действительно выезжал на Дон (деньги на билет и пропитание пришлось заимствовать у жившего в Баку родственника Николая Орджоникидзе. Немного наскреб и Шаумян). Через неделю-полторы возвратился. Наступал решающий момент.

"В Баку, — сообщал начальник охранного отделения, — должно было состояться в конце сентября совещание по поводу конференции. Намерены были присутствовать приезжие из Петербурга. Один из них приехал 25 сентября, "Сергей" — 26 сентября, и третий арестован по дороге, в Москве. Этот последний имел бакинские адреса, данные ему "Сергеем" при его выезде".

Заполучив желанные адреса, охранка проявила слишком большое нетерпение. Полицейский наряд, посланный для захвата Серго, нагрянул на квартиру Николая Орджоникидзе, едва в бухте зажглись первые огоньки. Так рано Серго никогда не приходил ночевать. Он появился лишь после полуночи! Еще издали увидел — угловая комната освещена. Свет означал: "У нас нежеланные гости, уходи!"[32]

В запасе была конспиративная квартира в Балаханах. Там же поселился и Семен, накануне приехавший из Петербурга. Он привез хорошие новости. Два промышленных центра Российской империи — Питер и Урал — за конференцию. Их делегаты в пути.

Двадцать девятого сентября на нефтяном промысле в Сабунчах открылось первое заседание Российской организационной комиссии. Присутствовали делегаты Киевской, Екатеринбургской, Екатеринославской, Тифлисской и Бакинской организаций. Представителя петербургских большевиков все-таки перехватила охранка.

Серго сообщил, что за неотложный созыв общепартийной конференции единогласно высказались Петербург, Киев, Москва, Екатеринбург, Тифлис, Екатеринослав, Ростов, Баку, Нижний Новгород и Сормово. Один из делегатов высказал опасение:

— Нас здесь сравнительно немного. Далеко не все организации представлены. Пожалуй, не следовало бы объявлять себя Российской организационной комиссией. Подождем, поработаем еще.

Предложение "подождать" дружно провалили. Орджоникидзе тут же набросал несколько строк для газеты "Социал-демократ", выходившей под редакцией Ленина.

"Все сходились в том, что ответственность слишком велика. Но современное положение дел в партии заставляет, обязывает нас взять на себя трудную работу и довести ее до конца".

Назавтра организационная комиссия должна была снова

собраться, а пока Серго отправился на ночное заседание Бакинского комитета. Он очень любил Бакинскую организацию, гордился своей давней принадлежностью к ней.

Через несколько часов конная и пешая полиция окружила клуб общества "Наука", где собрался Бакинский комитет. Жандармы ворвались внутрь.

— Именем закона, руки вверх! — потребовал ротмистр Кулинский. — Руки вверх! Ни с места!

Степан Шаумян бросился к окну. Слишком поздно… Охранка захватила всех. Во всяком случае, так ей до поры до времени казалось.

Ротмистр внимательно вглядывался в лицо каждого арестованного. Со многими он встречался не раз.

— Что за чертовщина, где "Сергей"? Не мог же он провалиться сквозь землю!

Последние остатки надежды развеял вконец измотанный напрасной погоней за Серго филер Фикус. На следующий день он донес:

"В ночь операции в клубе "Наука" "Сергей" безусловно там находился и участвовал в собрании. Перед самым обыском вышел купить папирос. Ночной ларек он отыскал не сразу, а когда вернулся и увидел полицейский наряд, то, конечно, уже не вошел. Поспешил скрыться из Баку вместе с другим петербургским приезжим, оставшимся неизвестным".

Семена и всех остальных делегатов Серго немедля направил в Тифлис. Прощаясь, объяснил:

— Явка на Андреевской улице, дом номер тринадцать. Не надо так мрачно улыбаться, даю голову на отсечение — число самое счастливое! В Тифлисе все будет отлично. Спрашивать надо учительницу Елену Дмитриевну Стасову.[33] На крайний случай можно обратиться к владелице дома — зубному врачу Крит. Ну, до скорого свидания!

Елена Дмитриевна, давно привыкшая ко всяким неожиданностям, радушно всех приютила. Серго она даже похвалила главным образом за удачный выбор времени.

— Откуда вы узнали, что хозяйка со всеми домочадцами на даче? Я одна во всей квартире. К тому же ко мне очень хорошо относится наш дворник Абаз. Я обучаю его многочисленное потомство грамоте, а он в благодарность делится новостями, исповедуется во всех деликатных поручениях околоточного.

Теперь уже все делегаты готовы были переменить свое мнение о роковом числе "тринадцать". В доме под этим номером они работали без всяких помех.

"Ввиду некоторых причин порядок дня был изменен, —

делился Серго с читателями "Социал-демократа" (речь шла о втором заседании РОК), — первым был поставлен вопрос о "заграница"… Вопрос этот вызвал довольно продолжительные прения. Все местные делегаты высказывали ту мысль… что дальнейшее существование ЗОК кроме вреда ничего не может принести; указывалось на то, что вокруг ЗОК создалось столько склоки, что наше вхождение с ней в официальные сношения в деле привлечения *всех* местных организаций только было бы тормозом".

Делегаты настаивали — необходимо проголосовать за роспуск ЗОК — вполне достаточно Русского центра. Вопреки ожиданиям Серго выступил против.

— Русская организационная комиссия, — напомнил он, — не гарантирована от провала. Среди нас уже нет Степана Шаумяна. До нас даже не добрался наш петроградский товарищ. На войне как на войне — гласит французская поговорка; всяко бывает. Упрячут нас в тюрьму, и снова некому будет готовить партийную конференцию. Пусть уж лучше останется ЗОК, только на вторых ролях, в подчинении Русского центра.

Мнение Орджоникидзе взяло верх. Затем обсудили порядок выборов на конференцию и приблизительный план будущей работы. В заключение приняли воззвание ко всем партийным организациям.

> "К делу, товарищи!
> Долой кружковщину, фракционность, склоку…
> Да здравствует единая нелегальная революционная РСДРП!"

Обращение направили и деятелям легальных организаций.

Серго объяснил потом, для чего это было сделано.

— "Нефракционный" Троцкий… всеми силами распространял против нас всякую… небылицу. Особенно энергично он уверял, что ленинцы не хотят допустить никого из "легалистов" на конференцию. А мы, ленинцы, доказывали своим обращением к товарищам легалистам, насколько "прав" был Троцкий. С недоумением рабочие говорили: "Какая бессовестная травля! Если правда, что Ленин не хочет легалистов на конференции, почему же ленинцы обращаются к нам, мы-то работники беспартийных организаций! Это значит — Троцкий говорит неправду".

По одному, по два члены Российской организационной комиссии покидали Тифлис. В Петербург снова отправился Семен. В Москву и в Прибалтийский край — Сурен Спандарян.[34] Задержался лишь Серго. Он понимал, что слишком рискует. Раздобыл себе паспорт на имя богатого коннозаводчика из

горного Карачая, надел парик, наклеил усы, облачился в щегольскую черкеску. И готовил выборы Кавказского бюро РСДРП — центра, который бы надежно сплотил большевистские группы, разбросанные по городам большого, многонационального края.

Было у Серго и другое намерение, также успешно осуществленное. Он наладил работу подпольной типографии. Сразу дал ей большой заказ — во многих тысячах экземпляров отпечатать прокламацию: "Товарищи рабочие! Организуйтесь в единую нелегальную революционную партию!"

> "…Для того, чтобы в грядущей борьбе иметь силу и влияние на народные массы, — говорилось в прокламации, — чтобы руководить ими, нам нужно иметь свою тесно сплоченную, крепкую и прочную пролетарскую организацию. При теперешних политических условиях ясно, что мы, рабочие, не имеем возможности организоваться в открытую партию. Нам необходима ПОДПОЛЬНАЯ работа. Никакие препятствия не должны останавливать нас в святом деле воссоздания нашей нелегальной рабочей партии.
>
> Везде, повсюду в России сознательные пролетарии неустанно ведут трудную, тяжелую работу по воссозданию и укреплению РСДРП. Так протянем же им руку, встанем плечом к плечу с ними. Объединенные, мы непобедимы!
>
> Итак, товарищи рабочие, настало время, когда с удвоенной энергией мы должны взяться за подготовку к новым битвам под красным знаменем нашей славной и старой Российской социал-демократической рабочей партии.
>
> Долой ликвидаторство!"

Прокламация была распространена по всему Кавказу. Затем в изложении Ленина появилась и на страницах "Социал-демократа". Ильич радовался: "…прокламация отпечатана в собственной типографии тифлисских большевиков".

…Осенью проститься с Тифлисом особенно трудно. На этот раз Серго не мог подбодрить себя тем, что, уехав из родной Грузии, он по крайней мере будет находиться там, где всего нужнее,

Торопился в Париж, а уперся в полосатый пограничный шлагбаум. Ни заграничного паспорта, ни пачки ассигнаций, мгновенно вызывающих благосклонность пограничной стражи, Орджоникидзе не имел. Без денег не удавалось сговориться и с галицийскими евреями-корчмарями и балагулами, хорошо

знавшими тайные тропы и надежные броды.

Оставалось еще раз — в который по счету! — испытать счастье. Как только зарядил хороший дождь, Серго перекинул через плечо ботинки — для сохранности — и подался через лес к реке. Вода оказалась даже теплее, чем предполагал Серго, с детства привыкший к обжигающе-студеным водам Квадауры. Противоположный, поросший сосной берег и был заграницей.

А в Париже Владимир Ильич не знал, что и думать. С надежной оказией Крупская прислала в Тифлис записку:

"С-о все еще нет, и вестей от него никаких. Думаем, провалился. Между тем положение весьма обострилось… Ввиду возможного провала С-о попросите… прислать немедля подробнейшее письмо о свидании с Олей".[35]

О нет! Серго сам поведает Ильичу о своей крестнице Оле.

До Парижа он кое-как добрался. Смертельно устал. Забыл, когда в последний раз досыта ел. И так как не на что было купить билет в омнибус, нанял у Северного вокзала автомобиль. И снова на окраинной улице Мари-Роз консьержка побежала звать Надежду Константиновну. Ей пришлось расплачиваться с шофером.

Они уютно устроились в той же "приемной" Ильича, у окна, выходившего в ярко расцвеченный лукавой парижской осенью садик.

— За это время в жизни нашей дорогой Оли, — Серго невольно озорно подмигнул, — не произошло никакого изменения к худшему. Не получен ни один протест от местных организаций. Напротив, к Российской организационной комиссии присоединились новые силы: крупные районы Москвы, Петербурга, Николаев, Казань, Саратов, Вильно.

— Паровоз поставлен на рельсы, — прибег к несколько неожиданному образу Владимир Ильич. — Ей-же-ей! Практически действующий центр существует. Возможно предвидеть долгие и трудные месяцы, новые провалы, новые перерывы в работе. Но главное сделано. Знамя поднято; рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контрреволюционной атакой!

Поздно ночью Надежда Константиновна не выдержала — потребовала, чтобы Владимир Ильич и Серго немедленно шли спать.

— Вам, Серго, я постелила на кушетке в соседней комнате. Сейчас же ложитесь!

В восемь часов утра Ильич всех поднял. За чаем объявил, что два дня Серго может заниматься чем ему угодно, лучше всего

пусть гуляет за городом.

— Засим, — Ленин отодвинул чашку, затиснул пальцы в узкие кармашки жилетки, повторил: — Засим — бой! Ваш доклад на заседании ЗОК. Ничего хорошего ждать не следует, все-таки пройдем и через это чистилище…

Терпения у Орджоникидзе хватило еще на целый месяц. Лишь в первых числах декабря он поместил в газете "Социал-демократ" открытое письмо "примиренцам из ЗОК".

"Я же, как уполномоченный Российской организационной комиссии, заявляю, — писал Серго, — что ничего общего с этим обломком заграничного учреждения не имею".

Этому предшествовала слишком мучительная душевная драма. 18 ноября Серго получил из России призыв Семена немедля помочь: "Убедительно прошу тебя не задерживать меня деньгами, надо сейчас выехать, переведи телеграфом. Внешняя обстановка резко изменилась и без хвоста ни на шаг. Торопись".

У большевиков денег давным-давно не было. Еще в начале 1910 года, сразу после "примирительного" пленума ЦК, потребовавшего распустить все фракции, сторонники Ленина поручили свою кассу нейтральным "держателям" — лидерам немецких социалистов Каутскому, Мерингу и Цеткин. При этом было оговорено, если паче чаяния произойдет новый раскол, деньги должны вернуться к прежним хозяевам — большевикам. Примирение длилось недолго. Борьба разгорелась пуще прежнего. Ленин попросил "держателей" выполнить джентльменское соглашение. После нескольких месяцев молчания Ильичу предложили — обратитесь в третейский суд, его решение будет обязательным для всех. А в день суда Каутский, смекнувший, что права большевиков неоспоримы, подал в отставку. Нового члена суда так и не выбрали. Касса оказалась вроде бы под арестом!

Серго был в курсе этой не очень красивой истории, в одном из писем работникам Русской организационной комиссии он откровенно высказался:

"Если судьба партии до сих пор решалась в Париже, то теперь все зависит от Берлина, только с той разницей, что быть или не быть определяет самый бессовестный интриган — Каутский. Он совсем захотел господствовать. Но это недолго. Если наше дело закончится с успехом, тогда придется совсем с заграницей покончить, иначе дело потонет".

Сейчас, спасая Семена, Серго готов был броситься и к Каутскому и к самому черту. Все одинаково напрасно. Оставалась единственная надежда. Довольно внушительную сумму — тридцать тысяч золотых франков — держала в банке ЗОК. Смирив гордость, Орджоникидзе упрашивал политиканов из ЗОК.

Показывал им письмо Семена, призывал вспомнить о святых законах дружбы, просто о человеческом благородстве.

— В конце концов не захотите же вы быть пособниками полиции! — прибег к последнему аргументу Серго.

К концу пятого дня переговоров представительница ЗОК Станиславова с ухмылкой заявила:

— Такими письмами нас не запугаете. Ни одной копейки не переведем при нынешних условиях.

Орджоникидзе метался по Парижу. Просил взаймы у политэмигрантов, у студентов грузин. Владимир Ильич и Надежда Константиновна отдали все, что сберегли для короткого зимнего отдыха. Оскар Лещинский пустил в Ротонде шапку по кругу… Выручить друга уже нельзя было. Из Петербурга пришла телеграмма, извещавшая об аресте Семена и корившая Серго за медлительность. Тогда-то он и обнародовал свое заявление: "ничего общего с этим обломком заграничного учреждения не имею".

Развязка приближается с быстротой поразительной. Паровоз, поставленный на рельсы Русской организационной комиссией, неотвратимо набирает скорость. Из сумрачного ущелья он выносится на перевал. Взору машиниста вот-вот откроются озаренные солнцем вершины, светлые дали..

9

На первой странице в углу под линеечку немного выцветшими буквами — фамилия и инициалы автора:

Воронский А. К.

И сотня-другая убористых строк…

"Я приехал в Прагу делегатом от Саратова, одним из первых.

Чаще всего я видел Серго озабоченным. Иногда в самой середине разговора он как будто переставал слушать собеседника, взгляд его становился отсутствующим, точно он задумывался о чем-то далеком, внезапно его поразившем и подчинившем себе. Он становился рассеянным, переспрашивал собеседника, повторял его последние слова, глядя не в глаза, а куда-то между ними, в переносицу или выше.

Был мягок и благодушен с товарищами в обиходе, легко воспламенялся, возражал резко и решительно, с напором и энергией, иногда с раздражением. Это случалось, если Серго замечал, что говоривший, по его мнению, начинал кривить душой, дипломатничать, избегать прямых ответов. Он не терпел оговорок, недомолвок, туманностей. Голос его сразу повышался, делался громким и напряженным, акцент заметно увеличивался. Вид же он принимал такой, будто его незаслуженно обидели.

В Праге Серго продолжал работу организационной комиссии, сносился с Лейпцигом, через который следовала часть делегатов, вел переговоры с чешскими социалистами, предоставлявшими нам квартиры, переписывался с Лениным. Серго следил, чтобы делегаты не слишком бросались в глаза прохожим — заставлял сменить шубы, башлыки, меховые шапки, валенки на более европейские платья и обувь.

Делегаты ходили гурьбой по улицам, громко разговаривали по-русски. Серго напоминал о конспирации. Иногда и сам нарушал конспирацию, ведь ему было всего 25 лет!

Иногда в шутку подкашливал "по-тифлисски" вослед какой-нибудь пражской красавице, она вздрагивала и оглядывалась, а бравый полицейский предупредительно топорщил свои нафабренные усы…

Вечера — в пивной. Хозяину чеху сказали, что мы болгарские студенты, благо Серго сильный брюнет,

Ян Зевин, делегат Екатеринослава, ориентировался на Плеханова. Он все колебался — принять ли ему участие в конференции с решающим голосом, наблюдателем, или поехать к Георгию Валентиновичу Плеханову за инструкциями, Ян отличался большим упорством, и они часами спорили с Серго,

при этом Серго что-то чертил на папиросной коробке, на клочке бумаги, точно хотел доказать ему истину своих мнений наглядно и геометрически. Серго не ошибся. Зевин с первых дней войны 1914 года порвал с Плехановым, связал свою жизнь с большевиками. Он погиб в числе 26 бакинских комиссаров.

Приехал Ленин. Очень сердитый. Дело в том, — что группа делегатов, и я в том числе, разослала приглашения на конференцию меньшевикам-партийцам, впередовцам и т. д. Не помню, принимал ли в этом участие Серго. Кажется, не агитируя за такие приглашения, он, так сказать, "пропускал": попробуйте и убедитесь сами, что из этого получится.

Получилось же прежде всего то, что однажды Серго появился среди нас встревоженный и объявил, что приехал Ильич и очень не жалует нас за наши приглашения. Я никогда не видел Серго в таком нервном и напряженном состоянии — обычных шуток и в помине не было. Он торопил нас немедля отправиться к "Старику", как мы между собой называли Ленина. Владимир Ильич уже ждал нас. Он сидел в застегнутом пальто и не снял котелка. Весь вид Ильича как будто бы говорил — как хотите, приглашайте кого вам угодно, я в этом деле не участвую, в случае чего могу и уехать.

Мы сказали, что объединяться с ликвидаторами мы не намерены, приглашения же послали меньшевикам и впередовцам, чтобы лишний раз показать рабочим, что не мы раскольники, а упомянутые группы.

Ленин с этим доводом не согласился, утверждая, что о расколе не может быть и речи. Раскалываются по крайней мере две стороны, в России же настоящую революционную марксистскую работу ведут только большевики. Серго помог уладить недоразумение с Владимиром Ильичей. Он делал предупреждающие знаки, перебивал, если находил, что кто-нибудь из нас неправильно выразился, качал головой и не отступался от Ленина, убеждая его, что все обойдется. Через два часа все было улажено. Вечер мы провели с Владимиром Ильичей в самой дружеской и товарищеской беседе. Ленин шутил, много смеялся и еще больше расспрашивал нас о работе в России, попутно приглядываясь к тем из нас, с кем он встречался впервые. Удивительный был у него прищур глаз. Серго сиял и радостно оглядывал нас, подкашливал "по-тифлисски".

Из всех нас, делегатов, которым удалось пробраться через кордон, Орджоникидзе был к Ленину наиболее близок. Они встречались, как старые знакомые. Постоянно находились у них разные совместные дела. В памяти моей запечатлелось: уголок комнаты, где происходили заседания конференции, большое окно

или арка, — уединившись во время перерыва и понизив голоса до шепота, коренастый и плечистый Ленин с головой Сократа, приложив горсточкой руку ко рту, доверительно, именно доверительно, совещается с Серго. О чем-то расспрашивает либо слушает, поглядывая куда-то на стену, всегда настороженный, внимательный. Время от времени он наклоняется к самому уху Серго, да, теперь, в эту минуту, он наставляет его — и вдруг хохочет тихонько, приподняв плечи. Невозможно передать эту кипучую натуру, всегда в движениях и в действиях, всегда неутомимую и находящуюся в непрерывных изменениях.

Серго задумчив. Уставившись в одну точку, он трогает свой крупный нос; иногда он поглядывает на Владимира Ильича, и в этом его взгляде и гордость за человека, с которым он беседует, и преданность ему, и еще больше неподдельной к нему любви.

Следя порой за ними, улавливал на продолговатом лице Серго радостное восхищение Ильичем, готовность следовать за ним до конца. Эти чувства Ленин возбуждал и среди других делегатов, но далеко не все умели вести себя с таким тактом, с такой чуткостью, какие обнаруживал Серго.

Во всех главных решениях конференции Серго принимал самое видное участие, выступал, обсуждал проекты резолюций, вносил поправки и изменения. Поведение его в смысле большевистской последовательности было безупречно и совершенно соответствовало основной линии Ленина.

По-прежнему Серго продолжал энергично уговаривать обоих плехановцев, по-прежнему в перерывах слышался его кавказский акцент, веселый смех открывал не менее веселые зубы, и каждой своей чертой, каждым своим движением он как бы свидетельствовал: будь что будет, а наше непременно возьмет. В этом не сомневайтесь, друзья!

То была прекрасная, заразительная уверенность, необходимая в нашем трудном деле, присущая и другим делегатам, но наиболее выразительная у Серго.

…Глядя на Серго, я сравнивал его с чешскими социалистами…

Серго тоже принадлежал к угнетенной национальности, причем национальный гнет со стороны царизма отличался особой жестокостью и хамством, Орджоникидзе горячо и преданно любил густо насыщенное синью, как бы спустившееся к самой земле, необъятно низкое небо Кавказа. Любил свои горы, то грозные, похожие на бастионы, как бы полуразрушенные гигантскими пушками, то нежные и мягкие в своих очертаниях, то покрытые сверкающей снежной бахромой, увитые зеленью, точно победными венками. Любил свой народ с его древнейшей

культурой, а еще больше любил он свое большевистское подполье, крепкое содружество товарищей, их непреклонность и самобытность. В нем ни грана, ни скрупула не было той шовинистической закостенелости, которую все мы, делегаты конференции, замечали у чешских социалистов. Смешно было и говорить о национализме Серго!

И в другом отношении различие между Серго и западными "культурными" социал-демократами бросалось в глаза. Когда выступал лидер чешских социалистов Немец, он сильно жестикулировал, потрясал кулаками, рычал, вопил, гремел, обличал, но то был пафос нарочитый, энтузиазм наигранный. И пафос и энтузиазм спадали тут же на глазах. У Серго и в помине не было ни этой искусной аффектации, ни этого закатывания глаз, ни этой подозрительной дрожи в голосе. Все просто, естественно и мужественно. Слово рождается из глубины существа, из самых недр его. Страсти неподдельны, возмущение убедительно. Писарев однажды заметил: чем мельче подлинные чувства и мысли, тем упорнее прибегает человек к краснобайству, к ложной патетике, к красивым оборотам. У Серго не было в этом никакой нужды, чего-чего, а настоящей, искренней страстности ему не требовалось у кого-нибудь занимать.

Серго весь был обвеян суровым и крепким воздухом революции, где вошло в обычай сражаться против врага в сотни и тысячу раз сильнейшего, где при любом неравенстве сил не складывали оружия и не просили пощады, не сдавались в плен, не падали Духом, а деловито заменяли падавших, выбывших из строя. Откуда же здесь быть самохвальству, ограниченности?!"

10

Орджоникидзе покидал Прагу последним. Несколько часов назад уехал Сурен Спандарян — делегат от Баку. Впервые за две с половиной недели Орджоникидзе остался в Праге один. Обязанности, возложенные конференцией на председателя "разъездной комиссии", исчерпаны. Больше ничего не нужно делать, не о ком заботиться, просто дождаться вечера и сесть в парижский экспресс. А пока можно побродить по городу, хотя погода не очень благоприятная. — Со снежных вершин Крконоши дует пронзительный ветер, пражцы спешат укрыться в жарко натопленных квартирах, неплохо и в пивных.

Побродив по Градчанам — Пражскому кремлю, Серго спустился к Карлову мосту, где в почетном карауле недвижно застыли тридцать изумительных статуй. На другом берегу медлительной Влтавы не заметил, как углубился в узкую Гибернскую улицу. Машинально направился к трехэтажному дворцу в стиле раннего барокко. С начала двадцатого столетия дворец, часто менявший владельцев, — собственность чешских социалистов. У него доброе имя — Народный дом.

Привратник распахнул резные двери, вежливо, но не без тревоги осведомился:

— Снова партейтаг, пан?

Серго улыбнулся. Даже лидеры чешских социалистов, охотно предоставившие Народный дом для заседаний конференции, далеко не всегда понимали, из-за чего "русские коллеги так долго делают свой партейтаг", о чем две недели дискутируют за плотно закрытыми дверями.

Дальняя большая комната с простыми столами и стульями, с бюстом Карла Маркса на этажерке встретила Серго непривычной тишиной. Боясь вспугнуть нечто бесконечно дорогое, Серго поторопился сесть, прикрыл глаза. Его не очень заботило, увидит ли он когда-нибудь снова Прагу. На двадцать шестом году жизни такие мысли не обременяют. Прожитое кажется первой ступенью длинной лестницы, неизменным преддверием к тому, что еще должно открыться. Но с этой комнатой было слишком трудно расставаться! Б ее стенах Серго испытал величайшее счастье, удовлетворение, гордость. Здесь возродилась[37] безгранично дорогая его сердцу Российская социал-демократическая рабочая партия.

Готовясь в недалеком уже будущем взять в свои руки судьбы России, испытанная в боях, революционная партия не только проложила межу между борцами и отступниками. Она высказала

свое мнение по многим вопросам, волновавшим в те дни миллионы людей — о борьбе с голодом и о китайской революции, "несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии", о социальном страховании и о положении *в* Иране, о русском и английском колониализме и о парламентской тактике социалистов. Дошла до самых глубин жизни.

…Вечером Серго последним из русских большевиков покинул Прагу. Хотелось как можно скорее в Россию, в круг бойцов. Но путь в Петербург по многим причинам снова лежал через Париж.

В этот последний недолгий приезд во Францию Орджоникидзе прочитал черновой набросок статьи Владимира Ильича о Герцене:

> "Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.
>
> Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями "Народной воли". Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. "Молодые штурманы будущей бури" — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.
>
> Буря, это — движение самих масс… Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах".

Всем существом своим Серго ощущал эту поднимающуюся бурю. 10 февраля он уже писал из Петербурга в Заграничный центр:

> "Дела идут недурно. Надеюсь, пойдут совсем хорошо. Разыскал многое… Настроение среди публики отрадное. О ликвидаторах и слышать не хотят. Все, без различия, приветствуют наши начинания. В успехе не сомневаюсь. Почти на каждом заводе имеется сплоченная группа".

Вдогонку второе сообщение. Из Киева — Ленину. "В конференции все видят выход из склоки и все приветствуют… Везде и всюду просят резолюций, только жаль, что их нет в большом количестве, шлите по несколько экземпляров по имеющимся адресам. В Киеве очень крепко. Еженедельно выходят листки и ведется работа".

Покуда Орджоникидзе объезжал города Украины, читал доклады о конференции в Ростове и Баку, Малиновский получил

тщательно зашифрованную "Избирательную платформу РСДРП". Надежда Константиновна предупреждала, что до того, как рукопись будет отпечатана большим тиражом, ее необходимо хранить в строжайшем секрете. Никто, кроме Серго и Малиновского, ничего знать не должен.

Малиновский болтать не стал. Он попросту снял с рукописи Ленина копию и передал жандармскому полковнику Заварзину. А тот со специальным курьером переслал директору департамента полиции:

> "При сем имею честь представить вашему превосходительству копию добытой агентурным путем избирательной платформы РСДРП, Означенная платформа в рукописи переслана из-за границы и подлежит отпечатанию под непосредственным присмотром члена ЦК — "Серго", упоминаемого в моих предыдущих представлениях и ныне, по сведениям агентов, находящегося в г. Киеве.
>
> К сему ходатайствую перед вашим превосходительством сведения о месте нахождения "Серго" использовать без указания источников на г. Москву. И докладываю, что о поступлении подлинника "платформы" известно лишь двум лицам, почему и дальнейшая разработка по сему делу крайне нежелательна ввиду опасности безусловного провала весьма серьезной и ответственной центральной агентуры".

Ничего плохого Орджоникидзе не подозревал. Малиновского он нисколько не опасался, тем более что после Праги их отношения стали теплее. Серго и сейчас сказал ему чистую правду. Рукопись Ленина он действительно собирался печатать в Киеве. Нашел подходящую типографию, условился с владельцем, только тот в последний момент оробел, отказался от своего слова. Серго ругался, а должен бы благодарить своего невольного спасителя!

Раздосадованный Орджоникидзе, уже не предупреждая Малиновского, внезапно уехал в Тифлис. Еще несколько недель он останется на свободе, среди борцов.

Приезду Серго Стасова душевно обрадовалась. Она с удовольствием отправилась на свидание, назначенное у почтамта на Михайловском проспекте. Веселый, отлично одетый Серго подхватил Елену Дмитриевну под руку. У гостиницы "Северные номера" предложил зайти в духанчик. Подобно большинству популярных тифлисских кабачков, этот также находился в

подвале. Стасова заколебалась. Серго настаивал. Чтобы не обидеть его, пришлось согласиться.

Через несколько минут на столе появились кувшин с вином, нацеженным из бочки, тарелки с зеленью, вареным лобио с орехами, сыром. На кухне жарились шашлыки. Серго шутил, рассказывал веселые истории. Елена Дмитриевна пыталась заговорить о делах. Ничего не выходило.

Стасова не заметила, как Серго перемигнулся с вошедшим в духан толстяком. Тот заулыбался, сорвал с блестящей бритой головы черную круглую шапочку, издали протянул руки.

— Теперь все в сборе, можно поговорить, — объявил Орджоникидзе, ставя на стол пустой стакан.

Впоследствии Елене Дмитриевне придется часто обращаться к этому толстяку. По очень веской причине — у него своя, хорошо оборудованная типография. В том же районе — вблизи почтамта и "Северных номеров". Для пущей — важности в конторе типографии Стасова отрекомендовалась как заведующая школой общества учительниц. Школе требовалось то одно, то другое. Из большого уважения к "госпоже директорше" текст у нее всегда принимал сам хозяин. Он же выдавал готовые заказы — небольшие, тщательно упакованные пачки.

А в тот вечер, приятно проведенный в духане, Серго поручил своему приятелю отпечатать солидным тиражом "Избирательную платформу" и воззвание к рабочим.

В Тифлисе у Серго было много и других дел. Он выступал на сходках, на больших собраниях — отчитывался перед партийной организацией, вручившей ему прошлой осенью мандат на Пражскую конференцию. Стасовой и Спандаряну казалось, что Серго слишком рискует. Они торопили его с отъездом.

С большим транспортом литературы Орджоникидзе сел в поезд. Где-то рядом примостился филер. Из Баку в Петербург полетело сообщение:

"На север проследовал бывший член Российской организационной комиссии "Серго". Здесь он оставил следующую литературу…" (Все обстоятельно перечислено.)

В Ростове никаких осложнений. В Харькове тоже. Только на почте ждала открытка из Киева с настораживающе невинным текстом. Дата поставлена внизу, после подписи, два раза подчеркнута. Это предупреждение — написано "химией", надо проявить, затем расшифровать. Киевляне сообщали, что товарищ, который вместе с Орджоникидзе должен объехать южные губернии Украины, ожидает в Одессе.

"Придется Москву опять отложить, — подумал Серго. — Ничего, там Малиновский, если что срочное, сделает сам".

Волновало Серго другое. Ленину казалось, будто Русское бюро ЦК все делает не так быстро, как нужно. Заподозрил Серго в неаккуратности — грехе, по мнению Ильича, величайшем. После недолгого колебания Владимир Ильич послал в Тифлис письмо, поразившее Стасову необычно резким тоном. Лишь в приписке, после слов "передайте это письмо С", было скупо добавлено "привет товарищам".

> "Меня *страшно,* — подчеркнул Ленин, — огорчает и волнует *полная* дезорганизация наших и (ваших) сношений и связей. Поистине, есть отчего в отчаяние придти!
>
> …Ни из Тифлиса, ни из Баку (центры страшно важные) ни звука толком, были ли доклады? где резолюции?
>
> …Точного письменного ответа нет и о платформе. Будет ли издана? Когда?.."

Покуда Елена Дмитриевна расшифровала эти строки, снова переписала "химией" и они дошли до Орджоникидзе, прошло не меньше двух недель. Оставалось надеяться, что все уже утряслось. Так Серго и ответил Стасовой,

"Письмо Старика написано, как видно, в начале марта, теперь, должно быть, он до некоторой степени успокоился".-

Еще через несколько дней Надежда Константиновна известила: "Дорогие друзья, получили сразу два ваших письма (о местных делах и о намеченных планах) и 2 листка: "За партию" и платформу. Горячо приветствуем".

Это было последнее, что дошло до Серго.

В первых числах апреля в Москве Орджоникидзе встретился с Малиновским.

"Решено, — с интересом читал донесение полковника Заварзина директор департамента полиции Белецкий, — если обстановка не изменится, сорганизовать летом текущего года ряд заседаний нового Центрального Комитета партии с приглашением для участия в таковых представителей от отдельных подпольных организаций империи. Главными вопросами, кои предложены будут на разрешение, явятся окончательное распределение порядка выступлений в период предвыборной кампании и точное установление кандидатур представителей партии.

В видах ознакомления активной партийной среды с взглядами и намерениями центра партии предложено устройство в возможно большем числе местностей империи ряда нелегальных законспирированных собраний. Из коих первое

должно состояться в ближайшем будущем в г. С.-Петербурге под непосредственным руководством "Серго". По имеющимся предположениям, он намерен на днях выехать в г. С.-Петербург для осуществления вышеуказанного собрания".

Господин Белецкий тут же приказал:

— За "Прямым"[38] установить круглосуточное строжайшее наблюдение.

Полковник Заварзин не поскупился, выделил трех наиболее смышленых филеров. Посыпались рапорты:

"Прямой" встретился с неизвестным, прибывшим с Казанского вокзала…"

"На Патриарших прудах "Прямой" 40 минут беседовал с "Кобой", центровиком…"

"Перед отходом скорого поезда "Москва-Одесса" "Прямой" появился на вокзале. Что-то сунул в руку кавказцу или еврею, следовавшему в вагоне № 4".

Ночью 9 апреля Заварзин, никому не доверяя, торопливо писал телеграмму.

> "Срочно. Петербург.
> Лично начальнику охранного отделения.
> 9 апреля Николаевского вокзала поездом № 8 выехали Москвы Петербург центровики эсдеки Серго и кооптированный Коба. Примите наблюдение филеров Андреева, Атрохова, Пахомова. Последнего верните.
> Ликвидация желательна, но допустима исключительно лишь местным связям без указания источников на Москву, Полковник Заварзин. № 289303".

Серго чувствовал себя уверенно. В бумажнике у него лежал паспорт на имя Гасана Новруз-оглы Гусейнова, крестьянина деревни Сарван Борчалинского уезда Тифлисской губернии. Безупречный документ, ни одна буква не исправлена, все в неприкосновенности. От такого "вида на жительство" подлинный Новруз-оглы отказался единственно ввиду смерти. Бедняга умер несколько месяцев назад.

Эта подробность смутила опытную подпольщицу Веру Швейцер. Она порекомендовала паспорт на прописку в полицию не посылать.

— Устроим вас, Серго, на конспиративной квартире.

Орджоникидзе согласился, к удовольствию филеров. В их обязанности как раз входило выведать петербургские связи "Прямого". Потому-то его и не взяли сразу на перроне вокзала, наводненного сыщиками.

Первыми, кто смутил Серго в имперской столице, были…

мороз и старый величавый лакей Стасовых. Посидев с полчасика в санях — на очередную явку надо было ехать в конец Обводного канала, — Серго так замерз в своем парижском демисезонном пальто и котелке, что не мог достать из кармана портмоне. Попросил извозчика:

— Ты, голубчик, сам как-нибудь вытащи мой кошелек и отсчитай, сколько тебе следует.

Наутро, прочитав, что накануне было восемнадцать градусов мороза, Серго воскликнул:

— Если бы я знал, что так холодно, обязательно бы умер!

А о страхе, что на него нагнал лакей Стасовых, шутки ради, написал в Тифлис Елене Дмитриевне:

> "Ваш дворецкий с бородой графа захотел от меня получить визитную карточку, у меня же, к сожалению, не оказалось и простой картонной бумажки. Долго уламывал. Беседовал с вашими. Сделал все, что нужно… Виделся еще кое с кем; надеюсь, что дела пойдут недурно".

Сердце — вещун, говорят в народе. На этот раз оно что-то спасовало или Серго за делами не услышал. Лишь на четвертый день жизни в Петербурге на Невском он заметил за собой хвост. Кликнул лихача, приказал: "Побыстрее, дам на водку". Чуть погодя оглянулся. Сзади — другие сани, за ними еще одни. Протянул лихачу трешницу: жми изо всех сил.

Раздались свистки. Наперерез бросились городовые, из подворотен выскочили дворнику

Орджоникидзе продолжал верить в силу своего "железного", как говорили подпольщики, паспорта, тем более что при обыске у него ничего компрометирующего не нашли. В карманах были только рецепт на лекарство и письмо — коротенькое, деловое — в контору братьев Лианозовых, бакинских промышленников.

Первый допрос длился минут десять.

Ротмистр из охранного отделения без интереса задал несколько пустяковых вопросов: где взял паспорт, зачем пожаловал в Санкт-Петербург, где и какое родство имеет?

Уходя, ротмистр не забыл предложить папиросу. Вежливо осведомился:

— Имеете какие-нибудь просьбы?

— Отпустите, господин, на волю, мне лечиться надо. Сколько дней лекарство не могу заказать, рецепт забрали.

— Так-так, — бросил на прощание ротмистр. Новый допрос состоялся не скоро. Прежде сам господин Белецкий должен был побывать с докладом у министра внутренних дел.

— В наши сети, наконец, влетела большая птица, — удовлетворенно говорил шеф полиции. — Этот бывший дворянин Орджоникидзе, по нашей картотеке — "Прямой", непримирим и, тем более, неподкупен. Пользуется неограниченным доверием Ленина. Полагаю, должен быть заключен в Шлиссельбургскую крепость.

— Полностью разделяю ваше мнение, — отозвался министр.

11

В среду, десятого октября 1912 года, на Ореховый остров Ладожского озера доставили из Санкт-Петербурга очередную партию каторжан. Все в серых бушлатах, на бритых головах ушанки из шинельной материи, на ногах кандалы.

Теперь всего пути несколько сот шагов. Шлиссельбург — Ключ-город, или, как его в старину называли, крепость Орешек, у самого гранитного берега.

С причала хорошо видна высокая каменная стена, охватившая всю цитадель. В центре низко прорезанные, окованные железом ворота. У ворот полосатая будка часового и такой же полосатый фонарный столб.

Злой волей самодержцев заслуженная русская крепость на Неве превращена в державную каторжную тюрьму. С царя Петра повелось. Он заточил в крепость провинившуюся жену Евдокию. Что великий сделал в буйном гневе, то вырождавшиеся, мелкие, неуверенные в своей судьбе возвели в государственный обычай.

В восемнадцатом веке в Шлиссельбурге томился просветитель Новиков. После него декабристы — братья Бестужевы, Пущин, Кюхельбекер. За ними народники Фигнер, Фроленко, Морозов. Сейчас — преимущественно захваченные на баррикадах участники революции 1905 года и большевики.

Только что сошедшие на остров каторжане еще не привыкли к оковам. Кандалы слишком низко опущены, бьют по ногам. Это раздражает Серго, мешает сосредоточиться. У ворот Шлиссельбурга самое время спросить себя: борец ты или узник с поникшей головой?

Вчера на заседании Петербургского окружного суда прокурор, за ним господин председательствующий долго перечисляли, в чем повинен перед империей Николая Второго член Центрального Комитета партии социал-демократов-ленинцев Григорий Орджоникидзе:

> "…В 1905 году перед большим стечением народа открыто провозглашал: "Дзирс Николози!" — "Долой Николая!"
>
> …Бежал с места водворения.
>
> …Противозаконно переходил государственные границы.
>
> …Издавал и распространял нелегальную литературу.
>
> …В целях, направленных на ниспровержение существующего в государстве строя, учредил

"Российскую организационную комиссию" по созыву партийной конференции.

…Представлял собой делегата от Тифлисской организации.

…При формировании нового Центрального Комитета вошел в- таковой с обязательством руководить работой в России.

…Посему за совершенные преступления… к трем годам каторжных работ с последующим поселением в Сибирь пожизненно".

— Стой!

Серго вздрогнул, звякнули кандалы.

— В один ряд стройсь!

У стен крепости начальник конвоя пересчитывает каторжан. Сейчас их примет под свою руку начальник тюрьмы остзейский барон Зимберг.

Орджоникидзе сразу оценил: в подражание августейшему монарху этот верноподданный немец носит на мундире значок "Союза русского народа".

Для начала Зимберг приказал:

— Кавказского абрека в четвертый корпус к Сергееву.

Бывший унтер-офицер Семеновского полка Сергеев — особа заслуженная. Под командой полковника Римана он убедительно — расстрелом участников московского восстания — растолковал, что такое "Манифест о свободах".

Перед унтером открывалась большая карьера.

Все испортил хлипкий студент. Не вовремя подвернулся пьяному Сергееву под руку, не захотел встать навытяжку в ресторане. Унтер, конечно, в целях воспитательных как следует избил шпака. Тот, подлый, оказался сыном модного петербургского врача. Папа тиснул статейку в газету. Тогда в подтверждение того, что за царем верная служба никогда не пропадает, Сергеева приказано было назначить надзирателем в Шлиссельбург. Чего уж лучше!

Очень скоро, даже раньше, чем хотел бы Серго, он получил полное представление о своем надзирателе. Каторжан из четвертого корпуса погнали заготовлять лед — в числе других коммерческих операций начальника тюрьмы была и поставка льда в Петербург. Добрались до проруби, принялись за работу. Привычным делом занялся и Сергеев. Ругался, раздавал тумаки, подзатыльники. Не отказал себе и в утонченном удовольствии — подозвал больного, почти совсем потерявшего рассудок узника Алтунова.

— Отвечай, почему до сих пор не покончил самоубийством?

Вопрос этот задавался изо дня в день. Против обычного Алтунов не затрясся, не заплакал. Собрав последние силы, он вцепился надзирателю в горло. Потащил его за собой в прорубь. Сергеев пытался ухватиться за стоявшие рядом салазки. Кто-то любезно подтолкнул его в спину: пропадай, собака, в ледяной купели!

Конвойные, помощники надзирателя, некоторые уголовники не дали свершиться возмездию. Сергеева вытащили. За ним и потерявшего сознание Алтунова. Тюремщики тут же бросили его на лед, били ногами, топтали. Серго попытался вызволить несчастного. Ударами прикладов Орджоникидзе отогнали. Раз, второй. Товарищи схватили за руки.

Опомнитесь, так вы ничего не добьетесь, кроме пули. Пристрелят, потом скажут, напал на конвойных, пытался бежать…

Вечером на "законных основаниях" Орджоникидзе вызвал в камеру начальника тюрьмы. Барон Зимберг уважал порядок, чтил высочайше утвержденные правила. Он явился. Весь — внимание, Серго заявил:

— Вы обязаны уволить надзирателя Сергеева. Он изувер.

— Обстоятельства дела будут проверены. В Шлиссельбурге ничего не остается без наказания. Вы получите случай убедиться, — ровным голосом обещал Зимберг.

Исполнил все в точности. Меньше чем через час Серго сволокли в "заразное" отделение. Когда-то этот совершенно изолированный от всей тюрьмы закуток с семью камерами в случае вспышки тифа или другой эпидемии предназначался для заразных больных. Зимберг приспособил его для "нравственных заразных". По рассуждению остзейского барона, Серго, безусловно, относился к категории таких каторжан. Притом неисправимых!

В "заразном" отделении Серго попал в пятую камеру. Соседями оказались матрос Василий Ларин и польский социалист Иосиф Малиновский. У поляка был свой "пунктик".

— Главная творческая роль в революции, — твердил он, — принадлежит католической религии,

Примера ради Иосиф ссылался на себя:

— Я образованный социалист и убежденный католик.

Через день-другой в камере разгорелся спор. Поляк рьяно доказывал свое, долго не сдавался. Серго и постепенно брал верх.

Для Орджоникидзе это была маленькая проба сил. Он намеревался затеять дискуссию посерьезнее, встряхнуть тех, кто давно смирился, мечтает лишь о том, чтобы выйти на волю.

В крепости томилось много ветеранов и по возрасту и по тюремному стажу. Далеко не все сохранили вольнолюбивый дух, находили в себе силы принимать участие в протестах, отстаивать свое гражданское достоинство.

В "заразном" отделении Шлиссельбургской крепости, в этом застенке внутри каторжной тюрьмы, нельзя было, как когда-то в сибирской ссылке, собирать политических на просторах Ангары, укрываться в тайге. Встречи "заразных" почти исключены. Их лишают общих прогулок, не выпускают на кухню за пищей.

Добрым советчиком неожиданно оказался Иосиф Малиновский, старожил пятой камеры. Он охотно рассказывал о шлиссельбуржцах, с которыми в разное время сидел в одной камере. Чаще других вспоминал Федора Петрова,[39] руководителя восстания саперов в Киеве.

— Приятель Петрова Лихтенштадт[40] сидел в другой камере, — делился Иосиф. — Так они друг другу постоянно передавали записки, все время почта…

— Погоди, друг, не заговаривайся, — прервал Серго.

— Я дело говорю, — возразил Иосиф. — Иди сюда!

Поляк подвел Орджоникидзе к трубам парового отопления. Потребовал:

— Веди ладошкой между стеной и трубами… Чувствуешь щели? Федор Петров сразу смекнул: трубы тянутся через все отделение, из первой камеры в седьмую. Пользуйся в свое удовольствие. Один сунул записку в щель, другой вытащил или дальше протолкнул — по надобности. Чем не почта?

— А где теперь Петров? — спросил Серго. Иосиф пожал плечами.

— Не знаю. Срок у него большой. Свидитесь. Его часто в карцер определяют. Тебе с твоим характером тоже не миновать. Там, в подземелье, стен нет, одни решетки. Обязательно познакомитесь.

Пока что Серго позаботился как следует загрузить "почту Петрова". Еще в первые дни, до перевода в "заразное" отделение, он узнал, что для пленников Шлиссельбурга время остановилось на 1909 году. Большим событием явилось то, что Владимир Лихтенштадт получил от родственников в переплете одного из благонадежных изданий "Нивы" книгу Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". На книгу огромная очередь. Счастливец обязательно должен успеть прочесть между двумя дежурствами на кухне. Дежурный незаметно приносил книгу и клал в узел под кухонные тряпки. Забирал новый дежурный.

Серго принялся рассылать по камерам написанные крохотными, но очень разборчивыми буквами сообщения о

воссоздании нелегальной РСДРП и о полном разрыве на Пражской конференции с ликвидаторами и другими отступниками; такие же краткие и живые рефераты о последних работах Ленина. Поведал и о том, что перед самым арестом прочел в левых газетах телеграммы о кровавых событиях на Лене — расстреле мирного шествия, направлявшегося с петицией к товарищу прокурора.

— Я не знаю подлинных масштабов и последствий этой трагедии, — добавлял Орджоникидзе. — Но не может быть, чтобы Россия простила Николаю новое "кровавое воскресенье" — гибель двухсот семидесяти рабочих золотых приисков. Залпы на Лене всколыхнут массы. Наш час близок!

Почта, известно, не всегда приносит радостные сообщения. Случается, круто меняет течение жизни. И как-то Серго вынул из своего "почтового ящика" — из щели за трубами парового отопления — сигнал бедствия: начальник тюрьмы приказал прекратить лечение тяжело больного политкаторжанина Фомичева.

Бывший рабочий из Екатеринослава анархист Фомичев слыл первостатейным бунтарем. Барон Зимберг с удовольствием ухватился за возможность навсегда избавиться от "неисправимого". Тем более что госпиталь в крепости крохотный, а Фомичев почти безнадежен.

Серго взорвался.

> "Мы подняли стуком и кандальным лязгом такой тарарам, — вспоминал впоследствии шлиссельбуржец о. Гончаров, — что в каких-нибудь десять минут поставили на ноги всех тюремщиков. Наш коридор наполнился надзирателями с винтовками, командовавший ими помощник начальника тюрьмы грозил стрельбой и расправой. Через час Фомичева снесли на носилках в госпиталь, а через два часа нас всех, во главе с Орджоникидзе, рассадили на целый месяц в подземные башни карцера.
>
> Железные кандалы на голых ногах, спанье на холодном, как лед Ладожского озера, цементном полу, сухой хлеб без соли, несколько глотков воды за весь день — такой режим мог сломить любого богатыря. Было обычным явлением, что после карцера многие отходили в сторону от тюремной борьбы. Сер-го, наоборот, вышел из карцера еще более непримиримым. Его характер уподобился булату, закаленному в огне. В тюремных книгах часты записи: "Орджоникидзе на три недели в

карцер за невставание на поверку", "Орджоникидзе на две недели в карцер за неснятие брюк во время обыска", "Орджоникидзе на три недели в карцер за надзирателя"…

Мы добились того, что тюремщики во главе с Зимбергом отступили перед каторжанами и делали вид, что не замечают нарушения тюремных инструкций и распорядков. У нас в "заразном" отделении была республика каторжан. Одним из ее лучших бойцов — Орджоникидзе. Под его влиянием многие отказались от своих ошибочных взглядов и снова вернулись в ряды революционных борцов".

Насчет республики, возможно, оказано слишком крепко, но то, что Серго развеял заблуждения многих каторжан, встряхнул, не дал склонить головы — чистая правда. В дискуссии, или, если совсем точно, в тайные переписки о национальном вопросе и об отношении социал-демократов к русско-германской войне, Орджоникидзе вовлек всех политических. Каждая дискуссия длилась шесть-семь месяцев.

12

Сохранилась толстая тетрадь[41] в одну линейку, в черном клеенчатом переплете. Сто девяносто четыре желтых листочка, пронумерованных и прошитых цветным шнуром, — на концах большая сургучная печать с двуглавым орлом. Несколько овальных штампов: "Проверена 13/ХП 1913 г.", "Проверена 23/1У" (год не проставлен) и т. д. Шлиссельбургская тюремная тетрадь не самое лучшее место для доверительных записей. И все-таки как много сокровенных мыслей Серго может поведать она! Вслед за самодельным календарем — стихотворение (Федор Николаевич Петров твердо стоит на том, что даже в карцере Серго писал стихи и читал, — товарищам):

Тут… тук… тук…
Миновал обход докучный. Лязгнул ключ, гремит засов.
Льется с башни многозвучный, перепевный бой часов,
Скоро полночь — миг свободы;
Жаркой искрой сквозь гранит к мысли мысль перебежит,
Тихий зов, тоску, невзгодье
Сердце сердцу простучит:
Тук… тук… тук!..
Условный звук,
Звук приветный,
Стук ответный,
Говор азбуки заветной,
Голос камня: гук-тук-тук!
Голос друга: "Здравствуй, друг!
Я томлюсь вю мраке ночи,
Ноет грудь, не видят очи,
Одолел меня недуг…
Слышу смерти приближенье…
О, как жажду я забвенья!
Как зову успокоенье,
Наслажденье мертвым сном!.."
"Друг, ответь мне, что с тобою?
Ты сильней меня душою,
Спишь ли ты ночной порою
В этом склепе гробовом?"
Стук приветный, тихий стук,
Звук ответный: тук… тук… тук.
"Я бы спал, и сон приходит —
Дух усталый вдаль уводит, —

Но не долог чуткий сон.
Вдруг проснусь я, содрогнусь я, —
И так больно в душу входит
Голос пленницы безумный,
Одинокий, страшный стон…
Часто ночью многодумной
Рядом, рядом за стеной
Слышу смех ее безумный,
Слышу крик души больной…
Жутко… Страшно… Но, бывает,
Сердце тьму позабывает —
Просветленный, чудный миг…
Мысль далеко улетит…
В книге звезд душа читает
Откровенье древних книг…"
"Друг, мужайся! День настанет!
В алом блеске солнце встанет!
Синей бурей море грянет,
Волны песни загудят!
Будет весел многоводный
Пир широкий, пир свободный.
Он сметет грозой народной
Наш гранитный каземат.
Мы расскажем миру тайны
Долгих лет и долгих мук,
И в садах родной Украины
Вспомнишь ты, сосед случайный,
Наш условный, тихий стук —
Стук приветный, стук ответный,
Голос азбуки заветной,
Голос камня: тук… тук… тук!..
Голос друга: "Здравствуй, друг!"
…Тихий стук, печальный стук:
Тут… тук… тук…
"Нет, не мне в саду зеленом
Встретить песней и поклоном
Луч багряный — вспышку дня!
Слышишь: льется нежным стоном,
Бьет последним перезвоном
Час желанный для меня.
Друг, прощаюсь я с тобою:
Смерть склонилась надо мною
И рукою ледяною
Уж моих коснулась губ…

Завтра утром два солдата
Унесут из каземата
Безыменный, бедный труп…
Душно, дурно… Умираю…
Месть тебе я завещаю:
Расскажи родному краю
Этот ужас долгих мук.
Ближе, ближе холод ночи…
Давит грудь… не видят очи…"
Слабый стук, последний стук.
"Милый друг, спокойной ночи!.."
Тут… тук… тук…

Других стихотворений Серго в тетради нет. Зато много внимания он уделил строкам Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Из книги поэта Михайлова выписал:

Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам.
Верь, плод взойдет, и наше время
Отмстит сторицею врагам
И разорвет позора цепи,
Сорвет с чела ярмо раба,
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя.

Часто Серго обращался к Байрону. Известному четверостишию:

И если ты о юности жалеешь,
Зачем беречь напрасно жизнь свою?
Смерть пред тобой, и ты ли не сумеешь
Со славой пасть в бою?

— сопутствует полный сочувствия рассказ Орджоникидзе о последних часах поэта-борца, о его смерти в походной палатке на земле Эллады…

По своей ли доброй воле или чтобы не лишать себя права пользоваться тюремной библиотекой, Серго всякий раз заносил в тетрадь название прочитанной книги и фамилию автора. Из русских писателей чаще всего: Достоевский, Лев Толстой, Тургенев, Герцен, Чернышевский, Гончаров, Короленко, Горький,

Куприн, Леонид Андреев, Бунин, Гарин-Михайловский, Мельников-Печерский, Вересаев, Борис зайцев, Помяловский, Сергеев-Ценский, Муйжель, Телешов, Серафимович. Из иностранных авторов: Шекспир, Гёте, Мольер, Мирбо, Бурже, Гудков, Шиллер, Франс, Бомарше, Бальзак, Ибсен, Стендаль, Золя, Стринберг, Гауптман, Бичер Стоу, Уэллс, Лондон.

Из многих книг сделаны выписки. Почти всегда Серго высказывал свое мнение о прочитанном, полемизировал с авторами или подкреплял их мысли своими наблюдениями, доводами.

Теперь уже более обстоятельно и продуманно, чем во время последнего разговора с Лениным в Париже, Серго высказал свое мнение о взглядах с детства любимого Герцена.

> "…Три ошибки Герцена. 1. Он не понял и не оценил *того великого движения русской общественной мысли, которое зачиналось в конце* 50-х гг., в самый разгар политической жизни Герцена, и было связано с великими именами Чернышевского и Добролюбова;
>
> 2. Он не понял и не оценил зачинавшегося в 60 годах величайшего в новейшей истории Западной Европы движения *рабочего класса,* руководимого тогда К-Марксом, как *не понял значения научно-философских идей великого экономиста.*
>
> 3. Менее важная, но очень любопытная третья ошибка Герцена — его сентиментальное или романтическое воззрение на Россию, на русский народ, противопоставляемое Западной Европе, будто бы уже дряхлеющей, воззрение, которое можно назвать "социалистическим славянофильством" или "русским мессионизмом Герцена".

Несколько страниц посвящены судьбам русской общины.

> "В письме к Энгельсу от 7/X1 1868 года, — отмечает Серго, — Маркс вполне определенно подтвердил, что не придает русской общине никакого серьезного значения в смысле социализации общественного строя. Маркс пишет: "Все тут абсолютно, до малейших деталей, тождественно с первобытной германской общиной. Что является специфически русским (но это встречается также в части индийских общин, — не в Пенджабе, но на юге), так это, во-первых, не демократический, а патриархальный характер управления общиною и, во-вторых, круговая порука при уплате государственных

податей и т. д. Из второго пункта следует, что чем прилежнее русский мужик, тем больше эксплуатирует его государство, не только в форме податей, но и в форме натуральных повинностей, поставки лошадей при постоянных передвижениях войск, казенных курьеров и т. д. Но вся эта штука осуждена на гибель".

И снова о судьбах русской общины. Между конспектами книг "Евреи и хозяйственная жизнь" и "Развитие современной техники" Серго поместил несколько статистических выкладок: "По данным главного управления землеустройства и земледелия за 5 лет четыре миллиона домохозяев возбудили ходатайство о выходе из общины… Выходят как в земледельческих центрах, так и в промышленных… В России полное разложение общин. Быстрая пауперизация крестьянства".

Заново перечитав "Горе от ума", Серго с удовольствием занес в тетрадь:

"Грибоедов не сказал обществу ничего совсем нового, и тем не менее пьеса была принята, как нечто небывалое, как редкостная новинка, не имевшая прецедентов. Такою, *без всякого сомнения, и была она.* Это кажущееся противоречие в высокой степени характерно для произведений реального искусства. Взятые из живой действительности, они говорят о том, что все знают; они являются только дальнейшим развитием художественных образов и художественно-моральных суждений, принадлежащих обществу, или по крайней мере его мыслящей части. Сатирические *стрелы поэта направлены на самое больное место:* на тех, которые являлись и тогда и потом основою самой гибельной из всех реакций — *реакции общественной.* Для общественного блага нет ничего пагубнее той умственной тьмы и светобоязни, той нравственной слепоты и того душевного уродства, которые воплощены в образах Фамусова, Молчалина, Скалозуба и всех этих

Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором…

Чацкий — воплощение сложившегося передового деятеля 20 г. и представитель новых идей".

…На третий месяц заточения в Шлиссельбурге Серго получил

немного денег от брата Папулия и мачехи Деспине. Сразу проснулась страсть, к "приобретательству". Все до последней копейки переотправил в книжный магазин. И в будущем, как получит пять или десять рублей (более крупных сумм набрать не удавалось) от родственников, немедля закупает книги. Так что к концу пребывания в каторжной тюрьме Серго располагал солидной "собственностью", книгами Чернышевского, Меринга, Плеханова, Луначарского, Туган-Барановского, Адама Смита, Рикардо, историков Виппера, Ключевского, Костомарова, Тейлора, Зегера.

К трудам историков Серго был особенно неравнодушен. Он законспектировал: "Первобытную культуру" Тейлора, древнюю историю в толкованиях таких разных авторов, как Зегер и Беккер, "Древний мир" "Древний Восток и эгейская культура" Виппера, "Лекции по истории Греции", "Очерки истории Римской империи", "Средние века", "Историю Европпы" Кареева, "Историю Соединенных Штатов" Чапнинга, двадцать три книги по русской истории.

Немалой симпатией Орджоникидзе, возможно как дань времени — 1914–1915 годы! — пользовались книги военных историков, полководцев, стратегов.

Все получало свою оценку. Иногда Серго вовсе не считался с тем, что тетрадь возьмут на просмотр и крамольные мысли приведут в карцер.

Такая книга, как "Сказание иностранцев о русской армии в войну 1904–1905 гг.", в руках Серго получает взрывчатую силу. "Книга рисует всю беспомощность и ничтожество как общей организации, так и руководителей, а так же, несмотря на храбрость русск. солдата, его неподготовленность и невежество. Если хоть 50 доля той безалаберности сохранилась до сего дня, то поражение неизбежно. 4/1II 1915 г.".

Мнение Серго о войне категорическое:

> "Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазно-империалистическо-династической войны. Борьба за рынки и за грабежи стран, стремление одурачить, разъединить, перебить пролетариат всех стран, направить наемных рабов одной страны против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственно реальное значение войны…
>
> Когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы, культуры и национального развития, они лгут, ибо

изменническое юнкерство с Вильгельмом Вторым во главе и крупная буржуазия Герм[ании] всегда вели политику защиты царской монархии и не преминут при всяком исходе войны направить усилия на ее поддержку. Они лгут, ибо австр[ийская] буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая угнетает датчан, поляков, французов в Эльзас-Лотарингии, ведя наступательную войну против Бельгии и Франции ради грабежа более богатых и более свободных стран… Когда французские буржуа ссылаются точно так же на защиту и проч. — они также лгут, ибо на деле они защищают свой капитал — свое божество".

Иногда Серго спохватывался, прибегал к маскировке. Под невинным заголовком "Взгляды протестантов и реформистов" среди совершенно безобидного текста приговор Второму Интернационалу и защитникам буржуазного отечества:

"Оппортунисты давно подготовляли крах 2-го Интернационала, отрицая социальную революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу с превращением ее в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов. Проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества".

В свое время Ленин и другие лекторы партийной школы в Лонжюмо "не успели" проэкзаменовать Серго. Прочитай Владимир Ильич эту тюремную тетрадь, он наверняка поставил бы Серго высший балл.

13

Начальник каторги готовился подписать "Статейный список" № 209. Барон Зимберг настолько сосредоточился, что не заметил, как писарь расправился с фамилией каторжанина: из первого слога выбросил букву "д", во втором вместо "о" поставил "а".

Орджоникидзе или Оржаникидзе — пустяк, конечно. Белесые глаза впились в статью за номером три:

> "К каким категориям преступников относится? — Из беглых. Лишенный всех прав состояния ссыльнопоселенец деревни Потоскуй, Пинчугской волости, Енисейского уезда и губернии. Трижды осужден за государственные преступления".

Статья за номером пять (барон по важности поместил бы ее самой первой!):

> "Следует ли в оковах или без оков? — В нижних кандалах. Может ли следовать пешком? — Обязан. Послабления не могут быть допущены".

Три года бунтовал в "заразном" отделении, не смирился в карцере, теперь попробуй пошагай закованный в кандалы десять тысяч верст зимой, через всю Сибирь!

Еще при первом столкновении остзейский барон обнадежил Серго — в Шлиссельбурге ничто не остается без наказания. Сейчас на прощание титулованному тюремщику захотелось напомнить о своем могуществе. Партию колодников, с которой шел Орджоникидзе на вечную ссылку в Якутию, отправили из Шлиссельбурга в самую непогоду — восьмого октября 1915 года.

Не вина барона Зимберга, что его бессмысленная жестокость вопреки всем расчетам обернулась на пользу Серго. (Это уже потом, в Иркутске.)

Покуда колодники, звеня цепями, взметая снежную пыль, дотащились до Иркутска, в Восточной Сибири установилась крепкая зима. Даже по инструкциям Главной тюремной инспекции запрещено было гнать каторжан дальше на север. Знакомство Серго с Якутией отодвигалось на полгода. Ущерб для государственных интересов, разумеется, громадный, да и очень нежелательно, чтобы склонный к побегам опасный преступник находился так долго в губернском центре. Губернатор запросил указаний из Петрограда. Министр внутренних дел ответил

депешей — поместить в Александровский централ, содержать в строгом режиме.

Через два месяца в каторжный централ, предусмотрительно поставленный на отшибе в тайге, вдали от всего живого, ворвалась эпидемия горячки. Серго напомнил, что он фельдшер, предложил свои услуги. После недолгих колебаний — болезнь слишком свирепствовала — начальник тюрьмы назначил Орджоникидзе санитаром. Вскоре повысил до помощника фельдшера. О строгом режиме уже не было речи.

В мае Серго затребовали обратно в Иркутск. Первая весенняя партия ссыльных уходила к угрюмым, почти безлюдным берегам Лены. Порядок тот же — пешком, от этапа к этапу.

Миновали тайгу, углубились в бескрайние просторы бурятских степей. Открытые всем ветрам, они казались нескончаемыми и первозданно дикими. Лишь сейчас Орджоникидзе по-настоящему понял, какую участь ему готовил барон Зимберг. Зима 1915 года легко могла стать последней в жизни Серго. Горько усмехнулся: Александровский каторжный Централ в роли счастливого прибежища!..

> "Я совсем отдохнул, — как-то вспоминал Серго, — когда наша пестрая и довольно многолюдная команда погрузилась на паузок.[42] Трюм превратился в огромную, плывущую вниз по течению Лены камеру. Удобств — никаких. Сплошные нары в два яруса. Вповалку здоровые и больные, теснота, закрытые наглухо ночью двери, вонь грязного белья и немытого человеческого тела. Все искупалось с наступлением утра. Едва открывали трюм, мы бросались на палубу. Кто садился за удочки по бортам паузка, кто принимался за самодельные шашки, шахматы. Большинство просто отводило душу — долгие часы мы жадно всматривались в цвет неба, в игру воды, во все, что после долгой разлуки дарила природа. Ближе к Якутску паузок проплывал под нависшими над рекой островерхими скалами. Вспоминал Кавказ…"

Четырнадцатого июня паузок причалил к якутской пристани. По тем временам Якутск был довольно большой город, с крепко срубленными деревянными домами. Главную улицу с особняками губернатора, полицеймейстера и бог знает как разбогатевших купцов освещали электрические фонари. Случалось, притом довольно часто, что не в меру расшалившиеся белки принимали столбы за обыкновенные деревья, носились по ним, прыгали на провода — устраивали короткое замыкание. Тогда областной

центр погружался в темноту.

Дальнейшая участь Орджоникидзе зависела от губернатора. Он должен был назначить "место пожизненного водворения". Все предопределял "Статейный список" — плод верноподданнических усилий барона Зимберга.

Должность губернатора исполнял опять же прибалтийский барон фон Тизенгаузен.

Его превосходительство испытывал острую потребность упрятать опасного и неисправимого смутьяна в особенно далекий закуток Фон Тизенгаузен бросил взгляд на карту опекаемой им области. Затем размашисто вписал в "Статейный список": "Распределен в Нюрбинское сельское общество Вилюйского округа".

Семьсот с лишним верст от Якутска на север, в глубь тундры. Вилюйск, по характеристике Чернышевского, "…это даже не село, не деревня в русском смысле слова. Вилюйск — это нечто такое пустынное и мелкое, чему подобного в России вовсе лет". Нюрба и того страшнее — крохотная, забытая богом и людьми заимка. Полное одиночество, безнадежная оторванность от близких по духу и мало-мальски интеллигентных людей, надзор жандармов.

Личной аудиенции у губернатора Серго не имел права просить. Можно было только заочно прибегнуть к самому крепкому и презрительному грузинскому ругательству: "Отец твой собака!" — и от души пожелать его превосходительству самому убраться в Нюрбу или в преисподнюю, что, в сущности, одно и то же…

Отбывавшие свой "срок" в Якутске большевики Андрей Агеев, Емельян Ярославский, его жена Клавдия Кирсанова обратились к врачам, адвокатам, педагогам, взбудоражили всех "политических". На губернатора нажали с разных сторон.

— Все средства были пущены в ход, — вспоминала Кирсанова, — для того, чтобы помешать новой репрессии, не дать отправить Серго в Нюрбу — эту каторгу в ссылке. Организация политических ссыльных в то время представляла довольно внушительную силу, и фон Тизенгаузену пришлось отступить.

Сочувствовавшие большевикам врачи И. Бик и Н. Юдин предложили Серго подать прошение о предоставлении места фельдшера.

Серго написал:

> *"Господину старшему врачу Якутской гражданской больницы. Медицинского фельдшера ссыльнопоселенца сел. Нюрба, Вилюйского округа, Григория Константиновича Орджоникидзе*

В 1905 году я окончил Тифлисскую фельдшерскую школу при Михайловской больнице, — что и указано в моем "Статейном списке". Служил в Гудаутской сельской больнице, на нефтяных промыслах Ш. Асадуллаева, в холерном бараке при Бакинской городской больнице, а в последнее время, сидя в Александровском остроге, фактически в продолжение четырех месяцев исполнял обязанности фельдшера.

Ввиду того, что по указу Правительствующего Сената от 27 октября 1914 года и циркуляра министра внутренних дел от 16 сентября 1915 года за № 960 политическим ссыльным разрешается заниматься медицинской практикой, убедительнейше прошу вас предоставить мне место фельдшера во вверенной вам гражданской больнице.

Фельдшер *Григорий Орджоникидзе.*

20 июня 1916 г., гор. Якутск".

Замещавший областного врачебного инспектора доктор Бик от себя добавил:

"Ввиду крайнего недостатка врачей и фельдшеров в настоящее время Врачебное отделение полагает возможным принять политического ссыльного Орджоникидзе по вольному найму на должность фельдшера, о чем предоставляет на разрешение Вашего Превосходительства".

Фон Тизенгаузен любил при случае продемонстрировать свою интеллигентность и широту взглядов. Тем более что из России, из действующей армии особенно, приходили тревожные вести. Обстановка накалялась.

— Я, собственно, ничего против этого помощника эскулапа не имею, — сказал барон Бику и Юдину.

Нового фельдшера городской больницы приютили у себя Клавдия Кирсанова и Емельян Ярославский. Они жили в бревенчатом домике при городском музее (Ярославский заведовал музеем). На долю Серго досталась маленькая каморка, но с редчайшим для Якутска электричеством!

Заботами правительства в Якутске были представлены все оттенки политической мысли. От большевиков до "аграрников", очень смутно разбиравшихся в партийных программах. Были

меньшевики, анархисты, террористы-эсеры вроде Петра Куликовского, которому мятежным генералом Пепеляевым после революции предназначался пост губернатора Якутии. Были матросы и солдаты — участники военных восстаний. Попадались и самые заурядные либералы, кадеты. Они группировались вокруг доктора Сабунаева, будущего министра у Колчака.

Оказался в Якутске и брат Ладо Кецховели — Сандро. Не просто грузин — земляк. В юности близкий товарищ, почти побратим Серго. При встрече бросились в объятия, неуклюже, по-мужски расцеловались. А едва беспорядочный разговор коснулся партийных дел, войны, попыток оторвать Грузию от России, оба с ужасом почувствовали, что вместо былой близости — вражда. Все, что раньше связывало, в прах распалось.

По характеру Кецхозели-младший — истый горец, с его силой и слабостью — прямой, чистый, непоколебимо преданный, и очень наивный, и очень упрямый. До конца своей трудной жизни Сандро искренне верил, что непогрешимо служит революции, жертвует ради большого счастья на земле,

И тогда в Якутске и позднее он мучительно переживал вынужденный разрыв с Орджоникидзе. Серго в таких делах непримирим. Поняв, что Сандро никаким доводам не поддастся, так и останется слепым поклонником- Плеханова и Жордания, попросил его больше не приходить.

— Так будет лучше нам обоим, — печально заключил Серго.

Через год — через два кое с кем из бывших друзей придется расстаться еще более трагически. Борьба потребует всего, вплоть до смертных приговоров.

Колонию ссыльных — около пятисот человек — беспощадно разъединяло отношение к войне, длившейся уже без малого два года. Даже среди тех, кто всегда причислял себя к революционной социал-демократии, не было полного единства. Возникли как бы Два полюса. На одном Серго, на другом Михаил Томский, влиятельный и упрямый профсоюзный вожак.

В дружеском кружке за чаем у Ярославского или на тайных от полиции дискуссиях Серго держался твердо: война неизбежно кончится поражением Российской империи. Затем — революция, новая жизнь!

Томский отстаивал противоположное: свою страну надо защищать такой, как она есть. Революция — это удар в спину. В пику Серго он адресовал всем политическим призыв относиться к России "вот так, как Фирс чеховский любит вишневый сад".

У Серго нашелся анонимный доброжелатель. Известил фон Тизенгаузена, что "придерживающийся опасно крайних взглядов ссыльнопоселенец Орджоникидзе пагубно влияет на окружающую

среду". Барон приказал:

— Выдворить немедленно!

Опять поспешили на помощь врачи Бик и Юдин. Они отыскали для Серго вакансию фельдшера в больнице села Покровского. В девяноста верстах от Якутска, на правом, гористом берегу Лены.

Село небольшое, всего на пятнадцать дымов, как говорили в старину. Дым над крышей домика под ледяным панцирем — единственное и верное свидетельство того, что тут кто-то живет. А ледяной панцирь это в самом буквальном смысле. При первом морозе деревянный дом старательно обливают водой. Несколько раз подряд. Толстый слой льда держит тепло. Попозже, когда зима окончательно вступает в свои безграничные права и в тридцатиградусный мороз облегченно говорят: "сегодня-то как тепло!", якуты еще приклеивают к окнам большие зеленые льдины. Тоже для тепла.

И все-таки большего села, чем Покровское, в Первой волости Якутской области не было. На всей территории в пятьсот верст! В Покровском — волостное правление, телеграф, почтовая контора, летом и пристань на Лене, больница, церковноприходская школа, три церкви, лавка купца Кушнарева. За околицей тайга. Кое-где деревья нехотя потеснились, дали место якутам поставить свои наслеги — деревеньки из нескольких юрт.

Серго поселился в больнице. Заведующая и единственный врач Варвара Петровна Широкова-Диваева отвела новому фельдшеру одну из комнат приемного покоя. Выделила из больничных запасов железную койку, стол, два стула, жестяной умывальник.

Принимайся, фельдшер, за работу! В "стране систематического голодания, — как писали либеральные статистики, — одна больница обслуживала в среднем площадь около 200 тысяч квадратных верст".

Варвара Петровна тоже из ссыльных, пострадала за участие в первомайской демонстрации. Поначалу она молча приглядывалась к Серго. Потом не выдержала — прочла мораль:

— Григорий Константинович, почему вы начинаете прием с шести утра? Денег с больных вы все равно не берете. Довольствуетесь своим более чем скромным жалованьем… И почему вы так решительно отказываетесь от всех приглашений богача Барашкова? Купец превосходно платит. Другой бы на вашем месте сам напросился. Посмотрите в зеркало, какой вы худой, бледный!.. Плюньте на свои высокие принципы. У вас ссылка-то бессрочная!

— Богатого купца я посещать не стану, — твердо отвечал

Серго. — Ничем он не болен. А якуты, те действительно нуждаются в помощи. Надеюсь, вам, Варвара Петровна, знакомы слова Чернышевского: "якуты живут хуже негров Центральной Африки".

— Одно из двух, Григорий Константинович, или вы не в меру наивны, или у меня душа слишком заскорузла. Неужели вы верите, что есть сила, способная досыта накормить якутов, одолеть их страшные болезни — волчанку, трахому, сифилис?

— Верю, дорогой мой доктор, очень верю! Пообещайте угостить меня самосахарными ягодами — и я вам объясню, откуда моя твердая вера.

— Самосахарные ягоды! — Варвара Петровна рассмеялась. Ей нравилось это слово, придуманное Серго. Так он называл мороженую бруснику, покрывшуюся инеем в теплой комнате… — Тогда так, сначала вы получите от меня выговор, а потом ягоды.

— За какую провину, Варвара Петровна?

— Я слышала, что вы ответили больной старухе в стационаре. Она причитала: "Прибрал бы бог меня поскорее", вы поспешили обнадежить: "Голубушка, ты не беспокойся, на это доброты у твоего бога хватит"… Будьте осторожнее!

В Покровском Серго… влюбился. Ничего удивительного, если не знать драматического финала первой любви.

Далеко-далеко, чуть ли не на противоположном конце земли, в веселых горах родной Имеретии жила девушка с удивительно точным именем Мзия.[43] В годы детских игр озорной мальчишка Серго запросто кричал ей: "Эй ты, солнышко, беги скорее, смотри, какую я форель поймал!" В юности, в часы редких свиданий на берегах той же Квадауры или на горе Клдисдзири, застенчивый, как все влюбленные, Серго одним дыханием произносил: "Солнышко, свети мне всю жизнь".

Девушка с необычными для грузинки зелеными глазами и косами цвета хорошо начищенной меди нравилась не одному Серго. Особенно упорно ее добивался сын старшины села Гореша. Втайне от Мзии ее родители обнадежили богатого и влиятельного жениха: потерпи, мы уломаем дочку.

Осенью 1906 года уверенность Мзии в том, что Серго без нее долго оставаться не сможет, обязательно приедет за ней, сильно поколебалась. Сама тетушка Деспине подтвердила, старшина сказал правду, ее пасынок в Горешу не собирается. Через двоюродного брата Тарасия просит выхлопотать какую-то казенную бумагу для того, чтобы ему лучше жилось в главном немецком городе.

До рождества Мзия еще ждала. Потом уступила родителям. Священник объявил о помолвке. Подготовка к свадьбе была в

разгаре, когда из Германии вернулся Серго. Старшина сделал все, что было в силах любящего отца. Написал донос приставу, съездил в Кутаис к прокурору. Не его вина, что крестьяне предупредили Серго, укрыли от нагрянувших среди ночи стражников.

За день до свадьбы Мзии Серго, не обращая внимания на уговоры друзей, на прямой запрет тифлисского подпольного центра, попытался пробраться в Горешу. В плотной темноте зимней ночи погнал он коня на Сурамский перевал — навстречу беде во многом непоправимой. Серго ли, отдавшись мечтам о Мзии, слишком натянул поводья? Или плохо обученная крестьянская лошадь очень уж круто метнулась, близко почуяв зверя? Сорвавшись с тропы, конь рухнул вниз. Деревья подставили ветви, не дали Серго разбиться на камнях пропасти.

Утром Серго подобрали лесные объездчики. Мзию он больше никогда не видал и не позволял сообщать себе о ее судьбе.

В следующие десять лет всякое, конечно, бывало. Серго не терпел лицемерия, ханжества. Позволяло время — веселился, танцевал, ухаживал. Не скрывал, если женщина нравилась ему. И далеко не в самый подходящий момент рассказывал ей о Мзии. Сравнения с Мзией не выдерживал еще никто.

То, что казалось совсем невозможным в России, в Иране, во Франции, нагрянуло, кто бы мог подумать, в Покровском.

Серго уверял, что виной всему самосахарные ягоды доктора Варвары Петровны. Он приходил полакомиться и… заставал Зину, учительницу Зинаиду Павлуцкую. Тоже большую любительницу ягод.

Возвращались вдвоем просто потому, что девушке слишком опасно одной в темноте — из тайги часто наведываются волки. Зинаида Гавриловна запомнила и первую еще совсем случайную встречу.

"Впервые я встретила Серго в пасмурный сентябрьский день 1916 года. Вместе с подругой мы шли по широкой улице села. Нам повстречался худой и стройный кавказец. Он был одет в поношенное осеннее пальто. Шел он без шапки, и ветер развевал его вьющиеся длинные волосы.

— Кто это? — обратилась я к подруге.

— Новый фельдшер… — подруга помолчала. — Не то черкес, не то грузин.

Мы прошли мимо.

— Откуда он? — вновь спросила я. Подруга пожала плечами.

Не знаю…

Через несколько дней я встретила нового фельдшера на пристани у парохода.

В наших глухих местах приход парохода был единственным развлечением…

…Накрапывал мелкий дождик. Он навевал грусть. Я думала о том, что скоро наступит зима и солнце почти совсем перестанет показываться из-за горизонта. Зимний день в Якутии равен четырем часам…

Вскоре я познакомилась с новым фельдшером. Моим ученикам нужно было привить оспу, и он пришел к нам. Затем я стала встречаться с фельдшером в семье одного местного жителя. У молодой женщины Кати было много детей. Однажды у нее заболел десятилетний сын. Пригласили фельдшера. Когда он вошел в комнату, трое детей играли возле стола. Они с испугом взглянули на фельдшера…

— Цыган! — закричали они и спрятались под стол. — Это цыган!

Фельдшер прошел в глубь комнаты, где лежал больной мальчик. Он заботливо осмотрел ребенка и прописал лекарство. Ничего страшного с ребенком не было — обычная инфлуэнца.

Дети по-прежнему со страхом поглядывали на "цыгана". Он подошел к ним и с шутками стал вытаскивать их из-под стола.

Сначала ребятишки отбивались и пищали, но веселая, добрая улыбка фельдшера успокоила и ободрила малышей. Уже через пять минут фельдшер и дети были друзьями. Ребята сидели у него на коленях, а он щекотал их своими пушистыми усами и обучал грузинской скороговорке: "ква, ква, кванча-ла; кванчала да кванчала; гогона да гогона".

— Дядя, а это что значит? — спрашивали у него дети, со смехом повторяя непонятные слова.

— Секрет.

— Ну, дяденька, миленький…

— Нет, не скажу.

Фельдшер очень любил детей, и дети платили ему тем же. Он стал самым дорогим гостем у Кати, и всегда с его приходом в доме начиналось общее оживление.

Часто бывало, что он привозил из далекого якутского селения больных ребятишек. С каким вниманием, с какой заботой лечил он их! Он сам обмывал их грязные тела, сам делал перевязки, сам кормил.

В доме Кати я узнала, что он ссыльный и зовут его Григорием Константиновичем Орджоникидзе, фамилия была трудная, и мы запросто стали называть его "Грузей", а после — Серго.

Серго с исключительной добросовестностью относился к работе. Амбулаторный прием он начинал рано, часов в шесть утра.

Однажды Серго и фельдшер Слепцов обратились к моей матери с просьбой взять их на пансион и с тех пор стали ежедневно бывать у нас в школе. Длинными зимними вечерами просиживали мы у стола. Тускло светила керосиновая лампа. Наши тени причудливо ползали по стенам. Серго рассказывал о далекой Москве, о Питере, о Кавказе, о русских рабочих и большевистской партии. Грузия вставала в его рассказах как яркая страна вечного солнца.

— Эту страну поработили! — гневно говорил Серго. — Всю Россию! Всю нашу родину!..

Однажды мое начальство предложило мне произвести перепись школьной библиотеки. У меня было два шкафа книг. Вместе с Серго мы взялись за эту работу. Он был очень веселым, жизнерадостным, энергичным. Любая работа спорилась в его руках.

Приближался январь, а вместе с ним и зимние каникулы в школе.

Серго предложил мне:

— Поедемте вместе в Якутск? Я согласилась.

В ясный морозный день, тепло закутанная, я вышла на крыльцо. В кибитке с колокольчиками меня уже ждал Серго.

Путь от Покровского до Якутска прошел весело и незаметно. Серго распевал песни, рассказывал мне о своем детстве.

Поздно вечером мы приехали в Якутск. Это был довольно большой город, почти целиком состоявший из деревянных строений…

В ночь под новый, 1917 год Серго был у товарищей. Под видом праздника там происходило подпольное собрание большевиков".

Серго представил Зину своим друзьям:

Моя невеста!

14

Господин фельдшер, с вас причитается!

Серго недоуменно посмотрел на пристава, неожиданно заявившегося в дальнее стойбище якутов.

— Матушка царица арестовала царя!.. Бросился к вам, хотел обрадовать, увы… Молодая супруга сказала, что вторую неделю разлучена с вами. Дались вам эти якуты…

Орджоникидзе бросился к приставу. Тот на всякий случай немного подался назад и обрушил совсем ошеломляющее:

— Его превосходительство Родзянко что-то очень полез в гору, превзошел…

— Революция? — крикнул Серго.

— Так точно. Поздравляю вас, господин революционер!

Два дня и две ночи Серго не давал покоя вознице якуту. В наслегах и на почтовых станциях меняли лошадей, гнали дальше. Шестидесятиградусный мороз, заносы, темень и снежная пелена — ничто не страшило, не могло задержать.

В Покровском Серго, как был в дохе и тулупе, ворвался в комнату телеграфиста.

А возница бросился к Зинаиде Гавриловне. С порога известил:

— Пельсер совсем стал сумасшедший! Всю дорогу кричал, пел.

— А я действительно был как сумасшедший, — говорил после Серго. — Я все время распевал, кричал. Мне хотелось всех целовать. Я бросался на шею к каждому встречному…

Первый день в Якутске Орджоникидзе провел также суматошно[44] — в беготне, поздравлениях, восторгах. Дел почти не касались и на заседании Комитета общественной безопасности. Тон задал комиссар Временного правительства Григорий Иванович Петровский.[45] Покинув свое председательское место, он подошел к Серго, расцеловал:

— Приветствую тебя, наш верный товарищ! В первые дни переворота тебя не было с нами. На наши телеграммы ты не отвечал. Мы поняли, что ты объезжаешь больных в далеких улусах кочевых якутов. Ты всегда находил возможность быть нужным людям. Ты будил надежды и вселял уверенность. Все фракции нашего комитета свидетельствуют тебе свое уважение. Ты заочно избран товарищем председателя комитета.

Обязанностей появилось множество: член Якутского комитета РСДРП (большевиков), член президиума Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, член революционного суда.

И фельдшер в больнице на городской окраине! "Я так утомлен, что еле вожу пером", — обмолвился как-то Серго в письме к Зинаиде Гавриловне.

Вначале Серго очень обиделся на то, что Зина отказалась вместе с ним уехать в Якутск. Потом признал: верно, единственная учительница не имеет права бросить школу на произвол, тем более накануне весенних экзаменов. Жили покуда врозь.

Серго довольствовался комнаткой при больнице, настолько маленькой, что с трудом поместились железная койка, стол и табуретка. Все-таки в один из приездов Зина попыталась создать мало-мальский уют. Чисто выбелила комнатку мужа, повесила на окошко кружевную занавеску собственной работы.

— Зачем смущаешь мою душу? Революция еще только начинается.

Все политические с мучительным нетерпением рвались в родные места. Кто стремился в гущу событий, понимая, что падение царизма далеко не синоним социалистической революции. Ее еще надо организовать, за нее еще предстоит крепко бороться. Другие принимали февральский штурм за заключительный аккорд и побаивались, чтобы их не обделили славой. Третьи просто хотели на покой.

Власти нисколько не препятствовали отъезду ссыльных. Мешало лишь весеннее бездорожье. Санный путь уже не годился. Даже здесь, на Дальнем Севере, снега начали таять. А река Лена, в сущности, единственный тракт на Иркутск, была еще накрепко скована льдами.

Настроение падало. Все фракции энергично ругали весну — за взбухшие, почерневшие дороги, за неподвижный зеленый лед на реке, за отсутствие писем от близких. Ругали за все…

— Предлагаю резолюцию, — решительно сказал Орджоникидзе на заседании Якутского комитета РСДРП (б). В его глазах играли чертенята. — Большевикам категорически любить весну! С нее начинается все новое. Посему немедленно прогнать фон Тизенгаузена.

Участники заседания насторожились. Твердого решения о губернаторе никак не удавалось принять. Несколько раз вспыхивали острые столкновения.

Орджоникидзе снизил голос, как-то очень уж простодушно вернулся к весеннему сюжету.

— У нас в Грузии не успеешь оглянуться, весна уже прошумела грозами и ливнями. Открыла перевалы, умчалась на север. Покуда заботливая доберется до насквозь промерзшей Якутии, порастратит уже силы… Я расспрашивал старожилов: до

второй половины мая Лена не вскроется. Так долго сидеть и ждать мой характер не позволяет. Совсем не хочу ждать! Говорю себе, Серго-генацвале, у тебя всего несколько недель. Позаботься все успеть. Не бери на свою голову позора!.. Ни один из нас не имеет права уехать, покуда из среды самих якутов составится хотя бы небольшая, хорошо сплоченная революционная партия. Или поклонимся барону Тизенгаузену, авось согласится и в будущем заботиться о Якутии?

Покуда мы в Совете дискутируем с эсерами и меньшевиками, — продолжал Орджоникидзе, — слушаем их философские рассуждения: "А что, если революция не победит? Нас всех здесь перебьют, перевешают…", губернатор с полицеймейстером не теряют времени. Они пытаются вызвать войска. Особенно хлопочут о присылке забайкальских казаков. Вот послания Тизенгаузена Временному правительству и командующему войсками Восточно-Сибирского округа. Служащие телеграфа отказались передать депеши без ведома Совета…

Серго вызвал губернатора в Совет. Барон помедлил. Попробовал послать еще одну отчаянную телеграмму в Иркутск. Понял, что надежд на воинские подкрепления нет и бог знает что еще произойдет до открытия навигации. Лучше судьбу не искушать!

Вместе с полицеймейстером и городским головой фон Тизенгаузен пожаловал в Совет. Результат беседы стал известен в ближайшее воскресенье.

С утра к клубу приказчиков устремились толпы горожан. По слухам, готовилось нечто невероятное… Далеко не всем желающим удалось пробиться в зал и на хоры, втиснуться в запруженные коридоры. Петровский открыл митинг. Сказал, что слово просит губернатор Якутской области барон фон Тизенгаузен.

Барон предстал в парадном мундире, со шпагой, в орденах и регалиях. За ним следовал полицеймейстер Рубцов, также в парадной форме, с шашкой.

— Высокочтимые граждане! — обратился к митингу Тизенгаузен. — Ваши новые лидеры предоставили нам счастливую возможность высказать сочувствие революции и приверженность республиканскому строю. Мы добровольно сдаем власть и личное оружие.

Теперь уже бывший губернатор отстегнул шпагу и, чуть помедлив, протянул ее Орджоникидзе. То же проделал и бывший полицеймейстер. Грянули неистовые аплодисменты, крики "ура!". Оркестр заиграл "Марсельезу".

Со стороны легко можно было поверить, что и за тридевять

земель от Петрограда все происходит так, как поведал миру новый министр иностранных дел России, лидер партии кадетов, автор очерков и этюдов из истории русской литературы и русской интеллигенции Павел Николаевич Милюков. Единый в двух лицах министр и историк объявил "чудо", свершенное за восемь февральских дней, "самой короткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история".

Бескровной! Двадцать третьего марта, когда хоронили жертвы восстания, в столице опустили в братские могилы тысячу триста восемьдесят два гроба. Многие погибшие были уже раньше похоронены родными.

В Якутии залпы раздались позднее. Кровь, виселицы, тайга, заботливо подожженная карательными экспедициями, — это после отъезда Серго и его друзей. А пока нет-нет, вскипали, вырывались на поверхность до времени приглушенные страсти.

Большевики долго добивались созыва съезда трудящихся крестьян Якутии. Лишь в середине апреля удалось собрать делегатов. Петровский на правах бывшего депутата Государственной думы и комиссара Временного правительства открыл первое заседание. Его тут же избрали почетным председателем. В товарищи председателя съезда прошел один из самых богатых и жестоких тойонов — князьков — Никифоров.

С волей делегатов надо считаться. Никифоров поспешил подняться на трибуну, чтобы выказать свою благодарность. Наперерез бросился хамначит — батрак из его же стойбища якут Попов. Оттолкнул тойона. Закричал на весь зал:

— Долой буржука! По старому режиму он был угнетателем и теперь хозяйничает… Бедные просят защиты от тойона. Ты слушай, фельдшер Грузя, наши буржаки хотят вас всех отстранить от якутских дел. Вы не уступайте. Если не поможете, то мы, бедные, погибли. Буржаки съедят нас.

Другой делегат — якут Козлов из Покровской волости — бесхитростно рассказал на съезде:

— По дороге в Якутск я расспрашивал всех встречных, что происходит в городе. Мне отвечали, что в губернаторском доме теперь управляет большак Петровский. У него в помощниках наш Покровский фельдшер. Малость приврали. Фельдшера к нашел в гражданской больнице. Он хорошо меня принял. Чаем угостил. Спросил, зачем приехал. Я сказал: "Хочу на съезде о наших якутских делах говорить. Только очень тойона боюсь". Вы, большаки, уедете, кто нас будет защищать? Григорий Константинович посоветовал: "Что мне рассказывал, то и на съезде скажи".

На этом съезде большевики испытали и радость побед и

горечь поражения. Подавляющим большинством делегаты одобрили резолюции, предложенные Якутским комитетом РСДРП (б), об избирательном праве для мужчин и женщин, достигших восемнадцати лет, об отделении церкви от государства и школы от церкви, об отмене многолетних налоговых тягот. А требование о передаче всех земель — казенных, удельных, церковных и частновладельческих — в распоряжение местных Советов для немедленного распределения между трудовым крестьянством блок тойонов, эсеров и меньшевиков провалил.

— Погоди, Серго, гроздья гнева созреют! — подбадривал Григорий Иванович, обладавший более "спокойным" характером.

Иногда Серго "заносило".

Как-то на заседании Комитета общественной безопасности зашел разговор о только что появившемся на якутском горизонте "Союзе служащих в правительственных учреждениях". Председатель союза, бывший полицейский Румянцев жаловался на недоброжелательное отношение со стороны комиссара Временного правительства и настаивал на официальном признании нового профсоюзного объединения. Петровский ничего не отвечал — не хотел или считал, что момент не наступил. Масло в огонь подлил Серго.

"Якутский вестник" — официальное издание комитета — описывал: "Гражданин Орджоникидзе слова не брал. Подал реплику с места:

— Я спрашиваю: имеется ли у них Ходалевич?[46]

Возгласы: "Есть!"

Орджоникидзе: Есть ли у них Крапивин?[47]

Возгласы: "Есть!", "Он не хуже других!"

Орджоникидзе: Как смеете взывать к доверию? Никогда не будет того, чтобы мы доверяли вчерашнему шпику и надзирателю за ссыльными!.. Помимо того, я заявляю открыто, ни один чиновник не свободен от взяток. Все чиновники взяточники.

(На местах — топанье, шиканье, крики "долой", аплодисменты. Председатель Петровский усиленно звонит, повышает голос: Прошу к порядку. Прошу не топать ногами. Вы не топали ногами ни Тизенгаузену, ни прочим, когда нас, революционеров, называли кучкой неизвестных людей… Шум смолкает.)

Семчевский (учитель, кадет): Предлагаю Орджоникидзе извиниться за брошенное корпорации чиновников обвинение.

Орджоникидзе: Я предлагаю убрать из профессиональных союзов всех чиновников, потому что все чиновничество — взяточники. Об этом знает весь мир.

Сабанчеев (делегат от чиновников акцизного ведомства): Я не

могу оставаться. Я удаляюсь.

Возгласы: "Долой!..", "Вон его!", "Не давайте Орджоникидзе говорить!"

Орджоникидзе: Кто из вас не брал взятки, подходи сюда. Я утверждаю, что вы все взяточники.

(В зале неописуемый шум. Чиновники, а также члены фракций эсеров, меньшевиков, кадетов вскочили со своих мест. Они требуют, чтобы председатель заставил Орджоникидзе извиниться. В противном случае они покинут заседание.)

Орджоникидзе (поднявшись во весь рост): Ну, подходи сюда, кто из вас не брал взятки!"…

Назавтра комиссара Временного правительства посетила делегация во главе с меньшевиком Охнянским. В ее состав демонстративно были включены недавний полицейский Румянцев и акцизный Сабан-чеев.

— От имени сил, объединившихся для защиты высоких идеалов человеческой свободы и гражданского достоинства, — четко выговаривал Охнян-ский, — мы требуем:

первое — немедленного удаления Орджоникидзе из Комитета общественной безопасности и объявления ему строгого порицания в "Вестнике";

второе — добровольного ухода в отставку Петровского. Высокоответственный пост комиссара Временного правительства должен принадлежать лицу более… Мы не хотим бросать тень на вашу репутацию, Григорий Иванович. Вы были депутатом Государственной думы и в силу этого в первый момент были назначены комиссаром. Сейчас обстоятельства изменились, замечу, не по нашей вине. Ваша фракция все более попадает под влияние необузданного Орджоникидзе. Высокие идеалы, во имя которых и вы боролись, взывают — подавайте в отставку!

— Это все, что вы имели мне сообщить? — осведомился Петровский. — Тогда идите с богом!

В Якутске, отрезанном бездорожьем от России, большевики почти ничего не знали о положении в центре. Лишь иногда доходили отрывки сообщений Петроградского телеграфного агентства: "Английская газета "Тайме" характеризует Манифест, изданный бюро Центрального Комитета большевиков как "воззвание самого мятежнического содержания". Российская миссия в Берне имела честь довести до введения швейцарского Центрального Комитета по возвращению политических эмигрантов, что в настоящее время пути для проезда в Россию нет… Вернувшийся из ссылки большевик Каменев опубликовал призыв к поддержке Временного правительства".

Серго сразу вспомнил невысокого суетливого человека с

широким лицом и низко посаженной головой. Летом 1911 года он часто приезжал из Парижа в Лонжюмо. Старался уединиться с Лениным или хотя бы перевести разговор на французский язык, чтобы другие не могли участвовать.

Однажды Каменев появился, когда Ильич, Серго, несколько других слушателей партийной школы без рубах, босиком лежали на свежескошенном сене, пели… Окинув всех неодобрительным взором, он обратился к Ленину.

— Владимир Ильич, нам необходимо серьезно поговорить!

— Я — весь внимание, Лев Борисович.

— Здесь, в этой обстановке?

— Вы шокированы? Простите, я не улавливаю чем! Что я не застегнут на все пуговицы или присутствием товарищей? Не разводите манную кашу. Поякшались с ликвидаторами, поблудили с отзовистами, теперь явились этаким фертом…

Эта последняя фраза, произнесенная Лениным скорее участливо, чем с раздражением, особенно врезалась в память Серго.

Петровский всего этого не знал. Просто их судили вместе: большевиков-депутатов IV Государственной думы и публициста Каменева. Тогда Григорий Иванович и убедился, что весь свой небольшой запас мужества Лев Борисович Каменев безнадежно растратил на бойкие статьи и ядовитые речи. Для себя ничего не оставил. Едва попал под арест, до неприличия перепугался. На суде посыпал голову пеплом. Уверял, что единственно/ к чему стремился после начала войны, это победа России.

Григорий Иванович как-то на суде улучил момент, спросил:

— Что с вами стряслось, Лев Борисович?

Ответ был поразительный:

— Вы не понимаете, насколько это дальновидный ход!

"Должно быть, и сейчас, выступая в поддержку Временного правительства, Лев Борисович делает какой-то непостижимо дальновидный ход, — подумал Петровский. — Что творится в Петрограде, понять слишком трудно. Во всяком случае, оставаться комиссаром Временного правительства мне — большевику — совсем негоже. Из Комитета общественной безопасности тоже пора уходить. С эсерами и меньшевиками надо круче рвать, больше никаких блоков, объединений".

Своими раздумьями Григорий Иванович поделился с Серго. Тот обрадовался.

— Я двумя руками голосую за то, чтобы единственным законодателем и полновластным вершителем дел стал Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. А комитет мы оставим, как только из профессионального союза служащих будут

изгнаны доносчики, полицейские, взяточники. И уволят *в* отставку епископа Евфимия.

В "Вестнике" появилось новое сообщение:

"27 апреля на заседании ЯКОБ[48] обсуждался вопрос о выборном начале среди духовенства. Со спокойным хорошо аргументированным докладом выступил член президиума Комитета гражданин Орджоникидзе. Выяснив принципиальную сторону дела, докладчик внес практические предложения:

Епископа Евфимия удалить на покой, в епархии назначить строгую ревизию. Оба предложения неожиданно были приняты большинством голосов.

По частным, однако же вполне достоверным сведениям, Орджоникидзе, Петровский и Ярославский совместно отправили приветственную телеграмму[49] прибывшему каким-то образом в Петроград Ленину. Что за этим последует дальше, поживем — увидим".

…К середине мая, когда Кавказ уже изнывает от жары, весна добралась до Якутии. Вскрылись реки. Вверх по течению Лены буксиры повели паузки. В полдень 23-го уходил пароход с политическими ссыльными. Ц

Наступило время прощаться. Якуты, друзья и воспитанники покидавших их край русских революционеров мобилизовали все ресурсы местной типографии. Появился альбом с вытисненной на кожаной крышке надписью: "Память о якутской политической ссылке". Быстро заполнялись страницы Написал и Серго:

"Прощай, страна изгнания, страна-родина. Дай здравствует великая Российская революция! Да здравствует социальная революция! 22/V 1917 г.".

В Покровском пароход стоял два часа. Серго с друзьями отправился в школу за Зинаидой Гавриловной. Сообща уламывали, успокаивали мать Зины. Пожилая женщина очень не хотела расставаться с единственной дочкой. Сквозь слезы она говорила:

— Дочь уезжает — камень в воду падает… Зина, по ее словам, "сразу очутилась в тесной семье товарищей Серго — ссыльных большевиков. Все они очень заботились обо мне, и я скоро совсем забыла тяжелые минуты прощания с родными.

Ехали мы на пароходе две недели. В столовой — так называемой "рубке первого класса" — шли бесконечные споры…

— Россия уже свободна! — кричал меньшевик Охнянский. — Нужно не разговоры разговаривать, а вести войну до победного конца!

Серго гневно спросил:

— Россия свободна? А помещики? А капиталисты?..

Охнянский усмехнулся:

— Ну, это не из той оперы…

— То есть как не из той оперы? Я прошу говорить понятней, — сказал Серго.

— Понятней? Пожалуйста: большевики должны прекратить свои безответственные…

Серго прищурился и перебил:

— То, что для тебя и меньшевиков является целью всех стремлений, завершением революции, для нас, большевиков, только ее началом…".

Лишь в одном политические противники сходились. Все одинаково любовались величавой красавицей Леной. В весеннем разгуле река слишком уж стремительно унесла свои воды на север — кое-где обмелели перекаты. Пароходу приходилось петлять от одного берега к другому. Чтобы окончательно не застрять, политические и их семьи пересели на баржу — ее не спеша потянул маленький буксир.

Последние триста верст — от пристани Качуг до Иркутска ехали на телегах, на манер цыганского табора разводили в степи костры, коротали ночи…

В Иркутске в честь приезда ссыльных собрался огромный митинг. Выступали Петровский, Серго, местные большевики и их постоянные оппоненты — эсеры и меньшевики. В те дни город был переполнен солдатами. Длинные воинские составы стояли на всех железнодорожных путях. По приказу Керенского сибирские стрелковые бригады гнали на фронт. Серго и Григорий Иванович решительно призывали железнодорожников всеми средствами воспрепятствовать отправке эшелонов. Обращались с горячими призывами и к солдатам:

— Подумайте, во имя чего вы бросаете на произвол свои семьи, едете за тысячи и тысячи верст, единственно ради того, чтобы погибнуть!

Некоторые "доброжелатели" предостерегали Орджоникидзе:

"Вас могут убить, если вы будете выступать с подобными речами на широких собраниях. Вас сочтут за шпиона, за подстрекателя против правительства…"

Чаще всего они появлялись на митингах вдвоем — Орджоникидзе и его якутская тень — меньшевик Охнянский. Так было и в последний день в Иркутске. Оба приняли приглашение рабочих железнодорожных мастерских прийти поговорить "о войне". Серго старался объяснить, что переход власти к Временному правительству вовсе не изменил характера войны, она остается империалистической. Пролетарская партия не может поддерживать ни войны, ни правительства, которое ее ведет. Свое

выступление Серго закончил словами: "Долой войну!"

Тотчас же на тендер, заменявший трибуну, вскочил Охнянский. Улыбаясь, спросил:

— Гражданин Орджоникидзе, скажи на милость, Сталин, он кто, большевик или меньшевик?

Это было все равно, что подлить в костер бензина. Серго разъярился:

— Что за дурацкий вопрос? Коба мой друг! И в Тифлисе и в Баку — всегда громил меньшевиков, По рекомендации Ленина он был кооптирован в Центральный Комитет, одно время руководил работой Русского бюро.

— Премного благодарен за разъяснение. — Охнянский спешил использовать момент: — Товарищи рабочие! Из уст Орджоникидзе вы только что услышали: "Сталин большевик". Да, Сталин — один из признанных лидеров. Так вот, сразу после нашей великой революции Сталин писал, я цитирую: "Временное правительство закрепляет шаги революции".[50] Сталин на этом не остановился. Орджоникидзе, слушайте внимательно последнее заявление вашего друга. Я снова цитирую: "Прежде всего несомненно, что голый лозунг "Долой войну!" совершенно не пригоден"… А Орджоникидзе во все горло кричит: "Долой войну"… Позор!

Серго не стал кривить душой перед рабочими:

— Я Сталина люблю. К его голосу прислушиваюсь. Нынешних его взглядов не знаю. Мы не виделись с весны 1912 года. Не хочу проводить аналогий. Просто говорю, и Плеханов и Мартов вместе с Лениным из "Искры" раздували пламя. Теперь далеко разошлись их дороги. Друзьями бывают только единомышленники. Принадлежность к одной партии сильнее кровного родства!.. Попаду в Петроград, увижу Сталина, расскажу ему о нашем сегодняшнем собрании. Не забуду, упомяну, как Охнянский нанес мне удар ножом в спину. Потом напишу вам все начистоту… А моего мнения о войне никто изменить не может — "Долой!". Как только власть возьмет пролетариат, справедливый мир обязательно будет подписан.

…Ночью вагон с бывшими политическими ссыльными прицепили к пассажирскому поезду "Владивосток-Петроград". Зинаида Гавриловна, никогда раньше не видавшая железной дороги, все радостно хвалила, на все смотрела большими глазами. Серго безучастно кивал головой или невпопад бросал: "Да, да. Очень интересно!"

Из головы не выходил Сталин. Все выдумать Охнянский не мог. Зачем же Кобе понадобилось писать статью против лозунга "Долой войну!" и защищать Временное правительство?

Постепенно — назавтра или на третий день, этот последний случай отошел на задний план. Зато все яснее, отчетливее виделась ночная прогулка с Ильичей по Парижу. Сквозь перестук вагонных колес совсем отчетливо доносились слова Ленина: "Говорите "Коба — наш товарищ", дескать, большевик, не перемахнет. А что непоследователен, на это закрываете глаза? Нигилистические шуточки о "буре в стакане воды" выдают незрелость Кобы как марксиста".

А в Тифлисе, Серго хорошо помнил, общие друзья и соученики Сталина по духовной семинарии всегда печалились: Коба шутить совсем не умеет. Удивительный грузин — не понимает шуток. На самую безобидную отвечает кулаками…

15

Старый дом на Широкой улице… Темноватый, обшарпанный подъезд. На звонок, по мнению Зины, слишком энергичный, вышел Марк Тимофеевич Елизаров — муж старшей сестры Ленина Анны Ильиничны. Профессиональный революционер, один из руководителей всеобщей забастовки 1905 года, он внешне выглядел солидным петербуржцем.

Марк Тимофеевич приветливо поклонился.

— Предупрежден заранее. Приказано принять наилучшим образом!

Небольшая квартира была густо населена. В начале революции приехала Мария Ильинична. В апреле — Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Прямо с вокзала они отправились в особняк Кшесинской на Каменноостровском. Этот облицованный коричневыми изразцами особняк знаменитой балерины в февральские дни захватили солдаты броневого дивизиона, все — бывшие рабочие. Свой "трофей" они немедленно передали большевикам. С того часа это стал самый притягательный дом в Петрограде. У его каменных стен, выходивших на Большую Дворянскую улицу и Кронверкский проспект, постоянно собирались. толпы рабочих, фронтовиков, матросов. С балкона и из беседки на углу к ним обращались лидеры единственной политической партии, жившей их интересами, выражавшей их чаяния…

"С балкона дворца Кшесинской Ленин хлещет огненными бичами Россию!.. О, как слушает его толпа! Проклятие, они дождались своего мессию", — сокрушался "Народный трибун" — газета господина Пуришкевича.

В квартире сестры Владимира Ильича ждал забавный сюрприз. Мальчонка Гора — воспитанник Анны Ильиничны — втайне от взрослых приготовил и вывесил над кроватями в комнате, отведенной "Ильичам", разрисованный цветными карандашами лозунг: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Сейчас Владимир Ильич с удовольствием демонстрировал произведение Горы Зине и Серго. Мальчик, разумеется, был тут же.

— Володя, зови друзей к столу, — попросила Анна Ильинична.

— А чем будешь угощать? — лукаво прищурился Владимир Ильич.

— Забыл, какая удача сегодня выпала Наде и Марии? Они принесли из очереди леденцы, булки, яйца!

— Не губите, Анна Ильинична! — взмолился Серго. — Не конфузьте перед молодой женой. Вчера мне Зина поручила принести что-нибудь к ужину. Я взял в помощь Алешу Джапаридзе, еще одного бакинского товарища. Честно стояли в хвосте не меньше двух часов. Дали нам десяток яиц. Ни хлеба, ни сахара так и не достали.

— Хлеб, сахар — это для блезиру. Вам небось шашлык хотелось с кисленьким винцом! — подзадорил Ильич. Согнал улыбку. — Когда-то историк Кар-лейль, автор "Французской революции", пресерьезно уверял, что его соотечественники отличаются от всех прочих народов мира редкой способностью безропотно стоять в очередях. Увы, наши петроградские женщины давно превзошли французов! Кое-как одетые, с грудными детьми на руках, под проливным дождем или в лютую зиму на скованных и выбеленных морозом улицах, часами стоят они за хлебом, молоком, Фунтом сахара или бог знает из чего сделанными конфетами. Святые русские женщины!..

Надежда Константиновна подхватила:

— Откроешь ночью окно и слушаешь горячие споры. Сидят кухарки, горничные, около них солдаты, какая-то молодежь. В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики… В три часа: Милюков, большевики… в пять часов — все то же, политика, митингование.

Более серьезных разговоров за чаем Владимир Ильич не допускал. Одну особенно настойчивую попытку Серго углубиться в большую политику отбил контрвопросом:

— Ну-ка, отгадайте, чем я занят в Петрограде? Серго беспомощно развел руками.

— Не берусь!

— Ладно уж, скажу по секрету. Капиталом! Да, милый человек, ка-пи-та-лом!

— ?

— Слушайте внимательно. Явился старший дворник, принес домовую книгу. Начали заполнять ее графы. Добрались до вопроса: "Чем занят, на какие средства живет?" Убейте, не знаю, что ответить. Робко спрашиваю: "Что вы обычно пишете в этой графе, если человек нигде не работает?"

"С полным удовольствием указываем: "На капиталы проживают-с".

"Что ж, и для меня это подходит, — говорю. — Пишите: "Занят капиталом".

Дворник нацарапал одно лишь слово "капиталом"… Взять вас, что ли, в компаньоны?

Через несколько дней по предложению Ленина

Орджоникидзе был введен в Петербургский комитет большевиков.

— По утрам, выходя из дому,[51] - вспоминал Петровский, — мы спрашивали друг друга: "Ты куда назначен митинговать?" — "За Нарвскую заставу, к путиловцам. А ты куда?" — "За Невскую заставу, к балтийцам".

В "Учетном журнале" агитотдела Петербургского комитета партии все чаще записи:

> "**Луначарский и Орджоникидзе** — военный Обуховский завод.
>
> **Орджоникидзе** — Семеновский полк.
>
> **Коллонтай Александра, Орджоникидзе Григорий** — Путиловский завод.
>
> **Товарищ Серго** — Главные железнодорожные мастерские.
>
> **Орджоникидзе Г. К**. - фабрика Жорж Борман.
>
> **Лашевич и Орджоникидзе** — Первый пулеметный полк.
>
> **Орджоникидзе** — Путиловский завод…"

Серго уже привык к бурным митингам, к напряженно внимательной и легко возбуждавшейся громкоголосой многотысячной аудиторий. Но то, что он застал в полдень третьего июля на дворе Путиловского завода, ошеломило. Показалось слишком грозным. Каждый клочок земли, каждое возвышение, крыши, пожарные лестницы, штабеля металла, кучи стружки — все облепили люди. Пятнадцать тысяч путиловцев и пришедшие звать их на улицу — свергать Временное правительство — солдаты пулеметного полка, матросы, гренадеры.

Орджоникидзе подхватили, поставили на деревянную трибуну рядом с бородатым солдатом.

— Первый пулеметный полк идет отнимать власть над Россией, — провозглашал солдат. — Долой правительство, подло пославшее наших братьев-фронтовиков под немецкие пули, на смерть и позор! Идемте, довольно терпеть!

В ожесточенном лице пулеметчика, в каждом жесте чувствовалась самая настоящая мука. Все симпатии Серго были на его стороне. Тем более необходимо было этого дорогого человека остановить, удержать. Во всяком случае, не дать ему повести за собой рабочих.

А как удержать, где найти силу? Вчера весь день большевики призывали рабочих и солдат воздержаться от выступлений, не давать повода правительству пустить в ход оружие. Безуспешно. Гнев переполнял сердца…

Серго волновался и, как всегда в таких случаях, говорил с сильным грузинским акцентом:

— Товарищи путиловцы! Друзья! Конференция большевиков Питера, пославшая меня сюда, просит вас не выходить на улицы. Конечно, у рабочих и солдат Петрограда хватило бы сил прогнать Временное правительство и взять государственную власть в свои Руки. Только победу бы у нас тут же отняла буржуазия. Утопила бы в крови! С фронта уже вызваны верные правительству войска.

Армия и провинция не готовы поддержать восстание в столице. Момент еще не наступил. Удержите гнев! Теперь уже недолго. Спросим за все — и за июньскую авантюру на фронте, за бессмысленные жертвы, принесенные в угоду английским и французским союзникам низложенного царя и здравствующих меньшевиков и эсеров.

— Путиловцы! Вспомните, на этом дворе с вами долго беседовал Ленин. Почему сейчас не хотите спросить Ленина, что он думает?

Согласились, что несколько человек вместе с Серго пойдут поговорят по телефону с особняком Кшесинской, где продолжала заседать общегородская конференция большевиков. Орджоникидзе только успел сказать члену президиума конференции М.А. Савельеву, что у путиловцев "повышенное настроение"… Сколько ни крутили ручку, телефон безмолвствовал. Плюнули, пошли обратно на митинг. Серго возвращался, опустив голову. Сомневаться в провале его миссии не приходилось.

Тем временем Савельев сообщил конференции о коротком, незаконченном разговоре с Серго. Заседание прервали. Делегаты поспешили на Путиловский и другие заводы. Но сделать ничего было нельзя.

Пулеметчики уже шли с Выборгской стороны. В ту пору, особенно за границей, Выборгскую сторону часто называли Сент-Антуанским предместьем Петрограда. Считали, что выборжцы играют такую же заглавную роль, как жители парижского пригорода Сент-Антуан во французских революционных восстаниях XVIII и XIX столетий.

"Я пошла в дом Кшесинской. Вскоре я нагнала пулеметчиков на Сампсониевском проспекте, — вспоминала впоследствии Крупская. — Стройными рядами шли солдаты. Осталась в памяти такая сцена. С тротуара сошел старый рабочий и, идя навстречу солдатам, поклонился им в пояс и громко сказал: "Уж постойте, братцы, за рабочий народ!"…Пулеметчики останавливались около балкона и отдавали честь, потом шли дальше. Потом к ЦК подошли еще два полка… Вечером был послан товарищ в

Мустамяки за Ильичем…[52] Пулеметный полк стал уже возводить у себя баррикады…"

Поздно вечером третьего июля — сразу после возвращения Ленина в Петроград — на совместном заседании ЦК, Петербургского Комитета и Военной организации РСДРП (б) было решено, что большевики примут участие в демонстрации, с тем чтобы придать ей мирный и организованный характер.

Заводы и фабрики забастовали. Более 500 тысяч человек направились к Таврическому дворцу, где когда-то заседала Государственная дума, а сейчас обосновался Центральный Исполнительный Комитет Советов. Рабочие шли под охраной вооруженной Красной гвардии. Солдаты и прибывшие из Кронштадта моряки — с оружием в руках.

Ленин с балкона дома Кшесинской призывал сохранять выдержку и порядок.

— Самое большое, что сегодня можно себе разрешить, — говорил Ильич, — это обращение с требованием к Центральному Исполнительному Комитету о взятии всей власти в руки Советов.

Девяносто представителей рабочих, солдат и моряков вошли внутрь Таврического дворца. Их холодно, не предлагая сесть, выслушали второстепенные лидеры меньшевиков и эсеров. Главные были заняты более существенным — переговорами с правительством о разгроме демонстрации и расправе с большевиками. На углу Невского и Садовой, на Литейном проспекте уже гремели залпы. Казаки и юнкера в красных с золотом погонах открыли огонь по мирному шествию. Улицы Петрограда обагрились кровью.

С фронта прибыли специально отобранные войска. Началось разоружение революционных полков.

В полдень Дворцовую площадь наглухо обнесли частоколом из штыков. Вдоль Зимнего дворца выстроились казачьи и кавалерийские части. По фасаду министерства иностранных дел и министерства финансов — Первая гвардейская дивизия и батальоны пластунов. Возле Главного штаба — самокатчики. Вокруг Александровской колонны — Егерский и Семеновский полки. В резерве на Певческом мосту — грузовики с пулеметами и броневики.

Подлежавших "клеймению позором" солдат Первого пулеметного полка подводили отдельными командами. Все отобранные у них пулеметы и личное оружие сваливали в одну груду на середине площади. Впрочем, при сличении со штатным расписанием выявилась большая недостача пулеметов — они остались на Выборгской стороне до лучших дней!.. Ну, об этой подробности командующий войсками Петроградского военного

округа скороиспеченный генерал Половцев (протеже всемогущего посла Великобритании сэра Джорджа Бьюкенена и будущий владелец кофейных плантаций в Африке) докладывать министру не пожелал.

Безоружных пулеметчиков с площади под конвоем отвели в Соляной Городок. Их предполагали отправить на передовые позиции. По третьему разряду, как штрафных особо строгого режима… А в октябре эти самые пулеметчики шли в огонь и в воду за большевиков. С агитатором[53] Орджоникидзе они защищали Пулковские высоты, освобождали от Керенского Гатчину и Царское Село, После победы взяли на себя охрану Смольного,

С особой ненавистью Временное правительство, куда входили эсеры и меньшевики, набросилось на Ленина и его сторонников. Особняк Кшесинской был занят войсками, В рабочих кварталах, особенно на Выборгской стороне, шли повальные обыски. Юнкера разгромили помещение редакции "Правды", учинили погром в типографии "Труд", приобретенной на деньги, собранные рабочими и солдатами для партии большевиков.

В сторожке завода "Рено" собрался Петербургский Комитет РСДРП (б). Серго поддерживал предложение объявить всеобщую забастовку. Трижды брал слово Ленин. Он впервые после возвращения в Россию сказал, что наиболее желательное мирное развитие революции, мирная борьба партий внутри Советов, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой после четвертого июля невозможен, Забастовка ничего доброго не даст, лишь напрасно прольется кровь. Несколько часов назад застрелен рабочий Воинов только за то, что он вынес из типографии "Листок Правды", выпущенный партией взамен закрытой "Правды". Забастовка ничего не даст, повторил Владимир Ильич, а к вооруженному восстанию мы не готовы.

В этот же день и в этот же час в респектабельном здании штаба войск гвардии и Петроградского военного округа генерал Половцев доверительно инструктировал командира отряда, созданного им для поисков Ленина.

— Мы оба, полковник, кавалеристы, рубаки, не один год вместе прослужили в "дикой дивизии". Церемонии, слава богу, не по нашей части… Лучше всего кончайте с этим господином на месте! — рекомендовал Половцев. — А то другие обскачут, акция слишком выигрышная! Сегодня на завтраке у сэра Джорджа меня очень просили поторопиться….

Джордж Бьюкенен умел выбирать тайных сотрудников. Хотя иногда и шокировал Лондон своими связями. Всего за два месяца

до революции Форин оффис[54] строжайше запретило ему принимать у себя лидера кадетов, профессора Павла Николаевича Милюкова как "опасно левого". В таких случаях сэр Джордж позволял себе улыбнуться краешком губ.

Сейчас с Половцевым все было проще. Аристократ сэр Джордж ни за что не ввел бы его в свой лондонский клуб. Но посол Великобритании Бьюкенен сделал все для того, чтобы лихой, неотесанный кавалерист обрел власть над двухсоттысячным гарнизоном русской столицы!

В этой роли у Половцева была масса достоинств — заведомый монархист лишь за несколько дней до отречения Николая Второго добился в ставке приглашения к императорскому столу, ненавидел большевиков, не боялся крови, еще меньше стеснялся в выборе средств.

"Дело" Ленина и большевистской партии было сфабриковано настолько грубо, что я диву давался, — негодовал генерал Бонч-Бруевич, долгие годы руководивший в старой армии борьбой с немецким шпионажем. — Обвинения показались мне столь же бессмысленными, сколь и бесчестными. Было ясно, что все это сделано только для того, чтобы скомпрометировать руководство враждебной Временному правительству политической партии".

Приличия ради в Таврическом дворце денек-другой демонстрировали свою непричастность. Меньшевики устами пылкого Ираклия Церетели заявили: "Ленин ведет идейную, принципиальную пропаганду". Потом привычно шарахнулись в сторону: "Обе партии свободы — эсеры и меньшевики сообща создают следственную комиссию для разбора "дела Ленина". Вдогонку еще поправка Чхеидзе: "Нет, Ленин обязан явиться в распоряжение прокурора. Только гласный суд может снять с него обвинения…"

Тут уж Серго не стерпел. Отправился в Таврический дворец, отыскал святую меньшевистскую троицу — Чхеидзе, Церетели и Чхенкели. Публично назвал их тюремщиками. Лощеный, прекраснодушный Церетели схватился за голову. Вспыльчивый Чхеидзе закричал, что он не простит подобной клеветы. Серго тоже дал волю имеретинскому темпераменту. Шум поднялся страшный!..

16

Их нет уже в живых. Остались только наброски воспоминаний, записки.

Орджоникидзе: "Юнкера рыщут повсюду — ищут Ленина. Разговоры: "Удрал к Вильгельму", "Найдешь ты его, как бы не так".

Таврический дворец. Здесь только и говорят о нашем выступлении, о том, что у нас в организации не все обстоит благополучно. Так говорят левые с.-р., так говорят даже некоторые довольно видные большевики. В рабочих районах минутное смущение, но оно живо проходит. Среди солдат — павловцев и измайловцев довольно ясно слышны голоса: "Подвели, мы не знали, что большевики германские шпионы".

Ленина ищут, но не находят. Некоторые наши товарищи ставят вопрос о том, что Ленину нельзя скрываться, он должен явиться. "Иначе у партии не будет возможности оправдаться перед широкими массами".

"Вождю партии брошено тяжкое обвинение, он должен предстать перед судом и оправдать себя и партию". Так рассуждали очень многие видные большевики.

…Направляемся к Ленину, он должен быть на квартире у Николая Гурьевича Полетаева (бывший депутат Государственной думы, рабочий Путиловского завода), кажется на 8-й Рождественской. Торопимся, так как в Таврическом — упорные слухи, что Полетаев, по данным архива департамента полиции, провокатор. Спешим к Ильичу, надо его предупредить об этом, надо перевести его оттуда, не то могут нагрянуть на квартиру Николая Гурьевича и там застать Ильича. Приходим — его уже нет.

Жена Полетаева сообщила, что Ленин перешел от них на квартиру Аллилуева. Сергея Яковлевича мы знали многие годы. У нас на Кавказе он был одним из первых социал-демократов. Неоднократно руководил политическими забастовками в Главных железнодорожных мастерских в Тифлисе и на Бакинских нефтяных промыслах. Приходилось бывать и на петроградской квартире Аллилуева — на 10-й Рождественской.

Ленин и Крупская там. Не успели мы сесть, как вошли Ногин и В. Яковлева. Пошли разговоры о том, надо ли Владимиру Ильичу явиться и дать себя арестовать. Ногин довольно робко высказался за то, что надо явиться и перед гласным судом дать бой. Ильич заметил, что никакого гласного суда не будет, Сталин добавил: "Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге". Ленин, по всему видно, тоже против, но немного смущает его

Ногин.

Как раз в это время заходит Елена Стасова. Она, волнуясь, сообщает, что в Таврическом дворце вновь пущен слух, якобы по документам архива департамента полиции Ильич — провокатор! Эти слова произвели на Ленина невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его лицо, и он со всей решительностью заявил, что надо ему сесть в тюрьму, Ильич объявил это нам тоном, не допускающим возражений".

Крупская: "Седьмого июля мы вместе с Марией Ильиничной были на квартире Аллилуевых… Это как раз момент колебания у Ильича. Он приводил доводы за необходимость явиться на суд. Мария Ильинична горячо возражала ему. "Мы с Григорием решили явиться, пойди скажи об этом Каменеву", — попросил меня Ильич. Я заторопилась. "Давай попрощаемся, — остановил меня Владимир Ильич, — может, не увидимся уж". Мы обнялись.

Вечером у нас на Широкой был обыск. Обыскивали только нашу комнату. Был какой-то полковник и еще какой-то военный в шинели на белой подкладке. Они взяли из стола несколько записок, какие-то мои документы. Спросили, не знаю ли я, где Ильич, из чего я заключила, что он не объявился",

Орджоникидзе: "Меня и Ногина посылают в Таврический дворец для переговоров с членом президиума ЦИК и Петроградского Совета Анисимовым об условиях содержания Ильича в тюрьме. Мы должны были добиться от него гарантий, что Ленин не будет растерзан озверевшими юнкерами. Надо было добиться, чтобы Ильича посадили в Петропавловку (там гарнизон был наш), или же, если посадят в "Кресты", добиться абсолютной гарантии, что он не будет убит и предстанет перед гласным судом. В случае утвердительного ответа, Анисимов под вечер на автомобиле подъезжает к условному подъезду на 8-й Рождественской, где его встречает Ленин, и оттуда везет Ильича в тюрьму, где, конечно, его прикончили бы, если бы этой величайшей, преступной глупости суждено было совершиться.

Мы с Ногиным явились в Таврический и вызвали Анисимова. Рассказали ему о решении Ильича и потребовали абсолютной гарантии. На Петропавловку он не согласился. Что касается гарантии в "Крестах", заявил, что, конечно, будут приняты все меры. Я решительно потребовал от него абсолютных гарантий (чего никто не мог дать!), пригрозив, что в случае чего-либо перебьем всех их. Анисимов был рабочий Донбасса. Мне показалось, что его самого охватывает ужас от колоссальной ответственности этого дела. Еще несколько минут, и я заявил ему: "Мы вам Ильича не дадим". Ногин тоже согласился с этим. Спешу обратно на квартиру Аллилуева. При выходе встречаю

Луначарского, который утром был в большой панике.

Анатолий Васильевич поручил мне передать Ленину, чтобы он ни в коем случае не садился в тюрьму, ибо в данный момент в руках коалиции находится власть только формально, фактически же она у корниловцев, а завтра, может быть, и формально перейдет к ним. Это меня очень обрадовало, так как утром настроение Анатолия было другое.

Ногин остался, я поспешил к Ленину. Я передал в двух словах наш разговор с Анисимовым и мнение Луначарского и прибавил, что Анисимов не знает, в чьих руках будет завтра он сам. Решили, что никаких разговоров дальше не может быть, Ильич должен уехать из города. Мне было предложено немедленно снять свою шевелюру и следовать с Ильичем. Я поспешил в парикмахерскую, но Ленин, не дождавшись моего возвращения, вместе с Зофом[55] и с одним рабочим из Сестрорецка благополучно вышел из города".

Крупская: "Через день, 9-го, к нам ввалилась с обыском целая орава юнкеров. Они тщательно обыскали всю квартиру. Мужа Анны Ильиничны Марка Тимофеевича Елизарова приняли за Ильича. Допрашивали меня, не Ильич ли это… Нас забрали троих — меня, Марка Тимофеевича и Аннушку — и повезли в генеральный штаб. Рассадили там на расстоянии друг от друга. К каждому приставили по солдату с ружьем. Через некоторое время врывается рассвирепелое офицерье; собираются броситься на нас. Но входит тот полковник, который делал у нас обыск в первый раз, посмотрел на нас и сказал: "Это не те люди, которые нам нужны". Если бы был Ильич, они бы его разорвали на части. Нас отпустили. Марк Тимофеевич стал настаивать, чтобы нам дали автомобиль ехать домой. Полковник пообещал и ушел. Никто никакого автомобиля нам, конечно, не дал. Мы наняли извозчика. Мосты оказались разведены. Мы добрались до дому лишь к утру.

У наших был обыск еще третий раз. Меня не было дома, была у себя в районе. Прихожу домой, вход занят солдатами, улица полна народу. Постояла и пошла назад в район, все равно ничем не поможешь…

Ильич вместе с Зиновьевым скрывались у старого подпольщика рабочего Сестрорецкого завода Емельянова на станции Разлив недалеко от Сестрорецка.

К Емельянову и его семье у Ильича сохранилось до конца очень теплое отношение".

Орджоникидзе: "Мне был дан адрес одного рабочего, жившего недалеко от Сестрорецка (не доезжал одну или две станции), и пароль. С большой осторожностью я взялся поехать к Ленину, боясь, как бы не подцепить шпика и не провалить

местопребывания Владимира Ильича.

Прибыл я на станцию ночью. Побродив немного, я нашел нужный мне дом. Самого рабочего не оказалось дома. Приняла меня его жена. Я сказал ей пароль, но тут вышло у нас большое недоразумение. Зоф не сообщил мне ответного пароля — и мы запутались. Жена рабочего, с одной стороны, не сумела скрыть, что она знает, где Ленин, а с другой — решительно отказывалась указать, где именно он. Начал я ее убеждать, что я свой человек, что прислан от ЦК, но она была неумолима.

Я чувствовал себя в высшей степени неловко. Мне надо было видеть Ильича, мне хочется видеть его, как никогда, и в то же время чувствую, что поступаю плохо, уговаривая мою собеседницу нарушить порядок конспирации".

Емельянов: "Как ни хороши удобства чердака, а положение не из совсем приятных: каждую минуту мог кто-нибудь заметить. Пришлось подумывать о более безопасном месте. Время сенокосное, а что, если Владимир Ильич под видом косаря переселится на сенокос… Идея хорошая, Ленин также одобрил, да и чердак-то, по всей вероятности, не особенно нравился ему.

Сенокос расположен за Разливом (небольшое озеро). Водою приблизительно четыре версты, да лесом около полутора верст. Там атмосфера другая, нет той публики, населяющей дачные места. Она за озером редко показывается…

Чердак, стало быть, сменился другим жилищем — шалашом, сделанным из веток и сверху покрытым сеном. Рядом и кухня устроена: на кольях висит котелок, варится чай. Но ночью невыносимо, надоедливые комары совершенно не дают покоя, как от них ни прячься, а они достигнут своего, и нередко приходится быть искусанным, но ничего не поделаешь — не все отлично.

Приезжали к Владимиру Ильичу товарищи, совершали чуть ли не кругосветное путешествие на всех видах транспорта: сперва на допотопной железной дороге, затем на лодке через Разлив, завершая путешествие пешком.

Было устроено так: приезжает какой-либо товарищ, преимущественно ночью, заходит ко мне на квартиру, затем оттуда его провожает Кондратий или кто другой из моих сыновей. Нам с женой Надеждой Кондратьевной грех был жаловаться — семь сыновей растили.

Путь к шалашу весьма оригинальный, многие весьма довольны оставались этим путешествием. Ночь, ни зги не видно. Кругом только тьма. Отчаливаешь от берега, погружаешься в какую-то тьму, напрасно напрягаешь зрение, чтобы увидеть хоть малейшее очертание берегов. И так едешь как бы в бесконечную даль. Проходит три четверти часа, и только в момент

причаливания замечаешь берег.

Владимир Ильич ежедневно читал все газеты, какие только выпускали в то время. Помню, газеты частенько были с заметками; описывающими, каким образом Ленин скрылся за границу. То фигурировали подводные лодки, то аэропланы!.. На самом деле верно только одно, что через воду, да не на подводной, а на простой однопарной весельной лодке совершен весь переезд.

Читая заметки о своем бегстве и кутежах с балеринами в Швеции, Владимир Ильич от души смеялся. Называл издателей буржуазных газет "гороховыми шутами". Другой раз сидим все у костра, варим чай или картошку к ужину, Ильич рассказывает, какая будет жизнь после настоящей рабочей революции…

Ильич много писал — статью за статьей. Занимался в своем излюбленном месте — за большим ивовым кустом.

Не уступая опытным носильщикам, клали на носилки большие копны сена, метали стога. Владимир Ильич ловко подавал сено на вилах. В конце концов был сметан большой стог сена. В вечернее время частенько ходили с ребятишками ловить рыбу бреднем".

Орджоникидзе: "Я окончательно потерял надежду повидать Ильича. Собрался было идти. Жена Емельянова сжалилась, остановила меня и позвала своего 9-10-летнего сына. "Вот вам проводник". Мы пошли к озеру. Сели в лодку, переправились на другой берег, обильно поросший кустарником. Я решил, что Ленин живет на какой-нибудь даче. Шел покорно за своим юным провожатым. Вдруг мы остановились около небольшого сенокоса. Мальчик окликнул кого-то по имени. Вышел незнакомый мне человек. Он оказался отцом мальчика. Поздоровались с ним. Объяснил ему, в чем дело. Думаю, дальше поведет к Ленину.

В этот момент подходит ко мне еще один незнакомец бритый, без бороды и усов. Подошел и поздоровался. Я ответил просто, сухо. Тогда он хлопает меня по плечу и говорит насмешливо: "Что, товарищ Серго, не узнаете?" Я вглядываюсь повнимательнее, а человек хохочет. Так от души, весело, заразительно умел смеяться один Ильич. По удачному определению умного англичанина Рансома "это смех необыкновенной силы Ленина".

Я кинулся к Ильичу, обнял его, отступил назад и снова обнял.

Пошли разговоры. Через несколько минут Ильич предложил мне поужинать с ними. Оказалось, что у них самих ничего нет: кусочек черного хлеба и селедка. Вот и весь ужин.

После "ужина" беседу перенесли в "апартаменты" Ленина. Таковыми явился стог сена. Свежее сено пахло великолепно, было тепло, легко на душе. Я долго рассказывал, что делается в

Петрограде, каково настроение рабочих, солдат, что в нашей организации, в меньшевистском ЦИК, в Петросовете и т. д.

Владимир Ильич задавал вопросы. Потом сказал: "Меньшевистские и эсеровские советы окончательно дискредитировали себя; недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь путем вооруженного восстания. Оно не заставит ждать себя долго. Сентябрь — октябрь, думаю, крайний срок".

Я осмелел и признался, что на днях в районной думе Выборгской стороны мы, несколько товарищей, поспорили о будущем революции. Все очень удивились, когда Лашевич заявил: "Увидите, Ленин в сентябре будет премьером!"

К моему изумлению, Ильич совершенно серьезно подтвердил: "Да, это так будет". Нас только что расколотили, а он уверенно подсказывает через месяц-два победоносное восстание!

Разговор перешел к текущим делам и вскоре оборвался — я от усталости незаметно уснул… Утром опозорился вторично. Вместо шести часов, как намечали, проснулся в одиннадцать! К этому времени Владимир Ильич приготовил несколько маленьких статей, писем… Я взял их, попрощался и ушел".

Луначарский: "Романтики без силы объективной мысли отсеивались в ряды эсеров. Теоретики-марксисты без силы воли, без революционного движения отходили в мелкобуржуазный меньшевизм. В рядах большевиков оставались те, которые соединили уважение к совершенно точной и трезвой мысли с очень сильной волей, кипучей энергией. Эта партия, нелегальная в течение десятилетий, требовала необыкновенной закалки"

Крупская: "Партия большевиков перешла на полулегальное положение. Но она росла и крепла. К моменту открытия своего VI съезда, 26 июля, партия насчитывала уже 177 тысяч,[56] вдвое больше, чем три месяца назад, во время Всероссийской апрельской конференции большевиков. Рост влияния большевиков, особенно в войсках, был несомненен".

Серго делегат VI съезда от Петроградской большевистской организации. И докладчик по вопросу, всех особенно волновавшему, — о явке Владимира Ильича на суд.

Двадцать седьмого июля председательствовавший Свердлов объявил:

— Слово товарищу Орджоникидзе.

"…им важно выхватить как можно больше вождей из рядов революционной партии. Мы ни в коем случае не должны выдавать т. Ленина. Из дела т. Ленина хотят создать второе дело Бейлиса…"

В поддержку докладчика:

Дзержинский: "Я буду краток. Товарищ, который говорил передо мной, выявил и мою точку зрения… Травля против Ленина… — это травля против всех нас, против партии, против революционной демократии. Мы должны разъяснить нашим товарищам, что мы не доверяем Временному правительству и буржуазии…".

Скрыпник: "В резолюции, предложенной т. Сталиным, было известное условие, при котором наши товарищи могли бы пойти в республиканскую тюрьму, — это гарантия безопасности. Я думаю, что в основу резолюции должны лечь иные положения. Мы одобряем поведение наших вождей. Мы должны сказать, что мы протестуем против клеветнической кампании против партии и наших вождей. Мы не отдадим их на классовый пристрастный суд контрреволюционной банды".

Съезд встал на позицию Серго — единогласно высказался против явки Ильича властям. Большевики, на счастье человечества, оградили Ленина от расправы разъяренных контрреволюционеров.

Все документы съезда — тезисы о политическом положении, резолюции, новые лозунги, Манифест съезда — все шло от Ленина, из его последнего подполья. Ставя на голосование тезисы, написанные рукою Ильича, Свердлов точно заметил: Ленин невидимо участвует и руководит работой съезда.

Партия подтвердила оценку, высказанную Владимиром Ильичей в разговоре с Серго в Разливе, — власть можно взять теперь лишь путем вооруженного восстания, период мирного развития революции окончился, меньшевики и эсеры превратили Советы в пустые говорильни.

"Правильным лозунгом в настоящее время, — заявил VI съезд, — может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии… Пролетариат не должен поддаваться на провокацию буржуазии, которая очень желала бы в данный момент вызвать его на преждевременный бой. Он должен направить все усилия на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих — против буржуазии".

Партия большевиков принимала на себя высокую ответственность за судьбу страны, за будущее народа. В своем Манифесте VI съезд призвал готовить социалистическую революцию:

"Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию,

копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!"

17

С Финского залива подули резкие сырые ветры.

Они срывали с деревьев, кружили еще не пожелтевшие листья. Потом мокрый туман затянул улицы. Совсем потускнело, провисло небо. Петроград залили дожди.

— Зина, хочешь я верну тебе лето? Я забросаю тебя цветами, засыплю фруктами! Целый день будет ярко светить солнце!

— Да, да, да! — подхватила Зина. — Очень хочу!

— Тогда поскорей собирайся на вокзал. Мы едем на Кавказ, — объявил Серго.

…На задворках типографии негоцианта Куинджи, в небольшой комнате, за единственным столом, представляющим все имущество редакции "Бакинского рабочего", низко согнулся — правит корректуру — Степан Шаумян. С треском распахивается дверь. Стремительно влетает человек в широкополой соломенной шляпе.

— Степан-генацвале!

— Серго, друг! Каким ветром?

Встреча с Шаумяном была первой из многих намеченных в Петрограде. Щедро обеспечив Зину ошеломляюще яркими впечатлениями, одарив ее солнцем и цветами, Серго почти полтора месяца колесил по Бакинской, Тифлисской, Эриванской и Кутаисской губерниям. Побывал на нефтяных промыслах Апшерона и на заводах Черного города, в депо и мастерских Закавказской магистрали, в рабочем центре Армении Александрополе.[57]

Добрался и до высланных на Кавказ десятков тысяч солдат — участников демонстрации 3–4 июля в Петрограде. Не считаясь со строжайшим запрещением военного министра "будоражить полки", выступал на ротных и батальонных собраниях, на гарнизонных митингах.

Серго никогда не сгущал красок. Охотнее всего он громил противника оружием, взятым из его арсенала — документами, свидетельствами, признаниями его прессы.

Серго не удержался: одну неделю провел в родной Имеретии. Заранее никого не предупреждал. Но едва тифлисский поезд вырвался из тоннеля, подошел к станции Белогоры, Орджоникидзе окружили десятки людей — родственники, бывшие соученики, односельчане.

Среди встречавших был и двоюродный брат самого близкого и любимого друга Серго Самуила Буачидзе — Моисей Захарович.

В его доме в Белогорах Самуил и Серго не раз устраивали тайные сходки крестьян и железнодорожных рабочих, бурные дискуссии с меньшевиками и социал-федералистами, заседания штаба боевой дружины. У Моисея в тайниках, вырытых в подвале дома и на кукурузнике, хранилось оружие, прокламации.

После падения Квирильско-Белогорской республики, созданной Самуилом — тогда его уже больше знали под именем товарища Ноя, — каратели жестоко избили Моисея Буачидзе. Дом его и все вещи сожгли дотла, большую семью пустили по миру. Кое-как став на ноги, Моисей Захарович вновь давал приют и оказывал всяческую помощь революционерам, снова делился с ними последним.

— Где наш Самуил? — немедля спросил Серго. Поспешил добавить: — Последнее, что знаю, с мандатом Ленина он отправился на Северный Кавказ. Я его не застал в Петрограде.

— Ив Белогорах тоже… — продолжил Моисеи Захарович. — Самуил приезжал в прошлом месяце. Четыре или пять дней оставался у своих стариков.

Ездил в Горешу, искал твоих родственников, расспрашивал, нет ли вестей о тебе.

Тогда же Серго познакомился со старшим сыном Моисея Захаровича — Теймуразом (домашние чаще его называли Сосо) и с братьями Самуила — Константином и Андреем.[58]

Отдых в Гореше закончился скорее, чем надеялся Серго. Среди ночи нарочный из Белогор доставил депешу. Центральный Комитет партии вызывал в Петроград.

Зина осталась пока в Гореше. Первое коротенькое письмо от Серго было из Армавира:

> "Едем, но страшная теснота. Чувствую себя не очень важно, хотя я совершенно здоров. Как только доберусь, немедленно переведу деньги, и ты сразу выезжай".

Второе письмо из Курска:

> "Завтра утром буду в Москве, послезавтра — в Питере и приступаю к делу… Сегодня я в ударе: целый день громил в вагоне одного меньшевика. Наглец тыкал мне в нос "Известия ЦИК" (официальный орган заседающих в Центральном Исполкоме меньшевиков и эсеров), кричал: "Извольте прочесть, что пишут благоразумные и умеренные социалисты", Я прочел этот "глас вопиющего":
>
> "Поспешим, друзья мои, закончить революцию: кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется ее

плодами"… Что ж, учтем? Чувствую себя превосходно. Умылся в первый раз после Кутаиса".

Лишь к вечеру двадцать четвертого октября поезд дотащился до Петрограда. Серго прямо с вокзала направился в Смольный.

Жалобно дребезжа, переполненный трамвай, облепленный снаружи штатскими и военными, пересекал город со скоростью старинной тифлисской конки.: В юношеские годы Серго любил купить билет за пятачок, усесться в открытом вагончике — ехать и высматривать приятелей. Захотелось — сошел, пошутил, посмеялся с парнями, потом назад в конку. Еще большим шиком было спрыгнуть с вагончика у винного погребка, выпить стакан кахетинского и опять занять свое место в конке.

Одна существенная разница. В тифлисской конке всегда было весело и свободно, а сейчас в петроградском трамвае — не протиснуться. Синий, прокуренный, спертый воздух насыщен тревогой, подозрениями, скандалами.

После частых огней Невского, запруженного взбудораженными людьми, Литейный и особенно Суворовский проспект показались Серго черными провалами. Редкие прохожие торопились юркнуть в подъезд, укрыться в подворотне. Только в скверах и на площадях вокруг огромных костров толпились бородатые солдаты в серых папахах.

Костры пылали и на последней остановке трамвая у дымчато-голубых куполов Смольного монастыря. Рубиновый отблеск огня и яркие лучи граненых зеркал прожекторов высветливали наведенные на город стволы полевых пушек, пулеметы с аккуратно заправленными лентами, двуколки со снарядами и походные кухни у белой колоннады Смольнинского института благородных девиц. Само здание, бессонное и многолюдное, хорошо было освещено изнутри.

Три или четыре часа назад, как только до полной черноты сгустились сумерки, также трамваем до угла Боткинской улицы доехал Ленин. Дальше пешком через мост и по набережной Невы — в Смольный. Горели костры, дымили факелы. Вооруженный народ, серый от шинелей и черный от блуз и кацавеек, приготовился.

"Нельзя ждать!! Можно потерять все!! — несколькими часами раньше торопил Ленин членов Центрального Комитета партии…

— ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня, непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя

терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

…народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой…"

Ильичу, томившемуся на конспиративной квартире — все на той же Выборгской стороне — казалось, что письма, только что отправленного в Смольный3 недостаточно. Архиважно не упустить момент. "Смелость, еще раз смелость и всегда смелость", — вновь и вновь повторял он знаменитое восклицание Дантона в законодательном собрании Франции.

В сумерках, как обычно, пришел связной ЦК Эйно Рахья, невозмутимый финн. Он сказал, что Временным правительством дан приказ развести мосты через Неву, чтобы отрезать рабочие кварталы от центра. Значительно усилены патрули…

Ленин присел к столу, быстро набросал записку для Надежды Константиновны и хозяйки квартиры:

"Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич".

Рахья помог надеть парик, повязать лицо платком, словно болели зубы. Через несколько минут они сели в трамвай…

Когда Серго, наконец, пробился через людские водовороты, клокотавшие в длинных сводчатых коридорах Смольного, и в южном крыле второго этажа вошел в огромный белый зал, разделенный двумя рядами массивных колонн, где шло заседание Петроградского Совета, Ленин заканчивал речь. Ильич обращался к Петроградскому Совету, к России, к миру,

"Да здравствует социалистическая революция!"

Капитан ставил корабль навстречу буре. Среди тех, кого он немедля затребовал на вахту, был и Серго. Ленин верил в него безгранично.

На третьем этаже Смольного — в комнате с эмалированной дощечкой "Классная дама" — Серго отыскал Подвойского. Со времени их прошлой встречи — на VI съезде партии — Николай Ильич еще больше похудел. Потертая солдатская гимнастерка и суконные шаровары мешковато висели на нем. В председателе Военно-революционного комитета не было ничего военного, а тем более грозного. Всем своим обликом — высокий, тощий, с застенчивой улыбкой, он походил на русского интеллигента, подвижника.

Николай Ильич радостно приветствовал Серго и тут же виновато развел руками.

— Не взыщите, родной! Ехать придется сию же минуту. Мандат для вас готов, возьмите!.. Не знаю, успел ли вам сказать

Владимир Ильич: третий батальон самокатчиков — самая большая надежда Керенского…

Наступило утро нового дня — двадцать пятого октября 1917 года! Ленин писал обращение:

"К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!"

— Скорее, еще скорее! — торопил Серго шофера. Только что промелькнула станция Новинка. Справа и слева надвигались леса. Углубляться в них не пришлось. Машину задержало боевое охранение расположившихся на отдых самокатчиков. Серго попросил, чтобы его отвели в батальонный комитет.

— Что, большевик, приехал просить пощады? — высоченный самокатчик дюжей рукой сжал плечо Орджоникидзе. — Сейчас мы из тебя душу вытряхнем. Полезай на броневик и выкладывай всю правду!

Повторять приглашение не пришлось. Серго говорил полтора часа.

Недружелюбные, откровенно враждебные вначале, затем настороженно-сдержанные самокатчики начали подавать одобрительные реплики. Теперь уже сами солдаты сердито пресекали попытки офицеров оскорбить Серго, спровоцировать его на скандал.

На броневик вскочил тот же богатырь-самокатчик, незаметным движением легко отодвинул Серго.

— Тебе, большевик, хватит говорить. Мы тоже не дураки! Три дня назад, когда корпус самокатчиков получил приказ оставить Юго-Западный фронт и грузиться в эшелоны, мы написали на вагонах: "Вся власть Советам!" Мы шли на защиту Петрограда, а помещики и капиталисты нам нужны, как собаке Жучке

генеральские погоны…

Потом три с лишним года Серго провел на фронтах. Был агитатором и чрезвычайным комиссаром, возглавлял военные советы армий и фронтов, руководил обороной и освобождением огромных краев и республик; испытал горечь тяжких и порой неоправданных поражений и радость блестящих побед. И всего охотнее вспоминал, всего больше гордился сражением, выигранным без выстрела, без крови и жертв в среду Двадцать пятого октября у станции Новинка. Грозный, отлично вымуштрованный, прекрасно вооруженный батальон самокатчиков, затребованный Временным правительством для разгрома Смольного, отдал себя в распоряжение Военно-революционного комитета,

В ночь с двадцать пятого на двадцать шестое октября делегаты самокатчиков, предводительствуемые Серго, задыхающиеся, покрытые дорожной грязью, появились на заседании съезда Советов.

> "Под необузданные взрывы восторга, — записано в протоколе съезда, — огромного роста самокатчик с двумя георгиевскими крестами заявил: "Среди геройского третьего батальона нет никого, кто согласился бы пролить братскую кровь. А господину главноуговаривающему Керенскому даем предупреждение — не трожь съезд Советов и Военно-революционный комитет! Кишки выпустим!!"

…Временные никак не хотели примириться с тем, что их время истекло.

> "Гатчина, 27 октября. Объявляю, что я, министр-председатель Временного Правительства и Верховный Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданных родине.
>
> Приказываю всем частям Петроградского военного округа, по неразумию и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга.
>
> Приказ этот прочесть во всех ротах, командах и эскадронах".

> "Гатчина, 27 октября. Волею Верховного Главнокомандующего я, генерал Краснов, назначен командующим войсками, сосредоточенными под

Петроградом.

Доблестные казаки — Донцы, Кубанцы, Забайкальцы, Уссурийцы, Амурцы, Енисейцы, вы, все поклявшиеся крепко и нерушимо держать присягу казачью, к вам обращаюсь я с призывом идти и спасти Петроград… Временное правительство, которому вы присягали в великие мартовские дни, не свергнуто, но насильственным путем удалено из своего помещения и собирается при великой армии с фронта, верной своему долгу".

"Петроград, 28 октября. От комитета спасения родины и революции. Товарищи рабочие, солдаты и граждане революционного Петрограда! Большевики, призывая к миру на фронте, в то же время призывают к братоубийственной войне в тылу.

Не подчиняйтесь их провокационному призыву!"

"Петроград, 28 октября. От народных социалистов. К населению Петрограда!

Рабоче-крестьянское правительство? Фантазия! Этого "правительства" не признает никто ни в России, ни в союзных, ни даже во враждебных странах. Безумная попытка большевиков накануне краха. Предлагаем быть наготове, дабы в нужный момент активно отвергнуть преступное насилие большевиков над волей всех трудящихся". (Газета "Народное слово".)

В воскресенье утром казаки под колокольный звон всех церквей вступили в Царское Село. Керенский ехал впереди на белом коне. В отличном настроении он продиктовал радиограмму, оповещая мир и главным образом историю:

"Всем, всем!

Большевизм распадается, изолирован и, как организованная сила, уже не существует!"

В Петрограде события действительно развивались драматически. Юнкера, отпущенные из Зимнего дворца на честное слово, подняли восстание. Серго со своими друзьями-самокатчиками действовал против самых неистовых и упорных юнкеров-владимирцев. С обеих сторон было много жертв. Здание училища пришлось разрушить пушками.

Вернувшись за полночь в Смольный, Орджоникидзе прилег на койку Подвойского — вздремнуть часок. Заснул так крепко, что Подвойский и пришедший на помощь Мануильский с трудом

подняли.

Серго, ради бога простите, вы не ложились сколько ночей, — сокрушался Николай Ильич. — Ленин требует вас и Дмитрия Захаровича.

Все дальнейшее в описании Мануильского происходило с предельной быстротой.

"— Борьба затягивается, — говорил Ильич. — …Поезжайте!

Мы круто повернули и, ни о чем не расспрашивая дальше, направились к выходу. Через час паровоз увозил нас с Царскосельского вокзала…

Утром лил проливной, пронизывающий насквозь дождь… Серго, захватив меня, отправился на позиции… тут же образовывались импровизированные небольшие митинги, которые заканчивались твердыми решениями "держаться до конца".

Пулковские высоты, Царское Село, Гатчина — первый фронт революции и первые страницы военной биографии Серго. В его мандате еще ни слова о правах, тем более никаких поручений командовать. Ленин просто из всех возможных мест выбрал самое решающее, где большевик Орджоникидзе должен выполнять важнейшую партийную обязанность — агитировать, доносить до сердец правду. Правду и только правду. Серго — руководитель фронтовой группы агитаторов Центрального Комитета.

Правда большевиков имела такую силу, что необученные, не искушенные в военном деле отряды рабочих взяли верх в первом же бою. Казаки дрогнули, побежали, бросили артиллерию. "Временных" гнали беспощадно. Керенский с перепугу даже позабыл, что он как-никак… мужчина. Сбежал в женском платье.

Не найдя Керенского, казаки резонно рассудили, что через час-другой исчезнет и их генерал. Они навалились на Краснова, отняли оружие, отвезли к "старшему над большевиками". В их представлении в Царском Селе теперь самым старшим был серго.

18

В революции не шутят, а жизнь ставят на карту. Или драться в бою за свое право, или идти на сторону врагов!" — чрезвычайный комиссар Украины Орджоникидзе дописал последние строки обращения к населению Харькова. Пошарил по ящикам стола, где-то должны были лежать оставленные на крайний случай сухари. Или они уже незаметно съедены в одну из бессонных ночей?..

Разочарованный, голодный Серго достал из кармана часы, подаренные ему старшим братом Папулия при последней встрече в Гореше. Было около четырех часов утра. Время ехать на вокзал встречать Зину. Три дня назад он вызвал ее из Петрограда. Народный комиссар внутренних дел Петровский выписал разрешение на проезд, помог Зинаиде Гавриловне затиснуться в переполненный вагон.

Орджоникидзе вздохнул — не слишком ли часто и убедительно он подтверждает свои слова, однажды сказанные в Якутии: "Свяжешься со мной — покоя знать не будешь".

Зина никогда не претендовала на его время, ни на что не жаловалась. Лишь однажды в Петрограде, после того как она несколько суток в страшной тревоге не смыкала глаз, все искала внезапно исчезнувшего Серго (он под Лугой ликвидировал очередной мятеж офицеров), Зина попросила:

— Больше никогда не будем разлучаться. Где бы ты ни очутился, что бы ни делал, будем вместе. Что случится с тобой, то случится и со мной. Волноваться, страдать в одиночестве мне неизмеримо страшнее!

Зная характер жены, Серго не стал отговаривать, просто сказал, что думал:

— Ты у меня молодец, Зина!

Пройдут годы, прежде чем у них появится свое постоянное пристанище. В делах Серго будет много перемен. Его скитаний, воинских и гражданских доблестей, удач и срывов хватило бы на несколько ярких, очень красочных человеческих жизней. Но где и в какой бы роли ни оказывался Серго — то чрезвычайный комиссар огромных территорий, то преследуемый по пятам карателями Деникина невольный гость ингушей, то организатор нового большевистского подполья в захваченной меньшевиками Грузии, то снова наделенный огромными полномочиями член Военного Совета фронта и секретарь Кавказского бюро ЦК РКП (б) — рядом с ним всегда была Зина. Один только раз Серго оставил ее за наглухо закрытой им дверью. Когда большевик, из

самых близких Ленину, понял, что выхода нет, жизнь надо кончать.

Пока до трагического финала еще очень далеко. И в эту ясную, морозную ночь Серго надо спешить на вокзал встречать Зину.

Чрезвычайный комиссар надел свое серое "семисезонное" пальто, заранее поежился, представляя, как мороз насквозь его прохватит. Старательно натянул на уши барашковую папаху. Через узенькую калитку в глухих чугунных воротах вышел на тихую, заваленную снегом Рымарскую улицу. Лицом к лицу столкнулся с мотоциклистом. Телеграмма от Ленина.

> "Ради бога, принимайте *самые* энергичные и *революционные* меры для посылки *хлеба, хлеба и хлеба!!!* Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно.
>
> Ради бога! *Ленин".*

На вокзале Серго появился после прибытия петроградского поезда. Зина терпеливо ждала на перроне. А еще через несколько часов они в продолговатом пульмановском вагоне, с вмятинами и дырками от пуль в наружной обшивке, отправились в Екатеринослав. Оттуда в Полтаву, Николаев, Херсон, Одессу.

Вторая телеграмма от Ленина:

> "…Помните, что от вас зависит спасти Питер от голода!"

Третья:

> "От души благодарю за энергичные меры… Продолжайте, ради бога, изо всех сил добывать продовольствие, организовывать спешно сбор- и ссыпку хлеба, дабы успеть наладить снабжение до распутицы. Вся надежда на вас, иначе голод к весне неизбежен".

…И еще полстранички в рукописи Александра Воронского.

> "Ранней весной 1918 года я работал в Одессе. Наседали немцы, австрийцы, румыны. Немцы окружали Одессу со стороны Киева и со стороны Тирасполя. Город начинали эвакуировать.
>
> Мартовским утром появился Серго.
>
> …Но какой же здесь хлеб. Не сегодня-завтра Одессу займут немцы, мы уже приступили к эвакуации.

— Да, да, — молвил Серго. — Потом он хлопнул меня по плечу. — Ничего, брат, ничего. Эвакуация эвакуацией, а хлеб добывать надо.

И он принялся весело шутить и балагурить. Море сияло, переливалось, мерцало. Серго был по-прежнему, как в Праге, молод и энергичен, весь его спокойный вид говорил: будь что будет, а наше непременно возьмет".

У чрезвычайного комиссара было множество и других обязанностей — военных, партийных, дипломатических и особенно непривычных… банковских. О бедствиях, которые Серго придется испытать на банковском поприще, его еще в Петрограде невзначай предупредил Николай Петрович Горбунов, старый большевик, секретарь Совнаркома.

Вначале рассказ Горбунова показался Серго просто комичным. Он от души хохотал, когда Николай Петрович упомянул, что "ввиде особой вежливости" ему пришлось уступить свою койку в одной из комнат Смольного арестованному за саботаж директору Государственного банка Шилову и спать на стульях. Народный комиссар финансов Менжинский также "в виде особой вежливости" занимал Шилова разговорами. Вдвоем с Горбуновым поил его чаем. А денег ни одного рубля банковские чиновники Совнаркому не выдавали.

Терпение Ленина лопнуло. Он вызвал Николая Петровича и правительственного комиссара при банке Осинского. Коротко сказал: "Если денег не достанете — не возвращайтесь".

Призвав на помощь низших служащих и курьеров, подкрепив их двумя взводами красногвардейцев, заставили военную охрану банка отступить. Под взведенными курками кассир согласился выдать требуемую правительством сумму. Но тут… Горбунов сделал паузу, не выдержал, улыбнулся.

— Затруднение вышло с мешками для денег. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров, наконец, одолжил пару старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль.

Ехали в Смольный, радостно улыбаясь. В Смольном также на себе дотащили наше богатство в кабинет Владимира Ильича. Его не было. В ожидании я сел на мешки с револьвером в руках "для охраны". Сдал я их Ленину с особой торжественностью. Владимир Ильич принял деньги с таким видом, как будто иначе и быть не могло. Но на самом деле остался очень доволен.

В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового. Особым декретом Совнаркома

был установлен порядок хранения и пользования деньгами. А вы, дорогой друг, пытаетесь взывать к моим чувствам, будто я сам не понимаю, что даем вам денег в обрез, только-только доехать. В Харькове пользуйтесь своим правом комиссара украинского банка. Внешность у вас импозантная, авось произведете впечатление на господ банкиров… Кто еще с вами?

— Весь штат чрезвычайного комиссариата! — подчеркнуто важно ответил Орджоникидзе. — Четверо рабочих с Выборгской стороны.

— Ну, ну, — заключил Горбунов.

В Харькове, Екатеринославе, Херсоне, в других губернских центрах вновь и вновь повторялась петроградская история. Государственный банк Украины, его отделения и конторы на все лады разыгрывали абсолютную независимость, демонстративно не признавали декрета о национализации. Ни уговоры, ни угрозы не действовали.

Серго терпел, сдерживал себя, покуда на него не обрушились железнодорожники Харьковского узла, посланцы шахтеров Юзовки, Артемовска, Александро-Грушевска. Они сердито выговаривали чрезвычайному комиссару:

"Рабочим не на что жить, жалованье давно не платят… Почему терпите контру?!"

Пришлось прибегнуть к крайним мерам — большую часть директоров и главных кассиров отправить в Чека, двери кладовых взорвать.

Иногда Серго сам удивлялся, как это ему удается добывать миллионы — много миллионов — для армий, действовавших против Каледина, гайдамаков, позднее и против немцев; для закупки хлеба и продовольствия, для восстановления железных дорог и военных заводов, для выплаты жалованья рабочим Донбасса, Приднепровья и Криворожья, для содержания государственного аппарата..

Привычное слово "большевик", долгие годы бывшее синонимом подпольщика, агитатора, разрушителя старого, теперь все больше приобретало новый смысл. Ленин так прямо и сказал:

"Мы, партия большевиков, Россию *убедили.* Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять".*

От большевиков, работавших в национальных республиках и районах, Владимир Ильич требовал большего, еще и еще напоминал: "…нужен *архитакт* национальный".

В сущности, это и предопределило, почему Ленин рекомендовал Совету народных комиссаров кандидатуру Орджоникидзе на впервые учреждаемый пост чрезвычайного

комиссара — полномочного представителя центра. В заранее разосланной повестке дня заседания Совнаркома этого вопроса вовсе не было. Ильич внес его неожиданно, вечером 19 декабря 1917 года, сразу после телефонного разговора с Харьковом, долгого и неприятного. Товарищи из Украинского Центрального Исполнительного Комитета снова жаловались на главнокомандующего советскими войсками на Украине Антонова-Овсеенко. Взаимные обвинения росли, как снежный обвал в горах.

На полях повестки дня Ленин сделал пометку: "Тов. Серго Орджоникидзе утвержден". На следующее утро, сразу после прихода в Совнарком, Владимир Ильич написал удостоверение, в котором подробно перечислил обязанности Серго.

Немного позже секретариат Центрального Комитета партии известил Донецко-Криворожский обком:

"Кроме тов. Антонова-Овсеенко в ваши края послан Г.К. Орджоникидзе, который сумеет, насколько мы знаем, сгладить все трения, могущие возникнуть вследствие личных черт тов. Антонова… Орджоникидзе имеет более широкие полномочия, и тов. Антонов не может предпринимать никаких шагов… помимо Орджоникидзе".

Пятнадцатого марта 1918 года Пленум Центрального Комитета партии вновь подтвердил: "Представителем ЦК на Украине является т. Серго".

Неотвратимо наседали немецкие дивизии, бесчинствовали гайдамаки, плели заговоры украинские националисты, меньшевики, эсеры, посланцы Каледина и Краснова. Вдобавок бесконечные трения, распри, дипломатические конфликты между правительством Советской Украины и "независимыми" Крымским и Донецко-Криворожским "центрами".

— Очень прошу вас, Серго, — напоминал тогда Ленин, — обратить серьезное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашествия с Запада. Убедите крымских товарищей, что ход вещей навязывает им оборону, и они должны обороняться, независимо от ратификации мирного договора. Дайте им понять, что положение Севера существенно отличается от положения Юга, и, ввиду войны, фактической войны немцев с Украиной, помощь Крыма, который немцы могут мимоходом слопать, является не только актом соседского долга, но и требованием самообороны и самосохранения.

Втолкуйте все это, товарищ Серго, — продолжал Владимир Ильич, — крымско-донецким товарищам и добейтесь создания единого фронта обороны… от Крыма до Великороссии с вовлечением в дело крестьян, с решительной и безоговорочной

перелицовкой имеющихся на Украине наших частей на украинский лад.

Образумить крымчан, все более увлекавшихся игрой в самостоятельность, было слишком трудно. Начальник штаба обороны полуострова левый эсер Спиро приказал своим отрядам ни при каких обстоятельствах не выходить за Перекоп и Сивашский залив. Дескать, это самой природой обозначенная граница Крыма и предел забот… Несколько драгоценных недель ушли на переговоры, разъяснения, конференции. Лишь к середине марта, в Екатеринославе, под отрезвляющий аккомпанемент немецких пушек, представители Всеукраинского ЦИК, Крыма и Донецко-Криворожской республики согласились признать единое командование и объединить свои войска.

Большой пользы это уже не принесло. Немецкие и австрийские дивизии как стаи прожорливой саранчи распространялись по Украине. На севере они подкатывались к Курску, на юге — к границам Донской области. Судьбу Украины разделяли Белоруссия, Прибалтика, Финляндия, все Закавказье. Свою долю от шкуры неубитого медведя торопились отрезать и "союзники" и "нейтралы". Англичане и американцы высадились в Мурманске и Архангельске. Японцы — во Владивостоке. На Волге поднял мятеж чехословацкий корпус. Едва ли не в каждой губернии к солнцу тянулись свои контрреволюционные "правительства".

Советское государство без хлеба, угля и нефти. Транспорт захлестывали спекулянты и мародеры. Людей косили тиф и дизентерия. Страна все больше и больше походила на осажденную крепость. А армия для защиты и грядущей победы еще только-только формировалась.

Серго на дальних — внешних обводах этой осажденной крепости. Он уже в Ростове. Он в ответе за Крым, Донскую и Кубанскую области, Ставропольскую и Черноморскую губернии, за Черноморский флот и весь Северный Кавказ до Баку. В мандате, присланном Лениным в Ростов, говорилось, что все совнаркомы, совдепы, ревкомы, военно-революционные штабы должны действовать под началом представителя центральной советской власти, чрезвычайного комиссара Орджоникидзе.

Начало было не очень обнадеживающим. В воскресный день Серго с Зиной ехали на фаэтоне с вокзала в "Палас-отель". Навстречу по Таганрогскому проспекту — в Ростове это все равно, что Невский в Петрограде или Головинский в Тифлисе, — катились мутные волны демонстрации анархистов. Вся программа полностью была выражена в двух словах, написанных на черных знаменах: "Срывайте замки!" Анархистам никто не препятствовал.

Они громили магазины, очищали склады, грабили квартиры. Все добро свозили в Новочеркасск, объявленный столицей очередного независимого государства.

В который раз Серго надо было начинать сначала — идти на заводы, в паровозное депо, в железнодорожные мастерские, просить помощи у населения рабочих окраин — Темерника и Нахичевани.

Одному из только что сколоченных красногвардейских отрядов Орджоникидзе поручил разоружить матросов-анархистов, их вожака арестовать. Не привыкшие к таким делам, рабочие действовали неудачно. Взбешенные анархисты среди ночи заявились в "Палас-отель". В вестибюле они положили огромную бомбу, затем послали наверх к Серго своего представителя.

"Оставались мы тогда в Ростове не так долго, — вспоминала Зинаида Гавриловна, — а пережили много. Каждый день мне казался последним. Никакой силой нельзя было заставить Серго поберечься. Почти ежедневно он участвовал в разоружении и ликвидации каких-нибудь новых контрреволюционных групп — анархистов, корниловцев, левых эсеров, просто бандитов.

Как-то вечером мы проезжали по темной, пустынной улице, — продолжала Зинаида Гавриловна. — Вдруг слышим какой-то шум во дворе ближайшего дома. Серго сказал мне:

— Подожди. Я узнаю, в чем дело.

Я удерживала его, боясь, что в стычке с неизвестными он может быть убит. Но Серго направился во двор. Минут через двадцать он возвращается обратно и рассказывает:

— Понимаешь, на беззащитных людей нападают!.. Трусы паршивые, получили что следует.

Серго бросил в пролетку несколько револьверов и винтовок. Мы поехали дальше".

Новых встреч с Орджоникидзе анархисты избегали. Они больше не присылали ему открыток, любезно напоминавших, что "дух разрушающий есть дух созидающий". И бомб никто не доставлял в вестибюль "Палас-отеля". Гостиница да и весь город приобрели настолько благопристойный вид, что из Москвы пожаловали гости. Сразу три главных лидера партии левых эсеров — Камков, Карелин и Штейнберг. Им вдогонку еще двое не менее знатных — Саблин и Одоевский.

Первыми нанесли визит Серго, передали приветы от общих знакомых. Но доброжелательные собеседники готовили взрыв. Едва открылся съезд Советов Донской республики, как лидеры эсеров призвали отказаться от Брестского мира, начать "священную революционную войну". Благо немцы перешли границы Украины, подбирались к Таганрогу.

Эсерам поспешили протянуть руку "левые коммунисты". Их духовный наставник Сырцов демонстративно обнял Камкова. Председатель съезда казак Федор Подтелков не в очередь дал слово Серго. встретили не весьма приветливо. Посыпались реплики насчет кожаного костюма комиссара и маузера в деревянном футляре на ремне. Серго не остался в долгу, бросил несколько острых слов и перешел к делу.

— Товарищ Камков, наш неожиданный гость, в своей речи на все лады доказывал, что Брестский мир никуда не годится. Я вполне согласен с ним. Но я земной человек, витать в облаках не умею и потому прошу товарищей Камкова и Карелина ответить нам: где у них полки, оружие, батареи, в каком положении транспорт?.. Гости спрашивают, что у нас: мир или война? Я не боюсь: скажу, у нас плохой и скверный мир, а все-таки мир. Благодаря этому миру мы имеем пока свободным красный Петроград.

Взрыв, задуманный лидерами левых эсеров, не состоялся. Съезд внушительным большинством — 348 делегатов "за", 106 "против" — одобрил Брестский мир. Посланцы рабочих Дона, казачьей бедноты, иногородних крестьян вынесли свое решение:

— Мирную передышку приветствовать, в вооруженный конфликт с Германией не вступать. Если же чужеземные силы вторгнутся на суше или на море в пределы Донской республики, то ни перед какими жертвами не останавливаться.

Тотчас же отозвался Ленин.

> "Особенно горячо присоединяюсь, — телеграфировал Ильич президиуму съезда, — к словам резолюции о необходимости победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. В этих словах заключается самое верное определение задач революции. Именно такая борьба и по всей, России стоит теперь на очереди".

В последних числах апреля Серго вынужден был передать по прямому проводу в Москву: "Германцы, несмотря на все принятые меры, границы перешли".

На правах руководителя чрезвычайного штаба[59] Орджоникидзе приказал батальонам, сформированным из рабочих Ростова и Таганрога, из шахтеров Александрово-Грушевска и революционных казаков, "вести войну оборонительную и дипломатическую. Вдоль границы выставить заслоны, вырыть окопы, а впереди с белыми флагами — пикеты".

Сам Серго во главе мирной делегации направился к командованию оккупационных войск. Он намеревался заявить

протест против вторжения в Россию — захвата Таганрога, испокон русского города. Возле станицы Армянской Орджоникидзе со всей делегацией, шедшей под белым флагом, был захвачен немецким патрулем. Под конвоем парламентеров отправили в Таганрог, объявили чуть ли не военнопленными. Серго шумно негодовал.

Окончательно Серго разъярился, когда немецкий комендант передал ему приглашение атамана Войска Донского Петра Николаевича Краснова. Возможно, генерал, только что возведенный немцами в ранг вершителя судеб казачества, вовсе не хотел травить старые раны. Серго без напоминаний все вспомнил: осень 1917 года, Царское Село, казаков, доставивших к "старшему над большевиками" обезоруженного, смертельно напуганного генерала.

Протесты все-таки возымели действие. Орджоникидзе освободили. Он получил возможность отвести душу — участвовать в боях под Ростовом пятого, шестого, седьмого мая. Около полудня восьмого Серго в окровавленной, грязной одежде забежал в "Палас-отель" за Зиной. Отправил ее с одним из последних санитарных поездов за Дон — в Батайск.

В Ростов с трех сторон входили немцы, казаки Краснова, гайдамаки гетмана Скоропадского.

…Серго спешил.

Он почти не сомневался: таинственное исчезновение золота — сотни тысяч золотых десяток, аккуратно зашитых в небольшие холщовые мешочки, — валюты и других ценностей банков Ростова и Екатеринодара — работа левого эсера Петренко, самовольно снявшего свой отряд с фронта.

— Прибавьте ходу! — попросил Серго машиниста паровоза.

В Батайске железнодорожники подтвердили:

— Стояли здесь недолго какие-то запломбированные вагоны, часовые вокруг. Потом сразу тремя эшелонами прибыли громилы страшнее анархистов. С первой минуты стрельба. Тех старых часовых убрали, пломбы долой… Вагоны угнали с собой — в сторону Тихорецкой.

Там, на станции Тихорецкой, держал свой штаб казачий есаул Сорокин. Каким-то шальным ветром его занесло в революцию и даже взметнуло до командующего войсками Северного Кавказа. От имени своей "казачье-рабочей железной армии" Сорокин предъявлял ультиматумы немецкому командованию, грозился перейти в сокрушительное наступление сначала под Таганрогом, потом под Батайском и тут же покидал позиции.

Серго считал Сорокина авантюристом, но принуждён был терпеть. Употребить против него силу — значило открыть еще

один — четвертый или пятый по счету фронт. Расплата откладывалась. Для себя Сорокин выгадал всего лишь несколько недель, но слишком многих успел вырвать из жизни…

Пока что Сорокин набирал жирку на Кубани. Надеяться, что он задержит эшелоны разложившегося отряда Петренко, не приходилось. Орджоникидзе послал в погоню красноармейцев из добровольцев шахтеров. В Тихорецкой им сначала отказали в паровозе, затем приказали сдать оружие. Командир бросился к Сорокину, показал приказ чрезвычайного комиссара, взывал к совести. И добился. Сорокин вызвал начальника личного конвоя, бросил в гневе:

— Убрать!

Левоэсеровские бандиты на всех парах гнали свои эшелоны к Царицыну. Вдогонку мчался бронированный поезд Орджоникидзе. Теперь дело не ограничивалось похищенным золотом. Больше тревожила участь самого Царицына, вчера еще обычного уездного города, длинной, узкой полосой вытянувшегося вдоль берега Волги.

Сегодня этому городу уже нет цены. В глазах Серго он дороже всего золота мира. Железнодорожный узел и речная пристань Царицына — последнее, что еще связывало Кубань и Северный Кавказ с центром России. Хлеб для голодающего Петрограда мог прийти только из Царицына!

Серго снова перечитал обращение Ленина, переданное девятого мая по телеграфу всем Советам:

> "Именем Советской Социалистической Республики требую немедленной помощи Петрограду… Непринятие мер — преступление против Советской Социалистической Республики, против мировой социальной революции".

Близ степной станции Сарепты, совсем недалеко от Царицына, бронепоезду удалось настигнуть хвостовой эшелон Петренко. Артиллеристы на бронеплощадках откатили, навели пушки. Пулеметчики дали несколько предупредительных очередей над крышами вагонов. Этого оказалось вполне достаточным. Лево-эсеровские грабители попросили пощады. Серго ответил:

— Сложите оружие, верните все награбленное. Рядовых наказывать не станем. Главарей расстреляем.

Все в точности было выполнено.

Два других эшелона догнать не удалось. "12 мая отряд Петренко в количестве тысячи человек, — сообщил Серго в Москву по прямому проводу, — открыл орудийный и пулеметный

огонь по городу. Приняты самые решительные меры к разоружению".

Красноармейские отряды заняли позиции на кладбище. Началось настоящее сражение, в котором Серго принимал самое деятельное участие. Эта война продолжалась трое суток. Банды засели на станции Царицын Владикавказской железной дороги и оттуда стреляли по городу из орудий. Под проливным дождем Серго поднял красноармейцев, повел в атаку. Мятежники штыкового удара не выдержали.

В эти майские дни чрезвычайный комиссар несколько превысил свои полномочия. Царицын не входил в район его деятельности. Серго это знал и заставлял себя скрепя сердце выслушивать протесты работников местного Совдепа и военного руководителя полковника старой армии Носовича, сейчас преимущественно занятого тайной переброской офицеров на Дон к Краснову.]

"Положение здесь неважное — нужны решительные меры, — телеграфировал Орджоникидзе Ленину, — а местные товарищи слишком дряблы, всякое желание помочь рассматривается как вмешательство в местные дела. На станции стоят шесть маршрутных поездов с хлебом в Москву, Питер и не отправляются… Еще раз повторяю, что нужны самые решительные меры, — вокруг Царицына бушует контрреволюция".

Владимир Ильич к мнению Серго, как обычно, прислушался. На ближайшем заседании Совета Народных Комиссаров — 29 мая 1918 года он провел предложение направить в Царицын Сталина. Возложить на него руководство продовольственным делом на юге России и предоставить чрезвычайные права.

Пока что Серго на свою ответственность обнародовал в городской царицынской газете "Борьба" приказ, по которому хлеб, продовольствие, топливо полностью поступали в распоряжение Чрезвычайного продовольственного комитета — Чокпрода.[60] Ейская, Кубано-Черноморская, Владикавказская и Армавиро-Туапсинская железные дороги и речное пароходство обязаны были отправлять все грузы Чокпрода вне всякой очереди под усиленной охраной. Хлеб, закупленный или посылаемый помимо Чокпрода, подлежал безусловной реквизиции.

Добром и силой — тут уж ни с чем считаться не приходилось — Серго наводит минимальный порядок и в штабе обороны Царицына. Двадцать пятого мая в протокол экстренного заседания штаба заносится решение: "Всем имеющимся войскам слиться в одну армию. Создать план организации обороны".

Долго задерживаться в Царицыне нельзя. Два острых конфликта вспыхнули на "законной" территории Серго. "Левые"

коммунисты и сторонники Троцкого задумали отделить Кубань и Черноморье от России. Для начала они принялись уговаривать моряков Черноморского флота отвергнуть совет Ленина — корабли не топить.[61] На крайний случай, если эскадре суждено погибнуть, то хотя бы с "честью", в бою с немцами.

А в Екатеринодаре военные действия грозили вспыхнуть из-за того, что Центральный Исполнительный Комитет Кубанской республики упрямо желал сместить главнокомандующего А.И. Автономова. Серго было жаль терять этого славного человека.

Невысокий, худощавый, в золотых очках, бывший хорунжий 39-го Донского казачьего полка Автономов мало походил на героя многих боев — убедительный пример того, что внешность обманчива. Его популярность среди фронтовиков особенно возросла после смелого революционного выступления осенью 1917 года на съезде казачества в Киеве. Во время боев под Екатеринодаром с частями генерала Корнилова Автономов уже имел под своим командованием несколько десятков тысяч бойцов.

"Автономов меня поймет. Из-за оскорбленного честолюбия он революции не изменит, а обострять отношения с ЦИКом накануне открытия съезда Советов Кубани нельзя. Надо отступить в малом, чтобы обеспечить победу в большом", — подумал Серго.

На душе все-таки было нехорошо. Орджоникидзе обратился к Владимиру Ильичу:

> "С Автономовым покончено. Командование уже сдает Калнину. Автономов выедет в Москву, моя просьба — его не отталкивать и дать работу в Москве. Сам он (как) человек безусловно не заслуживает того, чтобы отбросить от себя. Во всем скандале немало вины и противной стороны".

В Москве Автономов остаться не захотел, попросился снова на фронт. Ленин помог ему вернуться к Серго. На Тереке Автономов занялся формированием национальных частей из горских народов. Со своими джигитами участвовал во многих боях с белыми, а после падения Владикавказа ушел с Орджоникидзе в горы. В одном из дальних ингушских аулов Автономов умер от тифа.

С бескорыстным, сердечным Автономовым Серго всегда мог поладить. Много больше забот Орджоникидзе доставили "левые коммунисты", кубанские самостийники и черноморские великодержавники. Они задумали, как им казалось, хитрый ход. Чрезвычайный комиссар, лукаво говорили они на съезде Советов Кубани, призывает нас объединить Кубань и Черноморье. Что ж,

доброе дело! Провозгласим Кубано-Черноморскую республику, полностью независимую от Москвы и от политики Ленина. Нам останется наш хлеб, мы сохраним себе свой Черноморский флот.

Раз, другой и пятый просил слова Орджоникидзе. Выступал с трибуны с большими речами и с места бросал веселые, едкие реплики. И целые ночи по душам толковал с делегатами.

"Отныне Кубанская и Черноморская Советские республики, — решил съезд, — сливаются в одну Кубано-Черноморскую… как часть великой Российской Федеративной Советской Республики.

Третий Чрезвычайный съезд поручает ЦИК совместно с чрезвычайным комиссаром предпринять немедленно практические шаги для объединения в одну Южнорусскую республику всех республик Юга".

В первых числах июля Серго обрадовал Ленина известием о том, что Первый съезд Советов Северного Кавказа положил конец раздробленности и соперничеству, торжественно подтвердил: многонациональный Юг, его горы, степи, приморские долины — все это неотделимая часть Советской России. Кубано-Черноморская, Терская и Ставропольская республики слились в одну — Северокавказскую.

19

Последнее, что донеслось по селектору до начальника станции Пятигорск:

— У Прохладной бои. Пассажирский поезд, следовавший на юг, догорает под откосом у станицы Солдатской.

Пожилой тучный начальник махнул рукой. "Одним поездом больше-меньше, — подумал он, — кто теперь считает. Вся Россия летит под откос… А все-таки бог не без милости — задержал где-то нашего чрезвычайного. Или комиссар узнал, что делается на линии, отставил поездку?"

Митинг в "Цветнике" действительно очень затянулся. Сообщение Серго о ранении Ленина и мятеже левых эсеров, сразу до предела распалило страсти. К подножью Машука, на курорты Минеральных Вод буйный ветер революции выбросил много уже отвергнутых в рабочих центрах "социалистических" лидеров, претендентов на власть. В Пятигорске они ожили, зашевелились.

Эсер Леонид Орлов обосновался в городской газете "Пятигорское эхо" и привычно заканчивал все статьи и речи анафемой большевикам. Друг Орлова "казачий социал-демократ" Георгий Бичерахов, "косоротая лисица", как его величали на Тереке, запросто послал ультиматум: "владикавказские комиссары, ваше время истекло, не злоупотребляйте терпением терского казачества". Пока что мятежные казачьи сотни обстреливали железную дорогу, спускали поезда под откос.

До позднего вечера шумел митинг. Потом пришлось завернуть на телеграф — переговорить по прямому проводу со штабом Северокавказских войск. У доброжелательного начальника станции оказалось достаточно времени для того, чтобы окончательно уверовать в благоразумие чрезвычайного комиссара. Машинист получил приказ отвести паровоз назад в депо.

Серго осталось только тяжело вздохнуть. А быть может, оно и лучше, что выехали в неурочное время и кое-какие враждебные станицы миновали в густой темноте, хотя без перестрелки не обошлось. От Солдатской до Прохладной стрельба почти не затихала. Серго разряжал маузер прямо из окна.

Машинист то мчал на пределе, то внезапно осаживал назад, тормозил, чудом удерживая состав — вагон и две теплушки — на рельсах. Серго, Зина, стрелки из охраны — все таскали шпалы, камни, восстанавливали разобранный путь.

В Прохладной отчетливо слышался неумолчный грохот

артиллерийского боя. Хорошо знакомый Орджоникидзе военный комиссар Терской области Яков Бутырин — в 1907 году они сидели в одной камере Баиловской тюрьмы в Баку — объяснил:

— Бронепоезд отгоняет казаков Бичерахова от железной дороги. "Косоротая лисица" стремится лишить нас последней связи с Россией, оторвать от Кубани. Силы наши невелики — кабардинский отряд Бетала Калмыкова, осетинский — Григория Цаголова, китайские добровольцы Пау Ти-сана. Все трое питомцы Ноя. Он оставил крепких наследников.

Серго молча пожал Якову руку. Около трех недель назад — двадцатого июня Ноя Буачидзе убили во Владикавказе во время выступления на митинге. Последними словами главы Терской советской республики были:

— Довольно крови, товарищи!.. Не давайте войне…

Мучительно, невыносимо тяжко сознавать, что Ной погиб, а он, Серго, не может исполнить его последнее, самое главное желание — чтобы воды Терека и снега Кавказских гор больше не пламенели грозными отсветами военного пожара. Мелькнула мысль — чрезвычайный комиссар имеет полное право приказать штабу Северокавказских войск снять с других участков несколько полков, десять-пятнадцать тысяч красноармейцев. Точно рассчитанным ударом с юга и с севера отогнать мятежников далеко назад в Моздокские степи. Очень заманчиво…

Многие этого ждали от Орджоникидзе — и во Владикавказе и в ставке главнокомандующего добровольческой армией генерала Деникина. Каждый из противников надеялся извлечь свою выгоду.

— Известный принцип тришкиного кафтана нам, друзья, не годится, — говорил Серго терским комиссарам и членам Кавказского[62] краевого комитета партии. — Для того Бичерахов и поднял мятеж в тылу армий, обороняющих Кубань и Ставрополье, чтобы мы сняли войска с главных позиций, открыли немцам и белым дорогу. Сегодня на митингах в железнодорожных мастерских и на заводе "Алагир" мне кричали: "Центральная советская власть обязана нас защищать. Терек стоит того!" Я отвечал рабочим: революционная Россия всегда за нашей спиной, нас не оставит, а помощи просить нельзя. Мы здесь сами, на Тереке, найдем достаточно сил!

Должность у меня такая, или характер сильно испортился, — продолжал Серго, — но что-то редко оправдываю надежды руководителей наших южных краев и республик. Небось и вы ждали от меня совсем другого. Пока я собирал митинги, пала Прохладная. Мы отрезаны… Сегодня получен второй ультиматум — от правительства Грузии. Трогательный, между прочим, союз

— меньшевик Бичерахов, меньшевик Жордания, а за их спинами генерал Деникин и кайзер Вильгельм.

А мы все манерничаем, оглядываемся, не в меру церемонимся. Согласен, у Терской области много своих особенностей. Рабочий класс лишь островок среди буйного разлива казачьих станиц и горских аулов. Ко всему должен быть свой особый подход, свой календарь, но в главном события все-таки развиваются по твердым законам революции. Все правомерно. Бичерахов мобилизует казаков, обещает бросить на Владикавказ. Ну, так мы подымем горцев, двинем их на мятежные станицы. Скажете — горцы колеблются, часто слепо подчиняются национальным фанатикам. Мы сами виноваты — стыдливо остановились на полдороге. Разве смерть Ноя Буачидзе отменила подписанный им закон о немедленном возврате горцам земель, отнятых у них казаками?

Серго невольно повысил голос:

— Бичерахова под корень срежут не несколько полков, взятых с истекающих кровью Кубани и Ставрополья, а горцы, которым мы на съезде народов Терека объявим: "Идите и возьмите свою землю! Советская власть возвращает ее вам. Советская власть позаботится и об устройстве казаков на новых местах — в Пятигорском и Моздокском округах, даст деньги на переезд и обзаведение".

В газетах появилось экстренное сообщение Терского Народного совета о созыве очередного, Четвертого съезда народов Терека. До съезда никакого ответа на ультиматум Бичерахова не будет.

Одна за другой прибывали верхом и на переполненных арбах делегации ингушей, кабардинцев, чеченцев, осетин, балкарцев, калмыков и ногайцев. В последний день на линейках, окруженных верховыми, пожаловали казаки, преимущественно из станиц Сунженской линии. Держались осторожно, горцев и иногородних сторонились.

Все делегаты — и казаки и горцы — хорошо вооружены. Лишь после долгих и трудных переговоров согласились приходить на заседания съезда без винтовок.

За несколько минут до открытия первого заседания хватились — в зале нет главного делегата казаков, их представителя в Народном совете хорунжего эсера Фальчикова. Серго нахмурился, подергал воротничок, сдавливавший шею (из уважения к съезду он впервые с прошлой осени надел штатский костюм, ломкую крахмальную рубашку, вывязал галстук). Винить господина хорунжего не стоило. Он задержался против воли, из-за неприличных шуток полковника Беликова. Вместо того чтобы

сразу передать письмо Бичерахова, полковник вздумал язвить: "заниматься политикой недостойно казака. Царю надо служить оружием, а не языком". Пришлось крупно поговорить…

Послание "хозяина" также не принесло Фальчикову радости, скорее растревожило.

> "Война затянулась, и энергия наших казаков начинает падать. Под Прохладной большевики разгромлены, но в войну не втянуты многие станицы, и как бы казаки после такого топтания на месте не отправились по домам белье метить, — , тревожился претендент в спасители Терека. — Нужно что-то эффектное, чтобы воодушевить на дальнейшую борьбу казаков. Нужно достать и средства для этой борьбы. Во Владикавказе голова Красной Армии — Совдеп и Совнарком, там же банк и монетный двор, там и армейская сила. Ясно, что удар по Владикавказу — удар по голове большевиков, удар и в тыл им.
>
> Выступление должно состояться в ночь на 22 июля по старому стилю, или 5 августа по новому. Будьте готовы к этому времени образовать во Владикавказе некое подобие правительства с участием представителей любой партии, хотя бы даже они были сторонниками алжирского бея. Важно только, чтобы большевистским духом не пахло, — это самое главное".

Два первых заседания отняли шумные споры из-за состава президиума и повестки дня. Волновалось море голов в низких плотных облаках табачного дыма. Угрожающие, раздраженные возгласы раздавались то с мест, отведенных горцам, то со скамеек, занятых казаками. Посередине между двумя крайними лагерями предусмотрительно поместили "нейтралов" — иногородних.

Казаки и блокировавшиеся с ними владикавказские и грозненские эсеры и меньшевики неистово кричали:

— Фальчикова! Семенова! Мамулова! Цаликова Ахмета!

— Долой Ахмета! Он кудахчет нам, а яйца носит другим!

— Просим Цаликова Угалыка, господина полковника!

Горцы не менее энергично требовали:

— Калмыкова! Шерипова! Цаголова!

— Гапура Ахриева от ингушей! Вурро,[63] Гапур!

— Вон азиатов!

Военные делегаты дружно настаивали на кандидатуре командира китайского батальона Пау Ти-сана, Кости, как его

запросто называли во Владикавказе. Уроженец Мукдена, он мальчиком попал на Кавказ. Учился в тифлисской гимназии. Революция застала его в Петрограде, и он, не раздумывая, записался в красногвардейцы. Союз китайских рабочих, насчитывавший в своих рядах до пятидесяти тысяч человек, поручил Пау Ти-сану отправиться в знакомые ему места, установить связь с соотечественниками на Северном Кавказе и в Грузии. В начале лета 1918 года Буачидзе попросил Пау взять на себя командование китайскими добровольцами во Владикавказе.

— Костю в президиум! — не унимались военные.

— Я не сяду рядом с желтой собакой! — взвился Фальчиков.

Пау Ти-сан выхватил из кобуры маузер. Его успел ударить по руке сидевший рядом командир грузинского отряда могучий Саша Гегечкори. Достал пистолет и Фальчиков. В последнюю секунду разъяренных противников стеной разделили разом поднявшиеся со своих мест горцы. Они услышали призыв муллы: "Правоверные, к вечернему намазу!"

Позднее Асланбек Шерипов доверительно рассказал Серго, что мулла — член чеченской делегации — смекнул, крикнул: "Ля Илляха иль Алла!"[64] раньше законного часа…

Новый взрыв вызвало предложение присяжного поверенного Карапета Мамулова:

— Во имя всего святого я призываю — возьмем в руки пальмовую ветвь мира! Заслушаем доклад всеми уважаемого чрезвычайного комиссара о текущем моменте после того, как будут приглашены достойные представители Моздокского казачье-крестьянского совета.

На Тереке знали: за деньги Мамулов возьмется за любое грязное дело. Адвокаты посолиднее старались не подавать ему руки. Все-таки сейчас Мамулова многие поддержали.

— Правильно! Мир! Послать делегацию!

Не было недостатка и в возгласах другого порядка:

— Холуй Бичерахова! Провокатор! Не пустим на съезд бичераховцев!

Поднял руку Серго.

— Я думаю, надо послать делегатов в Моздок и пригласить бичераховцев сообща обсудить положение на Тереке.

В душе Орджоникидзе был уверен, что мирная делегация вернется ни с чем, соглашение с Бичераховым невозможно. Серго имел в виду другое, крайне важное: необходимо показать населению истинных виновников гражданской войны.

В Моздок мятежники мирную делегацию не пустили. Ей предложено было ждать ответа в Прохладной. Наконец Бичерахов смилостивился:

— Мои условия простые. Два пункта. Арестовать чрезвычайного комиссара и всех его владикавказских коллег. Снять замки с орудий. Больше ничего!

Несколькими часами раньше Орджоникидзе узнал от председателя Грозненского Совета Николая Гикало, что в ближайшей к городу станице скапливаются казачьи сотни. На нефтяных промыслах участились поджоги. "Косоротая лисица" собиралась проглотить сразу оба терских города.

С сенсационным предложением к Серго явился владикавказский городской голова Цирульников. Несколько недель он пропадал в Тифлисе, теперь внезапно вернулся.

— Я уполномочен весьма авторитетными лицами, — торжественно заявил Цирульников, — сделать вам выгодное предложение. Вы можете получить гарантии. Вам будет сохранена жизнь.

Орджоникидзе перебил:

— Скажите, городской голова, вы сомневаетесь, что каштаны украшают город?

Цирульников ошалело:

— Да, да! Конечно, каштаны очень украшают город… Однако же я вас не понимаю. Цель моего визита…

— Разве не ясно? — Серго встал. — На бульваре много поврежденных деревьев. Кое-где каштаны совсем вырублены. Какой же вы к черту городской голова? О каких гарантиях с вами можно говорить?! Разве что после того, как вы приведете в порядок бульвар на Александровском проспекте и парк над Тереком. Я проверю.

Более круто Орджоникидзе обошелся с Фальчиковым, когда тот на заседании съезда принялся притворно жаловаться на "незаслуженные обиды, постоянно причиняемые маленькой, самоотверженной группе социал-революционеров".

Серго плечом отодвинул хорунжего в сторону. В полный голос сказал:

— Я с этой трибуны заявляю, что Бичерахов — контрреволюционер, провокатор. Все, кто его поддерживает, — негодяи.

Фальчиков легонько ударил по коленке урядника Звягина. Тот вскочил, расправил бороду, без запинки отчеканил:

— Представитель центральной советской власти, чрезвычайный комиссар Юга России Орджоникидзе допустил непристойную брань по адресу казачества, чем оскорбил съезд. Мы требуем от гражданина Орджоникидзе принести свои извинения перед съездом!

Аплодисменты, негодующие крики, гортанные возгласы

горцев — все перемешалось. Опрокидывая стулья, грохоча сапогами, к трибуне бросились десятки разгоряченных людей. Заблестели кинжалы. Серго завладел колокольчиком, потребовал тишины.

— Я говорю открыто. У меня всегда хватит мужества подтвердить то, что я сказал. Я заявляю, что не оскорблял трудового казачества. Если вы хотите сорвать съезд, то для этого не надо искать причины в Орджоникидзе. Я сказал, что Бичерахов — провокатор, негодяй и все, кто с ним, — негодяи. Вот мои слова! А трудовое казачество я не оскорблял и оскорблять не буду… Если трудовое казачество скажет, чтобы я извинился, ибо оно поняло мои слова как оскорбление, нанесенное лично ему, то я извинюсь. Но перед Бичераховым и его приспешниками Орджоникидзе, если бы ему даже пришлось болтаться на веревке, все-таки извиняться не будет!

Закончилось заседание совсем мирно. Директор Народного клуба, в недавнем прошлом кузнец железнодорожных мастерских Федор Серобабов, пригласил делегатов на премьеру пьесы "Волки и овцы". Спектакль понравился. Актеров шумно приветствовали, долго не отпускали. Разошлись около полуночи.

Кто жил в рабочих слободках за Тереком, уже не смог добраться до дому. К мостам не подпустили патрули полковника Беликова.

На углу, возле гостиницы "Бристоль", Серобабова и председателя городского Совета слесаря Камалова, возвращавшихся со спектакля, схватили казаки. Обоих узнали. Тут же зарубили.

Цокали копыта по деревянным настилам городских мостов. Из предрассветной сгустившейся черноты с гиканьем выносились казачьи сотни и артиллерийские упряжки. Подтягивались офицерские роты полковника Соколова, друга детства Бичерахова.

И число, и умение, и внезапность — все, что обусловливает воинскую победу, было на стороне бичераховцев. Завязался неравный бой. Рабочие железнодорожных мастерских и грузинский отряд Гегечкори не подпускали мятежников к вокзалу и Курской слободке. Китайские добровольцы дрались в здании реального училища, в особняке барона Штейгеляна. Госпитальной улице, там размещалось правительство Терской республики. Они оказались в самом центре вражеских сил, в плотном кольце.

На берегу Терека, между парком и мостом, заняли рубеж молодые осетины во главе с Колкой (Николаем) Кесаевым, одним из организаторов революционно-демократической партии "Кермен". Убежденный социалист, он в поисках правды без гроша

в кармане обошел Германию, Францию, Швейцарию… В честь весьма почитаемого им Карла Маркса отпустил себе лохматую шевелюру и поразительно густую бороду.

Долгими очередями из станкового пулемета Колка отгонял белоказаков, рвавшихся к кадетским корпусам. Там, в давно пустовавших дортуарах, ночевали делегаты съезда народов Терека. С ними и Серго.

Беликов бросил на немногочисленный отряд Кесаева две сотни казаков из мятежных Архонской и Тарской станиц. Тяжело раненного Колку захватили в плен. Его поспешил навестить сам Георгий Бичерахов.

"Косоротая лисица" свидетельствовала свое высокое уважение:

— Ты, Кесаев, молод, у тебя все впереди. Я мог бы тебя сделать министром! Напиши обращение к своим керменистам и вообще к осетинам-христианам, пусть поддержат мое казачье-крестьянское правительство. Тем более что ингуши наши общие враги.

Сил у истекавшего кровью, избитого Колки оставалось мало. Спорить не хотелось. Плюнул в лицо Бичерахову.

Расстреляли Колку в палисаднике за домом. Вахмистр хотел повернуть лицом к стенке, завязать глаза. Кесаев не позволил.

После гибели отряда Кесаева конница и пластуны мятежников овладели шоссе, скопились в кустарниках перед кадетскими корпусами. "Время от времени к каменной ограде и воротам подъезжали верховые, предлагали выдать комиссаров. Объявился и городской голова Цирульников. Его грузную фигуру опоясывала широкая лента с какими-то бренчащими регалиями. Цирульникова впустили внутрь. Он попросил встречи с Орджоникидзе.

— У меня нет секретов от съезда, — сказал Серго. — Пригласим руководителей всех фракций.

Вместо перебежавшего к мятежникам Фальчикова сильно поредевшую казачью делегацию представлял батареец Волгского полка Александр Дьяков. В родной станице Марьинской священник проклял его, господа старые казаки приговорили "предать земле". Александру удалось бежать в ночь перед казнью. Тогда станичный атаман приказал на майдане перед правлением расстрелять мать Дьякова…

— Слава всевышнему, — провозгласил городской голова. — С анархией узурпаторов власти и диктатурой насильников покончено. Многострадальный Владикавказ возвращен в руки истинных патриотов.

— Прошу прощения, — вмешался Серго, — зачем поганите

святое слово "патриот"? Или вы не знаете разницы между негодяями и патриотами?

Цирульников шумно выдохнул. Демонстративно отвернулся от Серго. Сердито продолжил:

— Я позволю себе ответить словами, нашего высокочтимого лидера, господина Струве. В одной из своих высокоэрудированных статей профессор гениально определил: "Быть патриотом — значит любить свое отечество как частную собственность"…

— Покорно благодарю, — склонил голову Серго. — Откровенничайте дальше. Выкладывайте, зачем вас прислали к нам, не любящим частной собственности.

Ничего особенно неожиданного городской голова не предложил. Дума собирается чествовать освободителей Владикавказа. Желательно, чтобы в торжественной церемонии приняли участие и делегаты съезда, за исключением комиссаров, ингушей и китайцев. Неприемлемо также присутствие чеченцев и евреев.

— Сопротивление должно быть прекращено немедленно. Все оружие надлежит сложить у раскрытых ворот кадетских корпусов, — уточнил Цирульников. Его, не теряя времени, выставили. Вдогонку Орджоникидзе бросил:

— А за вырубленные каштаны я с вас, Цирульников, строго спрошу. Второй раз предупреждаю!

Наступала развязка. Казаки начали штурмовать кадетские корпуса. Несколько раз прорывались к каменной ограде. Здесь их встречали залпами из винтовок и револьверов, забрасывали гранатами. В особенно опасные моменты военный комиссар Бутырин пускал в дело последний резерв — станковый крупнокалиберный пулемет. Никому не доверяя, Яков сам вел огонь. Серго исполнял обязанности второго номера — набивал ленты, заботился о воде. Очень кстати пришлась и старая специальность фельдшера. Чрезвычайный комиссар Юга ловко и быстро перевязывал раненых.

В сумерках бой приутих. Серго надел чесучовые брюки, сатиновую косоворотку, вышитую петушками и крестиками, сандалии — типичную летнюю одежду владикавказцев. Коротко остриг непокорную шевелюру и низко нахлобучил бабарку — белую войлочную шляпу. Покончив с туалетом, отправился вместе с Александром Дьяковым в разведку.[65] Хотелось самому во всем убедиться, прежде чем осуществить давно задуманное.

Откладывать дальше нельзя. Вчера было слишком рано. Завтра будет непоправимо поздно. На все осталась недолгая августовская ночь.

Серго бросился разыскивать Захария Палавандашвили. Среди многочисленных друзей по обе стороны Кавказского хребта он был более известен под именем Шакро. Легко сходился с людьми, отличался добродушием, весельем и, что больше всего ценится на Кавказе, безмерной храбростью. Никаких официальных постов во Владикавказе Шакро не занимал, но всем был нужен позарез. За любое дело охотно брался, ни перед чем не отступал, иногда перебарщивал — вмешивался, куда не следовало. Накануне за это получил от Серго нагоняй и демонстративно держался в стороне.

Первый шаг пришлось сделать Серго. Зная слабую струнку друга, он поинтересовался:

— Шакро, как брат спрашиваю, ты бы мог ночью найти переправу через Терек?

— Ва, хочешь, два раза туда-обратно перейду. Большое дело?!

— Очень большое! — серьезно подтвердил Орджоникидзе. — Выбирай место и начинай переправлять делегатов. Утром мы все должны быть в Ингушетии.

Выбирал Шакро или сунулся в первое попавшееся место — разница не велика. Всюду за кадетскими корпусами громоздились гранитные обломки и насквозь позеленевшие валуны. О них неистово бились буйные потоки. Ярилась, кипела, пенилась неукротимо бешеная река. Для первого знакомства с головы до ног обдавала водяной пылью.

Всех делегатов Шакро разбил на группы — человек по тридцать. Первыми — им приходилось труднее, чем шедшим сзади, — ставил рослых, привычных горцев. Брались до боли крепко за руки и цепочкой входили в холодную, быструю воду — по пояс, по грудь, по шею. Отдохнуть нельзя было и на том берегу- до восхода солнца немного времени и сорок верст все вверх к альпийским лугам. Лишь потом начнется крутой спуск в ущелье другой реки — Армхи. Делегаты останутся отдыхать в аулах ингушей, где незнакомца в любой час встречают словами: "Добрый гость — радость для бедных людей. Будь жив, пока наши горные реки назад не побегут!"

В Базоркино для переговоров с ингушским "национальным советом" отправились трое — Серго, Бутырин и Шакро.

Когда-то доверчивые и во многом наивные ингуши искали защиты у Государственной думы, жаловались- две трети их земель перешли к казакам.

Серго перебирал в памяти названия мятежных станиц — Воронцово-Дашковская, Фельдмаршальская, Николаевская, Архонская, Ардонская — все бывшие селения горцев. Или ближайшая к городу и больше всех запятнавшая себя кровью владикавказцев станица Тарская? Для кого секрет, что это аул

Онгуш. От него пошло название "ингуши".

— Шакро! — окликнул друга Орджоникидзе. — Ты все точно запомнил? Ной действительно говорил Ленину по прямому проводу, что собирается вернуть земли горцам? Повтори, пожалуйста, как все было. Что сказал Буачидзе, что ответил Ленин.

— Зачем проверяешь? Шакро знает, когда шутить. Я нарочно вмешался, не дал Ною говорить по-французски, чтобы хороший разговор весь вошел в мою голову. Должен людям передать… Если тебе очень надо — слушай. — Шакро приосанился: — Ленин тогда сказал: "Действуйте, товарищ Ной, твердо. С земельной реформой нельзя медлить. Земли горцев, поспешите им вернуть. Казаков сразу обеспечьте в другом месте. И те и другие должны убедиться, что советская власть о них заботится".

Впереди за холмами открылись сады Базоркино. Показался и стоявший на взгорье большой каменный дом — бывшая контора имения графа Уварова: теперь там помещался "национальный совет". Узкие улицы забиты лошадьми, буйволами, арбами, повозками, фаэтонами. Соперничая с палящим августовским солнцем, жарко горели костры, в огромных казанах варилась баранина, стоял острый запах чеснока.

Несколько сот конных и пеших ингушей, окружавших дом, внешне ничем не выразили своего интереса к Серго и его спутникам. Первое слово принадлежало почетным старикам.

Самозванный председатель "национального совета" (поговаривали, что он больше турок, чем ингуш) Вассан-Гирей Джабагиев, бывший чиновник царского министерства земледелия, принял гостей в старом кабинете графа. Вассан-Гирей сидел на ковровых подушках за канцелярским столом, покрытым бело-зеленым знаменем. Справа в мягких изорванных креслах восседали мулла Атаби и торговец керосином Сардул. Слева — остальные члены совета.

Спрашивать сразу о делах, о цели визита обычаи запрещали. Поглаживая длинные седые усы, Джабагиев возможно приветливее произнес традиционное:

— Салям алейкюм! Как себя чувствуете, как доехали?

Слава аллаху, все достойные уважения находились в добром здоровье, благоденствовали под солнцем. Совсем неважно, как обстояло в действительности, таких ответов требовал обязательный обмен любезностями.

— Осчастливь нас, дай возможность совершить угодное аллаху! Выскажи, что привело тебя к нам, — наконец, пригласил Джабагиев. Тут же, прижав руку к сердцу, опережая Серго, Вассан-Гирей объявил:

— Наш древний народ с большой симпатией относится к чрезвычайному комиссару России. Старикам известно, что твоими заботами через город был пропущен ингушский обоз с кукурузой. Ты образумил неверных, не дал пролиться крови… Если тебе нужна какая-нибудь личная услуга, то мы все в твоем распоряжении. Прикажи!

— Извините, я не так красноречив, как господин Джабагиев, — делая последнюю попытку удержаться в рамках этикета, заговорил Серго. — Скажу прямо: в понятии большевиков "неверные" — это те люди, которые изменяют своему народу, поступают ему во вред. Вы схватитесь за кинжалы, если вас кто спутает с неверным. Вы всеми святыми клянетесь, что хотите добра ингушам. Так почему не делаете самого главного — не заботитесь о возвращении земли, отобранной царем и казачьими атаманами? Вы хорошо знаете, Бичерахов, на которого вы поглядываете, никогда не даст нищему ингушскому народу земли. Как только мятежники покончат с защитниками Владикавказа, они возьмутся за вас, снова будут убивать ингушей. Помогите нам сегодня одолеть общего врага. И возьмите свои земли. Пора, позаботьтесь о своем народе!

— Ингушский народ слишком слаб, чтобы подымать голос, — быстро перебирая янтарные четки, возразил Джабагиев.

— Коран запрещает нам насилие, — смиренно добавил мулла Атаби.

… Джабагиев встал, низко поклонился.

— Мне кажется, мы все сказали. Если чрезвычайному комиссару нужна какая-нибудь личная услуга, повторяю, мы в вашем распоряжении.

— Я воспользуюсь вашей добротой, — в тон подхватил Серго. — Позвольте мне поговорить с ингушами.

Как бы между прочим добавил:

— В ваших аулах приходилось слышать: "Настоящий джигит добрый, только трусливый бывает злой".

Первым сильно затянувшиеся бесплодные переговоры покинул Шакро. К нему кинулись двое друзей — Юсуп Албогачиев и Хата Олигов, с головы до ног увешанные оружием.

— Что будем делать? — нетерпеливо спросил рыжий здоровяк Юсуп, кузнец по профессии.

— Пожалуйста, один хороший митинг надо! — попросил Шакро. — И лошадь. Мой брат Орджоникидзе — горский человек. Пусть ингуши посмотрят, как он в седле сидит, папаху носит.

Юсуп поскакал в одну сторону, Хата — в другую. Оба что-то кричали и стреляли, вскинув к небу винтовки.

Базоркино сразу опустело. Седобородые законодатели и

безусые юноши, обязанные молча внимать речам мудрейших, все мужчины, конные и пешие, поспешили к кургану за селением.

Кавалькада всадников поднялась на самую верхушку кургана. Кадий в черном башлыке, подняв руки к небу, призвал совершить намаз. Прочел молитву и сразу отъехал в сторону, уступил место Серго.

— Товарищи ингуши, слушайте меня! Я, чрезвычайный комиссар Юга России, приказываю вам: возьмите оружие!..

К Орджоникидзе бросился Джабагиев:

— Вы не должны злоупотреблять гостеприимством. Я запрещаю вам…

Толпа взорвалась:

— Не мешай говорить Эрджкинезу!

— Вурро, Эрджкинез! Конах ва![66]

Молодые ингуши самозабвенно палили из ружей в воздух.

Напрягая голос, Серго повторил:

— Возьмите оружие! Настал решающий час. Сто лет ваш гордый народ воевал с русскими царями. Силы были неравные. Вас загнали в ущелья, в бесплодные каменные теснины. Никто — ни Бичерахов, ни Деникин, ни Турецкая империя не вернут вам ваших земель. Это сделает только советская власть, русские рабочие и крестьяне… Подымайтесь на бой с нашим общим врагом. Лучших джигитов пошлите освобождать свои старые аулы. Остальных поведу я на помощь рабочим Владикавказа.

Из сотен глоток вырвалось:

— Вурро! Эрджкинез луом да луом![67]

— К оружию, мужчины!

"Мы были уже не одни, — сообщал позднее Совету Народных Комиссаров Орджоникидзе. — Выступили ингуши, этот авангард горских народов, за которым потянулись, если не активно, то во всяком случае своей симпатией, все остальные горцы.

На пятый день к нам подошло маленькое подкрепление человек в 300 грозненских красноармейцев, и под руководством т. Левандовского они ударили на казаков".

…Бичерахов по обыкновению хитрил, играл в демократию. Роль премьера он поручил эсеру Семенову. Министерские посты заняли эсер Леонид Орлов и меньшевик Кожанный-Берман, в недавнем прошлом председатель Таганрогского Совета (тогда он испортил много крови Орджоникидзе, провоцируя столкновения с немцами).

Донесение о том, что отряды ингушей осадили пять самых больших станиц, пришло в разгар торжественного заседания Владикавказской городской думы и "казачье-крестьянского правительства".

Председательствовавший на заседании Фальчи-ков поспешил устроить перерыв, бросился к сидевшему в ложе позади Бичерахова полковнику Беликову:

— Представители демократических сил Терека чрезвычайно обеспокоены… Я отказываюсь верить…

— И дурак, что не веришь, — обрезал полковник. — Ингуши и в Воронцово-Дашковской и в Сунженской. В Тарской господа старые казаки начали переговоры с Орджоникидзе. Чрезвычайный обещает нарезать новые наделы в Моздокском уезде.

Мятежные казаки бросали позиции. Уговоры "косоротой лисицы" не помогали. В панике станичники разбегались по домам — спасать семьи и добро. Поспешил убраться назад в Моздок и Бичерахов со своим "правительством". В подкреплениях Беликову и Соколову он отказал:

— На Владикавказе пока поставьте крест. Красные нажимают под Прохладной. Бунтует Чечня. Этот московский комиссар нашел ключ к сердцам горцев.

"И наших казаков", — следовало бы продолжить Бичерахову.

Главным, неотразимым оружием Серго была с детских лет обязательная для него забота о справедливости. Вспыльчивый, грозный в гневе, никогда не шедший на компромиссы и сделки с совестью, он тем более никогда не мстил, не наступал на горло поверженному. Много небылиц распространяли о ненавистном чрезвычайном комиссаре белогвардейские газеты и информационные агентства. Единственно, на что не решались — обвинять в кровожадности. Слишком хорошо известно было обратное.

На Госпитальной улице Владикавказа, неожиданно ставшей передовой линией фронта, еще продолжались бои с офицерскими ротами Соколова. Серго в на редкость скверном настроении возвращался с разбитой мятежниками радиостанции. Все попытки возобновить связь с Москвой кончались неудачей. Орджоникидзе нервничал, заметно похудел, впервые узнал, что такое головокружение. В такой вроде бы неподходящий момент наткнулся на большую колонну пленных казаков.

— Куда их? — спросил Серго начальника конвоя.

— Враги революции, осуждены на расстрел.

— Отведите их назад в штаб, — приказал чрезвычайный комиссар. — Я пойду с вами.

Пленных выстроили на дворе за домиком штаба. Серго опросил каждого. Затем объявил:

— Атаманов среди вас я не признал. А простые казаки советской власти не враги. Мы не власть русских, ингушей, чеченцев или грузин. Мы власть труда и бедноты без различия

веры и национальности. Возвращайтесь домой, расскажите станичникам, что советская власть борется и за их счастье. Большевики желают им добра… На дорогу, я приказал, вам выдадут продовольствие.

Не менее благополучно на хуторе Тарском закончились переговоры Орджоникидзе с "господами старыми казаками".

Осажденные ингушами станицы немедленно складывали оружие и за то получали двухнедельный срок на сборы и беспрепятственный переезд. Новые наделы нарезали по взаимному согласию властей и казаков.

Через горную Ингушетию на Сунжу — в тыл бичераховцам, разорявшим грозненские нефтяные промыслы, Серго отрядил Александра Дьякова. С ним еще десять казаков и мешок, туго набитый "николаевками", — других денег в станицах не признавали. Поручение секретное. Дано после истории с казаком Легейдой.

Атаман станицы Николаевской приказал бородачу гвардейцу Легейде и его девятнадцати соседям отправиться на фронт под Грозный. Верхом, при оружии — все как издавна положено. К ночи мобилизованные закончили все сборы, уложили имущество, привязали к линейкам коров и вместе с семьями… скрылись. Беглецов приютили осетины, — дали кров, огороды. Казаки немного осмотрелись и попросили принять их в конный отряд керменистсв. Двинулись воевать против бичераховцев.

— Поищи, Александр Зиновьевич, — напутствовал Орджоникидзе Дьякова, — должны найтись в станицах Сунженской линии казаки, такие же решительные, как Легейда. Собирай их, зови под наши знамена!

Первой откликнулась станица Карабулакская. За ней Асиновская, Нестеровская, Троицкая. В назначенное Дьяковым место сбора доставили пулеметы, пушки, бомбометы, двуколки со снарядами, гранаты, телеграфный аппарат Морзе, телефоны и катушки с проволокой, две пишущие машинки. Фельдшер станицы Асиновской Шабунин обеспечил медикаментами санитарную часть.

Ударили в набат, собрали станичников на круг и в Михайловской. Долго кричали, спорили, потом раскололись на две непримиримые партии. Беднота и фронтовики, за малым исключением, за советскую власть, остальные — за Бичерахова. По садам и пашням станицы Михайловской и пролег новый фронт. Под красным знаменем — казаки и под белым — казаки, преимущественно из Ермоловской и Самашкинской.

Дьяков вернулся во Владикавказ, доложил, что он свою миссию, как член Народного совета, выполнил, теперь пусть

назначат опытного военного командиром казачьей партизанской армии. Серго ответил:

— Командующим войсками Сунженской линии должен быть Дьяков, беспартийный казак.

"Я взволновался и категорически отвел свою кандидатуру, — вспоминал сорок лет спустя Александр Зиновьевич. — Божился, что не сумею руководить таким большим отрядом. Семь тысяч сабель — целая армия, уже начавшая боевые действия против белых.

Орджоникидзе прервал меня: "Сумел организовать людей, сумеешь и руководить ими. Зачем посылать другого, незнакомого с обстановкой. Нам дорога каждая минута. Поезжай, Дьяков, немедленно и командуй. Никого мы туда больше не пошлем".

Тут же Левандовский написал приказ о моем назначении. Так 11 сентября 1918 года я стал командующим советскими войсками Сунженской линии. Теперь я ехал на Сунжу без ингуша-проводника и не на паровозе, а на бронепоезде.

По приказу Орджоникидзе мне была выдана Наркомфином Терской республики Филиппом Махарадзе большая сумма денег для расчета за хлеб, мясо и другие продукты, которые мы брали у казаков под наши расписки. Это, как и предполагал Серго, подняло еще выше авторитет советской власти.

Через разведчиков установили, что белые назначили на шестнадцатое генеральное наступление на Грозный. Ждать не стали. Ночью пятнадцатого наша конница неожиданно для противника обрушилась на станицу Слепцовскую. Фронт заколебался".

К Георгию Бичерахову в тревоге бросился его брат Лазарь. Полковник царской армии Бичерахов-старший стоял во главе русских офицеров, деликатно говоря, сотрудничавших с командующим английскими экспедиционными силами в Персии генералом Денстервилем. "Они мне нужны, — сообщал в Лондон Денстервиль, — на случай нашей будущей интервенции на Кавказе. А пока что они мне очень полезны для целей налаживания связи с Баку и собирания нужных сведений".

По совету Денстервиля[68] Лазарь Бичерахов прикинулся другом Бакинской коммуны, оказал ей несколько услуг, втерся в доверие для того, чтобы в решающий час предать революционеров. Нанес удар по Баку с тыла. Затем уже без всяких церемоний сверг советскую власть в Дагестане. Несколько последних недель вел осаду Кизляра — навязал Терской республике третий по счету фронт.

К брату Лазарь Бичерахов примчался также под нажимом англичан.

— Полковник Пайк чрезвычайно обеспокоен! Младший Бичерахов с кривой улыбкой развел руками.

— Я только что проводил кептэна Боба… Лазарь вскипел:

— Все пыжишься, персона грата! Без поддержки английской миссии ты бы двух дней не продержался. Ничего не можешь толком сделать. Из Владикавказа тебя под зад коленом… Теперь пардону просишь у большевиствующих казачишек. Как в твою хлипкую душу вбить, что Грозный — это нефть, нефть, нефть! Англичане ставят на нефть, а не на тебя, Керенский из Моздока!

О низеньком тучном полковнике Пайке и долговязом рыжем кептэне Бобе часто упоминали в долгом ночном разговоре и Серго с Габо Карсановым — "американцем". Полууважительная-полуироническая кличка "американец" крепко прилипла к красавцу осетину из селения Заманкул. Габо в самом деле долго жил в Америке, до того в Японии. Последние годы перед возвращением на Кавказ провел в Канаде и Швеции. Из всех скитаний по свету осетин вывез одно-единственное богатство — знание языков.

Габо любил затянуться в черкеску с газырями, на тонком поясе повесить кинжал в серебряных ножнах, закрутить кверху острые, как пика, черные усы и фланировать по центральной аллее бульвара. Однажды… Пораженный Габо прибавил шагу, прислушался. Нет сомнений, впервые за много месяцев он снова слышал английскую речь. Чистую английскую речь! Американцы так не говорят.

Кавказец, хорошо это или плохо, увязался за англичанами. На Александровском проспекте они зашли в кафе. Габо занял место за соседним столиком. Иностранцы окинули горца безразлично-нахальным взглядом. "Дикий азиат", "пустое место". При нем можно говорить и делать все, что взбредет на ум. В кафе нашелся старый шустовский коньяк. Выпили и поболтали вдосталь.

Около полуночи взволнованный Габо Карсанов ворвался к Серго.

— В городе английские офицеры, переодетые в штатское! Совсем плохие люди!

Серго сразу насторожился. Об английской военной миссии известно было немногое. За несколько часов до того, как в Тифлис по приглашению грузинских меньшевиков вошли немецкие войска, английская миссия покинула город. Во Владикавказ она прибыла с разрешения терских властей и народного комиссара России по иностранным делам Георгия Васильевича Чичерина. Все двенадцать сотрудников миссии разместились в старинном особняке на тихой улице Лорис-Меликова. В подтверждение своего полного нейтралитета

англичане дважды в месяц презентовали красноармейцам и бичераховцам одинаковое количество стандартных ящиков с сигаретами и кое-какими продуктами.

Может быть, эта благотворительная деятельность и служила объяснением того, что в день убийства Ноя Буачидзе глава миссии провел много времени в Апшеронских казармах? Серго хорошо запомнил слова, оброненные Бутыриным: "Когда мы с Буачидзе подъезжали к Апшеронским казармам, из ворот нам навстречу выкатила открытая машина английской миссии. Полковник Пайк поспешно приложил руку к фуражке. Ной скривился: "Что англичанину могло понадобиться у бунтующих красноармейцев?"

Убийц Ноя не нашли. Предполагали, что стреляли казаки. Предполагали…

А Габо Карсанов настаивал:

— Эти офицеры совсем не любят нас. Очень плохие. Я не мог ошибиться. Я английский хорошо понимаю, не хуже русского, может, даже лучше.

Серго решился.

— Габо, я знаю, ты гордый человек. Саша Гегечкори хочет назначить тебя командиром осетинской конной сотни. Но для революции более важно, чтобы ты сделал другое. Немедленно поступай на службу к англичанам. Кем угодно — телохранителем, проводником, кучером, слугой! Только не подавай виду, что знаешь английский.

Карсанов заупрямился.

— Я кавказский человек! В прислужники не пойду.

Чрезвычайному комиссару пришлось самым торжественным образом засвидетельствовать, что кратчайший и верный путь к славе Габо найдет, служа в английской миссии. Фамилия — Карсанова в. этом случае наверняка будет занесена в историю.

В особняке на Лорис-Меликовской появился новый слуга. "Абсолютнейший азиат" — по проницательному определению кептэна Боба.

Габо хотелось поскорее попасть в историю. Он часто по вечерам появлялся то у Серго, то у комиссара внутренних дел Юрия Фигатнера. Подробно описывал все, что видел и слышал в миссии. В красочных рассказах не было недостатка. По крайней мере два из них заслуживали серьезного внимания. Секретарь миссии мистер Уильям навестил Джабагиева. Вассан-Гирей быстро собрался и направился через горную Ингушетию и Хевсурский перевал в Тифлис. Он будет министром в каком-то "горском правительстве". Обратно во Владикавказ мистер Уильям вернулся с несколькими десятками всадников из бывшей "дикой

дивизии". Их рекомендовал Джабагиев для охраны миссии. Вторая новость. Карсанов своими глазами видел русского офицера, приехавшего с Дона. Его сразу принял полковник Пайк. При Габо ничего не говорили. Только Пайк взял из рук приезжего две папиросы с длинными мундштуками. Из ящика стола достал лупу, тут же бросил обратно и крикнул, чтобы Габо убрался побыстрее. Внешность русского Карсанов хорошо запомнил, а "фамилия очень трудная. Записал осетинскими буквами. Сейчас. Угре… нет, Уг-не-вер-ка. Опять нет. Угне-вен-ка. Надо искать. Кучер князя Туганова отвез его на Московскую улицу. Офицер там живет или его марушка?"

Угневенко нашли и арестовали. По документам он значился уроженцем Тифлиса, конторщиком. Из Грузии сбежал по высокопатриотическим мотивам — "не стало житья русскому человеку, преследуют националисты". При следующих допросах Угневенко повинился: с перепугу малость соврал, он не конторщик, а штабс-капитан. Все остальное как на духу. Жаждет тихой жизни среди русских людей, и… вдова у него во Владикавказе знакомая, склонен жениться.

Председатель ЧК между делом сказал Орджоникидзе:

— Габо увлекается. Из-за него держим честного человека. Я этого жениха вышлю назад в Грузию.

— Вы убеждены? — переспросил Серго.

— Одежду, вещи — все тщательно осмотрели. Ничего у него нет. Белье и гильзы.

— Проверили?

— Раскрыли коробки. Гильзы высыпали. Они не набиты, без табака.

Серго подскочил.

— Котэ, как же ты быстро забыл, чему нас мальчишками учил Камо! Ну-ка, тащи гильзы сюда. И штабс-капитана пусть доставят.

Первая сотня гильз ничего не дала. Пустые внутри, они легко надламывались. Серго отбрасывал их в сторону и принимался за следующие. Загорались огоньки азарта! Быть не может, чтобы он так опростоволосился.

Вскрыли вторую коробку. Наконец-то очередная гильза не поддается. Серго осторожно развернул мундштук. Выпала свернутая в трубочку узкая полоска тончайшей бумаги. Все знакомо, десятки раз самому приходилось пользоваться.

Уходила ночь. Светало. Солнечные лучи заботливо высветливали вершины гор. В руках у Серго, помимо удостоверения, выданного штабом добровольческой армии "Угневенко Григорию Нестеровичу, командированному в расположение противника", были письма организатора

покушения на Ленина, английского генерального консула Локкарта, лидера крайне правых в Государственной думе и руководителя белогвардейских заговоров Шульгина[69] генерала Эрдели, всего месяц назад приезжавшего во Владикавказ для тайного свидания с Пайком.

— Сейчас же пошлите отряд особых поручений на Лорис-Меликовскую, — приказал Серго председателю ЧК. — В случае необходимости примените оружие.

— Мы не имеем права. Международные, нормы…

— Можешь не продолжать, — нетерпеливо оборвал Орджоникидзе. — Доверимся Ленину.

— Не понимаю? Когда ты успел?

— Да это давнишняя, январская история. Не объявляя войны, румынское правительство приказало своим войскам окружить нашу 49-ю дивизию. Рядовых разоружить, членов полковых комитетов арестовать, продукты и фураж конфисковать. В ответ Владимир Ильич настоял на аресте всего состава румынского посольства и военной миссии в Петрограде. Старейшина дипломатического корпуса, американский посол Фрэнсис сообщил по телефону Ленину, что дипкорпус желает быть принятым председателем Совнаркома. Ленин согласился. Представители Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии, всех не помню, заявили протест против нарушения международных норм.

Ленин возразил, что дипломаты арестованы в силу обстоятельств, "никакими дипломатическими обрядностями не предусмотренных". И добавил для полной ясности: "Для социалиста жизнь тысяч солдат дороже спокойствия одного дипломата".

— А ты хочешь, чтобы я нянчился с Пайком и его компанией, — все более накаляясь, продолжал Серго. — Какие они к черту дипломаты! Заурядные шпионы. На их руках, я убежден, кровь Ноя. Не доводи меня, Котэ, до крайностей. Худо будет, если я сам поеду на Лорис-Меликовскую…

В последнюю минуту благотворители сбросили бесполезные маски. На предложение открыть двери, впустить сотрудников ЧК англичане ответили пулеметным и ружейным огнем. Пришлось командиру отряда предъявить, точнее — "забросить на двор с помощью обыкновенного булыжника "ультиматум": "Прекратите стрельбу или подвезем пушку, ударим прямой наводкой. На размышление десять минут".

Стрельба затихла, зато из трубы повалил дым. Как бы ответ — управимся с бумагами, тогда и откроем. Это меньше всего устраивало. Англичан энергично поторопили. На кухне, в

каминах нашли много лишь слегка обгоревших бумаг и обуглившихся денег. Не сразу догадались, что деньги фальшивые. "Красненькие" и "синенькие" — николаевские десятки и пятирублевки миссия изготовляла в своем подвале. Там нашли клише и другое оборудование для печатания фальшивок.

Роль переводчика при обыске с откровенным удовольствием выполнял "абсолютнейший азиат" Габо Карсанов. Он первым делом по-английски пожелал полковнику Пайку доброго утра и поинтересовался, как его драгоценное здоровье. У главы миссии полезли глаза на лоб.

Серго вознаградил горца по-своему. Посадил сияющего, принаряженного Габо в открытую машину и неторопливо провез по центру Владикавказа. Статный осетин подкручивал усы и любезно раскланивался с многочисленными знакомыми и поклонницами. По бульвару на Александровском проспекте Карсанов и Орджоникидзе прошли пешком, дважды от начала до конца. Затем снова уселись в автомобиль и поехали на радиостанцию в Шалдоне — дальней окраине города. Устойчивой связи с Москвой по-прежнему не было, иногда откликалась Астрахань, принимала особенно важные сообщения для Ленина.

Габо с интересом смотрел, как радист выстукивал ключом шифровку:

"МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ, ЧИЧЕРИНУ

Владикавказ, 19 октября 1918 года

Обыск английской миссии дал неопровержимые документы о связи с контрреволюцией. Миссия под домашним арестом. Прошу о дальнейшем. Можно выслать только через Тифлис.

Орджоникидзе".

На Тереке входила в свои права солнечная, прозрачная осень. Особенно удался ноябрь. Вместо нудных обложных дождей, туманов, слякоти и дурного настроения простуженных горожан — высокое голубое небо, теплынь и сердца, переполненные радостью, большими надеждами.

Торжественный парад во Владикавказе в честь первой годовщины революции. Серго на золотистом кабардинском скакуне объезжал войска. Пехотный рабочий полк. Китайские и грузинские добровольцы. Казаки. Ингушские, кабардинские и осетинские всадники. Конная артиллерия. Броневики. Настоящая боевая армия. Только еще очень пестро одетая. Старенькие

шинели, истрепавшиеся пальто, горские бурки, трофейные немецкие и английские френчи, пиджаки, черкески.

После стодневных боев полная победа в Грозном. Сто дней и сто ночей рушились от артиллерийского огня нефтяные вышки. Город окутывал горький, едкий дым. Липкая жижа текла по улицам, лужами стояла в окопах. Черные пятна въедались в лица и одежду.

— Что с тобой, на кого ты похож? — вскричал Серго, вглядываясь в неузнаваемо изменившееся лицо Асланбека Шерипова.

Молодой командующий чеченской конницей, разделившей с грозненскими рабочими тяжесть обороны и радость победы, заразительно расхохотался. Ничего не говоря, Асланбек подал Орджоникидзе зеркало. Сырая нефть и копоть быстро обработали чрезвычайного комиссара, придали ему вполне грозненский вид.

"Старые промысла в Грозном нами заняты, — делился своей радостью с Лениным Серго. — Приступаем к тушению нефтяных пожаров и к организации добычи нефти.

В связи с победами во Владикавказе были митинги и манифестации. Настроение Красной Армии великолепное. Казаки массами записываются в Красную Армию".

Снят фронт у Прохладной. Терек и Кубань соединили свои силы. У обгорелого железнодорожного моста кавалеристы молодого кубанского казака Григория Мироненко встретились со всадниками такого же молодого и смелого кабардинца Бетала Калмыкова.

— Объединились! Наконец-то вместе! — кричали казаки, горцы, иногородние.

Почти никто из этих ликующих людей не обратил внимания на выстрел, прозвучавший в красном кирпичном доме станичного атамана. Покончил с собой генерал Мистулов, командовавший белоказачьими войсками в районе Прохладной.

Моздок — советский! Под ударами объединенных сил кубанцев и терцев бичераховцы быстро откатывались в степи. Ближние к Моздоку станицы оборонялись нехотя, особенно после того, как узнали, что одну из наступающих колонн ведет многим знакомый, "свой терец" Кочура. "Косоротая лисица" учуяла близкую опасность. Выбрав ночь потемнее, Георгий Бичерахов бежал из своей "столицы" под крылышко старшего брата — в Порт-Петровск.[70]

Съезд назывался очередным — Пятым. Заседал в тех же кадетских корпусах. Делегаты, как и раньше, приходили с кинжалами, револьверами и гранатами. В угодные аллаху часы по просьбе мусульман объявляли перерывы для совершения намаза,

и место председательствующего занимал кадий. На этом сходство с предыдущими съездами кончалось.

А разница была огромной. Впервые народы буйного Терека протягивали друг другу руки.

Мир, мир и мир! — стремление всех. Казаков и ингушей, чеченцев и осетин, кабардинцев и балкар, грозненских нефтяников и кумыкских табунщиков, кизлярских виноградарей и рыбаков из Аграханского залива, священников и мулл.

Большевики были единственной политической партией, за которой шли делегаты.

На заседании бюро горских фракций слова попросил Серго:

— Когда меня спросили, не смогу ли я прийти на заседание горцев, я ответил, что пойду с удовольствием…

Я хотел прийти приветствовать горские фракции и уйти, но когда я услышал речи этих седобородых кабардинских стариков, увидел ту резолюцию, которая вынесена сейчас о контрреволюционерах, я сказал себе, что уйти я не могу, ибо тут сидят революционеры, ибо среди горских масс произошла Октябрьская революция!

Разве я не понимаю, какой переворот произошел в умах горцев!

Если бы мне сказали несколько лет тому назад, что горцы могут выдать своих гостей какой бы то ни было власти и отказать им в гостеприимстве,[71] я не поверил бы этому, ибо я знаю, как священна особа гостя для каждого горца.

Если бы мне сказали несколько лет тому назад, что седобородые старики кабардинцы, взявшись за оружие, заявят мне, что они не пустят на свою территорию ни одного из своих князей и помещиков и объявят им беспощадную войну, я бы усомнился в этом…

Об одном я прошу вас в этот ответственный момент, когда мы побеждаем: не поддаваться провокации… Ведь я знаю, какой воспламеняющийся материал чеченцы и ингуши, и принимаю все меры к тому, чтобы красноармейцы не подались на удочку… Я помню, как грозненская Красная Армия требовала разгрома аула Алды как контрреволюционного, где спасались казачьи генералы, откуда снабжались патронами и продовольствием контрреволюционные казачьи банды. Несмотря на то, что это было так, что документально было установлено… я категорически приказал не принимать никаких репрессивных мер против Алды, дабы избежать вовлечения трудовбго чеченского народа в невыгодную для него войну. И здесь и повсюду я предупреждал товарищей красноармейцев, чтобы они были осторожны в отношении горцев, дабы не создавать почвы для

провокации…

И я знаю, что горские народы не изменят Советской власти до тех пор, пока они не изменят себе. Но ведь известно, что люди себе никогда не изменяют, а следовательно, и горцы не изменят Советской власти никогда. Я хочу уверить товарищей горцев, что Советская власть — это их власть, а не власть, насажденная извне русскими штыками, ибо смешно говорить об этом, когда мы знаем, что эта маленькая группа штыков была изгнана в августовские дни казачьими бандами из Владикавказа в течение двух дней. И я никогда не скрываю, что Советская власть вновь была утверждена волей трудового ингушского народа.

…И я ухожу с этой трибуны с уверенностью, что трудовые горские народы не изменят Советской власти, которая является их собственной властью, ими же утвержденной в Терской республике…

Владикавказский политехнический! Как только приумолкли пушки, Серго и Яков Бутырин, избранный на последнем съезде народов Терека председателем Совета Народных Комиссаров, подписали декрет о немедленном открытии во Владикавказе политехнического института. Первого высшего учебного заведения на Кавказе!

В тот же день Серго торжественно прибил к фасаду одного из лучших зданий города эмалевую табличку: "Народная гимназия имени Буачидзе". Всех — тысячу восемьдесят семь маленьких гимназистов — мальчиков и девочек, потерявших отцов в августовских боях во Владикавказе или при осаде белоказаками Грозного, — Терская республика взяла на свое полное попечение.

На стенах домов, заборах и рекламных будках появилось взволновавшее умы обращение:

"Комиссариат народного просвещения, ознакомившись со стоящими перед ним сложными задачами, считает необходимым обратиться к тт. учителям и всем гражданам Терской республики со следующим заявлением. Страна, в которой царят безграмотность и невежество, не может быть надежной опорой власти трудового народа.

Дореволюционный государственный порядок преступно оставлял горские народы даже без тон элементарной школы, которая была у русского и казачьего населения.

Необходимо в кратчайший срок добиться всеобщей грамотности путем расширения сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, а затем введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения.

Школа для взрослых должна занять почетное место в общем

плане постановки образования на Тереке. Повсюду поднялась могучая волна культурно-просветительного движения, множатся организации трудовых масс этого рода — идти им навстречу, всемерно поддерживать их и расчищать перед ними путь будет обязанностью для революционного народного правительства".

Впервые за много месяцев Серго ехал на север — к большому сожалению, еще не в Москву, всего только в Пятигорск. Многострадальный Пятигорск, совсем недавно переживший чудовищный по садизму и бессмысленности погром. Уже ни с чем не считавшийся, постоянно пьяный, обреченный на бесчестье Сорокин расстрелял у подножья Машука руководителей Северокавказского краевого комитета партии, ЦИКа и Таманской армии. Озверевшие от спирта и крови, ватаги сорокинцев врывались в дома, убивали коммунистов, грабили, насиловали.

Экстренный съезд Советов в станице Невинномысской объявил Сорокина вне закона. Авантюриста несколькими выстрелами из револьвера убил командир одного из таманских полков, мстя за своих погибших товарищей.

Пятигорской трагедией сразу воспользовались белые. Деникинцы взяли Армавир, вскоре Невинномысскую. В Ставрополь ворвалась конница Шкуро. Добровольческая армия спешила в предгорья Кавказа.

Несколько часов Серго не отходил от окна вагона. Навстречу все тянулись печальные эшелоны с ранеными и больными тифом красноармейцами. Крыши теплушек, подножки были облеплены беженцами с Кубани и Ставрополья.

Ночной Пятигорск встретил кромешной тьмой и едким, невыносимым запахом дезинфекции. На привокзальной площади и всех прилегающих улицах теснились палатки, дымили костры беженцев. Дети, женщины, старики — здоровые и уже метавшиеся в тифозном бреду — покорно ждали спасительных поездов на Терек.

Особенно въедливый запах смешанных вместе лизола, йодоформа и карболки ударил в нос из "Цветника", где Серго так поздно задержался в свой прошлый приезд. Красноармеец-шофер, присланный за чрезвычайным комиссаром из штаба XI армии,[72] объяснил:

— В городском саду лазарет для тифозных.

Остаток ночи и большую часть следующего дня Орджоникидзе провел в госпиталях. Боль сжимала сердце. Охватывало противное чувство собственной беспомощности. Плохо, совсем плохо. Ни банды Бичерахова, ни надвигающийся Деникин, ни турецкие наемники, грозящие ударом в спину, —

ничто, не представляло такой неотвратимой опасности, как тиф. Глупо скрывать от себя. При нынешнем положении катастрофа неизбежна. Жалкие запасы военного снаряжения и медикаментов на Северном Кавказе и Тереке давно исчерпаны.

На фронте, получив приказ не пропускать дальше противника, контратаковать, красноармейцы вытряхивают пустые подсумки, выворачивают карманы, кричат: "Патронов, патронов!" Патроны давно приходилось покупать в аулах, и станицах по пяти рублей за штуку. Артиллерийские снаряды в зависимости от калибра ценились от четырехсот до семисот рублей каждый… Нет лекарств, нет врачей. Вот-вот ударят морозы. Некуда перевести тифозных из садов и палаток. Не во что одеть здоровых. Нечем кормить беженцев… На этот раз самим без помощи России не выстоять.

Почти полгода назад Терская областная партийная конференция командировала в Москву Сергея Мироновича Кирова. Владимир Ильич Ленин и Яков Михайлович Свердлов признали, что Северному Кавказу надо помочь из последнего — дать деньги, оружие, боеприпасы, обмундирование.

Все оказалось напрасным. Неожиданно возникшие фронты на Дону, Кубани и Ставрополье, вторжение немецких и турецких войск в Закавказье, мятеж Георгия Бичерахова, захват его братом Лазарем Дагестана и каспийского побережья обрубили все связи Терека.

"Долго мы не знали, что делается в России, — писал как-то позднее Орджоникидзе. — Порой даже не знали, есть Советская власть или нет, а черносотенная печать в каждом номере газеты сообщала о падении Москвы и Питера".

Осенью после побед в Грозном, Прохладной и Моздоке появилась связь через Астрахань. Ненадежная, трудная — четыреста километров через безводную и почти пустынную степь, — но все-таки дорога в Россию! Тотчас же из Москвы в Астрахань пошел маршрутный поезд с обмундированием для сорока тысяч воинов XI армии. Второй транспорт — с пулеметами, автомобилями и мотоциклами. Затем третий, четвертый и пятый… Киров действовал сверхэнергично.

Все благополучно доходило до Астрахани, но здесь… почти полностью застревало, попадало совсем в другие руки.

Серго, чтобы не разжигать страстей, вначале ограничился довольно скромным упреком: "Я должен указать, что Кавказско-Каспийский реввоенсовет не сделал всего того, что можно было сделать".

Потом пришлось посылать телеграммы более резкие:

"Высланное вами постепенно получается, но это очень мало. Для того, чтобы сделать что-нибудь, необходимо одеть армию и дать ей в большом количестве патроны и снаряды. Мы все кормим ее обещаниями от Троцкого и Шляпникова, но этим, конечно, Деникина не побьем".

Горечи большого поражения еще предшествовала радость маленьких побед. Откликаясь на клич Орджоникидзе, все горские народы прислали добровольцев, из своих тайных запасов вооружили их, снабдили патронами для первого боя. Рабочие Грозного, Владикавказа и прифронтового города Георгиевска поставили на большегрузные платформы пушки; сверху и с боков прикрыли их броневыми листами. На худой конец и это бронепоезда!

И от Ленина пришла весточка. Наконец за много месяцев!

"Астрахань.

Штаб фронта

для передачи по радио во Владикавказ Орджоникидзе

Получил впервые телеграмму от Вас. Благодарю, шлю привет. Прошу информировать чаще.

Предсовнаркома *Ленин*".

В начале января 1919 года — в самую страшную вспышку тифа, когда в лазаретах Пятигорска лежало свыше пятидесяти тысяч больных, — революционные войска перешли в контрнаступление на обоих сильно загнутых флангах. В районе Ессентуки — Кисловодск конница Шкуро не выдержала удара. За два дня откатилась до Баталпашинска.[73]

В разгар сражения кончились боеприпасы. У Серго у самого давно опустел патронташ, лишь несколько патронов оставалось в обойме маузера. Орджоникидзе попросил пехотинцев продержаться на окраинах Баталпашинска хотя бы несколько часов. Он надеялся, что Шакро привезет немного патронов и снарядов из Чечни — купит на остатки денег Терского банка. Шакро вернулся почти что с пустыми руками. Очередной разговор по прямому проводу с Кизляром.

— Есть что-нибудь из Астрахани? Прибыли врачи?

— Нет ничего, никто не приехал, — в который раз услышал Серго.

Девятнадцатого января XI армия оставила Пятигорск. Днем позже, под завывание метели, стоны тифозных и крики замерзающих, голодных беженцев, на станции Прохладной Серго

обсуждал со штабом армии и руководителями Терской республики, как быть дальше. В описании Орджоникидзе:

"Часть товарищей… указывала, что нет другого выхода, как отойти на Астрахань, спасти технические средства и людей, переформировать их в Астрахани и снова двинуться на Северный Кавказ. Я и другие товарищи заявили, что, каково бы ни было положение, отход на Астрахань недопустим, ибо тогда мы целую Терскую область бросим на произвол судьбы, даже не предприняв боя с противником, что горским населением подобный отход будет квалифицирован как предательство их нами, и мы политически умрем навсегда для Северного Кавказа. При этом же указывалось, что при отсутствии железной дороги отступление едва ли будет возможно. Едва ли мы спасем кого-либо, и все равно и солдаты и технические средства погибнут в астраханских степях от холода и голода. Товарищи согласились с этим, и решено было отойти на правый берег Терека и вместе с горцами защищаться до того момента, пока мы не получим поддержки из Астрахани".

Полки XI армии собрали последние силы. Утром двадцать первого они окружили и наголову разбили у Георгиевска кавалерийскую дивизию белых. Взяли более девятисот пленных, орудия, пулеметы. Серго тут же уехал в Осетию — там поднял мятеж полковник Угалык Цаликов. С помощью почетных стариков эту очередную авантюру удалось подавить почти без крови за одну ночь.

В приподнятом настроении Серго поспешил во Владикавказ. Хотел повидать Зину, работавшую в тифозном госпитале. Он чувствовал себя очень виноватым перед женой. Она не имела зимней одежды — ходила в стареньком демисезонном пальто, платочке, прохудившихся туфлях. Рисковала заразиться тифом. На все уговоры отвечала:

— Посмотри лучше на себя. На кого ты, Серго, стал похож, одни кости и волосы. Глаз не видно. Щеки ввалились. За такое страшилище я бы никогда замуж не пошла!..

На улице Серго перехватил Гегечкори:

— Кацо, тебя всюду ищут. Левандовский передал из Прохладной: армия ушла на Астрахань.

Двадцать четвертого января Орджоникидзе обратился по радио к Ленину:

> "XI армии нет.[74] Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью вопрос стоял покинуть всю

Терскую область и уйти на Астрахань. Мы считаем это политическим дезертирством….

Владимир Ильич… будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством. Тогда положение может быть спасено, если вами будет переброшено сюда 15 или 20 тысяч свежих войск. Дайте патронов, снарядов, денег. Без Северного Кавказа взятие Баку и укрепление его — абсурд. Среди рабочих Грозного и Владикавказа непоколебимое решение сражаться, но не уходить. Симпатии горских народов на нашей стороне.

Дорогой Владимир Ильич, в момент смертельной опасности шлем Вам привет и ждем Вашей помощи".

Сердце не обманывало Серго. В Москве не забыли о защитниках Терека. Ленин и Свердлов сделали все для того, чтобы Киров во главе большой экспедиции немедленно выехал на юг и через астраханские степи добрался до Владикавказа.

Морозы и метели неожиданно в одну ночь сменились оттепелью. Астраханские старожилы предупреждали, что при такой погоде переправляться по льду на другой берег Волги слишком рискованно. Сергей Миронович махнул рукой — дорог был каждый час. В грузовой полуторатонный автомобиль уложили три ящика с деньгами, сверху поставили пулеметы. Киров сел в кабину рядом с шофером. Машина двинулась. В нескольких метрах от берега лед треснул, по воде пошли широкие разводья. Передние колеса провалились, потащили за собой грузовик.

Люди спаслись, вернулись назад в Астрахань. Прошло несколько дней, покуда водолазы подо льдом нашли машину, унесенную течением далеко в сторону. Ящики вытащили, занялись просушкой денег.

Киров снова отправился за Волгу. В первом от Астрахани селе Яндыковка Сергей Миронович наткнулся на обмороженных, изможденных, похожих на скелеты людей в лохмотьях. Чуть передвигая ноги, брели остатки XI армии.

Седьмого февраля, за несколько часов до того, как артиллерийским обстрелом с ближних дистанций была вконец разрушена радиостанция, Серго в последний раз обратился к Ленину:

"Бои вокруг Владикавказа и в Ингушетии продолжаются 7-й день. Все ингуши, как один человек, встали на защиту Советской власти. Красная армия, Курская и Молоканская слободки героически отражают

натиск контрреволюционных казачьих банд… Ждем вашей помощи для окончательного сокрушения контрреволюции на Северном Кавказе".

Белые окружали Владикавказ четырьмя колоннами под командованием генералов Шкуро, Улагая, Геймана и Покровского. В общей сложности около восьмидесяти тысяч штыков и сабель. Деникин ничего не жалел — ни подкреплений, ни боеприпасов. Заботами Англии и Франции добровольческая армия давно ни в чем не нуждалась.

У красных на всех участках фронта, протянувшегося длинной изломанной линией по ближним подступам к городу, было не больше двух тысяч бойцов. Кончились снаряды, опустели пулеметные ленты. Почти ничего не осталось и от патронов, подаренных Серго почетными стариками Ингушетии и Чечни.

В ночь с десятого на одиннадцатое февраля к белым подошли две свежие дивизии и эшелон с английскими броневиками. Около полудня, под прикрытием густого тумана, броневики и конница Улагая прорвались к центру Владикавказа. У защитников города остался последний шанс — уйти по Военно-Грузинской дороге.

Члену Кавказского краевого комитета партии Сергею Кавтарадзе после долгих, трудных переговоров удалось получить согласие главы грузинского правительства Жордания пропустить владикавказцев через Дарьяльское ущелье и Крестовый перевал.

Грузинские меньшевики, смертельно боявшиеся своих новых опекунов — англичан и Деникина, потребовали разыграть церемонию. Голодные, раненые, больные, чуть передвигавшие ноги владикавказцы должны были "напасть" на пограничные войска. В ответ гвардейцы полковника Церетели переходили в "контратаку" и доблестно забирали в плен красных. Меньшевики всегда любили театральные эффекты…

Для себя Серго выбрал другой путь — через занятое белоказачьими разъездами селение Базоркино в старинную крепость Шамиля Назрань. Вблизи полуобвалившихся крепостных стен, на высоких холмах Эрджинеза ждали сотни всадников. Предстоял большой совет.

Серго слез с коня, прислонился спиной к старой липе — он не спал несколько ночей, давно не ел. Горцы не отрывали горящих глаз, молча спрашивали: "Друг, с чем приехал?" Орджоникидзе собрался с силами, рассказал всю горькую правду:

— Город сдан. Долины Северного Кавказа под властью белых генералов. Они торопятся в горы. Деникинский генерал Шатилов четвертый день расстреливает из пушек чеченский аул Гойты… Вы знаете, я вас никогда не обманывал. Поверьте, Советская

власть вас не оставит в беде. Не далеко время, когда вам на помощь придет непобедимая армия революционной России.

После короткой паузы Орджоникидзе добавил:

-. Я останусь с вами в горах, сколько будет нужно!

— Вурро! Эрджкинез с нами! — закричали было — горцы. Тут же осеклись. К вершине холма бешено скакал молодой ингуш. Издали возвестил:

— Белая конница!

Сверкнули над головами обнаженные клинки.

Дрогнула земля от топота копыт. Горяча лошадей, горцы бросились навстречу белым. Серго вмиг оказался на коне. Понесся галопом. Шашки у него не было. Он выхватил маузер…

Вечером по пути в горы Асланбек Шерипов наклонился к Серго:

— Эрджкинез! Помнишь, в Грозном ты меня ругал, запретил мне скакать под пулеметным огнем? А сам?

Серго бросил поводья, обнял Асланбека:

— Я тоже человек!

Тиф и зима (деникинцы пока остановились у входа в ущелье Ассы, искали, кто бы за шесть миллионов "царских денег" доставил живым или мертвым чрезвычайного комиссара) слали новые испытания, как будто всего пережитого еще мало. В дальнем, в труднодоступном ауле Гули на руках у Серго умер Яков Бутырин. В другом ауле слег Филипп Махарадзе, в третьем пришлось оставить тяжело больного, потерявшего ногу Сашу Гегечкори.

Ничего не дали отчаянные попытки перевести через Хевсурский перевал Зину и сестру Камо Арусяк с трехмесячным ребенком. Понурив головы, вернулись и Дьяков с Калмыковым, потерпевшие неудачу у Кистинского перевала. В довершение лед и снег наглухо завалили тропы в Верхнюю Чечню, где должны были основать подпольный центр Николай Гикало и Асланбек Шерипов. Все вместе это очень походило на мышеловку.

Ночью Зина с Арусяк о чем-то долго шептались. Они решились на самое крайнее — сравнительно доступными горами пройти до грузинского селения Казбека, а там что бог даст… Надеялись, что крошечная дочь Арусяк умилостивит сердца пограничников. В первые минуты мужчины категорически отказались вести разговор на эту тему. Только напомнили, что жену Гегечкори, семьи Бутырина и нескольких других терских комиссаров полковник Церетели выдал белым.

Зина настаивала:

— Меня здесь никто не знает. У меня есть старый документ на имя учительницы Павлуцкой. Я пойду!

Арусяк плакала, вновь и вновь повторяла:

— Ради ребенка я обязана попробовать все… Женщин неожиданно поддержал хозяин сакли и неизменный спутник Серго во всех его скитаниях по Ингушетии и Чечне Хизир Орцханов:

— Осто-перла![75] Какой умный марушка! — вскричал Хизир. — Эрджкинез, будем так делать. У одного старого муллы Джабагиев спрятал печать ингушского национального совета. Я мулле скажу, что Деника ищет эту печать. У кого найдет — повесит. Мулла ответит: "Сын мой, аллаху угодно, чтобы ты взял печать и берег свою голову". Мне придется согласиться. Мы напишем казенную бумагу — марушка Арусяк приезжала на свадьбу к родственникам Вассан-Гирея, сейчас домой хочет, надо пускать. Зина — маленькой марушки нянька.

Пришлось уступить. Никакой другой возможности связаться с подпольным краевым комитетом партии Серго не представлял. Без связи, оружия и денег пребывание в горах теряло всякий смысл.

— Несмотря на запрещение Серго, я взяла с собой его фотографии и маленький револьвер, — признавалась впоследствии Зинаида Гавриловна. — Вскоре дорога сделалась очень трудной. Пришлось оставить арбу и по узкой горной тропе идти пешком. Стоял густой туман. Снег подтаял, и ноги скользили. Время от времени слышалась далекая стрельба. Мужчины поочередно несли ребенка, укутанного в шкуру барашка…В Тифлис добрались ночью. Мы были очень утомлены. Отдохнуть не пришлось. Меньшевики узнали, что из гор приехали жены комиссаров, и утром в нашей квартире устроили обыск. К счастью, нас не было дома.

О дальнейшем позаботился Камо.

В родном Тифлисе Камо снова жил нелегально. Для него это не так уж трудно, опыта предостаточно. Но слишком оскорбительно скрываться от меньшевиков и социал-федералистов, которых он ни во что не ставил.

Неунывающий, веселый Камо никогда не был баловнем судьбы. После лета 1911 года, проведенного вместе с Серго в Париже, Камо пришлось многое пережить.

В августе 1912 года Камо вернулся на Кавказ. — Немного побыл в Баку, затем направился в Тифлис. Вопреки всем предостережениям начал готовить новую экспроприацию. Большой и давний друг Камо Красин сообщил упрямцу, что партия категорически против каких бы то ни было экспроприации. "Ты действительно сумасшедший, — воскликнул рассерженный Красин, — если берешься сейчас за экс!"

Камо не послушался. В конце сентября вблизи Тифлиса, на Каджорском шоссе, он попытался отобрать деньги у почтовой экспедиции. Все закончилось плохо. Не удалось избежать и ареста. Второго марта 1913 года Кавказский военно-окружной суд вынес Камо смертный приговор. От виселицы спасло… трехсотлетие царствования дома Романовых. В России была объявлена амнистия. Повешение заменили двадцатью годами каторги.

На свободу Камо вышел лишь в марте 1917 года. Баку и Тифлис его душевно встретили. Вскоре после Октябрьской революции краевой комитет партии направил Камо к Ленину с докладом о положении на Кавказе. Добраться до Петрограда было трудно. Зато уж "Ильичи" постарались вознаградить дорогого им кавказца за все перенесенное.

От Надежды Константиновны Камо узнал о женитьбе Серго и не скрыл своего удивления. "Знаешь, революция, учиться надо, работать надо, враги кругом: драться надо!"

Сейчас — в начале 1919 года — Камо дрался с грузинскими меньшевиками и их компаньонами по дележу министерских постов — социал-федералистами. Через общих знакомых Жордания и Чхеидзе усиленно рекомендовали "в память прошлого не доводить дело до крайностей. Возможно Камо не в курсе, в Грузии есть военная полиция англичан…"

"Доброжелателей" Камо посылал подальше. За себя он не тревожился. Другое дело жена Серго. О ней следовало хорошенько позаботиться. Зинаиде Гавриловне Камо нашел уголок понадежнее и категорически запретил ей одной выходить на улицу.

Верный друг, он готов был взять на себя и все заботы о Серго. Но тут появился Шакро, не менее решительно заявивший о своих правах. У каждого были свои очень несхожие планы. Подпольный партийный центр принял предложения обоих.

Камо вспомнил, что по соседству с его сестрой Джаваир жил князь Чиковани, генерал, бывший командир Эриванского полка. Из всех слабостей князя самая большая — страсть к деньгам. За деньги князь готов на все, даже объявить Джаваир своей супругой и отправиться с ней в путешествие на Северный Кавказ. Молодую княгиню особенно привлекала экзотическая горная Ингушетия. Там "супруги" основательно поколесили.

"Мы с генералом Чиковани, — описывала Джаваир, — сделали несколько вояжей и вывезли много товарищей, застрявших в горах. В одну из поездок мы встретились со Шкуро и Мамонтовым. Мой князь пожелал показать им Казбек. Я сказалась нездоровой, пожалела, что не могу присоединиться к столь

приятному обществу. Тогда генерал Шкуро попросил меня спрятать его портфель. "Княгиня, эти важные Документы я смею доверить только очаровательной супруге генерала Чиковани". После их ухода я открыла портфель, чтобы узнать, какие бумаги так дороги Шкуро. В портфеле находился оперативный план деникинской армии. Сейчас же я перерисовала на пергаментную бумагу этот план. Потом попросила Чиковани просмотреть и проверить, правильно ли обозначены масштабы. За услугу князь попросил дополнительной платы.

В заранее условленный день я встретилась с Камо в Пасанаури, приехав туда якобы на прогулку. Передала ему проверенный Чиковани план белых".

Совсем по-другому действовал Шакро, твердо уверенный, что Главный Кавказский хребет, ледники и вечные снега вовсе не преграда. Наоборот, это самый прямой и короткий путь к Серго. Шакро уговорил хевсуров, и они показали ему тайную тропу в Ингушетию. С небольшим транспортом оружия и деньгами он в самом прямом смысле свалился на голову Орджоникидзе.

Узнать Серго было трудно. Он густо оброс бородой, длинные волосы падали на лоб. Как все горды, носил черкеску из домотканого сукна, сапоги из сыромятной кожи, без каблуков.

— Кацо, пошли в Тифлис! — с места в карьер позвал Шакро.

— Нет, друг. Мне еще уходить нельзя, — ответил Серго.

— Ва! Зачем смеешься над Шакро? Я дал честное слово, что без Орджоникидзе не вернусь. Камо мне голову оторвет.

— Я понимаю, Шакро, ты шутишь. В горах еще много выздоравливающих после тифа и ранений красноармейцев, беженцев. От Гикало из Чечни привозят раненых и обмороженных партизан. Сначала ты переправишь всех их. А мне доставляй побольше оружия, патронов, динамита. Камо пусть тоже займется транспортом оружия — это его старая специальность.

Все, что доставляли из-за Хевсурского перевала, горцы быстро увозили в самые неприступные аулы Ингушетии, Чечни и Кабарды. В зажатый со всех сторон снежными горами Верхний Датых перебрался и Серго. Его рабочим кабинетом, кунацкой и спальней стала пещера в скале. Когда-то в этой пещере скрывался неуловимый Зелим-хан, гроза царских властей, надежда горцев.

Непосвященный мог сколько угодно крутиться у узкой, тщательно замаскированной дыры, заменявшей вход. Это, кажется, было единственное место, куда никак не мог войти Шакро, фигура не позволяла. Серго приходилось вползать в свою обитель. Зато в глубине пещеры открывалась настоящая комната с маленькими стульями и столом. Пол устлан сплетенными из камыша матами. На стенах войлочные коврики.

Но так как Серго всегда терпеть не мог укромных мест и тихих кабинетов, то встречу с почетными стариками он назначил в Галашкинском лесу, бывшем всего в двадцати верстах от Владикавказа. Все сто пятьдесят участников сходки расположились широким кругом на снежной поляне. Подстелили свои бурки. Коней привязали к стволам берез и осин. Восьмидесятилетний Сеид занял место в центре круга. Он и взял первое слово:

— Эрджкинез, ты звал нас, мы пришли. Мы верошные люди.

Серго ответил:

— Советская власть прислала вам оружие и деньги. Возьмите и защищайте свой народ. Командиров партизанских отрядов выберите сами. Я верю вам, как себе.

По свидетельству генерала Деникина, "не успели оглянуться, как аулы Северного Кавказа представляли из себя кипящий котел". Чтобы котел окончательно не взорвался, главноначальствующему над Терско-Дагестанским краем, старому знакомцу Серго еще по Ирану, генералу Ляхову пришлось бросить против партизан Эрджкинеза пятнадцать тысяч отборных войск. Правоверный мусульманин Сеид и завзятый безбожник русский коммунист Николай Гикало, чеченец Асланбек Шерипов, ингуш Хизир Орцханов, индийский офицер Муртузалли,[76] перешедший под знамя свободы из английского экспедиционного корпуса, искусно подбрасывали топливо в огонь. Котел кипел!

20

Баку изнемогал от жары. Крыши и стены домов, балконы не остывали за короткую знойную ночь. Расплавленный асфальт прилипал к ногам. Чуть легче дышалось только на Баиловом мысу — песчаной полосе, открытой морским сквознякам. Здесь уже с раннего утра люди посостоятельнее разбирали все лодки и ялики.

А эта шумная компания, с корзинками и свертками, явилась на причал в мутный, белесый полдень. Боже, какое простодушие! Переправиться на мыс, конечно, было не на чем. Разгневанные дамы по-южному громко пробирали своих спутников за беспомощность, язвили так и этак.

Наконец сказалась и мужская солидарность. Подал голос таможенный чиновник, дежуривший у большого парусного баркаса.

— Эта посудина сейчас снимается с бензином в. Энзели. Пообещайте щедро заплатить, матросы вас прихватят. На мысе высадят. Я чинить препятствия не буду. Мы интеллигентные люди, всегда поладим…

Дамы наградили чиновника улыбками. Один из воспрянувших духом мужчин сунул ему в карман хрустящую бумажку. Солидное начало переговорам таким образом было положено.

Хозяин баркаса заломил баснословную цену. Дачники взмолились. Матросы отпустили несколько соленых шуток. Снова вмешался доброжелательный таможенник. Сладили на половине запрошенной цены. Вся компания взошла на палубу. Дамы раскрыли пестрые зонтики.

Баркас отчалил. И какое вероломство! У заветлого Баилова мыса парусник круто развернулся и направился в открытое море. Бедные, похищенные дачники бросились к матросам. Бородатый длинноволосый мужчина схватил хозяина посудины за плечи.

— С первым успехом, товарищ Дудин!

— Прошу, товарищ Серго, всех быстро спуститься в трюм. Как бы не нарваться на английского сторожевика. С ним комедии не разыграешь, как с таможенным… Пока продолжаю идти на Энзели, свернем мористее.

Месяцем раньше Орджоникидзе оставил дорогие его сердцу горы Чечни и Ингушетии, спустился в долину Арагвы. Он рвался в Москву. Все обычные пути были отрезаны деникинцами, англичанами, закавказскими националистами.

Добрую идею подбросил Камо. Как-то среди ночи он разбудил Серго, жившего вместе с ним на нелегальной квартире.

— Из Баку Анастас Микоян отправляет в Астрахань лодки с бензином. Ты понял?

Как всегда, план Камо был дерзок и опасен. Грузинские меньшевики и азербайджанские мусаватисты по нескольку раз проверяли всех пассажиров на линии Тифлис — Баку. В бакинской гавани, помимо полицейских и таможенников, шныряли тайные агенты. В море патрулировали английские сторожевики, эсминцы и корабли белогвардейцев. И все-таки рыбницы, баркасы, "туркменки" доставляли из Астрахани в Баку оружие, в обратный рейс уходили с бензином и смазочными маслами. За неудачу расплачивались жизнью. На тех же началах могла осуществиться и морская экспедиция Серго.

Из Тифлиса выехали вчетвером — Камо, Серго, Зина и Варо Джапаридзе, только что освобожденная из Метехского тюремного замка. Мужа Варо — Алешу Джапаридзе англичане расстреляли в числе 26 бакинских комиссаров.

До Баку добрались без происшествий, а там Дальнейшей судьбой "морской экспедиции" занялся Анастас Микоян, руководивший подпольной коммунистической организацией. Он и познакомил Орджоникидзе с астраханским большевиком Дудиным, "хозяином" баркаса, якобы пришедшего из ближайшего иранского порта Энзели за бензином. В самом деле Дудин привез оружие для возникшей в те дни на юге Азербайджана Муганскои советской республики.

Накануне отплытия дела экспедиции сильно пошатнулись. Провалился большевик, державший по заданию подпольного центра бакалейную лавку. Все продукты, запасенные для Серго и его спутников, попали в руки мусаватистской полиции. С большим трудом заново достали немного рису, черной икры и сухарей.

Еще большей неожиданностью явилось сообщение Дудина, что баркас взяла под свое строгое наблюдение таможня. Сменяя друг друга, чиновники дежурят круглые сутки. Никто, кроме матросов, не смеет подняться на палубу. Тут уж Камо пришлось тряхнуть стариной — разыграть маленький спектакль. Все проявили незаурядные актерские дарования — и экспедиция вышла в открытое море.

Зинаида Гавриловна тихонько сказала на ухо Серго:

— Сегодня тринадцатое июня, и нас тринадцать человек на лодке!

Серго успокоил ее, уверил, что он имел много случаев убедиться: нет числа более счастливого, чем тринадцать. Никто не подозревал, что до Астрахани придется промаяться — снова счастливое число! — тринадцать суток.

"…Утром я проснулся поздно, — рассказывал И.Г. Дудин в своей не увидевшей света автобиографической повести "За фронтовой полосой". — Была половина двенадцатого. Баркас стоял без движения. Парус беспомощно повис.

Пошли напряженные часы, затем дни. Казалось, что какой-то злой рок нарочно остановил нашу лодку в таком месте, где больше всего грозила опасность. Пять мучительно долгих дней и ночей мы провели в бесплодном ожидании ветра. Молча лежали где попало: кто в трюме, кто на палубе. Иногда парус, словно дразня нас, вдруг начнет трепыхаться. Горячий воздух короткой волной, точно вздох больного, жарко дохнет в лицо. Сердце радостно встрепенется — неужели долгожданный ветер? Однако радость минутная. Парус снова безжизненно висит на рее.

На одиннадцатый день нашего пребывания в море Камо обнаружил, что продовольствие на исходе. Особенно плохо обстояло с пресной водой. Камо взял на себя обязанности каптенармуса и кашевара. Мы безропотно готовы были отказаться от пищи, но когда стали выдавать воду в сутки по два стакана, казалось, не выживем.

Пятые сутки стоянки на одном месте — двенадцатый день нашего общего пути — были неслыханно тяжелы… В пересохшем горле вместо слюны какая-то липкая белая пена. Казалось, дышать нечем. Сон потерян. Во всем геле слабость, мысль то обостренно работала, то совершенно затухала.

Серго и Камо подолгу сидели на корме.

Вечер тринадцатого дня принес нам радость. Я лежал в трюме в забытьи. Очнулся, слышу голоса и беготню на палубе, затем всплеск воды за стенкой; хотя и слабо, но явственно слышу шорох за бортом.

В чем дело? Неужели ветер? Собираюсь с силами, выскакиваю на палубу. У всех радостные лица. По небу быстро бегут разрозненные облака. Паруса нашего баркаса развернуты бабочкой, ветер попутный, но еще слабый. Делаем не больше шести-семи узлов в час.

Вскоре мы всей семьей сидели в полутьме на верхней палубе… Вместо чайника над огнем висел котелок, в котором Камо из остатков риса варил кашу, торжественно названную им "шилоплов".

Ветер нарастал. К двенадцати часам он настолько окреп, что баркас ринулся с большой скоростью, держа курс прямо на Астрахань. На рассвете мы увидели рыбацкие лодки.

Вскоре на наши призывы подошел паровой катер и взял нас на буксир. Мы получили пресную воду — пили, смеялись, обнимали друг друга. В котелке над таганом варилась свежая

рыба. Через несколько часов мы были в Астрахани".

Астрахань, полусгоревшая во время недавнего контрреволюционного мятежа, ежедневно подвергавшаяся налетам английских эскадрилий, жила по суровым законам фронтового города. Военные моряки потребовали у всех, кто был на баркасе, — по тем временам они считались пришедшими из-за границы, — документы. Серго ничего предъявить не мог. Он еще зимой, отправляясь в тыл к деникинцам, сжег свой мандат.

— Вам, гражданин, придется пойти с нами в особый отдел! — объявил Орджоникидзе начальник патруля, молодой подтянутый моряк в голландке и форменке, из-под которой выглядывал полосатый тельник. На узком кожаном ремне у него висел огромный маузер в деревянной кобуре.

Камо и Дудин возмутились. Серго же встал на сторону матросов. Попросил только, если можно, отправиться не в особый отдел, а к командующему флотом Раскольникову.[77]

— Командующий знает меня много лет. Мы — друзья.

Серго доставили на двухпалубный пароход "Короленко", в походный штаб комфлота. Вахтенный начальник доложил командующему:

— К вам неизвестный человек без документов. Называет себя Серго.

— Серго? Немедленно просите его! Нет, я сам…

Раскольников, изменив своей морской невозмутимости, выскочил из салона. Вахтенный едва успевал за длинноногим командующим. У трапа ждал Орджоникидзе.

Высокий могучий Федор, Федорович сжал Серго в объятьях. Трижды крепко расцеловались. Начало их дружбы относилось еще к 1912 году. У Раскольникова Серго провел и последнюю ночь перед арестом и заключением в Шлиссельбургскую крепость.

Сейчас Раскольников объявил, что он помимо всего еще и должник Серго.

— Ты, наверное, не знаешь, — рассказывал Федор Федорович, — нас, нескольких балтийских моряков, в начале интервенции захватили в плен англичане. Любезно дали понять, что долго держать нас не станут, отправят к праотцам. Я подбадривал себя словами Гёте:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой.

Как-то утром полный поворот руля, — продолжал Раскольников. — Джентльмены осведомляются о нашем самочувствии, поздравляют со скорым возвращением на родные

берега. И все потому, что некий чрезвычайный комиссар арестовал английскую военную миссию. Обменяли нас на двенадцать офицеров.

— За такую мою доброту вези меня, Федор Федорович, поскорее к Кирову.

Вскоре они втроем сидели на тесном диване в кабинете Сергея Мироновича. Потом комфлота вернулся на свой флагманский корабль. Серго и Сергею в первый час знакомства нужно было очень много сказать друг другу.

Июньская ночь, ох, как коротка! Схватились, когда уже рассвело. В будущем им часто придется вместе встречать зарю. Впереди много по-братски разделенных бессонных ночей, трудных дней, общих радостей.

В центре Москвы, на площади у Страстного монастыря, Тверской и поперек Охотного ряда, на солнце выгорали плакаты всевобуча: "Тогда лишь гражданин чего-нибудь достоин, когда он гражданин и воин!"

Серго мог не опасаться. Его отдых, на котором настоял Владимир Ильич, продолжался меньше недели. Падение Минска, быстрое продвижение бело-поляков к реке Березине заставило Ленина снова направить Орджоникидзе на фронт. Членом Реввоенсовета XVI армии, принимавшей на себя главные удары легионов "коменданта панства" Пилсудского.

На стороне белополяков было тройное превосходство в численности войск и сколько угодно военной техники — американской, английской, французской. По сообщению западных информационных агентств, английский военный министр Уинстон Черчилль "информировал съезд консервативной партии о подготовляемом Антантой смертоносном ударе по большевикам. После сосредоточения всевозможных военных припасов вдоль всех границ Совдепии начнется наступление на Москву армий 14 государств. Это наступление должно начаться в конце августа или в начале сентября… По расчетам Черчилля, Петроград должен пасть в сентябре, а Москва — к рождеству. Далее впредь до окончания усмирительной работы в стране Россией будет управлять смешанная комиссия под военной диктатурой".

С самого начала Серго знал: на свежие дивизии надеяться не приходится. Ни одного резервного полка XVI армия не получит. Статья Ленина "Все на борьбу с Деникиным", напутствие члена Революционного военного совета республики Сергея Ивановича Гусева[78] не оставляли сомнений — опасность, возникшая в эти летние месяцы на Западном фронте, все-таки не меняет военных

планов Центрального Комитета партии. Основные силы республики остаются прикованными к Южному и Восточному фронтам. Противостоят Деникину и Колчаку.

На терзаемой легионерами земле Белоруссии Орджоникидзе должен был повторить свой северокавказский опыт — найти силы на месте, поднять их на защиту западных рубежей республики. Переломными были бои у Борисова. Серго сам ходил в разведку, установил связь с революционным подпольем и рабочим населением городских окраин. Одновременным ударом с фронта и тыла белополяков вышибли из Борисова. Березина, с обеих сторон сжатая высокими берегами, надолго стала пограничной рекой.

А на юге тучи все более сгущались. Добровольческая армия взломала весь центральный участок фронта, прикрывавший подступы к Москве. Белые заняли Курск, Воронеж, Орел. Приблизились к Туле. Одновременно с главным стратегическим ударом Деникина отвлекающее наступление повели Колчак в районе реки Тобол, Юденич — на Петроград, интервенты — на Севере и в Средней Азии.

На фронт уходил каждый пятый, потом каждый третий, вслед каждый второй коммунист.

Центральный Комитет партии объявил "партийную неделю". "Правда" огромными буквами печатала призыв:

"Коммунисты — правящая партия, которая пилит дрова, сражается на фронтах, грузит вагоны и расстреливает своих собственных членов, если они оказываются негодными. Идите, товарищи, в эту партию!.."

"Мы идем!" — ответили свыше двухсот тысяч рабочих и работниц.

> "…это чудо, — писал в те дни Ленин, — рабочие, перенесшие неслыханные мучения голода, холода, разрухи, разорения, не только сохраняют всю бодрость духа, всю преданность Советской власти, всю энергию самопожертвования и героизма, но и берут на себя, несмотря на всю свою неподготовленность и неопытность, бремя управления государственным кораблем! И это в момент, когда буря достигла бешеной силы…"

Все, что было лучшего, республика отдавала Южному фронту. С крутого берега Березины на Орловское направление экстренно перебросили Латышскую стрелковую дивизию, бригаду Червонного казачества и в качестве резерва к ним Эстонскую бригаду в три с половиной тысячи штыков. Представителем

Реввоенсовета при этой ударной группе был назначен Орджоникидзе. "Назначение Серго, — сообщало Главное Командование в Центральный Комитет партии, — было обусловлено тем, что он лучше, чем кто-либо другой из ответственных работников фронта, знал Латдивизию и пользовался там большим влиянием".

Одиннадцатого октября 1919 года части ударной группы, совершив 33-километровый бросок под проливным дождем, завязали бои с офицерским корпусом Кутепова. В первую штыковую атаку латышских стрелков повел Серго.

На новом месте Орджоникидзе увидел много такого, что заставило забить тревогу. Пятнадцатого октября из села Сергиевского он обратился к Ленину:

> "Дорогой Владимир Ильич!
>
> Сегодня я думал заехать в Москву на несколько часов, но решил, что лучше — скорее в армию. Я теперь назначен в Реввоенсовет XIV армии. Тем не менее решил поделиться с Вами теми в высшей степени неважными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента.
>
> В штабах никакого намека на порядок… Среди частей создали настроение, что дело Советской власти проиграно, все равно ничего не сделаешь. В XIV армии какой-нибудь прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на наши штабы, арестовывает их, забирает обозы, а комбрига посылает на фронт под своим надзором для восстановления положения. В XIII армии дела не лучше. Вообще то, что здесь слышишь и видишь, — нечто анекдотическое. Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого?! Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо. И, наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников годится в командармы? Неужели до чего-нибудь более умного наши военные руководители не в состоянии додуматься? Обидно и за армию и за страну. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Сокольникова, ему надо дать поиграться с целой армией? Но довольно, не буду дольше беспокоить Вас. Может быть, и этого не надо было, но не в состоянии заставить себя молчать. Момент в высшей степени

ответственный и грозный. Кончаю, дорогой Владимир Ильич. Крепко, крепко жму Ваши руки.

Ваш *Серго".*

Пониже, в уголке письма, Владимир Ильич приписал:

"По отзывам и Уншлихта и Сталина, Серго надежнейший военный работник. Что он вернейший и *дельнейший* революционер, я знаю его сам больше 10 лет".

Из Сергиевского Орджоникидзе отправился на передний край. У деревни Шарыкино его застала метель. Все скрылось под снежной пеленой. "Самый подходящий момент прорвать фронт, двинуть червонных казаков и стрелков в тыл офицерского корпуса", — подумал Серго.

Поздно ночью, закутавшись в белые простыни, по свежевыпавшему снегу латышские стрелки — с ними и Орджоникидзе — подобрались к позициям знаменитой Дроздовской дивизии. Застигнутые врасплох офицеры не выдержали штыкового удара, в беспорядке отступили. В прорыв двинулись главные силы ударной группы и, не давая противнику опомниться, на его плечах ворвались в Кромы.

Деникину пришлось "временно" приостановить движение на Москву, заняться своими тылами, где ударная группа заталкивала в мешок дивизии офицерского корпуса. Охваченные ненавистью и яростью, отборные роты корниловцев, дроздовцев, марковцев, не считаясь ни с какими потерями, вели "психические атаки".

С ружьями наперевес, без единого выстрела, соблюдая строгое равнение, офицеры шли густыми цепями. Их подпускали на двести — двести пятьдесят шагов или еще ближе, чтобы каждая пуля легла в цель. Потом залп разрезал морозную тишину. Передние ряды офицеров валились на снег. Остальные смыкались к середине и делали свой шаг навстречу смерти. Из окопов неслись гранаты. На флангах частой строчкой стучали пулеметы. Жалкие остатки наступавших цепей уползали назад.

Через час-другой все повторялось сначала.

Ожесточенность встречных боев у Кром нарастала. Восемнадцатого октября к исходу дня корниловцы отошли и закрепились на южной окраине Орла. Девятнадцатого обе стороны набирали силы к решающей схватке. Двадцатого, как только скупое зимнее солнце осветило горизонт, грянул бой. В шестнадцать часов Серго вырвал листок из полевой книжки, большими буквами написал:

"Москва Ленину
Привет из Орла
Орджоникидзе".

До того времени в военных академиях всего мира, как образец самой лаконичной реляции о победе, изучали рапорт Суворова о взятии города Туртукая. Серго обошелся вдвое меньшим количеством слов.

Ленин против обыкновения отказался от всегдашней сдержанности. В речи перед слушателями Свердловского коммунистического университета он подробно разъяснил значение победы в Орле:

> "Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту. Никогда не было еще таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые "корниловские", где треть состоит из офицеров наиболее контрреволюционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте".

Для тех, кто наблюдал за событиями со стороны, чаша весов еще колебалась. Белые принудили ударную группу оставить Кромы, потеснили красноармейцев у Дмитриевска. Три попытки вернуть Кромы успеха не принесли. Четвертый по счету штурм Серго назначил на полночь двадцать шестого октября…

Участники событий не самые лучшие летописцы. Вероятно, и Серго что-нибудь упустил или истолковал по-своему. Шестого ноября он писал Ленину:

> "Дорогой Владимир Ильич, пользуюсь случаем сообщить Вам кое-что о положении наших дел на Южфронте, в частности в районе нашей армии (XIV). 3 ноября в 6 часов утра нам удалось прорвать фронт противника в районе шоссе Кромы — Фатеж. В прорыв пустили кавалерию т. Примакова…[79] В данный момент мы с пехотными и кавалерийскими частями — в тылу у противника и надеемся изрядное количество его штыков уничтожить. Ближайшие 3–4 дня должны дать нам такую победу, которая не замедлит отдать в наши руки Курск, а дальше дело пойдет. С резервами у противника, по всем

данным, Дело обстоит неважно…Блестящая победа Буденного — взятие Воронежа и неизбежный разгром Орловской группы очищает нам путь дальше на юг. Сейчас мы наблюдаем, как корниловские и марковские полки не выдерживают удара латышей. Латыши наводят больше страха, чем на самом деле. Только что (6/X1) получил донесение от Примакова, и наши ожидания больше чем оправдались… Если дальше пойдет так — скоро пошлю телеграмму из Курска. На этом участке противник безусловно сильно деморализован, но довольно сильно нажимает на другом участке: Севск-Дмитриев. Если нам удастся парировать этот удар, тогда мы одерживаем крупную победу. Вообще на всем Южфронте мы накануне больших событий… Деникина разобьем, во всяком случае о Москве он должен перестать думать. Только, Владимир Ильич, ради всего трубите в печати, не давайте заснуть тылу. Самое незначительное внимание тыла радует красноармейцев, как маленьких ребят. Думаю больше не надоедать Вам…

Ваш *Серго",*

Девятнадцатого ноября:

"Дорогой Владимир Ильич!

Вы мне простите, если я отниму у Вас, дорогой Владимир Ильич, несколько минут, но мне кажется, что те немногие факты, которые мне хочется сообщить Вам, безусловно имеют не маленькое значение. По-видимому, наше продвижение вперед будет довольно быстрым. Деникин безусловно сломал себе шею на украинском мужике (украинский мужик сломал шею не только Деникину), Деникин не нашел себе поддержки у крестьян Орловской и Курской губерний. Для характеристики первого я Вам посылаю целую кипу белогвардейских газет. Было бы в высшей степени желательно, если бы Вам удалось хотя бы бегло просмотреть их. Я нарочно многие места отметил… Крестьяне теперь уже не говорят "красные" и "белые", а просто — "наши" и "Деникин"… Перелом безусловно совершился — крестьянство повернуло в нашу сторону; но перед нами встает большой вопрос: сумеем ли мы закрепить за собой это настроение? Прифронтовая и фронтовая полосы разорены и разграблены, необходимо немедленно прийти им на помощь всем, чем мы можем, — солью, мануфактурой, людьми, если можно,

хотя бы обломками железа. Население это разорено Деникиным. Необходимо для восстановления Советской власти бросить лучшие наши силы.

Далее мы вступаем в район повстанцев-партизан. Здесь нам необходимо держаться в высшей степени гибкой политики: надо массы партизан влить, растворить в армии, во что бы то ни стало переварить их, всевозможных "батько" выдергивать и одних отправлять на тот свет, других взять и подчинить себе. Крестовый поход в той неуклюжей форме, которая проводилась в прошлом, безусловно неприемлем. В районе нашей армии, без всякого хвастовства, я Вам ручаюсь скрутить их без всяких особенных скандалов. Но все это пустяки сравнительно с громадной важности вопросом о нашей политике отношений к украинскому мужику. Здесь, по моему глубокому убеждению, политика таскания его в коммуну — бессмысленна и гибельна. Во что бы то ни стало мы должны найти на этот раз с украинским мужиком общий язык.

Это, по-моему, возможно, но многим такая политика покажется "отклонением" и т. д., но все это чепуха. Многие из деятелей Украины не должны быть возвращены обратно. Самое лучшее — привлечь как можно больше местных сил, из центра послать самых ответственных и к ним большое количество рабочих Питера и Москвы.

Мы все, дорогой Ильич, на все мучительные вопросы ожидаем ответа.[80] Мой горячий привет Надежде Константиновне.

Разрешите крепко пожать Ваши руки.

Серго".

Седьмого декабря. Телеграмма ЦК РКП (б), редакциям "Правды", "Бедноты", "Известий ВЦИК".

"Центральная печать, особенно "Беднота", подчеркивает роль Махно в восстаниях масс на Украине против Деникина.

Считаем необходимым указать, что такая популяризация имени Махно, который по-прежнему враждебно настроен против Советской власти, влечет за собой в рядах армии нежелательные симпатии к Махно. Особенно опасна такая популяризация при нашем продвижении в повстанческий район. Фактически Махно — не руководитель восстания; народные массы в целом

восстают против Деникина, за Советскую власть.

Член Реввоенсовета

Орджоникидзе".

В тот же день.

"Записка по прямому проводу

Москва, Цека и В. И. Ленину.

Ночью с командармом вернулся с объезда фронта, проехав 500 верст на обывательских подводах, что дало возможность вести продолжительные беседы с крестьянами. Настроение благодаря деникинскому режиму безусловно за нас, но ужасная темнота — у крестьян отсутствует элементарное представление о Советской власти. Самое превратное представление о коммунистах. Необходимо произвести в широком масштабе мобилизацию коммунистов-рабочих со средним уровнем и бросить их в деревню. Это надо, сделать немедленно.

Орджоникидзе".

…Позади два месяца жесточайших боев. Лучшие офицерские дивизии добровольческой армии разгромлены. В ранние сумерки одиннадцатого декабря латышские стрелки и червонные казаки вошли в Харьков. Короткий отдых и новый призыв Серго:

"Товарищи, там впереди, за Ростовом, нас ждут рабочие и крестьяне свободолюбивого Кавказа. Впереди не только победа, но хлеб для голодного, уголь, керосин — для железных дорог и фабрик, впереди больше — мир!"

21

Запись разговора по прямому проводу.

23 января 1920 года.

Киров (Астрахань): Здравствуйте, товарищ Гусев! Меня интересует вопрос, в курсе Вы или нет планов Кавказского Ревкома. Дело в том, что, по-моему, Ревком должен приступить к работе немедленно, а насколько мне известно, в Астрахань прибывают пока только Мдивани и Стопани. Абсолютно необходимо, чтобы, приехал председатель Ревкома Орджоникидзе, так как именно он прекрасно знает условия Северного Кавказа и, в частности, работу среди горцев. Без Орджоникидзе работа не пойдет.

Гусев (Саратов): Я согласен, время не терпит… Окончательно этот вопрос, по-видимому, решится в Москве.

Киров: Так или иначе, убедительно прошу Вас еще раз решительно нажать на Москву, чтобы Орджоникидзе немедленно был командирован в Ревком. Скажу Вам прямо, это единственный человек, который будет в Ревкоме на месте. Говорю это совершенно определенно.

Гусев: Насчет Орджоникидзе буду сейчас говорить.

Киров: Очень прошу вызвать меня к аппарату, когда будете иметь результаты переговоров с Москвой.

После двухлетнего перерыва Серго снова в Ростове. Та же гостиница "Палас" на центральном Таганрогском проспекте, и по-старому с утра до ночи артиллерийская канонада. За Доном, в Батайске, целый месяц держатся белые. Полки Первой Конной с большими потерями несколько раз переправлялись по льду на тот берег, и все напрасно.

Январские морозы сменились ранней февральской оттепелью. Болота и топи перед Батайском раскисли. Ничего худшего для конницы не придумать. А ее упрямо посылали в лобовые атаки. В эти нерадостные дни и был создан новый Кавказский фронт. Членом Реввоенсовета и председателем Бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе Центральный Комитет партии рекомендовал Орджоникидзе,

В Ростове Серго догнала шифровка Ленина:

"Крайне обеспокоен состоянием наших войск на

Кавказском фронте… слабостью общего командования, распрей между армиями, усилением противника. Необходимо напрячь все силы и провести ряд экстренных мер с революционной энергией. Телеграфируйте подробно шифром, что именно предпринимаете".

Самой первой и самой экстренной мерой была замена командующего фронтом. Что старого командующего надо сменить, все охотно признавали. Удивление, даже протесты, вызывало другое. Огромный, трудный фронт поручался двадцатипятилетнему Михаилу Тухачевскому, бывшему подпоручику царской армии.

До революции Михаил мало чем успел себя проявить. Командовал взводом. Попал в плен к немцам. Четыре раза пытался бежать, его ловили. Летом 1917 года пятый побег удался. После долгих скитаний беглец добрался до Швейцарии, оттуда вернулся в Россию. В политике младший офицер не ахти как разбирался, а жизнь и нужды солдат знал хорошо и пошел за единственной политической партией, отстаивавшей интересы фронтовиков. Предложил свои услуги большевикам.

Талант его открылся на Восточном фронте. Из разрозненных, вольно партизанствующих отрядов Тухачевский весной 1918 года создал отличную Первую стрелковую армию. Потом так же неузнаваемо преобразил Пятую армию, ту, что сыграла решающую роль в разгроме Колчака. Революция охотно принимала такие заявки от своих будущих полководцев. Молодость командармов ее не смущала, скорее привлекала!

Военных талантов Тухачевского в общем-то никто не отрицал. Против него выдвигали другое — незрел как большевик. Мало учитывает политическую обстановку и особенности гражданской войны.

Ленин взял в расчет, что Тухачевский будет работать с Серго. Сочетание на редкость счастливое. Молодой полководец сразу потянулся к Серго, доверчиво раскрыл душу. Орджоникидзе ответил щедрой дружбой. С годами разница в возрасте совсем стерлась, а взаимное уважение и признательность окрепли. Когда Серго возглавил Высший Совет Народного Хозяйства, затем Наркомат тяжелой промышленности, он добился назначения Тухачевского начальником вооружений Красной Армии. Вместе они еще в 1932 году ратовали за конструирование ракетных двигателей.

0 своем увлечении музыкой командующий фронтом — он отлично играл на скрипке и сам с изумительным мастерством

делал инструменты — тогда еще не рассказывал члену Реввоенсовета. Пока что самое большое наслаждение обоим доставляли не скрипки, а… телеграфные аппараты Морзе. Километры узкой белой ленты. Точки и тире. Тире и точки.

Если расшифровать:

— Освобождены Тихорецкая и Ставрополь! — Взят Ейск!

— Белые выбиты из Минеральных Вод!

— Екатеринодар — советский!

Четыре стрелковые армии и конники Буденного, партизаны Гикало, повстанцы Шевцова[81] — весь Кавказский фронт наступал в весеннюю распутицу. Не утерпел Серго, сообщил Ленину, что с войсками Деникина, в сущности, покончено. Теперь главное внимание Кавказской армии труда — снабжение республики продовольствием и нефтью.

Ответ был неожиданный.

> "Очень рад Вашему сообщению, что скоро ожидаете полного разгрома Деникина, но боюсь чрезмерного Вашего оптимизма.
>
> Поляки, видимо, сделают войну с ними неизбежной. Поэтому главная задача сейчас не Кавтрудармия, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Запфронт. На этой задаче сосредоточьте все усилия. Используйте пленных архиэнергично для того же.
>
> *Ленин*".

И все-таки битва за Северный Кавказ шла к концу. В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое марта из Новороссийска на Крым снялись французские и английские военные корабли с трюмами и палубами, забитыми остатками добровольческой армии. Места для всех не нашлось. Двадцать две тысячи деникинцев остались на причалах, попали в плен.

Вдоль дымно-белой гряды Кавказских гор, догоняя зеленое цветение весны, проносились, эшелоны возрожденной XI армии. Двери теплушек распахнуты настежь. Свежий ветер, веселый перестук колес…

— Ну, здравствуй, Владикавказ! — в полный голос, не стесняясь, кричал Серго с площадки вагона. Искал глазами Кирова. Тот бросился навстречу, но его опередил могучий Бетал Калмыков, скала-человек. На перроне все, кто уцелел, — Николай Гикало, Александр Дьяков, Шакро, Хизир Орцханов, Саша Гегечкори, Габо Кирсанов, Юсуп Албогачиев. И много молодых орлят, еще только расправлявших крылья.

Огромное это счастье — вернуться освободителем в Родные сердцу края! Хотелось побыстрее всюду побывать, всем выказать

свое уважение. С берегов Терека Орджоникидзе и Киров поспешили на нефтяные промыслы Грозного, оттуда — в Чечню и горную Ингушетию. Радость новой встречи горько омрачалась страшным видом сожженных дотла, разграбленных деникинцами аулов, до конца сохранивших верность Советской власти.

Все взывало: скорей, скорей! На пожарищах надо восстановить жизнь.

Подгоняла и энергично вступавшая в свои права весна. До начала полевых работ необходимо было перераспределить земли Кубани, Ставрополья и Терека в пользу казачьей бедноты, иногородних крестьян и горцев.

> "Настоятельно необходимо, — писал Серго Ленину, — оказать им помощь как финансовую, так и строительными материалами… Посланные в мое распоряжение два миллиона аршин мануфактуры предполагаю распределить между детьми горцев, которые ходят буквально в рубище".

Владимир Ильич сразу ответил:

> "Уполномачиваю Вас объявить горцам, что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь им. Выдайте им в счет этого до 200 миллионов… По вопросу о земельных отношениях можете действовать самостоятельно, сообщая, однако, о предпринимаемых Вами мероприятиях в этой области".

Еще раньше Ленин телеграфировал о горских делах. "Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще".

В отношениях с друзьями Серго никогда не отступал от своих жизненных принципов. В том и сила подлинной дружбы, что она дает право высказать другу всю правду до конца, как бы сурова и тяжела она ни была. Эрджкинез мог войти в круг вооруженных, разгневанных горцев и властно потребовать:

— Уберите мерзавцев из своей среды!

Одно из таких драматических столкновений в описании Александра Серафимовича:

"Лесистые горы расступились, и река вырвалась на плоскость. Ингуши стояли черным морем лохматых шапок, а по краям — лошадиные головы, и под ними чернели, расходясь, бурки.

Еще постреливали в укромных местах, и когда мы ехали на ингушский съезд, в машине аккуратно лежали под руками холодноватые винтовочные стволы, а у меня оттягивал карман браунинг.

Съезд как съезд: оратор говорил, из-под лохматых шапок на него глядели внимательные черные в белках глаза, или не глядели, упорно опущенные в землю, и почему-то вселяли тревогу. Я невольно пощупал браунинг — тут ли.

Обо всем говорили, и о том, что беден ингушский народ, что нехорошо воровать у своих же. В таком-то ауле и в таком-то ауле у бедных женщин, у которых мужья убиты белыми, увели коров, и им с детьми умирать с голоду. И теперь по аулам одинокие женщины целую ночь сидят на корточках у своей коровы, накрутив на руку веревку от рогов.

Разве это хорошо? И о многом разном говорили. И стояли те с опущенными глазами.

А я чувствовал за этими коровами, около которых сидели на корточках измученные женщины, за разными бытовыми вопросами что-то стояло строгое, непроизносимое, и опять пощупал браунинг.

И подумалось, почему же воры крадут только у женщин, мужья которых погибли в борьбе с белыми?

Море лохматых шапок колыхнулось пробежавшей волной, и те подняли глаза. Ненависть?

Подкатил автомобиль к самому краю толпы. Быстро вышли несколько товарищей. За ними спокойно, небольшого роста, крепкий, в белой гимнастерке, с темным, за которым внутренне-сжатая энергия и напор, лицом товарищ. И я уловил пронесшееся: Орджоникидзе… Все так же спокойно, но не теряющим времени широким военным шагом вошел он в раздвинувшуюся толпу. Его голос зазвучал. Он потребовал, чтоб переводили на ингушский фразу за фразой. И голос опять зазвучал повелительно, неотвратимо над громадной толпой:

— Нет, вы не честные советские граждане, вы укрыватели бандитов!

Ого-гого!.. Я полез было к проклятому браунингу. Да ведь если засверкают кинжалы, блеснут шашки, в несколько секунд все будет кончено. Браунинг… Тьфу! И я спокойно стал слушать.

— Среди вас бывшие офицеры. Среди вас — богачи, смертельные враги советской власти, стало быть и ваши враги, враги бедноты. Среди вас — отъявленные контрреволюционеры.

Переводили фразу за фразой, и толпа сомкнуто сдвинулась, — круг около Орджоникидзе тесный.

— Вы… сейчас же, сию минуту должны выдать врагов

советской власти.

Все недвижимо замерло. Тяжело нарастало ожидание непоправимого.

Вдруг волны пошли по толпе от краев к середине — заколыхались мохнатые шапки.

"Ага… все?!." Я взглянул на Орджоникидзе: он был спокоен и нахмуренно ждал.

Волна человеческая добежала до середины и поставила, шатая, перед Орджоникидзе несколько человек, и глаза их пылали неугасимой ненавистью. Особенно врезался мне старик: борода седым клинышком, в черкеске с газырями, наискось кинжал. Нет, я никогда не видел такой нечеловеческой ненависти.

Орджоникидзе молча повернулся, пошел не оглядываясь. Толпа за ним донесла до автомобиля этих задыхавшихся ненавистью людей.

Далеко за автомобилем покрутилась пыль и растаяла.

Когда мы ехали назад, товарищ сказал мне:

— А ведь знаете, дело на ниточке висело, — могли искрошить шашками…"

За всем, что делалось на северных склонах Главного Кавказского хребта, в долинах буйных рек, в безграничных Ногайских степях и прикаспийских далеких лиманах, с надеждой следили Азербайджан, Грузия, Армения. Прометея можно было приковать к скале, но ничто не могло сломить его дух, сделать покорным.

В характере кавказцев, возможно не всегда к добру, несравненно больше огня и взрывчатки, чем льда. Каково же было Серго терпеть, когда в его родном Тифлисе и любимом Баку хозяйничали, грабили, насиловали то немцы с подсобными турками, то англичане с младшими компаньонами.

К тому же наседали на Серго со всех сторон. На улицах во Владикавказе, Нальчике, Пятигорске его останавливали и сердито отчитывали грузины-беженцы. Непреклонно требовали помощи подпольщики Батума, Эривани, Елизаветполя, повстанцы Абхазии и Южной Осетии. Хуже всего было с бакинцами. Нелегальный съезд Коммунистической партии Азербайджана в феврале категорически высказался за вооруженное восстание. Теперь бесконечно задавался один и тот же вопрос:

— Серго, когда же наконец? У тебя, дорогой, так много войск, пиши приказ!

Если бы в большой политике можно было разрешить себе последовать совету Саади:

Да будет правильным поступок, который ты совершил
На благо друзей, даже если этот поступок и неудачен.

Один Владимир Ильич знал, как давно и упрямо Серго добивался согласия Советского правительства оказать вооруженную помощь народам Закавказья в их борьбе за освобождение. Порой доводов и влияния Ленина оказывалось недостаточно. Приходилось прибегать к вмешательству Политбюро. Еще и еще раз подтверждать принятые решения. Особое нетерпение Серго проявлял во всем, что касалось судеб Грузии.

Правительство Советской России никогда не признавало вероломного отторжения Закавказья. "Только что получили сообщение, — телеграфировал 14 апреля 1918 года в Тифлис Наркоминдел Чичерин, — что Закавказский сейм постановлением от 23 февраля принял отделение Закавказья от России и создание \ самостоятельного государства. Мы со всей энергией настаиваем на недопустимости молчания об этом вопросе и скрывания этого факта как от масс, так и от того государства, в состав которого Закавказье входило и от которого будто бы желает отделиться. Такое молчание противоречит не только всем принципам демократизма, но и всем международным правилам и нормам цивилизованных народов. Рабоче-крестьянское правительство слагает с себя всякую ответственность за ваше поведение вообще, а в особенности за те гибельные последствия, которые оно несет всем трудящимся массам в Закавказье".

Даже в этих условиях Ленин не мог допустить отступления от основ национальной политики партии — ничего такого, что было бы истолковано как покушение на право народов — больших и малых — на самоопределение и свободный выбор государственного устройства. На колеблющуюся чашу весов Владимир Ильич запрещал бросать силу Красной Армии. Исключалась и другая крайность — безразличие к судьбе тех, кто уже сделал окончательный выбор и свою волю отстаивал, истекая кровью. Не в русских традициях и понятиях о чести бросать слабого на произвол.

В полдень двадцать седьмого апреля 1920 года Азербайджанский военно-революционный комитет и президиум конференции нефтяников вручили "правительству" мусаватистов ультиматум о сдаче власти. Рабочие дружины встали на охрану нефтяных промыслов, заняли вокзалы, пристани и узлы связи. Радиостанция Каспийского пароходства передала:

"Всем, всем, всем! Москва, Ленину.

Временный Военно-революционный комитет Азербайджанской Советской Независимой Республики, ставший у власти по воле революционного пролетариата Баку… порывает всякие сношения с Антантой и с другими врагами Советской России.

Не имея возможности собственными силами удержать натиск соединенных банд внешней и внутренней контрреволюции, Временный революционный комитет предлагает Правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом. Просим немедленно оказать реальную помощь путем присылки отрядов Красной Армии.

Председатель Ревкома *Нариман Нариманов.*

Члены Ревкома: *Гусейнов, Мусабеков, Алимов, Караев, Султанов".*

Серго получил долгожданное право двинуть полки XI армии.

От Порт-Петровска до Баку дорога вилась у подножий гор, через солоновато-сыпучую пустыню. На обычно бесплодных полях в апреле торопливо цвели травы. Издали это походило на бело-розовый пожар среди голых и неподвижных холмов каспийского прибрежья.

В облаке пыли, отдававшей настоем полыни, шли люди, кони, повозки, артиллерия.

Один очень славный командир бригады, он же литератор, на книгу которого большой, сочувственной статьей откликнулся Ленин,[82] Александр Иванович Тодорский, вспоминает о тех днях: "Не только красноармейцы, но и мы, командиры, люди русских равнин, впервые оказались у подножья высоких гор, не зная всех тонкостей горной войны, не зная местные обычаев и нравов. Мы хорошо владели винтовками и клинками, но плохо еще усвоили ленинское оружие национальной политики.

Орджоникидзе неутомимо и настойчиво учил нас этой мудрости. Он был лучшим нашим проводником в политических лабиринтах разноплеменного Кавказа. Серго знал, — что за суровым обликом строгого солдата революции живет весь характер русского народа, грозного в борьбе, отходчивого и веселого в радости победы. Сам Серго, скромный и задорный, суровый и простой, непреклонный и мягкий, бесстрашный человек, был одинаково свой сын среди всех народов.

Угнаться за Орджоникидзе нельзя было. Он с Кировым и Микояном уже влетел на бронепоезде в Баку, а мы, пехота, еще шли туда, держась линии железной дороги, как единственного

кратчайшего пути".

На заре Первого мая в Баку вошли расцвеченные пестрыми флагами корабли Каспийской военной флотилии.

Все населенней и шумнее становилось в квартире Серго — на втором этаже плоскокрышего дома № 16 по Будаговской улице. Одну из комнат отвели Кирову, вторую — Камо. Его Серго увидал утром Первого мая в толпе, запрудившей площадь Свободы, — там с минуты на минуту должен был начаться военный парад.

Исхудавший, пожелтевший, небритый Камо, оказалось, несколько дней назад бежал из Метехского тюремного замка в Тифлисе.

— Почему сразу не пришел ко мне? — обиделся Серго.

— В а, ты, кацо, никуда не денешься, а этих людей где найду после праздника?! Сейчас интересно с ними поговорить. С тобой — вечером.

— Я живу вон в том пятиэтажном доме в конце площади. Сходи побрейся и сразу возвращайся. Выступи перед народом. Тебя уважают.

Камо замахал руками.

Частыми гостями были комфлота Раскольников с женой Ларисой Рейснер, поражавшей своей красотой и необычной, даже по понятиям военных моряков, храбростью. Дочь известного профессора-правоведа, одного из авторов первой Советской Конституции, Михаила Андреевича Рейснера, начинающая писательница Лариса была и пулеметчицей на Волжской флотилии и разведчицей.

, После возвращения из Москвы каждый день заходил председатель Совнаркома Азербайджана Нариман Нариманов — невысокий, медлительный в движениях, с бронзовым от загара лицом. Нариманов очень помогал Серго знанием местных особенностей, языка и людей.

Немного позднее на Будаговской появилась и Стасова, давний, близкий товарищ по революционной борьбе; с ней вместе Серго готовил еще Пражскую конференцию. Сейчас, летом 1920 года, Елена Дмитриевна по рекомендации Ленина, очень высоко ценившего ее организаторские способности, была утверждена одним из секретарей Кавказского бюро ЦК.

"В то время добираться на Кавказ из Москвы было довольно мудрено, — припоминала Елена Дмитриевна. — Доезжали до какой-нибудь станции, пассажиры выходили из вагонов, разбирали заборы или еще что-нибудь, клали в паровозную топку, и затем поезд трогался до следующей остановки. На Минеральных Водах было объявлено, что дальше не повезут, ни

сегодня, ни завтра, может быть через полмесяца.

Случайно услыхала, что где-то поблизости Орджоникидзе. Его вагон на запасных путях… Встреча была очень сердечной. Серго не только доставил меня в Баку, но и поселил у себя на квартире. Тут я впервые познакомилась с женой Серго — Зинаидой Гавриловной.

Хотя мы и жили в доме какого-то бывшего хана, но никаких, даже минимальных, удобств. Холод одно время был такой (тогда выпал снег и задул норд), Что я ложилась спать в шубе, дров — ни полена.

Более всего квартира Серго, — заключала Елена Дмитриевна, — походила на сборный пункт партийных и военных работников Кавказа. Вечно толпились люди. Даже за обедом Серго вел горячие деловые Разговоры с товарищами, пришедшими к нему за советом, но приглашенными к столу хлебосольным хозяином.

Постоянно приезжали грузины-меньшевики и яростно спорили с Серго и другими нашими товарищами. Ничуть не стесняясь, меньшевикам говорили, что судьба их весьма недолговечна. Они не возражали против этого, только не соглашались в сроках…"

Как-то в середине мая Баку проснулся и, к крайнему удивлению обывателей, не увидел в. заливе военных кораблей, еще накануне вечером беспечно резавших пятнистую от нефтяной пленки воду. Ночью без огней флотилия снялась на юг — к берегам Ирана. Ходу до Энзели немного. А там все зависело от благоразумия англичан. Навсегда покидая Азербайджан, они очистили портовые склады, заграбастали и все, что было на плаву, — пароходы, танкеры, сухогрузные баржи, большие рыбницы. Ни у Серго, ни у Раскольникова не было страстного желания вешать пиратов на реях.

Пока, коротая время, комфлота пригласил Орджоникидзе осмотреть флагманский "дредноут", в недавнем прошлом грузопассажирский пароход общества "Кавказ и Меркурий". Серго улыбнулся, спросил:

— А в трюмы спустимся, в угольные ямы заглянем?

— Если захочешь!

— Раскрою тебе, Федор Федорович, секрет. Лет одиннадцать назад я прятался в угольных ямах и трюмах этого парохода. Я очень торопился в Иран — было партийное поручение…

В этот уже последний приезд Муштехид — "Всеведущий", как когда-то называли Серго участники революционных походов, не задержится в Гилянской провинции. Теперь ему нельзя

вмешиваться в иранские дела. Он лицо официальное, представитель Советской России. От ее имени предъявит ультиматум англичанам.

Русские моряки высадились на берег, перерезали все дороги, окружили город.

Энзели вмиг забросил все свои обычные занятия. На базарах, в кофейнях, особенно на пристани, не протолкаться. Аллах услаждал сердца правоверных необыкновенными новостями. Они были сладки, как рахат-лукум, и приятны, как кальян после чашечки кофе.

— Англичане в плену!.. — красные бороды взлетали кверху. — Главный их сердар просит милости у русских!.. — глаза загорались, губы шептали, как молитву: "Сын собаки, будь он проклят!"

Полицейские с трудом прокладывали сквозь толпу дорогу губернатору первого остана, иначе сказать, Гилянской провинции. Лукавый, толстый и осторожный, как грех монаха, он спешил узнать, "осчастливят ли русские его бедную страну долгим пребыванием?".

Англичане выклянчивали почетную капитуляцию. Ветер не ко времени развел волну, "дредноут" сильно качало, и переговоры приходилось часто прерывать — представители королевского флота перегибались за борт. Комфлота щедро угощал их лимонами.

Джентльмены приняли все условия. Пароходы, угнанные из Баку, и грузы, увезенные со складов "Кавказа и Меркурия", само собой возвращались законному хозяину — правительству Азербайджана. Кроме того, в наказание за прошлый разбой и в предупреждение на будущее королевский экспедиционный корпус отдавал все гидросамолеты, истребители, пушки, снаряды и другое военное снаряжение," припасенное в Энзели. После этого англичан освобождали из плена. Они покидали иранское побережье Каспия, всю Гилянскую провинцию в сроки, продиктованные комфлота.

Так кончился трехлетний поход революционных моряков Раскольникова, начатый под Казанью и Свияжском, от хмурых елей Камы и волжских плесов до знойных прикаспийских солончаков. Флотилия вернулась в Баку, и пушки стали быстро исчезать с палуб, обшитых железом. Грозные "эсминцы" и могучие "дредноуты" снова превратились в безотказные Работяги — буксирные суда: потянули "до горла" нагруженные баржи в глубины России.

В те же дни Серго добился согласия Ленина распустить по домам пленных казаков — рядовых и унтер-офицеров белых

армий.

Наступали два — два с половиной мирных месяца и для Серго. Начались они не радостно. В июне пришла коротенькая записка Владимира Ильича:

> "Товарищ Серго! Посылаю Вам доставленные мне сообщения. Верните их, пожалуйста, с Вашими пометками насчет фактов: что правда, что неправда.
>
> Горячитесь Вы, верно, здорово при случае?
>
> Надобно Вам взять помощников, пожалуй, и направлять работу посистематичнее.
>
> Надеюсь, не обидитесь на мои замечания и ответите откровенно, что и как выправить и исправить думаете.
>
> Привет! Ваш *Ленин"*.

Серго поддался настроению — ответил быстро и неудачно. Владимир Ильич прислал телеграмму:

> "Получил Ваше обиженное письмо. Вы рассматриваете напрасно обязательный для меня запрос, как недоверие, но надеюсь, что Вы еще до личного свидания бросите неуместный тон обиды.
>
> *Ленин"*.

В следующих августовских письмах Ленина о неприятной размолвке — ни слова. Старые полные приязни отношения восстановлены. Владимир Ильич счел возможным обратиться с важной для него просьбой:

> "Тов. Серго! Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы Вы протелеграфировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследили исполнение. Без проверки исполнения ни чорта не сделают.
>
> Ответьте мне, пожалуйста, письмом, а если можно то и телеграммой: "письмо получил, все сделаю, проверку поставлю правильно".
>
> Очень прошу Вас, ввиду опасного положения на Кубани, установить связь с Инессой Арманд, чтобы ее и ее сына эвакуировать в случае надобности, вовремя на Петровск и Астрахань или устроить (сын болен) в горах около Каспийского побережья и вообще принять все меры.
>
> Насчет Персии и пр. пишите от времени до времени.

Редко информируете.
Привет! Ваш *Ленин".*

Письмо обогнала шифровка, датированная двадцатым августа.

"Сегодня провели в Политбюро обязательный выезд Ваш в Ростов для ближайшего участия в ликвидации десантов на Кубани и Черноморье. Ускорьте и налягте на это изо всех сил, извещайте меня чаще. Замените себя в Баку кем-либо.

Еще просьба не забыть обещание мне устроить на лечение выехавших 18 августа Инессу Арманд и ее больного сына, они верно уже в Ростове.

Ленин".

"Заменить себя" можно было только Стасовой. Второй месяц Серго и Елена Дмитриевна большую часть времени отдавали созыву в Баку Первого съезда народов Востока. Снова, как и накануне сблизившей их Пражской конференции, Серго председатель, Елена Дмитриевна секретарь Организационного бюро.

Хлопот и волнений сверх всякой меры. В пути тысячи делегатов, избранных в самых глубинах Азии, Африки. Они идут по горным тропам, пробиваются сквозь джунгли и песчаные барханы, переплывают на самодельных лодках моря. За ними охотятся политическая полиция и разведка многих стран, английский флот и военные корабли Врангеля.

Делегаты Анатолийского побережья Турции дождались, покуда неистовый шторм заставил патрульные английские суда укрыться в гаванях и тогда, поставив на карту жизнь, пустились на парусных фелюгах в бушующее море. На рейде в Энзели самолеты "неизвестной страны" сбросили бомбы на пароход, с которым ехали делегаты Ближнего Востока. Двое убиты, несколько десятков ранено. А сколько еще погибнет на обратном пути, угодит в тюрьму и на каторгу по возвращении на родину!..

Не миновал трудного испытания и Серго. Он мог вернуться в Баку, участвовать в съезде — чего очень хотел! — лишь взяв верх в трудном, непримиримом поединке. Пока что с успехом разыгрывал свою козырную карту преемник Деникина барон Врангель.

По приказу Врангеля генерал Улагай внезапно высадил десант на отмелях близ кубанской станицы Приморско-Ахтырской. В тот же час из плавней, заросших камышом, и горных лесов вышли отряды "армии возрождения" под общим

командованием генерала Фастикова и вновь объявившегося владикавказского полковника Беликова. Пехоту белых поддерживали броневики и самолеты.

С ходу опрокинув головные заслоны IX армии, Улагай двинулся на Тихорецкую и Екатеринодар, перерезал железную дорогу и шоссе на Ростов. Гражданская война снова врывалась в казачьи районы Кубани и Дона.

Серго не трудно было убедиться — Улагай умница. Внезапная высадка войск в дальнем тылу противника сразу дает много преимуществ. Стало быть… Поздней ночью двадцать восьмого августа по тихой, мало кому известной речке Протоке к огородам станицы Ново-Нижне-Стеблиевской подошла длинная вереница парусников, шаланд, азовских дубков. Красный десант с силой и внезапностью снежной лавины в горах обрушился на главный опорный пункт и штаб-квартиру Улагая. Одних пленных было взято более тысячи человек.

В Москву полетела телеграмма:

> "Десант в районе Ахтырка-Черноморская (главные силы) разбит и загнан в болото и камыши на берегу моря… Десант на Таманском полуострове уничтожен, и полуостров совершенно очищен… Казачество, почувствовав нашу силу, ведет себя довольно прилично. Надежды Врангеля не оправдались… В общем чувствуем себя крепко, гораздо крепче, чем до десанта".

В запасе у Орджоникидзе было еще три дня. Он мог принять участие в последних боях в горной Адыгее и к началу съезда успеть в Баку.

Еще не остывший после сражений, искусанный мошкарой в плавнях, пропахший горьковатым дымом костров Серго с вокзала попал на заседание коммунистической фракции съезда.

— На заседании фракции тоже нелегко, — заметила Стасова. — Некоторые представители среднеазиатских республик, как, например, Рыскулов, вели далеко не большевистскую линию, и нужно было преодолевать ее. Не очень устойчивый коммунист представитель Азербайджана Каримов. От Коминтерна приехали Зиновьев и Радек. С ними ладить совсем трудно.

Зато отличного боевого союзника Елена Дмитриевна и Серго нашли в Джоне Риде, представителе Американской компартии. Высокий, худой, большеглазый, юношески порывистый, порой эксцентричный, всегда полный надежд и решимости говорить людям правду, Рид давно привлекал внимание Орджоникидзе. Оба хорошо помнили свою первую встречу на Пулковских высотах в Октябре 1917 года. Серго был агитатором ЦК- Рид собирал

материалы, для своих "Десяти дней".[83]

Возможно, это было не слишком любезно, но когда Радек в своей обычной развязной манере провинциального коммивояжера принялся выговаривать Риду и английскому делегату Гарри Квелчу за "заигрывание" с индийцами и афганцами, Серго громко объявил:

— Третий год помню выражение Ильича: "тезисы выработаны при участии Карла Радека и других лево-глупистов". Хорошо!..

Среди делегатов съезда — без малого две тысячи человек всех цветов кожи, тридцати двух национальностей — не так уж редки были пантюркисты, панисламисты, члены крайних националистических партий. Попадались разные ханы, беки, владетельные князьки, международные шпионы, просто авантюристы и коммерсанты, которые решили воспользоваться приездом в Баку, чтобы выгодно продать ковры, кожаные изделия, раздобыть драгоценности. Даже терпеливая и очень человечная Стасова настаивала: "Некоторых особенно неподходящих изъять". Серго воспротивился:

— Зачем? Я не такой добрый, чтобы из мелких прохвостов делать великомучеников!

Одно из самых интересных заседаний съезда было посвящено судьбам Армении. До Баку дошли сведения, что правительство дашнаков — наиболее националистическое и продажное из всех закавказских марионеток — ведет переговоры с главой американской "благотворительной миссии" полковником Гаскелом о передаче многострадальной страны под протекторат США.

В разгар дебатов, совсем как на терских съездах, мусульмане потребовали перерыва для полуденного намаза. Когда делегаты снова заняли свои места и зал запестрел папахами, тюбетейками, фесками, чалмами и солнечные зайчики заиграли на кинжалах и кривых саблях, слово взял Рид.

— Вы, народы Востока, народы Азии, еще не испытывали на себе власти Америки. Вы знаете и ненавидите английских, французских и итальянских империалистов и, вероятно, думаете, что "свободная Америка" будет лучше управлять, освободит народы колоний, будет их кормить и защищать. Нет. Рабочие и крестьяне Филиппин, народы Центральной Америки, островов Карибского моря — они знают, что значит жить под властью "свободной Америки".

Как только рабочие Кубы пытаются избрать правительство, которое не в интересах американских капиталистов, Соединенные Штаты Америки посылают солдат на Кубу, чтобы заставить народ голосовать за своих угнетателей.

…Американская буржуазия никогда не нападает открыто на страну, которую хочет подчинить своей власти: свое проникновение она начинает с того, что носит лицемерное название "помощи" отсталым странам. С таким же успехом палач мог бы заявить, что он "помогает" осужденному на смерть взобраться на эшафот.

Тот же самый господин, который ведает делами помощи голодающим армянам, господин Кливланд-Додж, который пишет с пафосом статьи о том, как турки выгнали армян в пустыню, является собственником больших рудников меди, где тысячи американских рабочих эксплуатируются. И когда рабочие осмеливались забастовать, стража, охраняющая рудники господина Доджа, штыками выгнала этих рабочих в пустыню — точно так же, как было поступлено с армянами.

Американский посланник в Турции господин Штраус, сам миллионер, который эксплуатирует в Штатах тысячи рабочих, предложил послать весь армянский народ в Америку. Но его план состоял в том, чтобы заставить армян работать на американских фабриках и доставлять дешевый труд с целью увеличения прибыли господину Штраусу и его друзьям.

Главная причина, почему американские капиталисты обещают помощь и продовольствие Армении, в том, что на Кавказе минеральные богатства… Американские капиталисты боятся, что рабочие и крестьяне Армении последуют примеру Советской России и Советского Азербайджана, возьмут власть и национальные богатства в свои руки и будут работать для себя. Американские капиталисты боятся революции на Востоке.

Помните, товарищи, дядя Сэм никогда не дает чего бы то ни было даром. Он является с мешком, набитым соломой, в одной руке и с кнутом в другой. Тот, кто примет обещание дяди Сэма за чистую монету, тот вынужден будет платить за них потом и кровью. И мы, революционные американские рабочие, говорим вам, народы Востока: "Не верьте обещаниям американских капиталистов!"

Есть только один путь к свободе. Объединяйтесь с русскими рабочими и крестьянами, которые свергли своих капиталистов и Красная Армия которых победила иностранных империалистов! Следуйте за красной звездой Коммунистического Интернационала!

Той же осенью Армения восстала. Американский полковник Гаскел распространил официальное заявление:

"Ввиду нарушения демократических институтов

правительство Соединенных Штатов полностью прекращает поставку муки, маиса, сахара, любых других продуктов. Так будет, пока не восторжествуют силы порядка".

Джона Рида, великого американца, тогда уже не было в живых…

За тридевять земель, в глубинах Азии, Африки, Латинской Америки, возвращавшиеся из Баку делегаты повторяли слова Рида, знакомили свои народы с характером дяди Сэма. В Тифлисе правительство меньшевиков вторило полковнику Гаскелу: "Наши демократические традиции требуют, чтобы мы не пропускали в Армению продукты из России и Советского Азербайджана. Голод — целебное средство"!

Серго гневно протестовал против задержки эшелонов с продовольствием и попыток грузинских меньшевиков делить с турками армянские земли.

Становилось все труднее терпеть и то, что делалось в Грузии. Сам Жордания вынужден был признать: "Дальше некуда идти. Грузия летит в пропасть".

Пятнадцатого декабря Серго пришел на военный телеграф. Написал красными чернилами на бланке члена Реввоенсовета Кавказского фронта:

"Москва — Кремль Ленину

Совещание Кавбюро в составе Стасовой, Нариманова, Мдивани, Орджоникидзе, в присутствии Элиава, Леграна, Старка, Думбадзе, Окуджава, командарма Геккера и члена РВС XI армии Михайлова, единогласно решило с рассветом перейти границу Грузии. Все подготовлено".

Владимир Ильич приказал любым способом немедленно вызвать Баку:

"Только что прочитал шифровку номер первый. Вот ответ: Это в корне противоречит решению ЦК. Может иметь пагубные последствия. Ни в коем случае не разрешается Центральным Комитетом. Категорически требуем приостановления, отмены решения".

Скрепя сердце Орджоникидзе подчинился:

"Получили ответ Ленина. Ясен и понятен… Все будет исполнено".

Ленин все же не успокоился. Семнадцатого декабря он собрал Пленум ЦК для того, чтобы снова "…подтвердить решение о мирном направлении политики РСФСР на Кавказе и потребовать от Наркоминдела и военного ведомства принятия всех мер, которые могли бы обеспечить успех этой политики".

Четыре дня спустя в Москву приехал Серго.

— Я делегат Всероссийского съезда Советов, — шутливо напомнил он Ленину, и через минуту оба погрузились в грузинские дела.

Под Новый год Серго вернулся в Баку. А второго января с утра они вместе с Кировым засели за письмо членам Центрального Комитета партии. Руководители Кавбюро отстаивали свою позицию: "немедленно советизировать меньшевистскую Грузию".

Снова Пленум Центрального Комитета. Мнение прежнее: "Строго сообразоваться с уже имеющимися по этому поводу решениями ЦК".

Меньшевики тем временем сами рубили швартовы и якоря, кое-как удерживавшие на поверхности их давно не пригодное к плаванию судно. Уже не пристрастный Серго и не влюбленный в Кавказ Киров, а потомственный дипломат, автор "Истории Российского министерства иностранных дел", величайший знаток международного права и международных отношений Георгий Васильевич Чичерин заявил, что "вероломство Тифлисского правительства беспримерно".

В обширном письме Ленину Георгий Васильевич привел чудовищные факты. Лишь в самые последние недели, писал он, меньшевики предложили в аренду англичанам Батум, столковались с верховным комиссаром Франции в Грузии Шевалье об "ударе в лоб" большевикам Азербайджана и Армении, приютили в самой фешенебельной гостинице Тифлиса "Ориан-те" "горское правительство", "комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков", "комитет возрождения Баку".

Нарком иностранных дел приложил и вырезки из лондонских газет. Весьма сочувственно относящийся к меньшевикам журналист Бишофер и тот напечатал: "Шовинизм социал-демократического государства Грузии вне всякого предела. Я спрашивал одного из грузинских министров, — делился Бишофер, — почему его правительство называет себя "социал-демократическим"! На это он, пожимая плечами, ответил: "Каждый должен себя как-то называть".

Начало февраля. В Тифлисе арестовано посольство Советского Азербайджана, разорваны дипломатические

отношения. По требованию министра внутренних дел Н. Рамишвили объявлена "чрезвычайная мобилизация" — гимназистов и их почтенных дедушек хватают на бульварах, под конвоем доставляют в казармы. Особые отряды "народной гвардии" артиллерийским огнем сжигают селения нейтральной зоны, установленной после войны Грузии с Арменией.

И там, где каратели больше всего неистовствовали- в Борчалинском уезде, — крестьяне взялись за охотничьи ружья, старые берданки, кинжалы. Неравенство сил уже не останавливало. Мужчины и женщины выхватывали из рук меньшевистских гвардейцев винтовки. После недолгих колебаний к повстанцам присоединились два грузинских пехотных полка, расквартированных в этом же уезде.

Весеннее половодье прорвало глухую плотину. Восстание перекидывалось из уезда в уезд. Из Восточной Грузии в Западную, в горы Рачи, в приморские долины Абхазии. Шестнадцатого февраля в местечке Шулаверы, неподалеку от Тифлиса, повстанцы образовали революционный комитет, обратились за помощью к России, Азербайджану и Армении.

XI армия получила приказ перейти границу, взять на себя "защиту повстанцев от грозившего им истребления… Действовать энергично и скоро".

Двадцать пятого февраля. Серго, уверенный, что сыновний долг перед родным народом выполнен, известил Владимира Ильича:

> "Над Тифлисом реет Красное Знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия! Орджоникидзе".

Ответил Ленин по-своему, так мог только он один!

> "Передайте грузинским коммунистам и специально всем членам Грузинского ревкома мой горячий привет Советской Грузии. Особенно прошу их сообщить мне — есть ли у нас с ними полное согласие по трем вопросам:
>
> Первое: надо немедленно вооружить рабочих и беднейших крестьян, создавая крепкую грузинскую Красную Армию.
>
> Второе: необходима особая политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам. Надо понять, что последних не только нерасчетливо национализировать, а надо пойти на известные даже жертвы, лишь бы улучшить их положение и оставить им возможность вести мелкую

торговлю.

Третье: гигантски важно искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои еще до восстания не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях.

Прошу помнить, что и внутренние, и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики, основанной на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам…"

— Мы, первые работники Советской Грузии, — Делился взволнованный Мамия Орахелашвили,[84] - учитывали довольно сложную политическую обстановку страны с ее своеобразной социальной структурой. Но не упускали из виду отсталости экономики сей "азиатской Швейцарии". Но мы нечего греха таить — твердо не знали, какое отражение эти особенности должны найти в системе политических и экономических мероприятий новорожденной советской власти Грузии. Десятый съезд партии был еще впереди, о новой экономической политике тогда еще на Кавказе не было слышно, а опыт советско-партийной работы большинства грузин-коммунистов перегружен "шаблоном" военного коммунизма.

Мы чувствовали, что этого шаблона здесь, по условиям времени и географии, повторять не нужно, что тут надо как-то по-иному повернуть советский руль. И вот через неделю после освобождения Тифлиса к нам, грузинским коммунистам, по прямому проводу обратился Ленин. Как будто лучи сильного прожектора осветили круг особенных политических задач, стоявших перед Компартией и советской властью Грузии.

Орджоникидзе из Баку и мы из Тифлиса обещали Владимиру Ильичу в меру наших сил и умения и в надежде на его постоянное внимание к нам провести в жизнь намеченную им программу. Надо ли говорить, что у членов ревкома, у всех коммунистов Грузии было полное согласие с Лениным. Исключение составляли несколько лево-левейших, вскоре круто качнувшихся вправо.

22

Владимир Ильич все больше склонялся к тому, чтобы принять приглашение Серго. Побывать в Грузии давно хотелось. К тому же лечащие врачи настоятельно советовали продолжительный отдых и горный воздух.

Серго заговаривал об этом еще в свой прошлый приезд — в декабре. Ильич ответил: свидимся весной — решим. С конца марта[85] Орджоникидзе возобновил "атаки". Сегодня у Серго неожиданно появился союзник. Из Ганновера доставили перевод напечатанной в газете "Нью-Йорк тайме" корреспонденции "Что с Лениным?".

Доктор Клемперер, известный специалист, приглашенный в Москву для консультации и теперь возвратившийся, сказал своим коллегам:

"Ленин человек крепкого физического сложения, большой рабочей энергии, и все время работает 14–16 часов в день. За последнее время его трудоспособность уменьшилась, и он и его друзья решили расследовать, не является ли это следствием какой-либо болезни… На консультации целого ряда врачей мы осмотрели Ленина и нашли лишь небольшую неврастению, следствие переутомления… Ленин должен некоторое время беречься и отдохнуть".

На переводе Ильич написал:

"Прошу достать мне на время этот № *"Таймса",* когда он придет".

Вечером того же дня Орджоникидзе доставили записку:

> "Тов. Серго! Поговорив с Беленьким на тему нашего вчерашнего разговора, черкните мне, пожалуйста, пару слов, чтобы я знал, что мы договорились вполне и что "недоразумений" не будет.
>
> Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испробовать лечение всерьез, надо сделать отдых отдыхом.
>
> Вам, при Вашей занятости, вероятно, никак не удастся самому выполнить то, о чем вчера говорили, да и не рационально, конечно, Вам за это браться. Найдите человека исполнительного и внимательного к мелочам и поручите ему (тогда и ругать мне будет приятнее *не Вас,* кстати сказать).
>
> Числа около 7 мая я буду ждать присылки мне и подробной карты и сведений о пригодном месте (или

пригодных местах) — высота над уровнем моря, *изолированность* и пр. и т. д. также описания этих мест и тех уездов или губерний, где они находятся.

Признаться должен откровенно, что недоверия к "окраинам" у меня чрезвычайно много; от этого недоверия (и от больных нервов) я прямо-таки ожидаю, что выйдет какой-нибудь "анекдот" вместо всякого лечений. Даже здесь под Москвой мне случалось видеть, как после кучи обещаний получались "анекдоты", для исправления коих оставалось одно: уехать из назначенного места назад в Москву и дождаться там "устранения анекдотов". А из-под Тифлиса или из-под Новороссийска "назад в Москву" не уедешь. Боюсь я, признаться, дальней поездки: не вышло бы утомления, ерунды и сутолоки да склоки вместо лечения нервов.

Найдите человека внимательного к мелочам и пусть он сделает поаккуратнее.

Ваш *Ленин"*

Двумя днями позднее:

"Т. Серго!

Спасибо за письмо.

Камо просит меня взять его с собой. Я не возражал бы. Но хочу знать Ваше мнение. Если Вы не против, скажите ему от меня, что я согласен (и что все в тайне). Если Вы против, позвоните мне завтра [утром] днем (12 ч. и 1 час; назначьте время через секретаршу) из моего кабинета.

Высоту (над уровнем моря) намеченного дома надо знать, ибо сердце у Надежды Константиновны плохо и большой высоты не вынесет.

Всяческие приветы Вам и Кирову".

Ехать в Грузию Владимир Ильич решил твердо. Какому только месту отдать предпочтение? Боржому? Надо еще посоветоваться с Серго. Семнадцатого апреля он пишет записку в Тифлис:

"Т. Серго! Посылаю Вам еще несколько маленьких справок. Они сообщены мне доктором, который сам был на месте и заслуживает полного доверия: Абастуман совсем, де, не годится, ибо похож на "гроб", узкая котловина; нервным негодно; прогулок нет, иначе как лазить, а лазить Надежде Константиновне никак нельзя.

Боржом очень годится, ибо есть прогулки по ровному месту, а это необходимо для Надежды Константиновны. Кроме того Боржом — высота подходящая. Абастуман же высота чрезмерная, больше 1000 метров. *Нельзя.* Особенно наш доктор предупреждает против ранней поездки, де, будут холода и дожди сугубо до половины июня. На этот последний счет я не так боюсь, если дом не протекает и отапливается, ибо при этих условиях холода и дожди не страшны.

Жму руку. Ваш *Ленин.*

P. S. Понятно, отдельные дома на подходящей высоте могут в самых различных и многих местах быть вполне годны".

Серго также готов был отдать предпочтение Боржому. Все будто счастливо складывалось, скорее бы только наступило лето! Камо нетерпеливо считал дни, последние свои дни!.. Многое было безжалостно перечеркнуто и растоптано тем летом.

Пока — в апреле — все еще шло по плану друзей.

Двадцать третьего числа в известной в ту пору Солдатенковской больнице Владимиру Ильичу сделали операцию. Извлекли отравленную пулю, оставшуюся в полости ключицы после покушения тридцатого августа 1918 года.

Операция прошла хорошо. Не хирургов вина, что месяц спустя болезнь Ильича неожиданно дала новую вспышку. Положение настолько ухудшилось, что пришлось, не откладывая, переехать в Горки, четыре месяца провести в строгом режиме. О Кавказе уже никто не заикался.

Тем временем Серго пришлось похоронить Камо. Он не болел, отлично чувствовал себя; побывал в Тегеране, получил новое назначение — начальником Закавказского таможенного управления. А четырнадцатого июля произошло до сих пор необъяснимое. В самом центре Тифлиса — на спуске с проспекта Руставели на набережную Куры — на Камо, как обычно ехавшего на велосипеде, налетела грузовая машина. В больших городах катастрофа не такая уж чудовищная…

На гроб Камо Серго возложил венок от Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Слезы мешали говорить. В газетах было опубликовано:

"Тифлис, 18 июля 1922 г.

От имени ЦК РКП говорит С. Орджоникидзе. Волнение мешает оратору, речь его прерывиста.

Дорогой Камо!

Встретился я с тобой 18 лет назад. Я был молод. Ты

считал своим долгом разъяснить мне, как стать большевиком, как бороться за интересы пролетариата. Сегодня приходится расстаться с тобой… За эти 18 лет мы не раз встречались… И не раз ты излагал свои планы о борьбе с капитализмом… Порой эти планы казались несбыточной фантазией… Я помню, как говорил ты об этих планах с товарищем Лениным, который любил тебя горячо… (Волнение перехватывает голос оратора.)

Когда встречусь с Лениным, я не знаю, что я буду говорить! Прибывшие из Москвы товарищи говорят нам: "Как вы не сумели сберечь Камо?!!"

Жизнь продолжала наносить удары, такие, что легко могли сбить с ног. Для Серго снова наступали месяцы тяжелых переживаний, мучительного разрыва со многими близкими людьми. Владимир Ильич "право на раздражаемость отверг"…

А было чертовски обидно. Серго звал своих старых товарищей по революционному подполью и по гражданской войне, тех, кого в Грузии привыкли считать солидными марксистами, — Филиппа Махарадзе, Буду Мдивани, Котэ Цинцадзе:

— Нужно покопаться у себя в душе как можно поглубже, как только найдешь маленькую националистическую струнку, то ее нужно вырвать, выбросить и сказать: "Не надо", ибо она мешает нам, нашему единению, нашей силе, нашей воле.

Речь идет о том, как нам устроить мирное сожительство закавказских народов — армян, грузин, азербайджанцев, абхазцев, осетин и других. Федерация, мир народов, национальный мир. Что может быть лучше?

В ответ Серго получил категорическое: "Нет, нет, нет!" Нам не надо Закавказской федерации — единых денег и отмены таможенных границ. Не отнимай у нашей Грузии ее географических преимуществ. Мы не станем делиться с нищей Арменией нашими черноморскими портами и нашей железной дорогой. Мы не дадим ни грамма золота в кассу объединенного Внешторга. Каждый пусть торгует с заграницей самостоятельно, чем богат. На наш марганец спрос велик, а что могут предложить армяне, свои камни?

Серго говорил в начале 1922 года на Первом съезде коммунистических организаций Закавказья:

— Для грузина-коммуниста Армения должна быть такой же родиной, как и Грузия. А для всех закавказских коммунистов Советская Россия и все советские республики должны быть такой же родиной, как и Закавказье.

Ему с той же трибуны бросали оскорбления.

— Еще вчера, — с болью вспоминал Серго, — один из этих товарищей выступил и нисколько не постеснялся назвать нас, членов Заккрайкома, ни больше, ни меньше как джингоистами. Он разъяснил нам это английское слово: так называют разных проводников империалистической политики английских консерваторов в колониях, в Африке…

Под шум речей и стенания о "попранной независимости" уклонисты втайне сдали в аренду фирме "Стандард Ойл" батумские нефтяные резервуары и причалы нефтяной гавани, сговорились с англо-французским Оттоманским банком об открытии отделения в Тифлисе. Предъявили требование Профинтерну о самостоятельном вхождении в Интернационал грузинских профсоюзов. И, как бы между делом, предупредили декретом чернооких, длиннокосых красавиц — горе вам, если выйдете замуж не за грузина, потеряете свое грузинское подданство.

Свежим глазом больше видно. Пробыв немного в Грузии, Михаил Васильевич Фрунзе еще в начале конфликта телеграфировал в Цека:

> "В Грузии резко чувствуется националистический душок, даже среди коммунистов. Присутствовал на нескольких заседаниях Грузинского Цека. Сильно разгорелись страсти по поводу постановления Кавбюро о федерации Закавказских республик… По моим впечатлениям, тактически действительно были сделаны небольшие промахи, давшие возможность придирки. Лидером оппозиции в Грузинском ЦК был Буду Мдивани. Теперь остается лишь одно — самое решительное проведение постановления Кавбюро".

Коварный, не брезгующий в выборе средств, очень себя почитающий Мдивани сам на время выбросил белый флаг, пока не добился, чтобы в ЦК Грузии принудительно ввели забаллотированных первым партийным съездом крайних уклонистов. К ним примкнул и Филипп Махарадзе, на съезде вроде бы осудивший Мдивани. Вскоре им представился и подходящий случай снова наброситься на Орджоникидзе.

Повод дал Серго. В Москве в специальной комиссии ЦК и, особенно, здесь, в Закавказье, он сверхэнергично отстаивал идею "автономизации".

Дело было необычное. Одно из самых острых и принципиальных со времени Октябрьской революции. Решалось, быть или не быть Союзу равноправных независимых республик. Нашему Советскому Союзу! Или Украина, Белоруссия, Закавказье

и Средняя Азия войдут в состав России на малых правах автономных республик. Подчинят свой суверенитет высшей власти Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров России.

Коммунистические партии Азербайджана и Армении одобрили принцип "автономизации", поддержанный, помимо Серго, Кировым, Мясниковым и Орахе-лашвили. ЦК Грузии остался на старых позициях Мдивани — ни Закавказской федерации, ни вступления в РСФСР.

В двадцатых числах сентября за "автономизацию" почти единогласно проголосовала комиссия ЦК. Проект резолюции, подготовленный Молотовым, Мясниковым, Орджоникидзе и Сталиным, был рекомендован Пленуму ЦК РПК(б) для окончательного одобрения. К счастью, в те дни улучшилось здоровье Ленина. Он оставался еще в Горках, но врачи разрешили понемногу работать, писать. Владимир Ильич тут же попросил проект об "автономизации" и документы, присланные из Закавказья. Его худшие опасения оправдались. Не откладывая, написал письмо всем членам Политбюро:

> "По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться…
>
> Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо "вступления" в РСФСР -
>
> "Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии".
>
> Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, "Союз Советских Республик Европы и Азии".
>
> § 2 требует тогда тоже изменения…" Второго октября Ленин вернулся в Москву. Вечер провел с Серго. Обоим не терпелось отбросить все официальности, усесться, как в былые времена, на кухне за стол, покрытый клеенкой в трещинках, пить чай и делиться мыслями решительно обо всем.
>
> Ильич уже знал, что комиссия ЦК изменила свою позицию, признала необходимым добровольный союз равных и суверенных республик. Теперь, после его вмешательства. А раньше? Почему тот же Серго, решавший с большим тактом и умением острейшие национальные проблемы на Кавказе, Украине, в Туркестане, Бухаре и Хиве,[86] куда его несколько месяцев назад специально посылал ЦК, на этот раз был

ближе к "великодержавникам"? Вот уж чего Ленин никому простить не мог. "Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть, — заявлял Владимир Ильич в "Записке в Политбюро". — Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами".

Четыре дня спустя открылся Пленум ЦК. По приглашению Секретариата приехал и Буду Мдивани. Отнеслись к нему более чем терпимо. Вначале он заявил о полном несогласии "объединяться". Потом "уступил". "Если Союз так необходим, то ладно, Грузия вступит в него, но самостоятельно, без Закавказской федерации — совершенно ненужной выдумки Орджоникидзе".

Дальше — комедиантство и гнусность. Шумное раскаяние и тайный курьер с письмом в Тифлис. На Пленуме-де к представителю Грузии отнеслись пренебрежительно, "с великодержавным душком". Так что "надо показать силу и готовиться к Закавказскому и Общероссийскому съезду", о чем он, Мдивани, уже в Москве договорился с Цинцадзе, Думбадзе и Окуджава.

"Показать силу" безумно хотелось. Девятнадцатого октября националисты экстренно созвали пленум Тифлисского комитета партии и ответственных работников по своему выбору. Уклонисты призвали мужественно отстаивать "независимость Грузии", протестовать против решения Пленума ЦК и намерения Заккрайкома, пришедшего на смену Кавбюро, созвать Закавказский съезд Советов.

Чтобы сбить с толку людей не очень осведомленных, уверяли, что Орджоникидзе воспользовался долгой болезнью Ленина, за его спиной протащил решение о Закфедерации.

Буду Мдивани предпочел забыть, что никто другой — Ленин сразу после победы Советской власти в Грузии начал беспокоиться об экономическом объединении Закавказских республик. 9 апреля 1921 года Владимир Ильич телеграфировал Орджоникидзе: "Настоятельно требую создать областной хозяйственный орган для всего Закавказья…" Десять дней спустя он запросил Серго: "…сообщите кратко подробности, кто у вас заведует Внешторгом, объединены ли в этом отношении Грузия, Армения, Азербайджан…"

Серго только отстаивал идею Ленина от наскоков Мдивани и его политических друзей.[87]

Весьма неохотно разрешили в конце собрания выступить Серго. Затем должен был последовать "показ силы".

— Есть предложение полностью одобрить всесторонне продуманную, безусловно правильную линию ЦК Грузии, — объявил пользовавшийся симпатией многих тифлисцев Филипп Махарадзе.

"За" проголосовали 22 человека. "Против" — 67!..

В память прошлого Серго позвонил по домашнему телефону Махарадзе, попросил спокойно посмотреть правде в глаза.

— У Буду свои расчеты. Не вам, Филиппе, таскать для него каштаны из огня…

Махарадзе сердито отрезал:

— Мой ответ ты услышишь завтра!

Серго положил трубку, вздохнул: "Старый упрямец". Ему совсем не хотелось присутствовать при полном посрамлении Махарадзе.

В зале полным-полно. На общегородское собрание пришло около полутора тысяч коммунистов. За резолюцию ЦК Грузии ни одного голоса. Двенадцать человек воздержались. Все остальные против. Уж куда яснее!

"Тем хуже для Орджоникидзе", — решили битые и вызвали по прямому проводу Москву "для чрезвычайно важных и неотложных дел" и продиктовали записку Ленину. В грубой, ультимативной форме они потребовали изменить решение Пленума ЦК РКП (б) и всячески поносили "колонизатора Орджоникидзе".[88]

Отповедь последовала немедленно. Не желая вступать в переговоры с авторами наглой записки, Ленин телеграфировал С. Кирову и М. Орахелашвили:

"Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цинцадзе и других… Я был убежден, что все разногласия исчерпаны решениями Пленума ЦК при моем косвенном участии, при прямом участии Мдивани. Поэтому я решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП, которому и передано ваше сообщение по прямому проводу".

"Нас травят! Мы уходим в отставку!" — хором вскричали по команде Мдивани девять из двенадцати членов ЦК Грузии. Десятый промолчал. Только Мамия Орахелашвили и Шалва Элиава заявили протест:

"Такую позицию считаем недопустимой и антипартийной и поэтому участвовать в голосовании проекта постановления об отставке ЦК считаем для себя совершенно невозможным".

Серго, напротив, отнесся очень спокойно.

— Угодно в отставку, пожалуйста. С дорогой душой…

Из Москвы коротко сообщили: "Удовлетворить ходатайство

нынешнего ЦК КП Грузии об его уходе в отставку".

Теперь уже ничто другое не отвлекало отставных "генералов без армии". Они полностью отдались заветной цели "убрать Орджоникидзе". Во все уголки Закавказья разъехались эмиссары Мдивани фабриковать компрометирующие материалы. На частных квартирах происходили тайные совещания, из уездов приглашали секретарей партийных комитетов. Повсюду выискивались недовольные, обиженные, просто проходимцы. Наконец Окуджава и Какабадзе подали заявление, попросили "защитить их от постоянных угроз и невыносимых оскорблений со стороны потерявшего совесть Орджоникидзе".

Серго ответил на запрос ЦК:

> "Плод гнусной склоки. Все эти нелепые слухи рождены в атмосфере фракционной драки… Надеюсь, в самом непродолжительном времени здоровье Владимира Ильича даст мне возможность подробно и всесторонне выяснить все эти и другие вопросы в личной беседе с ним".

Надеждам Серго не суждено было сбыться. Повидаться с Ильичей не удавалось. А клеветники, разносчики лжи и сплетен вовсю действовали. И Серго "сорвался" — на оскорбление ответил пощечиной.

Это произошло на квартире Орджоникидзе. Единственный свидетель инцидента, находившийся проездом в Тифлисе, тогдашний заместитель председателя Совнаркома Рыков, был в близких отношениях с "потерпевшим". Все же и он встал на сторону Серго.

> "По существу инцидента, — писал Рыков, — я считаю, что т. Орджоникидзе был прав, когда истолковал как жестокое личное оскорбление те упреки, которые ему сделал т. Кобахидзе".

Серго своей вины не умалял. Лишь правды ради подчеркивал, что столкновение было вызвано "не политическим спором, а личным оскорблением, нанесенным мне".

Ленин принял единственно возможное решение.

> "Орджоникидзе был властью по отношению ко всем остальным гражданам на Кавказе, — диктовал стенографистке тяжело больной Ильич. — Орджоникидзе не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив,

обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин…

…нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говорю это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции)…"

История с Серго заставила Ленина снова вернуться к "автономизации". Он решил продиктовать — писать уже не мог из-за паралича правой руки — программное завещание по национальному вопросу. Надо спешить, "чтобы болезнь не застала врасплох", говорил Ильич секретарю Совнаркома Лидии Фотиевой. Ленин знал ее очень давно: еще в 1904 году в Женеве Лидия Александровна помогала Крупской в конспиративной переписке с подпольными большевистскими организациями России.

Записи Фотиевой (по ее словам, в целях наибольшей достоверности они почти не подвергнуты литературной правке) проливают свет на многое:

"30 декабря Владимир Ильич диктовал в два приема по пятнадцати минут письмо "К вопросу о национальностях или об "автономизации" и читал два Раза по двадцати минут.

31 декабря вечером Владимир Ильич в два приема закончил диктовать письмо "К вопросу о национальностях или об "автономизации".

…Появление этого письма было непосредственно вызвано конфликтом в ЦК Компартии Грузии. Основной причиной конфликта был вопрос об образовании Закавказской федерации…

24 ноября Секретариат ЦК РКП (б) назначил комиссию[89] для срочного рассмотрения заявлений, поданных ушедшими в отставку членами ЦК КПГ старого состава (Ф. Махарадзе и др.), и для выработки мер, необходимых, чтобы установить прочный мио в Компартии Грузии. Решение это было передано на утверждение Политбюро. Владимир Ильич при голосовании воздержался.

Комиссия выезжала в Тифлис. Она закончила работу в декабре, и Ф. Э. Дзержинский доложил о результатах Владимиру Ильичу еще до его заболевания. Все это дело крайне тяжело повлияло на Владимира Ильича.

Он остался недоволен работой комиссии Дзержинского, считал, что с ее стороны не было проявлено необходимого беспристрастия при расследовании "грузинского инцидента"…

1923 год

24 января Владимир Ильич вызвал меня и дал поручение запросить материалы комиссии по грузинскому вопросу. Владимир Ильич сказал при этом, что поручает М.И. Гляссер, Н.П. Горбунову и мне детально их изучить и доложить ему. Владимир Ильич добавил, что это нужно ему для партийного съезда. О том, что "грузинский вопрос" стоял в Политбюро, он, по-видимому, не знал. Владимир Ильич сказал: "Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об "инциденте", и это на меня очень тяжело повлияло". Поручение Владимира Ильича об изучении материалов по "грузинскому вопросу" было продиктовано тем, что, как он писал, нужно "доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы несправедливостей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются".

25 января Владимир Ильич спросил, получены ли материалы комиссии. Я ответила, что Ф.Э. Дзержинский приедет из Тифлиса лишь в субботу, 27 января…

1 февраля Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов 30 минут вечера. Сообщила ему, что Политбюро разрешило получить материалы грузинской комиссии. Владимир Ильич указал, на что обратить внимание при разборе материалов и вообще как ими пользоваться, л сказал: "Если бы я был на свободе…", — сначала оговорился, а потом повторил смеясь: "Если бы я был на свободе, то легко бы все это сделал сам"…

3 февраля Владимир Ильич вызвал меня в 7 часов вечера на несколько минут. Спросил, посмотрели ли мы материалы грузинской комиссии. Я ответила, что только с внешней стороны и что их оказалось не так много, как мы предполагали. Затем Владимир Ильич поинтересовался, был ли этот вопрос в Политбюро. Я сказала, что не имею права об этом говорить. Тогда Владимир Ильич спросил: "Вам запрещено говорить именно и специально об этом?" Я ответила, что вообще не имею права говорить о текущих делах. "Значит, это текущее дело?" — спросил Владимир Ильич. Тут я поняла, что допустила оплошность. Владимир Ильич продолжал расспрашивать: "Я знаю об этом деле еще от Дзержинского, до моей болезни. Комиссия делала доклад в Политбюро?" Мне не оставалось ничего другого, как только сообщить, что комиссия сделала доклад в Политбюро и оно в общем утвердило ее решение. После этого Владимир Ильич сказал: "Ну, я думаю, что вы сделаете вашу реляцию недели через три, и тогда я обращусь с письмом". Вскоре пришли врачи…

14 февраля. Вечером Владимир Ильич вызвал Меня снова. Затруднялся речью, видимо, устал. Говорил опять по трем

пунктам своих поручений. Особенно подробно — по тому, который его всех больше волновал, то есть по "грузинскому вопросу". Просил поторопиться. Дал некоторые дополнительные указания.

В следующие дни Владимир Ильич чувствовал себя плохо. Никого не вызывал. Хотел читать, но врачи отсоветовали…

3 марта Владимиру Ильичу мной были переданы наша докладная записка и заключение о материалах комиссии Ф.Э. Дзержинского по "грузинскому вопросу"…

То, что уже не в состоянии был сделать Ленин, взяли на себя "разруганные" Серго и Дзержинский. Они употребили все свое влияние для того, чтобы Политбюро снова вернулось к злополучному "грузинскому вопросу". В Тифлис отправилась новая комиссия во главе с Валерианой Куйбышевым.

Все, как хотел Ильич, снова расследовали, вновь перепроверили. Белое черным не становилось. Большего, чем в самом начале признавал Серго, не существовало в природе. А во всем, что касалось политики, национальных дел, комиссия решительно стала на сторону Заккрайкома — Кирова, Мясникова, Орахелашвили, Орджоникидзе.

Буду Мдивани смекнул, что надеяться больше не на что. Надо или совсем уходить со сцены — это никак не устраивало! — или воспользоваться стремлением Куйбышева восстановить единство в верхушке Компартии Грузии и великодушием на редкость незлопамятного Серго. Накануне открытия Второго съезда КП Грузии уклонисты поставили свои подписи под соглашением, деликатно названным "Тезисы об очередных задачах для данного момента". Преамбула, если пользоваться языком дипломатов, гласила: "Федерация Закавказских республик признается как необходимая форма обеспечения национального мира на Кавказе и урегулирования международных и международных отношений".

Одна только неожиданность возникла на съезде. Делегаты отказались голосовать за Мдивани и его буйных оруженосцев. Ни энергичные призывы Серго, ни увещевания Куйбышева и других московских товарищей успеха не имели. Так и не выбрали в ЦК никого из национал-уклонистов.

У украинцев и а этот счет есть добрая поговорка: "Не тратьте, куме, силы, та спускаитесянадно!" Не так повел себя Буду Мдивани. Напротив, он кричал: "Орджоникидзе нас силой заставил подписать соглашение! Он нас обманул. Предоставьте нам трибуну XII съезда РКП (б), и мы расскажем всю правду о Закавказской федерации, пора партии узнать о преступлениях Орджоникидзе".

О стенаниях и угрозах Мдивани Серго услышал в Москве. Сразу обратился в Секретариат ЦК партии и к председателям обеих комиссий по Грузии — Дзержинскому и Куйбышеву:

— Мдивани, Махарадзе, еще кого-нибудь из их группы необходимо допустить на съезд. Пусть выложат все, что на душе. Это будет их концом.

Приехали трое — Мдивани, Цинцадзе и Махарадзе. Каждый выступал по нескольку раз и на пленарных заседаниях и в секции по национальному вопросу. А говорить-то было нечего! На все лады перепевали декларацию Мдивани: "Закавказская федерация искусственно создана Орджоникидзе… Я заявляю, что Закавказская республика теперь ни к чему". И еще с упорством одержимых повторяли брань в адрес Серго.

Охота ораторствовать пропала, лишь когда делегаты попросили объяснить, как же это люди, называющие себя старыми марксистами, переплюнули Царского наместника? Как умудрились издать декрет о "регулировании населения Тифлиса", неприкрыто направленный против армян и азербайджанцев?! Как докатились до того, что запретили денежные знаки Советской России и Закавказской федерации?

Лишь трое из всех участников съезда — Троцкий, Бухарин и Раковский — высказали свои симпатии грузинским уклонистам. Троцкий — в выражениях весьма энергичных. Бухарин и Раковский — со множеством оговорок.

Ну, кажется, все. Черта подведена. Закончена, наконец, жесточайшая борьба,[90] принесшая столько мук и душевных ран Серго, беспощадно растоптавшая его отношения со многими близкими людьми. Серго сгорал от стыда, когда руководителям делегации прочли письмо Ленина по национальному вопросу, то, где он требовал "примерно наказать тов. Орджоникидзе". Видимо, делегаты съезда поняли его состояние, единодушно вновь избрали в состав Центрального Комитета партии.

Одна мысль набегала на другую. От страшной правды никуда не деться. На съезде Российской Коммунистической партии впервые не присутствовал Ленин. Он борется с болезнью. Улучшения нет…

23

Сентябрь, 9, 1926 год.

> "Политбюро, вполне соглашаясь с заявлением закавказских организаций (национальными ЦК и Заккрайкомом) о той громадной работе, которая велась т. Орджоникидзе в качестве руководителя закавказских организаций, однако не находит возможным отменить свое решение об утверждении т. Орджоникидзе первым секретарем Севкавказского крайкома".

Два друга почти одновременно покинули Закавказье. В начале года Серго проводил в Ленинград Кирова. В последний раз позаботился о Мироныче, написал своим старым товарищам Швернику, Москвину, Лобову:

> "Дорогие друзья! Ваша буза нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень большая потеря, но зато вас подкрепили как следует… Киров — мужик бесподобно хороший, только кроме вас он никого не знает. Уверен, что вы его окружите дружеским доверием. От души желаю вам полного успеха".

Еще приписка пониже:

> "Ребята! Вы нашего Кирыча устройте как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды.
> Целую всех. *Серго".*

Осенью пришлось и Серго расстаться с родными краями. После Тифлиса — Ростов и через два неполных месяца — Москва. В трудное для партии время, когда, по меткому замечанию Анри Барбюса, "произошло объединение оппозиций, создалось нечто вроде треста уклонов", Орджоникидзе был избран председателем Центральной Контрольной Комиссии. Даже директора "треста уклонов" не нашли, что сказать против Серго. Из всех участников Объединенного Пленума ЦК и ЦКК кто-то один проголосовал "против", шесть воздержалось.

Двумя днями позднее — 5 ноября 1926 года Михаил Иванович Калинин, всегда очень сердечно относившийся к Серго, с удовольствием подписал постановление Президиума ЦИК о назначении Орджоникидзе Заместителем Председателя Совета

Народных Комиссаров СССР и наркомом Рабоче-крестьянской инспекции.

Неожиданное назначение меняло все масштабы, щедро прибавляло забот, столкновений, делало мишенью для яростных нападок. Вполне отвечало динамичному характеру Серго. Его сердце наполнялось хорошей человеческой гордостью. Рабоче-крестьянская инспекция — Рабкрин — одна из самых больших забот Владимира Ильича.

Девятого января 1923 года Ленин начал диктовать "Что нам делать с Рабкрином?". Вслед — второй вариант — "Как нам реорганизовать Рабкрин?". Не щадя последних сил, Ильич исправлял, передиктовывал абзацы и целые странички. Посылал на обсуждение своему заместителю по Совнаркому Цюрупе и всем членам коллегии Наркомата РКИ. Потом, вырывая минуты у врачей, в несколько приемов продиктовал статью "Лучше меньше, да лучше" — продолжение раздумий о Рабкрине.

Серго помнил все в мельчайших подробностях. Время ничего не стерло, не убавило горечи потери. Наоборот, рана все больше кровоточила. Уже не покидала мысль: "Если бы был жив Ильич!..".

Как и многое другое, что в последние месяцы безмерно заботило Ленина, Рабкрин и ЦКК также ждали своего часа. Долго ждали, до конца 1926 года. Пока не пришел Орджоникидзе. Сердечный и беспощадный, вспыльчивый и мгновенно все прощающий, как только человек говорил: "Я понимаю свое заблуждение… Я искуплю свою вину", — Серго был постоянно и непоколебимо уверен:

"Наша партия — это-союз друзей, и если бы не было у нас дружеского отношения между собой, любви друг к другу, мы не сумели бы проделать Великую Октябрьскую революцию".

Он встал на свой открытый всем бурям и штормам пост.

Пятая неделя работы Серго в Москве. Новый нарком отправился "а Всесоюзный съезд профессиональных союзов, попросил слова:

"Мы устроили в РКИ совещание хозяйственников, чтобы побеседовать с ними, узнать, как бы они хотели, чтобы мы им помогли… Некоторым товарищам кажется так: ну, хозяйственник, так бей и колоти его. Но не надо забывать, что на этом фронте у нас сидят лучшие наши товарищи, прекрасные коммунисты, во всяком случае, многие из них. И мы ставим себе задачей, чтобы работать, помогать этим товарищам. А для этого надо поговорить с ними, узнать, где и что у них болит, чтобы по силе и возможности мы могли бы им помочь. И когда я их расспрашивал, один прямо сказал: "Ты что думаешь, что мы на самом деле даем[91] правильные сведения? Ничего подобного. Мы держим

специально человек 5–6, чтобы отбрехаться от всех этих требований, которые вы нам предъявляете". Другой товарищ заявил: "Вот говорят о плане, а мой план за прошлый год утвердили за 10 дней до окончания операционного года, а 11 месяцев 20 дней я работал без утвержденного плана".

…Вчера т. Лебедь показал нам в СНК толстую книжку с вопросами. Оказывается, на Украине обыкновенному сельскому агроному задается 20 000 вопросов. Спрашивается, если ответить на эти 20 000 вопросов, а отвечать приходится, то останется ли у агронома время, чтобы он работал по своей специальности? Я думаю, что нет…

Если мы не положим конец бумажному потоку, он нас затопит. Мы победили Деникина и Юденича, Врангеля… а бумага нас, ей-ей, задушит. Отчетность, конечно, нужна, но нужна действительная отчетность, а не вагоны исписанной просто бумаги, которую никто не читает…

…Могут сказать, что от сокращения отчетности произойдет увеличение безработных, придется рассчитывать людей и т. д. Конечно, может это произойти. Но если такое упрощение нашей отчетности дает возможность свободно вздохнуть людям и одновременно сэкономить миллионы, а в этом я уверен, то эти миллионы мы бросим на новые капитальные работы; наряду с Днепростроем и Семиреченской железной дорогой можно будет приступить и к Волго-Донскому каналу,[92] проведение которого будет иметь громадное значение для нашего народного хозяйства".

Месяцем позже на Московской губернской партийной конференции:

"Некоторые наши молодцы, не умеющие еще как следует работать, вместо того чтобы подобрать себе настоящий беспартийный актив, подбирают себе подхалимов, которые бы их слушались, которые были бы ниже их самих. *Сам он ничего не стоит и подбирает еще хуже себя, и оба чудака ничего не могут сделать*… Мы находимся сейчас в таком периоде, когда рост активности рабочего класса весьма велик, и если нам не удастся вовлечь в свое русло лучшие элементы беспартийных рабочих на заводе, то они будут искать выхода своей активности где-то в другом месте… С [беспартийным активом] надо уметь разговаривать, суметь вовлечь в работу, и он-пойдет с нами. И сейчас, когда его обижают, он не бежит к каким-нибудь меньшевикам, а говорит: я сообщу об этом в Москву, в ЦК партии, в ЦИК Союза и т. д. Значит, он верит нам, верит Советской власти, нашей партии. Не верит только тому чудаку, который не умеет с ним разговаривать.

…ЦКК, желая помочь партийным комитетам, поставила и этот вопрос в план своей работы. Некоторые товарищи побаиваются резкости постановки вопроса. Они, конечно, неправы. Борьба за вовлечение лучшей части рабочего актива под влияние нашей партии — это наше дело. Мы это дело никакой оппозиции не уступали и не уступим… мы их знаем хорошо, они никогда в своей жизни, ни в партийной, ни в советской, ни в военной работе, демократизмом не отличались, а всегда были худшими представителями бюрократизма. Я не хочу называть никаких фамилий, а если бы было нужно, то мог бы и назвать…

Мы поставили перед собой задачу пересмотра аппарата наших национальных республик… Мы в области разрешения национальных отношений произвели революцию, это вне всякого сомнения, но нельзя сейчас оставить той типичной бюрократизации национального вопроса, которая у нас имеется в некоторых местах. Разрешение национального вопроса хотят свести к тому, чтобы иметь у себя побольше комиссариатов, совнаркомов, ЦИКов и Госпланов… В Абхазии имеется около 150 тысяч населения. Там есть и Совнарком, и ЦИК, и всякие другие наркоматы. Помимо этого недавно утвержден Госплан в составе 28 человек со следующими секциями: промышленно-техническая, социально-экономическая, сельскохозяйственная, лесная и конъюнктурный совет. Должен доложить вам, товарищи, что там буквально никакой промышленности не имеется. Лишь одна маленькая табачная фабрика. (Голос с места: "И та сгорела!") Это же прямо игра в национальный вопрос, и в наркоматы, и в Госплан. С этой чепухой надо бороться. Я думаю, что нам помогут сами товарищи из национальных республик создать аппарат, действительно обслуживающий интересы трудящихся масс.

…Некоторые товарищи, прочтя наш план, говорят: вы, ребята, себе поставили невыполнимую задачу, хотите в каких-нибудь 3 месяца создать идеальное государство. Но мы не настолько наивные люди, чтобы так думать… Мы считаем, что борьба с бюрократизмом — это длительная борьба… Но урезать те безобразия, которые имеются, урезать то, что сейчас нам мешает, это можно и должно сделать сегодня. Тот, кто думает остановиться перед этими трудностями, просто боится, и о нем можно сказать то, что говорил Владимир Ильич в статье "Лучше меньше, да лучше": "У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом нехватало фантазии на какую-нибудь

десятистепенную канцелярскую реформу; нехватало фантазии или нехватало терпения применить к этой реформе те же общие положения, которые давали такие "блестящие" результаты, будучи применяемы к вопросам общим.

И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями".

На той же конференции.

Записка одного из делегатов:

> "А как у вас самих в РКИ — ЦКК обстоит дело насчет бюрократизма, насчет волокиты и насчет бумажного потока?"

Ответ Серго:

> "Наш аппарат нисколько не лучше, чем все остальные. Должен добавить к этому, что он и не может быть лучше при том внимании, которое партия уделяла ему до сих пор. Что же, товарищи! Владимир Ильич писал, что в РКИ надо дать самое лучшее, что только имеется у нас. Можете ли вы по совести сказать, что мы это выполняли? Не можете сказать".

О том же Семен Бирман, крупный и задиристый хозяйственник, в недавнем прошлом руководитель Будапештского Совета рабочих депутатов:

"Я был молодым руководителем Югостали, когда зашел к Орджоникидзе, тогда наркому РКИ, с жалобой на действия некоторых органов Рабоче-крестьянской инспекции. Многие, даже крупные, руководители в таких случаях прежде всего защищают свой аппарат и немедленно обижаются за него. Не таким оказался Серго! Он не только принял меня, прервав разговор с руководящими работниками своего наркомата, но тут же по телефону связался с руководителем, украинской РКИ, потребовав у него объяснений. Затем Серго вызвал его специально по этому вопросу в Москву, после чего назначил обследование местных органов РКИ".

1927 год. Август. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК. Заявление Серго:

"Будут ли нас называть дубинкой, или как угодно, это нас ни в коей мере не устрашит, а против раскольников и Центральная Контрольная Комиссия и вся партия станут стеной…"

Тот же год. Декабрь. XV съезд партии.

Строки из стенограммы:

Орджоникидзе: "Оппозиция требовала от ЦКК. чтобы она была над ЦК и над оппозицией, а еще лучше, если бы она была вместе с оппозицией. Оппозиция считала, что ЦКК должна быть без всякой политической физиономии и, как плохая сваха, должна бегать от одного к другому, чтобы как-нибудь добиться примирения. Мы считаем, что прежде всего ты должен быть большевиком, ленинцем, а потом можешь быть членом ЦКК, членом ЦК, районного комитета, ячейки и т. д…занимая совершенно определенную партийную позицию, мы всемерно старались и делали все возможное для того, чтобы сохранить товарищей из оппозиции для партии…

…Я не знаю, может быть, съезд скажет нам: "Кто вам поручил столько возиться с людьми, которые не хотят оставаться в партии?" Но я докладываю вам то, что было. Я и т. Сольц возились с Владимиром Смирновым целую неделю (голос: "Много чести!"), чтобы он отказался от того недопустимого заявления, которое он сделал на заседании ЦКК, и тем дал нам возможность… оставить его в партии. Таким порядком мы восстановили почти 90 % всех исключенных, за это получали тогда упреки: "Что, же, мы тут боремся с оппозиционерами, исключаем их из партии, а ЦКК всех их восстанавливает". Так было с некоторыми районами, например с Закавказьем, когда исключенных было порядочное количество (и они, безусловно, были достойны исключения), а мы почти всех их восстановили. (Голос: "Плохо сделали".) Я знаю, что за это похвалы не получишь, но я докладываю это… для того, чтобы показать, что мы сделали буквально все для облегчения товарищам выполнения их заявления от 16 октября.[93]

…Я тогда[94] не имел возможности здесь быть: был болен, и оппозиция, оказывается, почему-то тогда решила, что моя болезнь дипломатического характера. (Голос: "Они такой слух пустили".) Ну, я не знаю, какой дипломат, какой чудак даст себе резать живот для того, чтобы изобразить дипломатическую болезнь. Я… тогда же написал товарищам, когда мне сообщили относительно типографии,[95] что эти люди становятся чуждыми партии. Если они думают так продолжать, то хочешь не хочешь, а надо разойтись. Ничего не поделаешь".

1929 год. Апрель. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК.

Серго, к неудовольствию многих претендентов на "непогрешимость":

"Я, товарищи, никак не согласен с тем, что членов Политбюро нельзя критиковать. Я считаю, — можно и должно критиковать, когда тот или другой член Политбюро отклоняется от партийной линии, или нарушает партийные постановления, или

неправильно истолковывает партийную линию, или нарушает партийную дисциплину".

На том же пленуме, отвечая лидерам правых:

"ЦКК создана партией для партии, а не для людей, которые путаются, теряют голову и поднимают панику в партии. Всеми мерами, всем, чем только можем, мы готовы помочь этим товарищам отойти от своих неправильных позиций. Но перейти на их сторону- извините! Мы — ученики Ленина — не перейдем!"

…Не во всех партийных съездах Орджоникидзе довелось участвовать. Так или иначе он всегда находил возможность сказать свое слово. Напряженная обстановка в Закавказье не позволила Серго воспользоваться правом делегата X съезда, выехать в Москву. А самое деятельное участие в разгроме троцкистов, "рабочей оппозиции" и сторонников Бухарина он все равно принял.

В начале 1921 года, навязывая партии дискуссию о профсоюзах, Троцкий очень надеялся на поддержку Бакинской партийной организации. Действительно, секретарем горкома в Баку тогда был сторонник Троцкого Саркис, нервный, экзальтированный, умевший производить желанное впечатление на молодых коммунистов.

Первой пробой сил было собрание в Морском районе Баку. Выступил Саркис. За ним Серго. Финал — за тезисы Троцкого один голос!

Потом — в середине февраля съезд Коммунистической партии Азербайджана. Серго от чистого сердца говорит: "Я бы советовал троцкистам выбросить к черту всю свою платформу…

Троцкий своей системой, своим методом не только не добился, единства в рабочем классе, но он этого единства не мог добиться даже в своем детище — Центране. Нечего говорить о партии, где он представляет ничтожное меньшинство".

Веское подтверждение со стороны съезда. За тезисы Ленина — 326 голосов, за Троцкого — 35, за Шляпникова — 2.

Таким он, Серго, был в самом начале своей революционной деятельности — в пору горячих схваток с грузинскими меньшевиками в родной Имеретин, таким остался до конца. Ни в чем не изменился, ни от чего не отступил. Для него это никак не возможно. На всех самых крутых поворотах его никогда не заносило ни влево, ни вправо. Он оставался самим собой — убежденным ленинцем.

Как и у каждого человека, у Серго были свои привязанности, личные симпатии. С одними из членов ЦК он долгие годы был дружен, отношения с другими всегда ограничивались

необходимым сотрудничеством. Но все дружеские чувства, все симпатии немедленно отступали на задний план, когда приходилось принимать большие принципиальные решения. И на XVI партийном съезде, как бы подводя итог, Серго заключает:

"В этой борьбе от нас, от ЦКК, правые и примиренцы к ним требовали, чтобы мы заняли позицию какой-то обывательской справедливости. Вот, мол, Ильич вас создал, вы должны быть выше всех и вся. Это очень хорошо сказано, может пощекотать самолюбие, но только… дурака. Мы считаем себя большевиками, и в решении политических вопросов нашей партии мы ни в коем случае не можем занять какую-то обывательскую позицию. Мы — ленинцы, и если на ленинские позиции наступают Троцкий, Бухарин, Рыков или Томский, все равно мы, ЦКК, должны грудью встать на защиту ленинских позиций партии… Но единство нашей партии должно быть не обывательское, а на основе марксизма-ленинизма".

Рабкрин тех лет — это и Высший Совет Народного Хозяйства, и Госплан, и Всесоюзное бюро жалоб, и наркоматы транспорта, финансов, земледелия, государственные комитеты по науке, заработной плате, изобретениям.

В день первого знакомства, когда сотрудники уважительно внимают идеям нового администратора, Серго не очень обнадеживающе сказал: "Учить никого не сумеем, а вместе с учреждениями кое-что исправим".

Кое-что…

…Законопроект о значительном расширении прав низовых советских органов. Предварительное обследование во всех уголках страны. "На местах, у крестьянской избы посмотрели, — радостно делился Серго, — что представляет из себя аппарат Советской власти".

Это же в изложении старого большевика, члена Президиума ЦКК с 1923 года М.Н. Коковихина:

"Меня вызывает Орджоникидзе.

— Будешь возглавлять группу членов ЦКК, которая займется проверкой исполнения решений правительства, — сказал Серго. — Проверить необходимо все, сверху донизу. От Совнаркома и до сельсовета. Нужно обратить особое внимание на Урал, Ростов-на-Дону, словом, на крупные промышленные центры.

Он говорит, а я лихорадочно соображаю: наверное, теперь весь наш аппарат только этим и станет заниматься.

— А в группе у тебя будет, — продолжал Серго, весело, прищурившись, — …15 человек:..

Собрались, помню, мы все пятнадцать, посмотрели друг на друга и одновременно подумали, что и десяти наркоматов не хватит, если ориентироваться на штатных работников.

Тысячи рабочих и крестьян, комсомольцев, депутатов сельских Советов, профсоюзных активистов пришли тогда к нам на помощь в этом большом государственной важности обследовании. Разумеется, мы привлекли сотрудников Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции, но 85 процентов товарищей, проводивших проверку, были нашими внештатными инспекторами.

А уже через год мы внесли на рассмотрение правительства целый ряд новых законов".

…Отмена шестидесяти различных налогов с промышленности. "Вы знаете, что это значит, — убеждал Серго, — высчитай каждый налог, запиши каждый налог, веди отчетность, веди переписку, держи громадную армию чиновников. А для чего? Почему же с нашей промышленности нельзя взять один-два налога? Только два. Было 62, будет 2!"

..Полный пересмотр планов:

— По черной металлургии.

Первое признание "Большого Урала". Страна получит угольно-металлургическую базу на Востоке. "Споры по всем этим вопросам были довольно горячие, — докладывал Серго XVI партийному съезду. — Мне сегодня только показывали газету, где товарищи из Сталинского округа прорабатывали нас довольно изрядно…

ЦК значительно изменил всю пятилетку черной металлургии. Вместо старой пятилетки ВСНХ, утвержденной в прошлом году… вместо 10 млн. т чугуна — 17 млн. т. Выполнение этой задачи нас ставит на второе место в мировом производстве чугуна".

— По судостроению, добыче нефти, угля, руды, транспорту, хлопководству, строительному делу, отечественному тракторостроению, производству дизелей, автомобилей, турбин, паровозов, текстильных машин.

Все с крупными столкновениями, острыми конфликтами. Уж на что был невозмутим большой, грузный, влюбленный в свое инженерное дело харьковчанин Александр Брускин. И тот втянул Серго в жестокую схватку. Потом с большим удовольствием вспоминал:

"Я тогда был начальником тракторного цеха Харьковского паровозостроительного завода. Цех этот делал 15–20 тракторов в месяц. Страна ввозила большое количество тракторов из-за границы, а вот с нашими тракторами получалось какое-то странное обстоятельство: мы затоваривались. Не хотели

наркомземовцы и лесные организации брать наши тракторы, придирались, выдумывали всякие небылицы.

Рабочее собрание цеха послало телеграмму в Наркомат РКИ. В этой телеграмме мы жаловались на наркомземовские и лесные организации, что они не покупают наших тракторов, не признают нашего производства. Товарищ Серго немедленно ответил нам по телеграфу и назначил расследование этого дела.

Наркомзем приложил все усилия, чтобы дискредитировать наши тракторы. Нас обвинили в демагогии. Один из расследователей предложил привлечь нас к строгой ответственности и хорошенько наказать за то, что мы затеяли шум.

Вопрос был поставлен на коллегии наркомата. Мы не теряли духа. И действительно, нам на помощь пришел Серго. Он остро поставил тогда вопрос о самокритике. Ведь нас хотели побить за то, что мы — маленький цех с неизвестным будущим — раскритиковали работников Наркомзема.

Серго сразу оценил нашу работу. Он увидел, что мы нашими экспериментами, нашей полукустарной работой готовим почву для развития большой тракторной промышленности Союза, и он целиком взял нас под защиту".

— По внешней торговле.

"Когда с тем или другим товарищем мы деремся за то, чтобы такое-то оборудование не ввозить из-за границы, не платить за него валюту капиталистам, — защищал Серго новый импортный план Рабкрина, — а поставить производство этого оборудования у нас, то некоторые обижаются на это. А разве есть что-либо более прекрасное для нашей промышленности, для наших хозяйственников, чем то, чтобы вместо передачи заказов за границу строить все, что только можно, у себя — в стране социализма.

…Спрашивается, почему германские рабочие должны работать лучше на капиталистов Германии, чем наши рабочие на наших заводах?.. Где, когда было написано, что при диктатуре пролетариата рабочие не должны работать на свое дело лучше, чем на капиталистов?..

Я убежден, если перед нашими рабочими поставить вопрос, отдавать ли заказ, который мы можем сами выполнить, за границу или оставить у нас, то любой рабочий скажет: ни в коем случае за границу не отдавать, сделать здесь, на наших заводах!"

Это нисколько не мешало Серго во всеуслышание не раз признаваться:

"Я решительный сторонник приглашения этих немцев и американцев. Они помогут нам. Наша научная база была отрезана

от Европы и Америки. Теперь надо все это наверстать".

Или:

"Вопрос о том, чтобы перенести к нам достижения заграничной техники, самый важный вопрос. Тут нечего нам чваниться своим коммунизмом".

Орджоникидзе постоянно посылал в долгие заграничные командировки инспекторов Рабкрина, видных хозяйственников, известных ученых и совсем безусых инженеров. Сам ездил из Тифлиса в Германию советоваться о проектах строительства Земо-Авчальской и Рионской гидроэлектростанций. На несколько миллионов золотых рублей тогда же дал заказы различным фирмам.

Такой он был руководитель Рабкрина — не боялся никакой работы, не стеснялся никакой учебы и всей душой верил:

"У нас есть такие возможности, которых нет ни у американцев, ни у немцев. Нам суждено укрепить господство человека над природой!"

24

На первых страницах газет: "Пятилетку в четыре года!", "Даешь 518 гигантов?", "На буксир отстающих!"

Котлованы — всюду. От реки Урал до Заполярья и Кавказского хребта, от Приазовья до озера Балхаш. Партия разом подняла с насиженных мест, бросила в водоворот гигантских строительных работ десятки миллионов людей. В эшелонах, тянувшихся в затылок друг другу, нередко на одних нарах в очередь спали еще не узнанные герои и не схваченные поджигатели; те, кто мечтал о подвигах во имя Родины, и те, кто жаждал поквитаться с советской властью.

Почти всегда за десятки, а то и за сотни километров от нужного места кончалась железная дорога, обрывалось шоссе. Юные романтики и рыцари длинного рубля — все становились первопроходцами. Разжигали костры, ставили палатки, пускали по кругу помятые кружки с кипятком. Через несколько неимоверно трудных месяцев сбитые в кровь, обмороженные, все безотказно выносящие человеческие руки создавали то, что принято называть строительной площадкой.

В момент самый трудный командармом этого огромного, разношерстного, всегда нуждавшегося в самом насущном, великого товарищества созидателей стал Серго. Десятого ноября 1930 года Президиум ЦИК СССР назначил Орджоникидзе Председателем Высшего Совета Народного Хозяйства.

Снова, как уже было с Рабкрином, дело, особенно заботившее Ленина, бесспорно решавшее судьбы страны, партия поручила Серго. Одному из самых близких Ильичу.

"…Без спасения тяжелой промышленности, — говорил Владимир Ильич, — без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна".

Ту же ленинскую мысль начертал на знамени партии XIV съезд большевиков:

"Обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования…"

Да, ведь этот единственно возможный "курс на индустриализацию" Серго держал и все годы работы в Рабкрине. Высший Совет Народного Хозяйства для него как бы продолжение

ранее начатого. Сейчас, уже полностью отдаваясь промышленности, Серго обратился к Пленуму Центрального Комитета партии:

"Давайте сегодня прежде всего и раньше всего будем гнать строительство заводов и всего необходимого для того, чтобы рабочие имели более или менее приличный образ жизни, а когда заводы начнут работать, тогда мы будем строить около них социалистические города".

518 новых заводов — Кузнецк, Магнитка, Запорожсталь, Азовсталь, Тульский, Криворожский, Тагильский металлургические, Горьковский автомобильный, Харьковский тракторный, Зестафонский ферросплавный, Березниковский химический, Московский подшипниковый, Караганда, Риддер… 518 должны дать первую продукцию.

Должны!.. За океаном еще привычно иронизируют. Журнал "Форин афферс" рад сообщить: "Для большинства западных экономистов и деловых людей пятилетний план — это еще одна русская химера, сотканная из дыма печной трубы…" В ответ предостерегающий голос Генри Форда — "миллионера и философа":

"Россия начинает строить. С моей точки зрения, не представляет разницы, на какую теорию опирается реальная работа, поскольку в будущем решать будут факты… Если Россия, Китай, Индия, Южная Америка разовьют свои способности, то что мы станем делать?

Только одержимые глупой жадностью, причем здесь больше глупости, чем жадности, могут думать, что мир всегда будет зависеть от нас, и смотреть на наш народ как на вечные фабричные руки всех народов. Нет! *Народы сделают так, как делает Россия.* Используя американские методы, русские выгадывают полвека опыта. Они идут к тому, чтобы в отношении промышленности быть в ногу с веком".

Итак, через год с небольшим после того, как Всесоюзный съезд Советов утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства, Серго пришел е ВСНХ. Под его началом все котлованы, все строительства, все заводы, недра и леса. По его "ведомству" — "пафос строительства и пафос освоения", как говорили в ту пору.

До Серго первым председателем ВСНХ был Феликс Дзержинский. После смерти Феликса Эдмундовича — Валериан Куйбышев. Тогда разработаны проекты и заложены фундаменты Днепростроя и Волжского тракторного. И у подножья горы Атач — ее больше знают как гору Магнитную — землекопы появились десятого марта 1929 года. Тоже до Серго. Но и первый ток

Днепрогэса, и первый волжский трактор, и первый чугун Магнитки (и увеличение первоначально запланированной мощности завода в четыре раза, и уникальные домны объемом в тысячу, затем в тысячу триста кубометров[96]) — в годы Серго. Пуск, наладка, освоение — все, что входит в емкое понятие становления промышленности, — это при Серго!

"Надо было вложить в тяжелую промышленность огромные средства, — говорит Орджоникидзе на VII Всесоюзном съезде Советов, — надо было организовать огромные людские массы, построить и осваивать построенные и реконструированные предприятия. Надо было в процессе самого строительства и эксплуатации воспитывать кадры руководителей, кадры рабочих, а это было наиболее трудно".

Когда не ладилось дело на первом русском тракторном, Серго встретился с рабочими в весенний апрельский вечер у Волги. Ни одним словом он не упрекнул за поломанные станки, за горы брака и за грязь, захлестнувшую конвейер, Нарком, член Политбюро ЦК ВКП(б) просто поделился с людьми своими переживаниями, приподнял их над обыденным, тяжким:

"Вчера ночью я стоял около двух часов у конвейера и видел рабочего, который прямо-таки горящими глазами впился в трактор, сходивший с конвейера, и с величайшим наслаждением следил за ним. Это можью было сравнить с картиной, как отец ожидает своего первенца. Жена рожает, а он в тревоге, и радуется, и отчасти боится. Вот с таким же видом рабочий стоит, смотрит на конвейер и ожидает, когда сойдет с него трактор".

Сердцем сотворенные слова, они больше всего относятся к самому Серго. Каждый новый завод — его большая любовь, частица его души.

Заводы — всюду! В центре Союза и на самых дальних окраинах. В России и во всех национальных республиках. К концу первой пятилетки четыре пятых всей промышленной продукции дают новые заводы-гиганты. Страна, которая еще так недавно принуждена была ввозить из-за границы самые обыкновенные железные конструкции и расплачиваться за железо золотом, уже снимала с поточных линий автомобили, тракторы, моторы. Строила блюминги, самолеты, турбины. Имела свои отечественные азот, синтетический каучук, редкие сплавы, алюминий, особо точные приборы.

По производству тракторов СССР на первом месте в мире. По выплавке чугуна — на втором. По производству электроэнергии, стали, грузовых автомобилей — на третьем. Для того чтобы увеличить выплавку, чугуна вдвое, с пяти до десяти миллионов тонн в год, Германии понадобилось десять лет, Соединенным

Штатам — пятнадцать, Англии — тридцать шесть лет. В Советском Союзе подобная задача решена за неполных четыре года.

И все-таки все, что сделано, — это еще только начало. Как говорят альпинисты, промежуточный рубеле, где сосредоточиваются перед решающим штурмом. XVII съезд партии поручил Наркомтяжпрому[97] ввести в дело во втором пятилетии четыре с половиной тысячи новых электростанций, заводов, фабрик и шахт.

…Быстрые наброски карандашом, когда-то сделанные в блокнотах корреспондента "Известий", еще далеко не портрет, даже не эскизы. Да и напрасно пытаться одному рассказать о Серго, председателе ВСНХ, наркоме тяжелой промышленности. Обязательно надо обратиться к воспоминаниям тех, кого жизнь особенно часто сталкивала с Серго. Так уж повелось на планете — могучие потоки образуются из маленьких, порой совсем незаметных ручейков.,

Начинать всегда старейшему.

Александр Серафимович:

"И вновь после Северного Кавказа встретился с товарищем Орджоникидзе. Вторая встреча тянется минуты, часы, дни, недели, годы.

Выступаю ли на заводе машиностроения, — да ведь это же товарищ Орджоникидзе. Толкую ли о выработке с шахтерами, да ведь это товарищ Орджоникидзе. Наблюдаю ли за танками, самолетами, орудиями на маневрах нашей Красной Армии, да ведь тут же товарищ Орджоникидзе! Куда бы ни пошел, куда бы ни поехал, откуда бы ни полетел — товарищ Орджоникидзе… Нет, от него никуда не уйдешь, с ним встречаешься, его всегда видишь.

И меня больше всего поражает, что человек, за-валенный громадой дел, оторвавшись, садился учиться. Он приобрел огромные знания, и ему очки не вотрешь.

У него жесткая рука, спуску не даст, но его любят. И удивительно оригинальная манера обращаться с людьми.

Приходит к нему директор огромного, прекрасно работающего завода. Орджоникидзе сидит за столом, работает.

Директор осторожно кашлянул: дескать, тут я. Но перед ним все так же широкая спина и наклонившаяся над бумагами черная голова. Директор потоптался у кресла, опять, только погромче:

— Кхе, кхе!

Не оборачивается. Что тут делать? Осторожно говорит:

— Товарищ Орджоникидзе, вы меня вызывали? А тот не

оборачиваясь:

— Пойди побрейся.

Директор вылетел, как из предбанника, понесся в парикмахерскую, вернулся, и они в несколько минут порешили все вопросы.

С тех пор директор как с иголочки: гладкое приятное лицо, галстук, свежая рубаха".

Иван Кирилкин, бывалый директор:

"Не верно представление, что Серго организатор нашей индустрии только с того времени, когда он был назначен председателем ВСНХ. Серго занимался вопросами промышленности — притом не только как руководящий партийный работник, но и как непосредственный организатор — с самого начала восстановительного периода. В начале 1921 года партия по инициативе Ленина поставила перед работниками Донбасса задачу — добыть в том году 600 миллионов пудов угля. Для помощи Донбассу и для выяснения положения на месте к нам была командирована комиссия ЦК под председательством Орджоникидзе.

Как один из руководителей Юзовского горкома, я часто бывал тогда у Серго. Все мы были поражены кипучей энергией, с которой он взялся за незнакомое, трудное дело.

Серго много и основательно занимался строительством тяжелой промышленности и в бытность свою председателем ЦКК — РКИ.

Однажды я в своем выступлении допустил несколько грубых ошибок. Серго с присущей ему беспощадностью и резкостью в принципиальных вопросах доказал несостоятельность моих утверждений, больно "выхлестал" меня в своей речи. По-человечески я подумал, что я никуда не годный директор, не понимающий требований партии, и что, видно, мне пора уходить с передовых позиций промышленности.

Серго, видимо, заметил мое состояние. Когда через 15–20 минут я подошел к нему, он сказал мне только два слова:

— Не унывай![98]

Сказано это было так, что я понял: я снова в рядах армии".

Александр Серебровский, потомственный революционер, сын народовольца, в неполных восемнадцать лет участник большевистской подпольной организации, член Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 году, первый руководитель советской нефтяной промышленности, затем начальник "Главзолота" и профессор Московской горной

академии:

"Для многих читающих эти строки будет новостью небольшое признание: в первые годы работы на Апшероне мы ощущали большую нужду в рабочих. Выход подсказал Серго. На его ответственность вывезли в Баку из константинопольских лагерей восемь тысяч врангелевцев, пожелавших вернуться на родину. Это была на редкость трудная политическая операция. Малейший промах был чреват большими неприятностями. Но Орджоникидзе совместно с Кировым безукоризненно подготовил почву для "перековки" реэмигрантов.

Потом жизнь разбросала нас. В Москву из США я вернулся в самом конце 1930 года. В это время во главе ВСНХ встал Серго. Он крепкой рукой поворачивал всю промышленность и одновременно начал сколачивать вокруг себя твердый костяк хозяйственников. Я сразу вспомнил слова Владимира Ильича: "Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью, привлекать к себе людей".

Едва наступила весна, Серго предложил мне отправиться с большой группой специалистов в Усть-Каменогорск, Риддер, а затем на Балхаш. Его волновали проблемы развития Алтайских золотых рудников и богатейших полиметаллических и медных залеганий Казахстана. Мало кто понимал тогда, на-. сколько далеко Серго смотрит вперед.

Следующей нашей совместной работой был проект весьма существенной перестройки работы цветной металлургии и особенно золотой промышленности. Несколько превысив свои права, Серго издал приказ: "Превратить золотодобычу в дело всего трудящегося населения золотопромышленных районов и устранить все препятствия к свободному и повседневному занятию золотым промыслом". Михайл Иванович Калинин охотно подтвердил все в законодательном порядке. Помню, тотчас же откликнулась "Уолл-стрит Джорнел": "В Стране Советов началось одно из величайших событий в истории добычи золота, которое в конечном счете можно сравнить только со знаменитым открытием золота в Калифорнии, Клондайке и Южной Америке".

Орджоникидзе бросил на добычу золота, на оборудование рудников и фабрик огромное количество материалов, металла, машин, станков. Заставил заводы быстро изготовить драги, мельницы, дробилки, все сложное оборудование.

Золотая промышленность — дело очень кропотливое, требующее постоянного напряженного внимания. Нужно было часто разбирать всякие запутанные дела на местах с крайкомами и обкомами. Серго чрезвычайно внимательно сам разбирал все конфликты и защищал наших директоров и инженеров. Этим

Серго поднимал авторитет наших работников, сделал их более самостоятельными, Я припоминаю много случаев, когда только вмешательство Орджоникидзе спасло наших директоров и инженеров.

И.А. Рутковский, один из старейших наших инженеров, очень хорошо знающий свое дело, был замешан во вредительстве. Несмотря на все это, Серго дал ему возможность принять участие в проектировании и строительстве большой фабрики в Казахстане. И инженер Рутковский показал, как он умеет работать. После окончания строительства фабрики Орджоникидзе вошел с ходатайством о снятии судимости с Рутковского и восстановлении его в правах. Таких случаев было много.[99]

Сергей Франкфурт, старый большевик, одаренный художник и одержимый строитель. Под его началом на Кузнецкстрое было двести двадцать тысяч человек — герои и проходимцы, комсомольцы и бородачи крестьяне, иностранные специалисты, и казахи-кочевники:

"Осенью 1930 года Орджоникидзе принял меня и подробно беседовал о делах Кузнецкстроя. Я рассказал о положении на стройке и изложил план работ на 1931 год. Беседа продолжалась несколько часов. Серго задавал детальные вопросы. На другой день в управлениях ВСНХ и в различных комиссиях уже намечались практические мероприятия для помощи стройке. Это было тотчас же после назначения Орджоникидзе председателем ВСНХ.

Через несколько месяцев, зимой я был вызван с докладом в Москву. Серго хворал, назначил встречу у себя на квартире.

…Нам нужно было много металла для конструкций. Дать столько металла было трудно. Серго строго все подсчитал, убедился, что лишнего не просим, и подписал приказ. В память врезались слова:

— Тяжело нам, очень тяжело. Надо, чтобы поскорее вы начали давать металл. Очень он нужен стране.

Состояние работ на стройке Серго всегда знал прекрасно — до мелочей. И это давало ему возможность делать указания по самым различным вопросам. Мы особенно почувствовали это в пусковой период. К этому времени уже была установлена телефонная связь с Москвой, и Орджоникидзе часто глубокой ночью вызывал меня или Бардина к телефону, подробно расспрашивал о положении дел. Оперативность — стиль Серго.

Мы полагали, что чугун будет выдан в ноябре — декабре 1931 года и даже официально рапортовали об этом Москве. Но работы запаздывали, и мы в результате ввели Серго в

заблуждение. Он мне с болью говорил:

— Зачем вам было кричать о пуске? Зачем было посылать рапорт? Любят у нас многие присочинить и приврать!

Серго всегда упирал на то, что надо быть правдивым до конца, без этого нельзя быть настоящим партийцем. На одном из пленумов ЦК мне довелось услышать, как он убежденно восклицал:

"Партийность — это главное! Нельзя забывать, что хозяйственник окружен всякими людьми — и нашими и чужими, которые пытаются на него воздействовать, пытаются разложить его. Тот хозяйственник, тот директор, тот начальник цеха, который умеет противостоять этому, сохранить целиком свое партийное нутро по-большевистски, — тот молодец. А тот, кто сбивается с этого пути, тот погибнет, ничего из него не выйдет. Партийность — прежде всего и раньше всего".

Тяжко, очень тяжко приходилось нам, если Серго заподозревал, что мы вводим его в заблуждение или сообщаем ему правду, но не всю.

…Орджоникидзе часто говорил, что ему очень хотелось бы побывать у нас. Мешали работа и болезнь. Только летом 1933 года он сумел к нам приехать.

Зная его нелюбовь к грязи, замусоренности, захламленности, мы убирали, чистили площадку, завод. Но грязи осталось немало.

Серго приехал на рассвете и тут же направился на площадку, несмотря на протесты сопровождавших его товарищей и вызванного к нему врача.

— Послушаешься врачей, никогда работать нельзя, — отбивался Серго.

В первый день Орджоникидзе обошел коксовый, доменный цехи, мартены и прокат. Было изнурительно жарко. Уставали и мы, привыкшие к этой обстановке. Особенно тяжело было Серго. Товарищи, сопровождавшие его, настаивали, чтобы он прекратил обход. Он отшучивался и продолжал пытливо осматривать завод, говорил с инженерами, мастерами, рабочими. Подробно расспрашивал их.

Настоял он и на осмотре тоннеля для пешеходов и транспорта под всем гигантским металлургическим заводом. Сказать правду, я немного опасался: не выругает ли Серго нас за сверх "американизм", за это дорогое сооружение?

Спустились вниз. Некоторые секции тоннеля были уже закончены и отделаны. Два ряда массивных железобетонных колонн отделяли тротуары для пешеходов от широкой дороги для транспорта. Наверху жарко и душно, а в тоннеле влажно и прохладно. Серго обошел несколько секций и, утомившись,

присел на доски. Наконец сказал: "Умно задумано, очень умно задумано".

Следующий день Серго начал с осмотра электростанции.

После снова вернулся в основные цехи и теперь еще более подробно стал знакомиться с ними. Снова говорил с людьми, расспрашивал, присматривался к тому, как они работают. Он как будто проверял вчерашнее свое впечатление.

Много часов продолжалось знакомство с городом. В одном рабочем доме Серго заметил отделение милиции.

— Как, в жилом доме? — рассердился Орджоникидзе. — Сюда притаскивают пьяных, хулиганов. И все это на глазах у детворы.

В приказе, который он написал, нам было предложено немедленно вывезти из рабочих домов все учреждения. Проекты многих домов были неудачны. Низенькие квартиры, без ванных комнат, балконов. Серго возмутился.

— Конечно, — говорил он, — буржуазный архитектор, который привык прежде видеть рабочих, живущих в хибарках, подвалах, считает крупным шагом вперед светлую, хотя и низенькую, комнату без удобств, без ванны. Но нас это не устраивает. Мы должны строить для рабочих по-настоящему хорошие дома — красивые, удобные".

Иван Бардин, инженерный глава металлургии, академик:

"Серго — человек наступления. Отступать он не мог. Выражаясь образно, — это танк прорыва. Нужно где-нибудь прорвать фронт, укрепить социалистические позиции, и партия посылает туда своего благородного полководца.

Благодаря удивительному умению Серго командовать, производить маневрирование с людьми, с рабочими и инженерами, благодаря его особенному умению замечать и выдвигать людей уже к концу 1931 года советская металлургия оставила далеко позади уровень довоенной России.

Каждого человека Серго встречал с доверием. Но верил лишь до тех пор, пока чувствовал, что ему говорят правду. Достаточно было малейшего сомнения, чтобы Серго коренным образом менял отношение к таким людям.

Сотни рабочих, инженеров, мастеров могут вспомнить, что Серго сделал для них лично: написал ли дружеское письмо, дал ли путевку, отправил ли учиться. Он любил всех видеть счастливыми. Это в натуре Серго.

Он знает в лицо уйму людей, с бесчисленным количеством металлургов переписывается. Любой мастер или инженер, приехавший в Москву с новостройки, может побеседовать с

наркомом. Доступ всегда открыт.

…Однажды Серго приехал на старый юзовский завод в Донбассе. Завод был загрязнен страшно, работал плохо, показывать было нечего. Единственно, что выглядело прилично, — это будка с газированной водой для работающих в горячих цехах. Сопровождавший Серго руководящий работник завода решил отыграться на этих будках, отвлекая внимание Орджоникидзе от основных зол производства. Серго хмурился, хмурился и, наконец, спросил:

— Скажите, чем вы раньше занимались?

— Да я в металлургии, собственно, недавно, — выжал из себя этот руководитель.

— То-то я вижу, — подхватил Серго. — Будки с содовой водой вы организовали неплохо, вам, пожалуй, и нужно трудиться, в этой области. Я об этом позабочусь…

Серго не знал ни дня, ни ночи. Когда я работал в Сибири, обычно в два-три часа ночи раздавался телефонный звонок, вызывал Серго. Его интересовала работа завода.

…Вспоминается ужасная зима 1933 года. Доменные печи замерзали, мартены и прокат еле-еле дышали. И Магнитка и Кузнецк работали отвратительно. У маловеров создавалось впечатление, что мы будем неизбежно стоять каждую зиму. Начались разговоры, что вот, мол, понастроили заводов, а работать они могут лишь незначительный отрезок времени — техника, мол, американская, а климат — русский, сибирский. Об этих разговорах лучше других знал Серго.

Почти каждую ночь мне приходилось докладывать ему по телефону о тяжелом положении завода. Несмотря на совершенно неутешительные сведения, Серго говорил, не повышая голоса, не выходя из себя. Чувствовалось, что ему очень тяжело и неприятно, но, зная, что люди на месте, работают изо всех сил, стараются сделать все, что могут, он сдержанно ободрял нас.

— Смотрите только, — твердил Серго, — чтобы не были погублены печи. Надейтесь на молодежь, на энтузиазм советских людей. Сделайте еще несколько усилий, и все пойдет хорошо.

Металлургия — производство, связанное с риском, требующее быстрых решений, требующее, чтобы люди постоянно работали с огоньком, — была особенно близка натуре самого Серго".

Илья Пешкин, один из ветеранов газеты "За индустриализацию", "нашей родной газеты", как говаривал Серго:

"Ночные часы в типографии летят быстро. Стрелка подходит к трем, наступают минуты, когда надо подписывать газету к

печати. Через фанерную перегородку я слышу, как метранпажи командуют: "Третью под пресс, четвертую тискать!"

В комнату входит выпускающий. Всегда угрюмый и брюзжащий, он сегодня настроен хорошо и готов на любые испытания. Он знает, что газета выполняет поручение Орджоникидзе. В руках у него оттиск первой страницы. На ней большой аншлаг:

"Сегодня в… час… мин. задута вторая кузнецкая, домна". Под аншлагом окошко для сообщения. Рядом статьи и другие материалы, посвященные этому крупному событию в истории индустриализации страны.

Но сообщения нет, и окошко пусто.

— А если не задуют? — спрашивает кто-то.

Вопрос остается висеть в воздухе, Я снова снимаю трубку и кричу:

— Междугородная? Как там Кузнецк? Телефонистка знает: во что бы то ни стало надо связаться с Кузнецком, получить информацию о делах на домне, ее должны задуть с минуты на минуту.

Телефонистка с горечью сообщает, что в Кузнецке никто не отвечает, словно все вымерли.

Слышно, как тикают часы. Четыре. Четыре пять. Четыре десять. Типография пустеет. Все газеты уже сдали свои полосы. В комнату входит начальник ночной смены типографии.

— Будем еще ждать?

— Подождем…

Он понимающе кивает головой.

Снова тишина и… резкий звонок. Беру трубку.

— Соединяю вас с домной. Раздельные слова директора:

— В три часа пятьдесят восемь минут задули домну. Уже сообщил наркому. Чугун ожидаем к вечеру.

Комната заполнилась народом. Здесь все: метранпажи, наборщики, тискальщики, корректоры. Я едва успеваю сказать: три часа пятьдесят восемь минут — и комната опустела. Все бросились на свои места.

Телефонный звонок. Снимаю трубку. И сразу же слышу голос Серго:

— Новости из Кузнецка знаете?

— Задули! В три часа пятьдесят восемь минут.

— В газете будет? — Будет.

— Хорошо! Спокойной ночи!"

Алексей Литвинов, тогда директор одного из уральских медеплавильных заводов:

"В этом году газета "За индустриализацию" крепко взяла нас под обстрел за срыв выплавки меди. Настолько крепко, что мне стало невмоготу. Я обратился к наркому с просьбой защитить от этого обстрела и, как всегда, немедленно получил телеграфный ответ:

"Я нисколько не сомневаюсь, что завод покажет образцы хорошей работы и выполнение плана. Но, к сожалению, я не могу скрыть — да и никакой надобности нет, что год начали плохо, а все ожидали обратного. Нашей газете "З. И." куда приятнее хвалить ваш завод, как и всех других, за отличную работу, чем ругать за плохую. Надеюсь, скоро вновь поставите завод на ноги и все вопросы корреспондентов будут исчерпаны. Привет всем. Орджоникидзе".

Еще через несколько дней Серго прислал вторую телеграмму. На этот раз из Мухалатки (Крым).

"Подробно сообщите, чем могу помочь. Ваш Серго".

Александр Бусыгин, тогда кузнец Горьковского автозавода:

"В июне 1936 года нарком приехал в Горький. С раннего утра до позднего вечера обходил он заводские цехи, квартиры рабочих, разговаривал со многими горьковчанами.

Пришел Серго и на Горьковский металлургический завод.

В мартеновском цехе нарком увидел, что металл в мартеновские печи загружается самым примитивным, допотопным способом, требующим огромной затраты физических сил. Страшно рассердился Серго: — Если металл, — заявил он, — добывается таким путем, он нам не нужен.

И тут же приказал остановить производство до введения механизированной завалки. Директора с работы снял…

На заседании Совета при наркоме Орджоникидзе говорил три часа тридцать минут. Огромный, битком набитый зал словно замер. Голос Серго гремел. Слова его были пропитаны огненной страстью, которая не могла не захватить людей даже самых спокойных и холодных:

"На самом деле, если производительность труда не вырастает, если страна не становится богатой, то какой же это социализм? Разве социализм может быть на бедности, на нищете? Никогда! Социализм может только тогда окончательно победить, когда станет полнокровным, богатым, могучим, когда все население живет так, как надо жить гражданам социалистической страны. А стахановцы дают нам такой рост производительности труда… Московская организация, и т. Хрущев, и Ленинградская организация, и т. Жданов, и ЦК Коммунистической партии? Украины, т. Постышев и Косиор проделали большую работу по

организации стахановского движения".

Макар Мазай, в то время лучший сталевар страны и человек стальной воли, как выяснилось в Отечественную войну:

"…Я стал слушать. В трубке что-то гудело, свистело, а потом донесся голос:

— Это товарищ Мазай? Комсомолец, комсомолец? Как у вас идет соревнование?

Слышимость была плохая, и я не сразу понял, что со мной говорит Орджоникидзе. Через минуту посторонние звуки устранили, и на этот раз я хорошо разобрал:

— Говорит Орджоникидзе. Вы Мазай? Комсомолец? Как соревнование, как ваша бригада? Помогает ли вам дирекция? Вы не стесняйтесь, говорите все как есть.

Я рассказал Серго о наших первых успехах, сообщил состав бригады, сказал, что мне помогают хорошо.

Нарком не удовлетворился последним ответом.

— Вы мне о дирекции скажите все как есть. Вы, наверное, стесняетесь говорить, потому что рядом с вами сидит директор. Не обращайте внимания, сталевар должен быть смелым. Говорите все!

В заключение Орджоникидзе попросил звонить ему ежедневно.

Следующую плавку я закончил под утро. Откуда ни возьмись — посыльный. "Бегом давай в контору". Удивился: зачем понадобился в такой необычный час?

В кабинете директора дежурный протянул мне трубку. Знакомый голос Серго спросил:

— Почему же ты не позвонил, Макар? Я здесь уже начал беспокоиться.

— Да ведь позднее время… Я думал, вы давно спите, товарищ нарком.

Серго засмеялся:

— Я ждал твоего звонка и потому не ложился спать.

Вскоре я доложил, что сварил по двенадцать тонн стали с квадратного метра.

— Поздравляю, сердечно поздравляю, — отозвался Серго. — Только ты свои секреты не храни. Учи других сталеваров.

В конце ноября на завод пришла телеграмма:

> "Комсомолец Макар Мазай дал невиданный до сих пор рекорд. — двадцать дней подряд средний съем стали у него двенадцать с лишним тонн с квадратного метра площади пода мартеновской печи. Этим доказана

осуществимость смелых предложений, которые были сделаны в металлургии.

Все это сделано на одном из старых металлургических заводов. Тем более это по силам новым прекрасно механизированным цехам. Отныне разговоры *к* могут быть не о технических возможностях получения такого съема, а о подготовленности и организованности людей.

Крепко жму руку и желаю дальнейших успехов *щ* комсомольцу Мазаю. Я

Орджоникидзе".

…Серго пригласил меня к себе в Москву. Он встретил меня посередине комнаты. С минуту держал мою руку в своей, как-то по-родному смотрел на меня. Я почувствовал себя так, как должны, вероятно, себя чувствовать очень близкие люди, встретившиеся после долгой разлуки.

— От соревнования устал?

Я сказал, что, когда хорошо работается, никогда не устаешь, и добавил:

— Была бы помощь завода и ваша.

Серго насторожился:

— Моя помощь? Какая?

Тогда я рассказал о том, что мешает производству, о затруднениях с магнезитом, о плохом состоянии тыла.

Серго внимательно выслушал, сделал какие-то заметки, вызвал к себе некоторых работников главка. Тут же вернулся к тому, что его больше всего интересовало:

— Вы даете по двенадцать тонн. Значит, это вполне реально? Почему же в Америке снимают только по шесть тонн?!

Нарком сказал секретарю, чтобы тот пригласил директора нашего завода. Вошел директор. Серго поздоровался, сразу сказал:

— Вот что, вы с Мазаем из Москвы не уедете до тех пор, пока не напишете подробно, как вы обогнали американцев. Двенадцать тонн с квадратного метра! У американцев ведь этого нет, у немцев и англичан нет и у чехов нет! Ни у кого нет. Сталевары вы хорошие, будьте такими же учителями. Учите, передавайте опыт через нашу газету. Книгу надо вам написать. — Затем Серго пригласил к себе одного из профессоров, заведующего кафедрой института стали:

— Прошу познакомиться с Мазаем. Поезжайте с бригадой научных работников к нему на завод, а потом внесите поправки в ваши лекции и учебники… если найдете нужным.

Беседа продолжалась. Серго расспрашивал об отдыхе, о том, какие книги читают сталевары, как живут семьи.

— А почему бы не помочь Мазаю построить себе коттедж? — обратился нарком к директору.

— Не надо коттеджа, — сказал я. — Мне бы учиться поехать в Москву.

— Это совсем хорошо. Нам нужны ученые металлурги. Поступай осенью в Промакадемию. Борись, Макар, за науку, так же как борешься за сталь.

Осенью я стал студентом".[100]

Абрам Иоффе, академик:

"Я был на приеме у Орджоникидзе. Мы еще раз обсудили план развития физико-технического института как одного из главнейших институтов страны на ближайшее десятилетие.

Мы вместе с Серго горько пожалели, что Ленин не дожил до того дня, когда не в воображении английского журнала "Нейшн",[101] а в наших наркомтяжпромовских институтах русские ученые уверенно проникают в тайну атомного ядра.

Кстати сказать, исследовательская сеть Наркомтяжпрома, заботливо опекаемая Серго, — самая могущественная научная армия Советского Союза. Именно по просьбе Серго в академиях наук СССР и Украины образованы отделения технических наук".

Ну, а теперь уж придется доставать из дальних ящиков стола известинские блокноты. Пока все идут странички, заполненные еще на Украине и в Москве.

…Большой металлургический завод. Дела плохие. Орджоникидзе нагрянул неожиданно. Директор жалуется на безвыходное положение. Обстоятельно, с каким-то мрачным удовольствием перечисляет свои недостатки, продуманно бичует себя.

Терпение Серго иссякло.

— Скажите, товарищ, вы давно работаете в металлургии?

— Да уж десять лет, — сразу выпятив грудь, самодовольно отвечает директор.

— Я думаю, вам надо бросить это тяжкое дело. Вы уже очень хорошо изучили недостатки, прекрасно отмечаете все свои ошибки, но, видно, ничего не можете сделать, чтобы их исправить… Семушкин! — зовет Серго своего помощника. — Сейчас же подготовьте приказ об освобождении товарища, надо войти в его положение.

На улице в Макеевке Серго останавливает пожилого

рыжеусого человека.

— Здравствуй, Иван Гаврилович! Дочка поехала за границу?

— Поехала, вам спасибо!

Корреспондентский корпус отряжает своего представителя расспросить Ивана Гавриловича. Полный конфуз. Это же Коробов! Глава целой династии доменщиков. Первенец — Павел — начальник доменного цеха в Енакиево. Николай — ассистент академика Павлова. Младший — Илья — начальник печи в Макеевке, в том же цехе, где отец обер-мастером. Между ними отчаянный конфликт. Илья, во главе группы молодых инженеров, потребовал вести плавки на кислых шлаках. Кислые шлаки — легкоплавкие, жидкие, текут, как парное молоко… Съем металла намного увеличивается. Но смотреть надо в оба, как бы не пошел густой, "холодный" чугун. Тогда все расстроится, домна надолго закапризничает. После схватки на дискуссии в инженерном клубе Иван Гаврилович перестал здороваться с сыном, заявил, что с него хватит, он с завода уходит. Отставка взята обратно по просьбе Орджоникидзе. Знакомство у них близкое. Прошлым летом обер-мастер с супругой гостили у Серго на подмосковной даче.

Дочка Коробова пока ни при чем. С ней особый случай: трагикомедия. В самое неподходящее время — в медовый месяц — ее мужа-архитектора отправляли в заграничную командировку. Молодая горько расстроилась. Отец, беспощадный к сыновьям, совсем не мог выносить слез дочери. Втайне от всех домашних он поделился неожиданным горем е Орджоникидзе. На третий день ответная телеграмма:

"Письмо твое, Иван Гаврилович, получил. Спасибо за душевное доверие. Заграничный паспорт дочери выписан. Желаю молодоженам счастливого пути. Серго".

В вагоне Орджоникидзе угольщики. Молодой инженер не очень смело говорит:

— Следовало бы подумать о механизации погрузки угля на конвейер. Очень тяжелый и неблагодарный труд.

Голоса:

— Какой прыткий! Даже за границей нет еще механизмов, которые бы справлялись с погрузкой угля.

Серго вскакивает. Очень сердито:

— Ну и что же? Кто должен больше думать об облегчении труда рабочих: мы или капиталисты?!

Диктует приказ:

— "До конца года выпустить семьдесят экземпляров экспериментальных машин для механизации погрузки угля".

Серго вызвал из Ленинграда своего давнишнего знакомого Сергея Соболева. В 1923–1924 годах Сергей работал в Тифлисе секретарем Закавказского крайкома комсомола. Сейчас он директор большого известного завода.

В последние недели завод медленно, неаккуратно выполняет важный правительственный заказ.

— Сколько вам ("вам" в устах Серго плохой признак. Людям, к которым он хорошо относится, говорит по-дружески "ты") еще надо время?

Соболев называет свой срок.

— А как быстро может выполнить такой заказ Япония?

— В Японии сделают на месяц-полтора быстрее.

— Возвращайтесь на самолете в Ленинград. Созовите заводское собрание, передайте рабочим наш разговор. Они вам объяснят, что при своей пролетарской власти, на своих советских заводах трудиться надо намного производительнее, чем в любой капиталистической стране… Вдвоем с Кирычем воспитывали тебя, а ты что?

Соболев, не подымая глаз, бредет к двери. Серго вдогонку:

— Когда японцев обгоните, сразу сообщи в нашу газету "За индустриализацию".

Семушкин докладывает Серго, что, "придя в себя" после вчерашней большой взбучки, заданной ему наркомом, директор завода "Манометр" представил серьезные оправдательные документы. Вины его перед нефтяниками нет. Просто, растерявшись под напором наркома, запутался в своем "экспромтном" объяснении.

Серго заливается краской. Должно быть, вспомнил, что назвал не в меру робкого директора шляпой.

— Семушкин! Вне всякой очереди телеграмму. Запиши текст: "Приношу свое глубокое извинение. Народный комиссар тяжелой промышленности Орджоникидзе". Обязательно копию в горком партии.

Обычный просмотр копий приказов, изданных директорами заводов.

В совхозе отдела рабочего снабжения "Красного треугольника" уволили агронома за прогул.

— Не может быть, чтобы человек не хотел работать! — говорит Серго начальнику главка. — Узнайте, в чем дело.

Запрос в Ленинград. Ответ: агроном не выходил на работу. Уволили. Потом выяснилось — у него болела жена, не с кем было

оставить. Ему предложили восстановиться, но он обиделся и отказался.

Распоряжение Серго: "Пригласите агронома ко мне. Не забудьте дать денег на дорогу, только поделикатнее…"

Ошалелый агроном, едва войдя в кабинет наркома, выпаливает:

— Простите, я никак не могу понять, откуда вам известно о моем существовании. Я ни к кому не обращался.

Новый танк на испытаниях. Сразу за городской чертой Серго подает фуражкой командиру тайка сигнал остановиться. Вылезает из своего "паккарда", забирается в танк. Механику-водителю успевают шепнуть, чтобы он не развивал максимальной скорости, следил за дорогой, избегал ухабов. "У наркома одна почка и больное сердце…"

Проходят несколько минут. Серго заподозрил неладное, учиняет допрос. Водитель признается, что танк может идти в три-четыре раза быстрее, но "не приказано".

— Слушай мой приказ: веди машину так, чтобы она могла показать себя с лучшей стороны.

На завод Серго возвращается в танке. Довольный, направляется в цех сборки, делится своими впечатлениями.

— Теперь могу подписать постановление правительственной комиссии: "Хороша машина!"

В Кисловодске у нарзанного источника к Серго и Зинаиде Гавриловне подходит худой, густо заросший, беспокойно озирающийся человек. Торопливо, сообщает:

— Все зависит от вас…

Серго протягивает ему руку.

— Пойдемте с нами, пообедаем вместе, поговорим.

Уже потом человек представляется — геолог Борис Орлов.

После окончания Нозочеркасского политехнического института он отправился в горы Кабардино-Балкарии искать молибден. В Ущелье ветров — Тыр-ныаузе (по-кабардински) — Борис встретил выпускницу того же института Веру Флерову. В студенческие годы они были едва знакомы. А в горах, связанные одной мечтой, деля пополам лишения и надежды, сразу сблизились, вспыхнула любовь. "Вернемся в город, справим свадьбу".

Пока что они карабкались все выше и выше. Вспугивая орлов, кирками врубались в гранит, на плечах втаскивали на вершины взрывчатку, потом, едва дождавшись, покуда отгремят, взрывы и рассеется едкий дым, перебирали кровоточащими руками сотни

тонн скальной породы. Тяжелый обломок с густыми молибденовыми прожилками стал самой желанной наградой.

Под вечер Вера и Борис на крыльях любви и успеха неслись в долину. Ураганный порыв ветра — он всегда мечется между скалами, нехотя расступившимися под напором вспененных вод реки Баксан, — перевернул веревочный мостик. Борис успел схватиться за поручни. Веру с ее тяжелым рюкзаком, заполненным драгоценными образцами, швырнуло в поток. Она разбилась о камни. Насмерть! Накануне свадьбы…

Серго крепко прижимает давно не чесанную голову Бориса к груди.

— Чем бы я мог вам помочь?

— Пик Веры!… Молибден!.. Ее подарок России!.. Поверьте мне! — выкрикивает Орлов.

— Хорошо, Борис. Я попрошу Бетала Калмыкова. Ему я верю, как самому себе. Он все поставит на ноги. Если на Пике Веры есть молибден, мы построим там большой завод,[102] город. В центре на самом видном месте воздвигнем обелиск в честь вашей любимой.

Студента, секретаря комсомольской организации института внешней торговли, Георгия Гвахария вдруг вызвал Народный комиссар Рабоче-крестьянской инспекции Орджоникидзе.

— Так вот ты какой, воинственный земляк! — Серго усадил Георгия рядом с собой на диванчике. — Анастас Микоян посоветовал мне познакомиться с тобой. Он был у вас на собрании, слышал, как ты громил старых профессоров. Петушишься, бичико? Организуй из своих комсомольцев эскадрон "легкой кавалерии" при Рабкрине.

После окончания института назначение в Лондон — сотрудником торгпредства. И снова неожиданность. Перевод в Москву — инспектором в РКИ, Дальше — ВСНХ. Ошеломляющий вопрос Серго:

— Пять строительств сразу потянешь?

— Пять?!

— Ты что, постарел, плохо слышишь? Поедешь в Донбасс начальником "реконструкции" — понимай, строительство — пяти важнейших заводов.

В ту пору Георгием заинтересовался писатель Константин Паустовский, пожалуй лучше всех знающий толк в романтиках и героях. В очерке, датированном 1933 годом, Паустовский рассказывает:

"…во главе всех пяти сверхударных строек Донбасса стоял Гвахария — человек, столь же стремительный в работе и

решениях, как стремительно, взрываясь внутренней энергией, звучала его фамилия… Работа идет быстро, но без трагических перенапряжений, весело, но без хвастовства, спокойно, но без железно сжатых губ и свинцового взгляда. Героизм не наряжается в пышные одежды или в нарочно скромные онучи. Героизм ходит в кепке, и лицо героя так же обыкновенно "чаще всего бывает красным от смущения, как и лицо любого смертного. Героизм бывает разный, но выше всего тот, который нельзя ни сфотографировать, ни пышно описать".

Когда для страны самым главным, просто жизненно необходимым стал металл, Гвахария попросился на макеевский завод. Хуже на Украине предприятия не знали.

В два часа ночи в доменный цех зашел чисто выбритый, тщательно одетый человек в роговых очках. Новый директор. У домен он оставался до рассвета. Так каждую ночь две недели подряд. Затем звонок в Москву.

— Товарищ нарком, я готов назвать кандидатуру нового начальника доменного цеха. Только его фамилия вам ничего не скажет. Недавний студент, самый молодой начальник смены, комсомолец Илья Злочевский.

— Да, кандидатура неожиданная… Ну что ж, назначай! — ответил Серго. — Теперь уж рассуждать нечего. Отдал комсомольцам в руки завод — хозяйничайте. К вам эстафета перейдет!..

"Комсомольский" завод — неожиданно ли? — становится лучшим заводом Советского Союза. Первым, к удивлению очень многих хозяйственников и экономистов, отказался от государственной дотации. По законам и обычаям тех лет без дотации заводы не работали. Шаг Гвахария казался невероятным. Даже главарь белых эмигрантов профессор Милюков написал: "В Москве теперь усиленно роют могилу металлургической промышленности. Отказ от дотаций приведет к полному краху. Туда им дорога!"

Серго не отказал себе в удовольствии — прочел на большом совещании работников промышленности авторитетное и любезное предсказание Милюкова слово в слово, все, что сумел сказать бывший русский экономист. От себя радостно добавил:

— А дело, начатое Гвахария, вышло! Вся южная металлургия и все заводы "Спецстали" в настоящее время уже работают без дотаций.

— Вот как мы развратили Каттеля! — восклицает Серго.

Ага! Добрались до челябинских записок.

Осень 1934 года. Большая поездка Орджоникидзе по Уралу.

Пермь. От нее на север — Березники, Соликамск. Потом Чусовая, Нижний Тагил, Калата, Свердловск, Карабаш, Челябинск, Златоуст и особенно дорогая сердцу Серго Магнитка.

Уже несколько часов Орджоникидзе осматривает подготовленный к пуску станкостроительный. Начал с огромного цеха сборки, того, что когда-то вызвал столько споров и непримиримых столкновений. По проекту механосборочный должны были возвести из монолитного железобетона. Нежданно-негаданно воспротивился главный инженер — ныне начальник строительства Каттель. Он предложил применить какие-то необычные сборные конструкции. Доказывал, что новшество ускорит сроки, заметно снизит затраты.

Авторы проекта пригрозили, что они снимают с себя всякую ответственность. Технический совет наркомата также предупредил: отказ от монолитов слишком рискован, весьма вероятны большие неприятности.

Орджоникидзе выслушал проектировщиков, работников наркомата, Каттеля, объявил:

— Хорошо, что Каттель берется. Надо пробовать! — Тут же добавил: — Если попытка не удастся, а в новом деле всякое может случиться, на твою, Каттель, худую шею всех собак будут вешать. Так пусть лучше вешают на меня — у меня шея покрепче.

Серго вырвал листок из служебного блокнота, написал:

"Тов. Каттелю. Предлагаю Вам в порядке производственного риска — для опыта — строить механосборочный цех из сборных конструкций. Ответственность за это принимаю на себя. Орджоникидзе". — Сейчас Серго с удовольствием убедился — опыт вполне удался. При выходе из завода замечает еще один корпус, чуть меньший по размерам.

— А это что?

Начальник строительства Каттель пренебрежительно машет рукой.

— Ничего интересного. Маленький вспомогательный цех.

— Какой же это вспомогательный цех? Большущее здание. Что там?

— Кузница.

Войдя, нарком укоризненно качает головой. Он видит огромные молоты, гидравлические прессы мощностью в 750 тонн и другое оборудование, делавшее честь любому передовому заводу.

— Вот, — восклицает Серго, — вот как мы развратили Каттеля! Хороший он человек, а забыл, что несколько лет назад этот "маленький подсобный цех", как он назвал, представлял бы большой завод. Да еще в "Челябе" на Каторжном тракте!

После маленькой паузы добавляет:

— Вообще-то мы народ не очень бедный. За шесть миллионов перевалила наша армия работников тяжелой промышленности.

Серго прислушивается к выступлению одного инженера-краснобая.

— Мы растерялись от того, что из магнитогорских домен чугун рекой идет.

Немедленный ответ Орджоникидзе:

— У нас есть всякие заводы. Кто не может с рекой управляться, того пошлем на Уфалейский завод, где чугун ручейком течет.

Из разговоров под стук вагонных колес.

Серго:

— Недавно я читал "Условные рефлексы" академика Павлова. Набрел на замечательную фразу: "Какое главное условие достижения цели? Существование препятствий". Другой раз пригласишь к себе хозяйственника и говоришь: "Вот придется взять такую-то программу. Мнется, не хочет принимать. Почему?"

"Не выйдет".

"Почему не выйдет? Ведь у тебя вон какие резервы?!"

"Нет, — твердит, — не выйдет!"

И с этим "не выйдет" он уходит, с этим "не выйдет" живет, и с этим "не выйдет" спит. Ну, конечно, у такого ничего не выйдет. А если приказать ему прочитать "Условные рефлексы"? Поможет?!

На исходе ветреной и дождливой сентябрьской ночи уставший нарком добирается до центральной электростанции Магнитогорского завода. Навстречу выходит тоненькая девушка с большими сияющими глазами.

— Сменный инженер Джапаридзе, — представляется она. Голос выдает волнение.

Серго, кажется, даже не дослушал. Он попросту заключает сменного инженера в объятия, крепко целует в обе щеки. Потом немного отталкивает, улыбается.

— Ну что ж, показывай свое хозяйство, сменный инженер Джапаридзе Елена Алексеевна. Извини, ты, наверное, Прокофьевна. Это мы в подполье звали твоего отца "Алеша"…

Все годы Серго заботился о семье своего друга Алеши, расстрелянного эсерами и англичанами в числе 26 бакинских комиссаров. Мать Елены — Варо тогда также была арестована, томилась в тюрьме. Две маленькие девочки остались на попечении Тифлисской подпольной большевистской организации.

С большим трудом их переправили в Москву.

Один только раз Елена восстала против опеки друзей отца. После окончания энергетического института ее оставляли в аспирантуре, предлагали работу в наркомате.

— Нет, — твердо отвечала девушка, — я поеду работать на завод. И не на юге, в давно обжитых городах Приднепровья или Донбасса, там дорожки слишком протоптаны.

Обе стороны упрямо стояли на своем.

— Пусть едет, — распорядился Серго. — Она комсомолка, хочет быть достойной своего отца.

В сорокаградусные морозы с "магнитогорским ветерком" Елена, спрятав подальше свой инженерный диплом, исправно выполняла обязанности землекопа, бетонщика. Вместе с другими комсомольцами[103] строила плотину и здание электростанции, той, что она сейчас неторопливо показывала наркому.

Один только вопрос Серго ей показался неожиданным.

— На заводе много грузин?

— Я думаю, человек сорок-пятьдесят. Те, кто приехал прямо из Грузии, плохо привыкают к климату. Зимой совсем трудно, многие, боюсь, уедут.

— Нет, дочка, в Грузию вы вернетесь все вместе. Вам пускать первый грузинский металлургический завод. Я стараюсь, чтобы это настало скорее.

— Ну, какая у меня биография? — директор Магнитогорского комбината Абрам Завенягин разводит руками. — Репортер, литературный сотрудник, редактор — профессии, о которых у нас не пишут. Потом заурядный студент Горной академии и инженер в главке черной металлургии.

— А Магнитка?

— Пока это только кредит, открытый под ручательство Серго. Подтверждение Центральным Комитетом партии ставки Орджоникидзе на инженерную молодежь. На Бутенко, Гвахария, Павла Коробова, Лина, Злочевского. А назначение никому не известного начальника цеха тракторного завода Шейнмана директором Луганского паровозостроительного! Или Тевосяна руководителем всей промышленности качественных сталей! Мы вместе учились в академии. Прекрасный человечина! В шестнадцать лет член партии, в семнадцать — секретарь нелегального райкома в Баку… Дождетесь, сам напишу, — грозит Завенягин. — Пока Серго приказал написать о Магнитке. Где-то он увидел несколько старых томов, вышедших под редакцией академика Семенова-Тян-Шанского. Там, между прочим, говорилось… — Завенягин вынимает из портфеля листок. — Вот

дословно переписал: "Когда месторождение железной руды совсем не имеет поблизости леса, как, например, богатейшая гора Магнитная, то постройка доменных печей в таких местах считается невозможной". Не потому ли наш завод называют "русским чудом"?.. Природу наших людей хорошо понял Ромен Роллан. Первый магнитогорский чугун он приветствовал строками:

Их мускулы не из железных станин,
Не медью окованы ноги их,
Но то, что творят повседневно они.
Богатыри смогли бы немногие.

Сейчас доменщики дали слово, что в ближайшие месяцы догонят американцев. Начнут работать по их нормам — тонна чугуна с каждого кубического метра полезного объема печи.[104] Серго, по-моему, давно ждет этого обязательства. В таких случаях он никогда не высказывает своего нетерпения. О нем часто говорят: "горячий, вспыльчивый". А как он умеет ждать! И сколько ему приходится терпеть!

Иосиф Шейнман:

"Нежная и настойчивая воля воспитателя была проявлена товарищем Серго при выборе путей и методов выращивания молодых кадров. Так заботливый отец направляет жизнь своего любимого сына, подчас, вопреки его желанию. Отец вполне уверен, что через некоторое время сын будет только благодарен ему.

Как-то на даче Серго спросил меня, какого я мнения о назначении молодых инженеров директорами. Я ответил сдержанно, ссылаясь на то, что у директора много неинженерских обязанностей (жилища, ОРС, распределение хлебных карточек и т. д.). Серго стал энергично возражать:

— У меня есть опыт. Завенягина назначил директором Магнитогорского завода — и дело пошло значительно лучше. Тевосян целый трест "Спецсталь" поднимает.

Мне стало ясно, что это не случайный вопрос, что тут принципиальная. линия на выдвижение молодежи. Серго жадно расспрашивал о людях Волжского тракторного завода, где я тогда работал, в частности о молодых инженерах Меламеде и Дюфуре. Оба они вскоре были поставлены во главе крупнейших заводов.

Прекрасно зная не только директоров, но и рядовых инженеров, многих мастеров и рабочих-новаторов, Орджоникидзе все время следит за каждым из них и так выковывает армию

победителей.

Он добивается, чтобы и мы, директора, всесторонне изучали людей, чтобы мы знали не только, как они работают. Однажды Серго меня расспрашивал даже, как одеваются жены наших инженеров, и остался недоволен моими скудными наблюдениями на этот счет.

Молодежь пользуется особой симпатией Серго, но он чуток и внимателен также к старым специалистам. Он не устает разоблачать вредную кичливость и зазнайство, неоднократно напоминает о необходимости учиться молодежи у старых инженеров. В Сталинграде была целая плеяда "стариков", которыми Орджоникидзе лично все время занимался, помогая им встать на правильный путь: Макаровский, Скворцов, Свицин, Машевский и др. И в Ворошиловграде на паровозном есть такая группа старых инженеров, которая ощущает постоянное внимание наркома. Они платят ему большой любовью. Характерно, что сказал мне в минуту откровения старый специалист, один из крупнейших паровозостроителей, Тахтаулов:

— Какого огромного таланта и чувств этот человек! Не только я — жена моя потрясена его сердечным отношением".

Евгений Коваленко:

"С 1932 года я работаю на "Красном Октябре". Был сталеваром, сейчас мастер. Собрались большой группой — приехали в Москву.

В Наркомтяжпроме узнал о болезни Серго. Я сказал, что очень жалею, хотел повидаться. С 1919 года не пришлось встретиться. Помощник наркома посоветовал:

— Товарищ Орджоникидзе болен, но вы напишите ему записку, я у него сегодня буду и передам.

Письмецо я написал. Вечером отправился на вокзал. Только вошел, слышу, радио объявляет:

"Внимание, внимание! Отъезжающему мастеру Коваленко с завода "Красный Октябрь" по приказанию народного комиссара Орджоникидзе возвратиться обратно и завтра в десять часов утра явиться в наркомат".

Я направился к выходу с вокзала, там меня подстерег помощник Серго. Он отвез меня на приготовленную квартиру на автозаводе.

В шесть часов утра уже не спится.

В восемь часов позвонил товарищ Лихачев.[106]

— Евгений Тимофеевич, собирайтесь!

Вскоре мы были в приемной Серго, Там застали И.Ф. Тевосяна. Только поздоровались, открывается дверь рабочего

кабинета наркома. В дверях Серго. Быстро подходит ко мне. Положил руку на плечо:

— Ну, здравствуй, Коваленко. У нас на Кавказе говорят: "Приход гостя к счастью".

Три часа беседовали. Не заметили, как оно пробежало, время!"

Иван Пащенко, мастер "золотые руки":

"Где я только не был в своей жизни! На американских заводах работал более 25 лет… А сам-то я украинец, в Америку попал, когда мы пропадали с голоду. Девятнадцать лет мне всего было.

В 1930 году я покинул Америку и приехал домой в СССР, прямо на СТЗ. Назначили меня в литейный цех начальником земледельческого отделения. В цехе царил хаос. Кругом грязь и беспорядок. Специалистов много, а цех работает плохо. Чтобы навести порядок в отделении, мы решили организовать у себя субботник. Пришли все, работаем.

Вдруг в отделение входит человек в военном костюме. Все бросили работу, бегут к нему навстречу. Я подумал: "Почему какой-то военный отвлекает нас от дела?" Подошел и говорю:

— Товарищ, видите, у нас дело, а вы отвлекаете нас от работы.

Когда я это сказал, рабочие на меня удивленно посмотрели и начали о чем-то между собой шептаться.

Человек в военном вежливо попросил всех разойтись и сам пошел в другое отделение. Тут мне сказали, что это председатель ВСНХ Орджоникидзе.

Я очень беспокоился, вот, думаю, достанется мне от него, что плохо встретил такого большого босса.

На следующий день Орджоникидзе опять пришел в литейный цех. Я волновался. Ну как подойти к нему? Но когда я увидел его ободряющую улыбку, у меня прошла робость. Я подошел к нему, говорю:

— Вы меня простите, что я вчера так плохо принял вас.

Орджоникидзе улыбнулся.

— Ничего, ничего. Это хорошо, что у вас дисциплина. — И добавил: — Если бы все хорошо работали, у нас бы давно двинулись дела".

Леван Макарьянц, в то время рабочий Волжского тракторного завода:

"Орджоникидзе пришел в столовую кузнечного цеха и обратился к первому сидящему рабочему:

— Как кормят?

Рабочий вынул из кармана деревянную полусломанную ложку, протянул председателю ВСНХ.

— Сам попробуй!

Орджоникидзе стал есть из его тарелки. Суп оказался действительно таким, как его охарактеризовал рабочий: вода с сеном. Орджоникидзе дальше спросил, почему кушают баланду сломанными ложками. Рабочий сердито ответил:

— Ложек не дают, приходится приносить свои, а их негде достать…

В летнем клубе, где должен был выступать Орджоникидзе, народу набилось до отказа. Двери в клуб сломали. Сотни людей все-таки не попали в помещение. Вечер был без оркестра, без всякого торжества, обычного, когда приезжают большие люди.

В своем выступлении Орджоникидзе не обещал ничего необыкновенного. Он не говорил, подобно работникам Трактороростроя, о фантастических городах и о том, что через шесть месяцев у нас будет коммунизм…

Орджоникидзе говорил о трудностях, он не хотел ничего от нас скрывать. Настроение после его речи поднялось. Ребята почувствовали, что нужно относиться к жизни трезво".

Николай Федоровский, профессор:

"Серго, как никто, умел ободрить несправедливо обиженного. Помню мой первый разговор с ним. Производилась ревизия строительства нашего института. Ревизоры… нашли, что у нас допущено много излишеств… Я не соглашался с ними и доказывал, что мы строим крупное научное учреждение и должны строить его надолго, не делать его похожим на сарай.

Ревизоры все-таки настояли, чтобы мне был вынесен выговор. Этот выговор был опубликован. В тот же день слышу телефонный звонок:

— Сейчас с вами будет говорить товарищ Орджоникидзе.

Несколько секунд спустя:

— Это товарищ Федоровский?

— Да.

— Извините, что так поздно беспокою (было за полночь). Я ознакомился с обстоятельствами вынесения вам выговора. Нахожу, что это сделано неправильно. Я должен извиниться за преждевременное его опубликование и прошу вас по этому поводу завтра зайти ко мне". -

Иван Губкин, академик:

"С двумя моими товарищами случилась по службе неприятность. Мне нужно было их поддержать. Я был сильно

болен, но тем не менее поехал в главк. Там вдруг раздается звонок по телефону.

— Губкин, это вы?

— Да, я, товарищ Серго.

— Как вы смели больной выехать на службу?

Я сейчас приму меры, чтобы вас водворили домой.

— Товарищ Серго, прежде чем это сделать, разрешите мне на пять минут заехать к вам.

— Приезжайте и проходите без очереди.

Через полчаса судьба моих товарищей была устроена, и я с чистым сердцем вернулся домой",

Николай Куйбышев:

"В последние годы по роду своей деятельности мне приходится постоянно выступать в роли критика того или иного участка работы промышленности. Частые мои выступления на заседаниях правительства или письменные доклады вносили остроту в обсуждаемые вопросы и вызывали со стороны Серго крепкие возражения. Ко всякому вопросу Серго относится с исключительным вниманием, все принимает близко к сердцу.

Но что характерно для замечательной натуры Серго — это его объективность в отношении к людям. В спорах при обсуждении вопроса он всегда горяч… крепко наседает на оппонента. Не пройдет и минуты после горячего спора, а Серго уже улыбается, говорит с тобой как с близким товарищем, одобряет твою настойчивость в отстаивании своего мнения.

Это обворожительный человек. Всякий знает, Серго живет и горит работой",

Абрам Завенягин:

"Поздно ночью летом 1936 года Серго увез меня с собой из наркомата за город.

— Дела мои плохи. Долго не продержусь, — говорит он мне.

Я отвечаю, что этого быть не может, что он должен беречь себя.

— Иначе мне работать нельзя.

В последние дни своей жизни, предчувствуя неизбежный конец, Серго много размышлял над тем, как мы будем работать без него, как нас организовать таким образом, чтобы и без него не дрогнули наши ряды и наступление армии работников тяжелой промышленности протекало бы с прежним успехом, Он глубоко верил в зрелость и отвагу своей армии".

25

Серго прислушивается. Распахивает окно. Тишину раннего кисловодского утра взрывает походная песня ингушей. Полузабытая боевая песня. Цокот копыт.

Ближе. Еще ближе… Уже у самого дома черные бурки. Белые бороды. Вскинутые кверху винтовки.

Серго хватает лежавшую у кровати домашнюю имеретинскую блузу — последний подарок старшего брата Папулия. На ходу одеваясь, бросается к двери.

На улице под джигитами кони в пляс. Пальба залпами. Гортанные крики:

— Вурро! Вурро, Эрджкинез!

В голубое небо десятки рук швыряют тонкорунные папахи. Обнажив выбритые до зеркального блеска головы, почтенные старики приветствуют совсем молодого, по их понятиям, друга. Сегодня ему исполняется всего только пятьдесят лет. Луом да луом! Настоящий лев!

Седобородые сажают Серго на коня. Набрасывают ему на плечи бурку. Дают место в своем кругу.

Неторопливый мужской разговор достойно начинает стосемилетний Исмаил из аула Датых, где в начале 1919 года Серго вербовал первых партизан:

— Аллах от великих милостей своих даровал ингушскому народу богатыря по имени Терсмэйль. Он принес с гор огромный камень, старательно завалил выход из ущелья. Никто не мог сдвинуть этот камень. Ингуши должны были покорно умирать от голода и болезней.

Прошло много-много лет. Камень неразумного Терсмэйля убрал богатырь с львиной гривой — гурджи Эрджкинез, Ленин послал его вывести ингушей из каменного гиблого ущелья в солнечную долину — к настоящей человеческой жизни.

Эрджкинез! — Исмаил привычно встал на седле. Его примеру последовали все всадники.

Ты рожден на радость нам,
Ты рожден для бури и грозы.

Избежать чествования даже здесь, вдали от Москвы, в тихом Кисловодске, оказывается невозможным., Появляются Шакро и Габо Карсанов, такие же бравые и шумные, совсем неподвластные годам. Приезжают Георгий Димитров, Бетал Калмыков, Миха

Кахиани. И многие директора заводов, счастливо нашедшие маломальски подходящий предлог для неотложной встречи со своим наркомом.

Приносят телеграмму от Надежды Константиновны:

> "Дорогой Серго!
>
> 50 лет Вам исполняется. Будет чествовать Вас завтра вся страна. Хочется и мне пожать Вам крепко руку. Не умею я говорить великоторжественных слов. Вы всего себя отдаете великому делу строительства социализма, в этом все.
>
> С 1912 года знаю Вас. Помню, как Вы к нам на Мари-Роз пришли. Консьержка меня позвала. Спускаюсь к Вам с лестницы, а Вы стоите и улыбаетесь. В Лонжюмо Вас помню. Вы крепко любили Ильича. Ну, что же тут говорить. Сил Вам желаю, здоровья, чтобы можно было побольше провернуть. Всего Вам самого наилучшего желаю.
>
> *Н. Крупская.*
>
> 27 октября 1936 г.".

Человек до совершенства цельный, словно вытесанный из одной гранитной глыбы, Серго с юношеских лет вручает сердце буре. Его друг Феликс Дзержинский сказал о всех о них, профессиональных революционерах:

"Я не умею наполовину ненавидеть или наполовину любить. Я не умею отдать лишь половину души. Я могу отдать всю душу или не дам ничего".

Серго весь революционер, весь большевик, весь ленинец. На каторге и на фронте, в глубоком подполье при царизме и в Совете Народных Комиссаров, в горе и в радости — всегда он прямой, твердый, смелый. Двадцатипятилетним он впервые избран в Центральный Комитет партии. И вся его жизнь, большая, вместительная, прекрасная и могучая, как песня, — это страницы героической истории партии и социалистической революции.

Весь он в призыве, обращенном к молодежи: "Учитесь великому делу служения рабочим и крестьянам. Знайте, что на этом пути вас ожидает слава, счастье и победа!"

Точно гигантский магнит, притягивает Серго к себе людей. Он любовно учит и воспитывает, воспитывает и учит. Он сочетает в себе бешеную энергию и настойчивость, непримиримость и сердечность.

Находится ли Серго в своем кабинете или на заводе, обедает ли у себя на квартире — на втором этаже невысокого тихого дома за Кремлевской стеной — или "отдыхает" (это слово можно

употребить только в кавычках) на даче, в Москве ли он или в отпуске в Кисловодске, вокруг него всегда люди.

Без людей он просто не может. "Ко мне, — объяснял Серго на совещании работников оборонной промышленности, — всегда, в любой час каждый может и должен прийти и сказать о своих заботах, о своих *у* трудностях, поделиться своей радостью".

Однажды в годы работы Серго секретарем Закавказского краевого комитета партии его помощник Семушкин вывесил объявление:

"Товарищ Орджоникидзе принимает по нечетным дням с 12 до 3".

Увидал Серго.

— Какой чудак придумал?

Семушкин признался:

— Я.

Серго:

— Так и знал! А если приедет крестьянин или у рабочего срочное дело, что же он, по-твоему, должен ждать приемного дня?.. Сейчас же напиши другое объявление: "Прием у Орджоникидзе всегда. Если его нет в крайкоме, просьба обращаться домой".

Время и высокие посты ничего не могли изменить. Прием у Серго всегда. Даже когда не позволяло здоровье. Седьмого января 1936 года Политбюро ЦК вынуждено было принять особое постановление: "Обязать т. Орджоникидзе с утра 9 января выехать к себе на дачу под Москву на отдых сроком на 12 дней с тем, чтобы он за этот период времени принимал людей в весьма ограниченном количестве (не более 1–2 человек, — в день)".

Постоянные встречи, живые рассказы, темпераментные дискуссии, мудрость бывалых людей, их острые наблюдения нужны Серго, как воздух. Это неиссякаемый источник вдохновения наркома. Животворящий родник, откуда Серго черпает силы.

Когда на том или ином участке тяжелой промышленности дела начинали идти хуже, Серго со страстью большевика, знающего, как безграничны силы народа, создавшего власть Советов, обращается к рабочим. Тысячи километров не преграда. Нарком едет на заводы, спускается в шахты, карабкается на строительные леса. На совете комиссара с народом всегда находится выход из затруднительного положения, на свет появляется, властно входит в жизнь нечто новое. В Ленинграде "встречный план" машиностроителей, в Макеевке — отказ металлургов от многомиллионных государственных дотаций, в Заполярье — необыкновенно дерзкий и надежный способ

строительства в условиях вечной мерзлоты. И новаторские приемы труда донецкого шахтера Алексея Стаханова, горьковского кузнеца Александра Бусыгина и кавказского гидростроителя Ираклия Оболадзе.

Первейшее правило Серго — найти и поддержать новое на одном заводе, потом, когда окрепнет, перенести на всю промышленность.

— Вообще внимание к тому, что предлагает рабочий на заводе, у нас, в Советском Союзе, должно быть величайшее, — требует Серго. — Хотите успешно руководить хозяйством, стремитесь не только учить, но и учиться у рядовых работников, использовать их практический опыт, поощрять каждое проявление полезной инициативы… У нас нет маловажных работ. У нас нет безответственных должностей. У нас не должно быть и безынициативных людей.

Москва, Магнитогорск и Макеевка, Ленинград и Нижний Тагил, Свердловск, Горький, Прокопьевск и Грозный, Запорожье и Соликамск, Кузнецк, Бобрики и Челябинск, Баку и Пермь — десятки городов, сотни заводов, рудников и электростанций, тысячи инженеров и десятки тысяч рабочих знают Серго. Он товарищ, друг, не оставит в беде, не позволит топтаться на месте. Он умеет прощать людей, делающих большое дело и имеющих те или иные человеческие слабости и недостатки, и беспощаден к людям, которые большие недостатки пытаются прикрывать маленькими делами.

Каждый, кто имеет счастье принадлежать к шестимиллионной армии индустрии — от землекопа до академика, от подручного сталевара до начальника главка, — одинаково уверенно и любовно говорит: "Наш Серго!"

По глубокому убеждению металлургов, он первый в стране сталевар. Угольщики клянутся — он заправский шахтер. Добытчики золота настаивают — он наш, таежный старатель. Для химиков он особенный знаток тонких и редких синтезов. А в кругу машиностроителей — технолог и конструктор высшего класса.

Американский консультант, проработавший более пяти лет на Днепрострое, полковник Купер и тот напечатал в "Нью-Йорк тайме":

"Каждый месяц работы с Орджоникидзе увеличивает мое восхищение его прекрасным характером. Его умение схватывать детали и его понимание проблем, которые в большинстве своем были новы для него, поистине феноменально!"

…После Кисловодска Серго чувствует себя намного лучше.

Лечащие врачи готовы признать, что их несговорчивый пациент разумно предпочел Кавказ Италии. Они, медики, настаивали на продолжительном отдыхе в Сорренто, а Серго поехал в Нальчик к Беталу, потом на Минеральные Воды.

Выглядит Серго заметно лучше. Никто не подозревает, что через три с половиной месяца он уйдет из жизни. И не из-за болезни сердца! Потому что не может наполовину любить или наполовину ненавидеть. Он весь ленинец.

Тридцатого декабря — за шесть недель до трагической развязки — Серго произносит речь, в сущности очень похожую на завещание работникам промышленности. На вечере, посвященном пятнадцатилетию газеты "За индустриализацию", он излагает питомцам свое кредо, зовет их вперед на вершины.

Помимо своего неизменного девиза — "чем труднее нам — хозяйственникам, тем легче стране", теперь Серго высказывает и самое заветное:

"…поверьте мне, через каких-нибудь пять лет, когда мы будем праздновать 20-летие нашей газеты, все, кто будет там… смогут доложить, что наша страна разрешила большую задачу, поставленную Владимиром Ильичей… догнать и перегнать передовые страны Европыи Америки.

Мы сейчас по многим отраслям промышленности заняли первое место в Европе и второе в мире. В ближайшие годы мы должны… стать рядом с Америкой, даже шагать впереди нее. Все возможности для этого в нашей стране имеются".

Главное, что, по убеждению Серго, предопределяет преимущество Советского Союза — "партия, которой не имеет ни одна страна, — большевистская партия".

…В день похорон Серго падал густой снег. На Красной площади под низко нависшим небом самозабвенно хозяйничала метель. И все-таки — в этом давно убедилось человечество — как бы долго ни держалась непогода, какой бы разрушительной силой ни обладал ураган, в небе вновь проглядывает солнце. Его живительные лучи без остатка стирают с неба тучи. Человеческому взору открываются светлые дали. Все ближе, отчетливее заветные вершины.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

1886, 12 октября — В селе Гореша Шорапанского уезда Кутаисской губернии родился Григорий Константинович Орджоникидзе (Серго).

1898 — Орджоникидзе оканчивает двухклассное Хорагоульское училище.

1901-1902 — Орджоникидзе принимает участие в работе социал-демократического ученического кружка при фельдшерской школе в Тифлисе.

1903 — Орджоникидзе вступает в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

1904, 10 июня — Орджоникидзе арестован за распространение социал-демократических прокламаций.

1905, весна — Орджоникидзе оканчивает фельдшерскую школу; ведет революционную работу в Западной Грузии.

Сентябрь — декабрь — Орджоникидзе работает фельдшером в городской лечебнице в Гудаутах; руководит партийной организацией, состоит членом Сухумского окружного комитета РСДРП, принимает активное участие в первой русской революции.

24 декабря — За революционную деятельность Г.К. Орджоникидзе арестован и заключен в Сухумскую тюрьму.

1906, 25 мая — Орджоникидзе освобожден из Сухумской тюрьмы на поруки.

Август — Орджоникидзе уезжает нелегально в Берлин.

1907, январь — март — Орджоникидзе возвращается в Россию, направляется на партийную работу в Баку.

1 мая — Орджоникидзе арестован на первомайской демонстрации в Балаханах и заключен в тюрьму.

Июнь — ноябрь — Орджоникидзе после освобождения из тюрьмы продолжает вести партийную работу.

4 ноября — Орджоникидзе арестован за принадлежность к Бакинской организации РСДРП и заключен в Валлонскую тюрьму.

1908, 27 марта — Орджоникидзе осужден к лишению всех прав состояния и ссылке на вечное поселение в Сибирь.

1909, первая половина года — Орджоникидзе находится в ссылке в Приангарском крае, в деревне Потоскуй Пиичуговской волости Енисейской губернии, где участвует в организации и

работе союза политических ссыльных.

Август — Орджоникидзе бежит из ссылки и возвращается в Баку; ведет подпольную революционную работу. Той же осенью уезжает в Иран.

1910, ноябрь — Орджоникидзе едет из Ирана в Париж. Знакомится с Владимиром Ильичей Лениным.

1911, июнь — июль — Серго — слушатель партийной школы в Лонжюмо (близ Парижа), организованной В.И.Лениным,

Вторая половина июля — сентябрь — Орджоникидзе едет в Россию. Руководит работой Российской организационной комиссии (РОК) по созыву VI Всероссийской партийной конференции.

Конец октября — Серго возвращается в Париж.

1912, 5-17 января — Г. К. Орджоникидзе участвует в работе VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. Конференция избирает его членом Центрального Комитета РСДРП и в состав Русского бюро ЦК РСДРП.

Первая половина февраля — Серго нелегально приезжает в Россию; выступает с докладом о VI Всероссийской партийной конференции.

14 апреля — Орджоникидзе арестован в Петербурге.

9 октября — После шестимесячного предварительного заключения Г.К. Орджоникидзе приговорен к трем годам каторги и заключен в Шлиссельбургскую крепость. В заключении он находится до октября 1915 года.

1916, июнь — Орджоникидзе с этапом приходит в Якутию. Местом "водворения" назначается село Покровское. Вместе с Г.И. Петровским и Е.М. Ярославским ведет партийную работу среди политических ссыльных.

1917, февраль — Февральская революция освобождает Орджоникидзе.

Март — май — Серго входит в состав Якутского комитета РСДРП (б) и Исполнительного комитета Якутского Совета рабочих и солдатских депутатов.

23 мая — Орджоникидзе выезжает в Петроград.

Июнь — июль — По предложению В.И. Ленина Г.К. Орджоникидзе введен в Петроградский комитет РСДРП (б), а также в Исполком Петроградского Совета.

Июль — По поручению ЦК РСДРП (б) Г.К. Орджоникидзе посещает В.И. Ленина на станции Разлив, информирует Владимира Ильича о положении дел в партии и получает от него директивы.

26 июля — 3 августа — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе VI съезда РСДРП (б).

Начало сентября — вторая половина октября — Г.К. Орджоникидзе направляется ЦК РСДРП (б) в Закавказье, где руководит работой большевиков Тифлиса и Западной Грузии.

24 октября — Орджоникидзе возвращается в Петроград; принимает активное участие в вооруженном восстании.

16 ноября — Орджоникидзе избирается членом Исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП (б).

19 декабря — Решением ЦК РСДРП (б) и Совнаркома РСФСР Орджоникидзе назначается Временным чрезвычайным комиссаром района Украины.

1918, 9 апреля — Декретом СНК РСФСР Г.К. Орджоникидзе поручено организовать и возглавить Временный чрезвычайный комиссариат Южного района, объединяющий Крым, Донскую и Терскую области, Черноморскую губернию, Черноморский флот и весь Северный Кавказ до Баку.

Август — декабрь — Г.К. Орджоникидзе руководит боевыми операциями Красной Армии против вооруженных сил контрреволюции на Северном Кавказе.

1919, начало июня — Г.К. Орджоникидзе руководит в Тифлисе нелегальным краевым совещанием коммунистических организаций Закавказья.

15 июля — Орджоникидзе назначается членом Революционного военного совета XVI армии Западного фронта.

5 октября — Г.К. Орджоникидзе назначается членом Революционного военного совета XIV армии Южного фронта.

1920, 23 января — Г.К. Орджоникидзе назначается членом Революционного военного совета Кавказского фронта.

Ранее 3 февраля — Постановлением ЦК РКП (б) Г.К. Орджоникидзе назначается председателем Бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе.

31 марта — Приказом по Кавказскому фронту Г.К. Орджоникидзе назначается председателем Северокавказского революционного комитета.

8 апреля — Решением Политбюро ЦК РКП (б) организуется Кавбюро ЦК РКП (б), в состав которого входит Г.К. Орджоникидзе.

22-29 декабря — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе VIII Всероссийского съезда Советов; избирается членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

1921, 27 февраля — По постановлению Азербайджанского революционного комитета Г.К. Орджоникидзе вручается орден Красного Знамени.

16 марта — X съезд РКП (б) избирает Г.К. Орджоникидзе членом Центрального Комитета партии.

28 марта — Г.К. Орджоникидзе назначается представителем

РСФСР в Грузии.

19 мая — Постановлением Президиума ВЦИК Г.К. Орджоникидзе награжден орденом боевого Красного Знамени.

26-28 мая — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе X Всероссийской конференции РКП (б).

19-22 декабря — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе XI Всероссийской конференции РКП (б).

1922, 27 марта — 2 апреля — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе XI съезда РКП (б). Съезд избирает Г.К. Орджоникидзе членом Центрального Комитета РКП (б).

Начало мая — Г.К. Орджоникидзе по заданию ЦК РКП(б) едет в Туркестан.

4-7 августа — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе XII Всероссийской конференции РКП (б).

1923, 17-25 апреля — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе XII съезда РКП (б); съезд избирает Г.К. Орджоникидзе членом Центрального Комитета партии.

1924, 16-18 января — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе XIII конференции РКП(б).

21-22 января — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе экстренного Пленума ЦК РКП (б), состоявшегося в связи со смертью В.И. Ленина.

1 февраля — Постановлением ЦИК СССР Г.К. Орджоникидзе назначается членом Революционного военного совета СССР.

23-31 мая — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе XIII съезда РКП (б); съезд избирает Г.К. Орджоникидзе членом Центрального Комитета партии.

1925, 27-29 апреля — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе XIV конференции РКП (б).

13–20 мая — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе III съезда Советов СССР; съезд избирает Г. К. Орджоникидзе членом ЦИК СССР.

18-31 декабря — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе XIV съезда ВКП(б); съезд избирает Г.К. Орджоникидзе членом Центрального Комитета партии.

29 декабря — Г.К. Орджоникидзе на собрании расширенного пленума Выборгского райкома ВКП(б) и на собрании партактива этого района Ленинграда выступает с разоблачением антипартийной позиции, занятой на XIV съезде ВКП(б) ленинградской делегацией.

1926, 14-23 июля — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Пленум избирает Г.К. Орджоникидзе кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

24 сентября — Г.К. Орджоникидзе избран первым секретарем Северокавказского краевого комитета ВКП(б).

26 октября — 3 ноября — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе XV конференции ВКП(б).

3 ноября, — Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) утверждает Г.К. Орджоникидзе Председателем ЦКК ВКП(б).

5 ноября — Президиум ЦИК СССР назначает Г.К. Орджоникидзе Народным комиссаром Рабоче-крестьянской инспекции СССР, Заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Заместителем Председателя Совета Труда и Обороны.

1927, 10–16 апреля — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе XIII Всероссийского съезда Советов.

18-26 апреля — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе IV съезда Советов СССР.

29 июля — 9 августа — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б); выступает с докладом РКИ о рационализации государственного и хозяйственного аппарата и режима экономии и с докладом о нарушении партийной дисциплины Зиновьевым и Троцким.

21-23 октября — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), выступает с докладом Президиума ЦКК о фракционной работе Троцкого и Зиновьева после августовского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

2-19 декабря — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе XV съезда ВКП(б), выступает с докладами о работе ЦКК — РКИ и о работе комиссии XV съезда ВКП(б) по вопросу об оппозиции.

1928, 20-26 января — Г.К. Орджоникидзе выступает с докладом на Всесоюзном совещании по рационализации промышленного производства.

1929, 23-29 апреля — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе XVI конференции ВКП(б).

20-28 мая — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе V съезда Советов СССР.

1930, 26 июня — 13 июля — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе XVI съезда ВКП(б), выступает с отчетом ЦКК ВКП(б).

10 ноября — Президиум ЦИК СССР назначает Г.К. Орджоникидзе Председателем Высшего Совета Народного, Хозяйства СССР.

11-21 декабря — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКЩб); решением Пленума Г.К. Орджоникидзе введен в состав Политбюро ЦК ВКП(б).

1931, 30 января — 4 февраля — Г.К. Орджоникидзе руководит

работой I Всесоюзной конференции работников промышленных предприятий.

8-17 марта — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе VI съезда Советов СССР.

22-23 июня — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе совещания хозяйственников при ЦК ВКП(б).

1932, 5 января — Постановлением СНК СССР Г.К. Орджоникидзе назначается Народным комиссаром тяжелой промышленности.

30 января — 4 февраля — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе XVII конференции ВКП(б).

1933, 17 марта — Постановлением Президиума ЦИК Г.К. Орджоникидзе за особые заслуги в образовании Закавказской федерации награждается орденом Трудового Красного Знамени ЗСФСР.

10 ноября — Г.К. Орджоникидзе руководит работой совещания шахтеров, металлургов, машиностроителей и нефтяников, посвященного обмену передовым производственным опытом.

1934, 20-22 сентября — Г.К. Орджоникидзе руководит работой Всесоюзного совещания работников тяжелой промышленности.

1935, 28 января — 6 февраля — Г.К. Орджоникидзе принимает участие в работе VII съезда Советов СССР, выступает с отчетным докладом Народного комиссариата тяжелой промышленности.

22 марта — Постановлением ЦИК Союза ССР Г.К. Орджоникидзе награжден орденом Ленина за перевыполнение производственной программы 1934 года по Народному комиссариату тяжелой промышленности Союза ССР и достигнутые успехи в деле организации производства и овладения техникой.

21-22 июня — Г.К. Орджоникидзе руководит работой совещания работников нефтеперерабатывающей промышленности.

14-17 ноября — Г.К. Орджоникидзе руководит работой первого Всесоюзного совещания рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта.

10-14 декабря — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе совещания при ЦК ВКП(б) по вопросам строительства и производства стройматериалов.

1936, 17 января — Постановлением ЦИК СССР Г.К. Орджоникидзе награждается орденом Трудового Красного Знамени за перевыполнение производственного плана 1935 года

по Народному комиссариату тяжелой промышленности Союза ССР, за успехи в деле освоения новой техники и инициативу в развитии стахановского движения.

26 февраля — Г.К. Орджоникидзе руководит работой совещания строителей гидроэлектростанций.

Июль — август — Г.К. Орджоникидзе руководит организацией беспосадочного перелета Чкалова, Байдукова и Белякова по маршруту: Москва — Северный Ледовитый океан — Земля Франца Иосифа — мыс Челюскин — Петропавловск-на-Камчатке — Николаевск-на-Амуре.

25-27 августа — Г.К. Орджоникидзе руководит совещанием работников научно-исследовательских институтов.

25 ноября — декабря, 5 декабря — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов; избирается в состав Редакционной комиссии для установления окончательного текста Конституции Союза ССР.

1937, 15-18 января, 21 января — Г.К. Орджоникидзе участвует в работе Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов.

15 февраля — Г.К. Орджоникидзе руководит работой совещания паровозостроителей.

18 февраля — Кончина Г.К. Орджоникидзе.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В.И., Сочинения, 4-е изд., т. 15, 16, 17, 30, 33, 35, 36.

"Ленинские сборники" XVIII, XX, XXXIV, XXXV, XXXVI.

Орджоникидзе Г.К., Статьи и речи, в двух томах. М., Госполитиздат, 1956–1957.

Агаджанов М., Орджоникидзе в борьбе за осуществление национальной политики Коммунистической партии в Закавказье. Тбилиси, 1960.

Гернет М, История царской тюрьмы, т. 5, 1956.

Григорий Константинович Орджоникидзе (Серго). Биография. Написана В. Кирилловым и А. Свердловым. М, Госполитиздат, 1962.

"Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков". Сборник. Баку, Государственное издательство Азербайджана, 1924.

"Деятели революционного движения в Грузии" (биографический сборник). Тбилиси, Государственное издательство Грузии, 1961.

Иванов М.С, Иранская революция 1905–1911 годов. М., Институт международных отношений, 1957-

Крупская Н.К., Воспоминания о Ленине. М., Госполитиздат, 1957.

Орахелашвили М., Серго Орджоникидзе. М., Партизат, 1936.

Орджоникидзе З.Г., Путь большевика. М., Госполитиздат, 1956.

"Очерки истории Компартии Грузии". Часть первая. Тбилиси, 1957.

"Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.". М., Госполитиздат, 1957 г.

Петров П., Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, Областное книжное издательство, 1952.

Саблин В., Фазин З., Чрезвычайный комиссар. М, Детздат, 1958.

"Серго Орджоникидзе в Царицыне и Сталинграде". Сборник. Сталинград, Областное книжное издательство, 1937.

Серебровский А., Золотая промышленность, т. 1 и 2. М"АН СССР, 1935.

Фотиева Л., Из жизни Ленина. М., Госполитиздат, 1959 г.

Франкфурт С, Рождение стали и человека. М., издательство "Старый большевик", 1935.

Чхартишвили Сандро, Орджоникидзе (биографический очерк на грузинском языке). Тбилиси, 1956.

Шаумян Л., Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С. А. Тер-Петросяна. М., Госполитиздат, 1959.

notes

Примечания

1

Мамао — батюшка *(груз.). (Здесь и далее примечания автора.)*

2

Даты до марта 1918 года даются по старому стилю.

3

Через год с небольшим отец Серго женился на крестьянке Деспине Кайхосровне Гамцемлидзе. Она родила еще двух мальчиков — Ивана и Константина, девочку Юлию.

4

Бичико — мальчик *(груз.)*.

5

В Грузии трех человек называют только по имени: Шота — Руставели, Илья — Чавчавадзе, Акаки — Церетели.

Белогоры — сейчас станция Харагоули.

7

В одной из папок архива Орджоникидзе я наткнулся на черновик письма Серго А.Ф. Потемковскому. Оно написано 14 августа 1933 года: "Дорогой Александр Феликсович! Готов со всей искренностью подтвердить и удостоверить Ваше хорошее отношение к учащимся фельдшерской школы при Михайловской больнице, Ваше большое влияние на нас в то время.

Я до сих пор помню, это было во время урока. На мой вопрос Вы ответили, что наука не нуждается в боге. Я тогда еще колебался — существует ли бог. Ваши разъяснения того времени мне сильно помогли…"

8

Если все привести в соответствие с датами событий и возрастом участников, то окажется, что Ладо Кецховели и Александр Цулукидзе, долгие годы ходившие в "соратниках Сталина", были и теоретиками и организаторами более крупными.

Теорию "общей почвы", роднившую все националистические партии и группы, начал беспощадно громить Александр Цулукидзе. Его превосходная книга "Мечта и действительность" (критические заметки по поводу программы Ар. Джорджадзе) написана в 1902 году. А работа Сталина "Как понимает социал-демократия национальный вопрос" появилась лишь в конце 1904 года.

9

Кама — по-грузински "укроп".

10

Татарами в дореволюционные годы на Кавказе называли азербайджанцев.

11

Дворцовая и Головинский проспект — аристократический центр старого Тифлиса. Ныне все это проспект Руставели.

12

Социал-федералисты — буржуазная националистическая партия. Вместе с "комитетом независимой Грузии", созданным немецкой разведкой в Константинополе, пыталась оторвать Грузию от России.

13

В революцию 1905 года выборные крестьянские комитеты — самая распространенная форма самоуправления. В сельских местностях Тифлисской и Кутаисской губерний они, в сущности, были единственной властью.

14

Бомборы — деревушка в четырех километрах от Гудаут

15

Жена Ф.Е. Махарадзе — Нина Прокофьевна Смольнякова — общественный деятель и педагог большого дарования, необыкновенный знаток русской, грузинской, немецкой, французской литературы. Среди ее многочисленных бесплатных учеников был Владимир Маяковский. Она подготовила будущего поэта к поступлению в кутаисскую гимназию

16

Тариэл Мклавадзе — герой повести грузинского классика Эгнате Ниношвили "Рыцарь нашей страны". Так с легкой руки писателя презрительно величали дворянских недорослей и кутил, фланировавших на бульварах Тифлиса и Кутаиса.

17

Алеша — Прокофий Апрасионович Джапаридзе, родился в 1880 году. Учился в Тифлисском учительском институте, откуда был исключен за участие в нелегальных марксистских кружках. В 1898 году вступил в Тифлисскую организацию РСДРП. Делегат III съезда партии. После революции — первый председатель Бакинского Совета. В 1918 году — комиссар продовольствия и внутренних дел. Расстрелян эсерами и английскими интервентами в числе 26 бакинских комиссаров.

18

"Гуммет" — "Энергия" — азербайджанская социал-демократическая организация. Создана в 1904 году большевиками Мешади Азизбековым и Прокофием Джапаридзе. По существу, "Гуммет" была секцией при Бакинском комитете РСДРП, но пользовалась автономией и нередко по тактическим соображениям выступала как самостоятельная партия. После Октябрьской революции левое крыло "Гуммет" боролось за установление советской власти в Азербайджане.

19

Ликвидаторы — крайне правое течение в РСДРП. Оно возникло после поражения революции 1905 года. Возлагая все надежды на "дарованные свыше" реформы и буржуазный парламентаризм, ликвидаторы стремились полностью покончить с нелегальной революционной партией, заменить ее официально дозволенной организацией типа лейбористов в Англии.

"Ликвидаторами наизнанку" большевики называли отзовистов (группа Богданова — Алексинского), выступивших с требованием отозвать социал-демократических депутатов из третьей Государственной думы и отказаться от участия в рабочих профсоюзах и других легальных и полулегальных организациях. По существу, это была попытка оторвать революционную социал-демократию от масс, лишить ее возможности набрать силы для новой победоносной революции.

Позднее стараниями Троцкого ликвидаторы и отзовисты объединились в антибольшевистский "августовский блок".

Энзели — сейчас порт и город Пехлеви.

21

Сердар Мухи — в переводе означает "главнокомандующий, который дал нам жизнь". Этот почетный титул гилянцы присвоили богатому землевладельцу хану Муйзан Султану. Он в самом начале иранской революции бесповоротно встал на сторону народа, освободил своих крестьян, безвозмездно наделил их землей.

22

Гурджи — грузин *(перс)*.

23

Протоколы — материалы пленума Центрального Комитета РСДРП, состоявшегося в Париже 2-23 января 1910 года.

24

В феврале 1962 года в Центральном историческом архиве СССР я листал "особо секретные" бумаги, некогда присланные в департамент полиции начальником Бакинского губернского жандармского управления, и был щедро вознагражден — в моих руках оказалось перехваченное полицией письмо Орджоникидзе одному из кавказских социал-демократов. Оно было написано назавтра после знакомства с Владимиром Ильичей. "Ленин с внешней стороны похож на типичного русского рабочего, — делился Серго. — Низенький, с лысой головой и киргизским разрезом глаз. В разговоре ничуть не дает чувствовать, что дело имеешь с человеком, стоящим в миллион раз выше тебя. Напротив, с первой же минуты как будто обнимает тебя всей душой. Я оставался у него часа 3–4…"

25

В октябре 1917 года по поручению Военно-революционного комитета Лещинский с несколькими матросами занял Центральный телеграф в Петрограде, был его первым комиссаром. Потом Кавказ, революционная работа в районах, захваченных тУрками. Помощь Ною Буачидзе в установлении советской власти на Тереке. Совместная с Кировым экспедиция за оружием для Владикавказа. Подполье и геройская смерть в Дагестане. Художник, эстет, лирик, Оскар Лещинский нежно любил людей, им он отдал жизнь.

26

Инесса Арманд родилась в Париже в 1875 году в семье актера Стеффена. После смерти отца девочку увезли в Россию, где она воспитывалась в семье фабрикантов Арманд, родственников своего будущего мужа. В 1904 году, будучи матерью троих детей, она примкнула к большевикам, активно участвовала в революции 1905–1907 годов. Неоднократно подвергалась арестам, ссылкам, была в эмиграции. Во время первой мировой войны Арманд — одна из организаторов Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов и Бернской международной конференции женщин. В конце марта 1917 года Инесса Арманд в первой группе политэмигрантов, наиболее близких единомышленников Ленина, возвращается в Россию. Она работает в Центральном Комитете партии, участвует в Первом и Втором конгрессах Коминтерна. Умерла осенью 1920 года от холеры во время поездки на Кавказ.

27

24 января 1911 года Коба-Сталин писал из Сольвычегодска Бобровскому: "О заграничной "буре в стакане", конечно, слышали: блоки — Ленина — Плеханова с одной стороны, и Троцкого — Мартова — Богданова с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно; "пусть, мол, лезут на стену сколько их душе угодно; а по нашему, кому дороги интересы движения, тот работай, остальное же приложится". Это по-моему к лучшему".

Письмо в свое время было перлюстрировано полицией, а в годы работы Серго секретарем Закавказского крайкома партии опубликовано на страницах тифлисской газеты "Заря Востока". Второе письмо Кобы. Другой адресат, другая дата. "Где корни этой "бури в стакане воды"?.. В "философских" разногласиях? В тактических? В вопросах организационной политики (отношение к левым меньшевикам и т. д.)? В самолюбиях "различных я"?" Третье письмо. "Как тебе понравилась новая книга Богданова? По-моему, некоторые отдельные промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича во многом отличается от такового Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать…"

28

Поролин — местечко около Кракова (Польша), в предгорье Татр. Летом в 1913 и 1914 годах в Поронине жил Ленин.

29

На Пражской конференции все делегаты подавали Ленину записки, в которых указывали, за кого они голосуют. Результаты голосования в целях конспирации не объявлялись. Владимир Ильич каждого в отдельности извещал об избрании в члены ЦК. Малиновский прошел при перебаллотировке, так что голос Серго действительно мог быть решающим.

30

Покидая Францию, Серго по совету Ленина переменил псевдоним. Назвался "товарищ Николай"

31

Заграничная организационная комиссия — ЗОК — создана в июне 1911 года на совещании членов ЦК РСДРП, находившихся за рубежом. Задача ЗОК — подготовить VI Всероссийскую конференцию РСДРП. Вскоре тон в ЗОК стали задавать примиренцы и поддерживавшие их представители польской социал-демократии. В ноябре ЗОК отказалась подчиниться Российской организационной комиссии — РОК. Большевики порвали с ЗОК.

32

Обозленная новой неудачей, полиция утешения ради арестовала Николая Орджоникидзе. Его долго держали в тюрьме, затем выслали куда-то на север, навсегда запретив возвращаться на Кавказ.

33

Елена Дмитриевна Стасова родилась в Петербурге в 1873 году в семье видного юриста и общественного деятеля Д.В. Стасова. Ее дед — крупнейший русский зодчий, академик.

Дядя Елены Дмитриевны, оказавший особенно большое влияние на ее воспитание, Владимир Васильевич Стасов, широко известный музыкальный и художественный критик.

В 1898 году Елена Стасова вступила в члены РСДРП. Была агентом "Искры", секретарем Петербургского Комитета партии и Северного бюро ЦК- Некоторое время жила в эмиграции, в Женеве.

Весной 1907 года Стасова уехала на Кавказ. Преподавала, заведовала школой Общества учительниц-социалисток в Тифлисе и была секретарем Тифлисской организации РСДРП. Активно помогала Орджоникидзе в подготовке Пражской конференции, ведала делами подпольного издательства. В 1913–1916 годах Стасова на поселении в Сибири. После Февральской революции-секретарь бюро ЦК РСДРП. В 1920 году снова работает с Серго в только что освобожденном Баку.

Елена Дмитриевна — Герой Социалистического Труда. Продолжает общественную и литературную деятельность.

34

"Сурен, — писал Шаумян, — принадлежал к той части армянской молодежи, которая порвала всякие связи со старым армянским миром и интеллигенцией и заявила, что она ничего не унаследовала от них и ничему не желает у них учиться. Сурен — дитя современного интернационального бытия… Его учителями были Чернышевский, Белинский, затем Маркс и Энгельс". В 1901 году гимназист Сурен вступил в Тифлисскую организацию РСДРП. И с этого дня до конца своей жизни Спандарян целиком отдается революционной работе. Меньше чем за месяц до смерти — в августе 1916 года — Сурен Спандарян удостоился величайшей милости царя — безнадежно больной был освобожден от дальнейшего пребывания в ссылке и отдан под надзор полиции.

35

С-о — Серго Орджоникидзе. Оля — Российская организационная комиссия

36

Александр Константинович Воронский — видный литературный критик и публицист, принадлежал к старой большевистской гвардии. Неоднократно подвергался репрессиям, арестам и ссылкам, участник Октябрьской революции.

По поручению В.И. Ленина редактировал первый советский "толстый" журнал "Красную новь". Был также редактором журнала "Прожектор".

В 1925–1928 годах принадлежал к троцкистской оппозиции. Позднее отошел от оппозиции. В 1937 году Воронский по клеветническим обвинениям репрессирован. После XX съезда КПСС посмертно реабилитирован и восстановлен в партии.

37

"Комиссия ЦК по подготовке проекта "Краткого курса истории ВКП(б)", — писала "Правда" в январе 1962 года, — предлагала формулировку, что "Пражская конференция положила начало самостоятельному существованию большевистской партии". Однако Сталин вычеркнул слова "самостоятельному существованию", и получилось, будто Пражская конференция вообще положила начало большевистской партии, что противоречит исторической правде…".

Попытка начать историю партии с 1912 года, очевидно, связана с другим ошибочным утверждением авторов "Краткого курса" и биографии Сталина о том, что Сталин был избран конференцией в состав ЦК и "по предложению Ленина возглавил русское бюро ЦК". Среди семи членов ЦК, избранных на двадцать первом заседании Пражской конференции, Сталина не ыло. Его позднее кооптировали.

38

"Прямой" — так довольно метко окрестила Серго охранка.

39

Герой Социалистического Труда профессор Федор Николаевич Петров — один из старейших участников революционного движения в России. Родился в 1876 году в Москве. По образованию врач.

В 1896 году вступил в РСДРП. Вел нелегальную работу в войсках, создал ряд большевистских военных организаций. После подавления восстания в Киеве в 1905 году был арестован. Семь лет провел в Шлиссельбурге, а затем был сослан на вечное поселение в Сибирь.

Участвовал в партизанском движении против Колчака. Был членом Дальневосточного бюро ЦК РКП (б). В 1923–1928 годах руководил Главным управлением науки и музеев Нарком-проса. В более поздние годы — председатель правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, член Главной редакции Большой Советской Энциклопедии, Автор и редактор многих научных работ.

Вспоминая о пережитом, рассказывая об интереснейших людях, с которыми довелось встречаться, Федор Николаевич всегда выделяет Орджоникидзе:

"Он врезался в память мою и всех товарищей, сидевших в те годы в Шлиссельбурге. Независимый, гордый духом, Серго участвовал во всех протестах. Не подчинялся режиму и не раболепствовал перед администрацией, не снимал шапки по команде, не отвечал "здравия желаю" начальнику тюрьмы и его помощникам. Он учил шлиссельбуржцев ненавидеть царское самодержавие, внушал уверенность в неизбежной победе революции. Жадно накапливал знания. Много читал. Изучал философию, экономические науки, историю, технику, военное дело, единственно, что ему никак не давалось, несмотря на все наши старания, он не мог научиться носить кандалы. Забывал подтянуть концы, и кандалы весом в 10–12 фунтов постоянно били его по ногам".

40

Покойный профессор М.Н. Гернет в своей "Истории царской тюрьмы" сообщает, что ветеран Шлиссельбурга, мужественный, высокообразованный Лихтенштадт, осужденный в 1908 году по процессу террористов, стал большевиком под влиянием Орджоникидзе. Сам Лихтенштадт в день отправки Серго из Шлиссельбурга занес в свой дневник:

"Сегодня уехал Орджоникидзе. Это большая потеря для меня. Какой живой, открытый характер, сколько энергии и от зывчивости на все. И главное — человек все время работает над собой. Только с ним и можно было потолковать серьезно по теоретическим вопросам, побеседовать о прочитанной книге… Это был единственный, у кого можно было поучиться".

41

Тетрадь хранилась в личном архиве Зинаиды Гавриловны Орджоникидзе. До конца своих дней она продолжала поиски Другой тюремной тетради Серго — за № 1. Возможно, ее и не было, и № 1 относится к чему-то другому из тюремного "имущества" Орджоникидзе.

42

Паузок — речная плоскодонная баржа.

Мзе — солнышко *(груз.)*.

44

Двадцать лет спустя Клавдия Ивановна Кирсанова рассказывала корреспонденту "Известий":

— О, я помню, как среди ночи Орджоникидзе ворвался в нашу каморку в Якутске. Всех кружил, целовал. Схватил даже из кровати мою малюсенькую спящую дочурку: "Го-го-на, го-гона, Марьяночка! — восклицал Серго, подбрасывая под потолок малютку. — Революция, Марьяночка, го-го-на!"

До сих пор звучит в ушах это ударение на "яночка".

45

Григорий Иванович попал в Якутск вскоре после Серго — в сентябре 1916 года. До этого он вместе с другими большевиками-депутатами 4-й Государственной думы находился в туруханской ссылке.

(Бывший окружной исправник. — Ред.)

(Бывший полицейский пристав. — Ред.).

ЯКОБ — Якутский комитет общественной безопасности.

49

"Ленину из Якутска. Празднуем Ваше возвращение к отрытой деятельности. Да здравствует возрожденный Интернационал. Петровский. Серго. Емельян Ярославский", "Правда", 25 апреля 1917 года

50

Охнянский не обманывал. Это действительно слова И.В. Сталина. Меньшевик лишь умолчал о том, что ошибочные взгляды Сталина получили отповедь еще на мартовском партийном совещании. Особенно резко возражал близкий Ленину талантливый партийный публицист, сотрудник "Искры" и один из первых редакторов "Правды" Николай Скрыпник. Он говорил: "Временное правительство не закрепляет, а задерживает развитие революции. Марксист обязан это понимать!"

51

В Петрограде Орджоникидзе жил в квартире Петровского.

52

В конце июня Ленин вместе с младшей сестрой Марией Ильиничной поехал на несколько дней отдохнуть к старым друзьям Бонч-Бруевичам в деревню Нейвола, около станции Мустамяки (недалеко от Петрограда).

53

Агитаторами ЦК в первые дни Октября называли будущих военных комиссаров.

54

Форин оффис — министерство иностранных дел Великобритании

55

Зоф Вячеслав Иванович — рабочий-латыш, член Коммунистической партии с 1913 года, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. Был Народным комиссаром морских сил СССР.

По другим источникам, к этому времени в партии было около 240 тысяч.

Ныне город Ленинакан.

В жизни всех троих Серго сыграл исключительную роль. Постоянно заботился, подбадривал и материально поддерживал, этого было вполне достаточно для того, чтобы после трагической гибели Орджоникидзе временщик Берия жестоко расправился с профессором Андреем, командиром национальной грузинской дивизии Теймуразом, экономистом и общественным деятелем Константином, с другими родственниками Буачидзе. Та-ая же судьба постигла и десятки других воспитанников Серго.

59

17 апреля 1918 года ЦИК Донской советской республики передал всю власть чрезвычайному штабу.

Впервые такой Чрезвычайный комитет Орджоникидзе создал в Харькове.

61

Сохранить Черноморский флот для Советской России в тех отчаянных условиях было невозможно. Немецкие дивизии неотвратимо приближались к Новороссийску — последнему прибежищу боевых кораблей. Ни в коем случае нельзя было и Давать бой ради "сохранения чести" — генералы кайзера Вильгельма жаждали такого предлога для еще большего расширения оккупации. Интересы революции требуют, настаивал Ленин, уничтожить флот. Взорвать, потопить.

18 июня 1918 года революционные моряки выполнили свой тяжкий долг.

Большинство членов Кавказского краевого комитета партии вынуждено было перебраться из Тифлиса во Владикавказ, так как правительство "независимой" Грузии объявило Коммунистическую партию вне закона. Большевиков хватали на улицах, арестовывали, нередко передавали немецким комендатурам как "агентов враждебной державы".

Вурро — ура *(ингуш.)*.

"Ля Илляха иль Алла!" — "Нет бога кроме бога!"

65

"Эта разведка едва не закончилась трагически, — писал в 1936 году в "Известиях" комдив Е. Казанский. — Бичераховцы задержали Серго у моста через Терек. Он спасся исключительно благодаря поразительной находчивости и ледяному спокойствию, никогда не покидавшему его в минуты смертельной опасности. Когда мятежники узнали, кого они выпустили из своих рук, их злоба была неописуема".

Своему обычаю ходить в разведку Серго не изменял всю гражданскую войну. Осенью 1918 года перед наступлением на "столицу" Бичерахова Моздок Серго решил проникнуть в этот степной казачий город. Вместе с владикавказскими рабочими-железнодорожниками Дзусовым и Фролковым Орджоникидзе на паровозе доехал до только что освобожденной Прохладной. Оттуда на дрезине направился в сторону Моздока. Казачьи патрули несколько раз останавливали, требовали показать документы. Серго невозмутимо протягивал удостоверение дорожного мастера и ехал дальше. В Моздоке на явочной квартире нашел большевиков-подпольщиков. Получил от них все необходимые сведения; им рассказал о положении на Тереке, поделился новостями из России.

Лето 1919 года. Серго — член Военного Совета XVI армии. Ночью под проливным дождем он прошел более двадцати километров по тылам белополяков. В оккупированном Борисове договорился с подпольщиками о плане совместных действий. Вновь пересек линию фронта и отдал приказ о немедленном наступлении на Борисов.

Возвращение на Юг. Украина, Дон, Северный Кавказ, Закавказье. Член Военного Совета Орджоникидзе обязательно ходит в разведку. Он не подпишет приказа о наступлении до того, как своими глазами не увидит, что делается в стане противника. Кто возьмется ответить — хорошо это или плохо? Но наверняка в полном соответствии с понятием Серго о долге и чести.

Конах ва! — Вот это мужчина! (ингуш.)

Луом да луом — лев, настоящий лев *(ингуш.)*.

В своих воспоминаниях генерал Денстервиль писал, что его план "начался предложением британскому правительству отпустить сумму в 14 млн. фунтов стерлингов и заканчивался восстановлением порядка на Кавказе и триумфальным шествием на Москву". Столь возвышенная цель позволяла не церемониться в средствах. "Они должны продолжать убивать друг друга, — писал Денстервиль, — пока не придут в изнеможение, а тогда мы, может быть, сумеем навести там порядки",

69

После Октябрьской революции богатый волынский помещик Василий Витальевич Шульгин развернул бурную антисоветскую деятельность. Он активно участвовал в организации белой армии, занимал руководящие посты в стане деникинцев и врангельцев. Затем бежал за границу и много лет был одним из вожаков белой эмиграции.

Великая Отечественная война раскрыла Шульгину глаза на многое. Он отказался оказать поддержку гитлеровцам. В 1944 году Шульгин вернулся на родину, понес заслуженное наказание.

В сентябре 1961 года Шульгин обратился с письмом к Н. С. Хрущеву. "То, что делают коммунисты, не только полезно, но совершенно необходимо для 220-миллионного народа, который они за собой ведут. Мало того, то, что совершается в этой стране, спасительно для всего человечества".

Годом раньше в своем "Открытом письме к русским эмигрантам", опубликованном выходящей в Нью-Йорке газетой "Русский голос", бывший вожак белой эмиграции Шульгин заявил: "Значит, мы ошиблись. Этот народ не желает "освобождения" из наших рук. Когда я это понял, наши усилия по свержению советской власти показались мне и трагическими и смешными".

Порт-Петровек — сейчас Махачкала, главный город Дагестана,

71

Орджоникидзе имел в виду случай, взбудораживший весь Кавказ. Ингуши и чеченцы, нарушив все обычаи и законы предков, отказались приютить в своих саклях эмиссара султанской Турции Щукуби и его спутников. В ауле Сурхохи Шукуби вместо кунацкой угодил под замок.

72

Так с конца лета 1918 года назывались Северокавказские войска.

73

Баталпашинск после 1937 года Черкесск. Центр автономной Карачаево-Черкесской области.

В докладе Совету Народных Комиссаров России "Год гражданской войны на Северном Кавказе", написанном в июле 1919 года, Орджоникидзе с обычной прямотой высказал все, что думал:

"XI армии в России не знают. Не знают ее наши партийные товарищи, и, что печальнее всего, не знают даже руководители военного ведомства нашей XI армии. Принято вообще ругать XI армию как сброд всевозможных партизан и бандитов. Лично я никогда не был поклонником ее, я видел все ее недостатки и недостаточную организованность. Но Советская Россия должна знать, что XI армия в продолжение целого года… приковывала к себе внимание Добровольческой армии и вела с ней смертельный бой. По заявлению самого Деникина на заседании Кубанской рады 1 ноября прошлого года, в борьбе с XI армией он потерял только убитыми 30 тысяч человек. По его же словам, офицерские полки имени Корнилова и Маркова, имевшие по 5 тыс. человек, вышли из боя при наличии от 200 до 500 человек. Если XI армия разложилась, если она погибла, то прежде всего виновата в том не XI армия, а те, которые имели возможность кое-чем помочь, но, к сожалению, этой помощи не дали.

…С начала зимы раздетые солдаты начали болеть. Тиф стал свирепствовать. Все вокзалы, все дома были переполнены тифозными. Нет белья. Больных заедают насекомые. Нет медицинского персонала. Весь медицинский персонал, мобилизованный на местах, благодаря непосильной работе стал гибнуть. Не проходило ни одного дня, чтобы в каждом городе не хоронили по 2–3 врача. Все наши просьбы, обращенные к заведующему медицинско-санитарной частью Кавказско-Каспийского фронта доктору Нойсу, решительно ни к чему не приводили".

75

Осто-перла! — возглас почтительного удивления *(ингуш.)*.

Выходивший в 1922 году в Пятигорске журнал "Коммунистический путь" писал: "Муртузалли был одним из могикан группы Гикало. Неуловимый боец в горах, гроза для войск белых, он как сокол падал на голову врагов".

77

"Не было ни одного матроса, красноармейца или партийного работника, который бы не слышал о Раскольникове, — пишет в своих военных мемуарах Николай Равич — активный участник гражданской войны, сотрудник Дзержинского и один из первых советских дипломатов. — Раскольников был председателем Кронштадтского комитета большевиков: он поднял Кронштадт вместе с Дыбенко, Коллонтай и Рошалем… Раскольников был связным у Ленина, когда Владимир Ильич скрывался в Разливе, по указанию Ленина руководил потоплением Черноморского флота в Новороссийске. Он был организатором Волжской военной флотилии, которая прославилась в боях с. белыми. Затем Раскольников командовал Балтийским флотом и ушел с флота вследствие ссоры с Зиновьевым".

78

С.И. Гусев — член КПСС с 1896 года. По революционной борьбе и жизни в эмиграции Сергея Ивановича близко знал и очень ценил Ленин. В годы гражданской войны Гусев — крупный военный работник, один из руководителей Красной Армии

Кавалерия Примакова — Червонное казачество.

80

К "мучительным вопросам" Серго Ленин отнесся с большим вниманием. Сразу после получения его письма внес в Политбюро предложения о Советской власти на Украине. Позднее эта Резолюция Политбюро была принята Пленумом ЦК РКП (б) и подтверждена 3 декабря 1919 года VIII Всероссийской конференцией РКП (б).

81

В военных мемуарах Семена Михайловича Буденного есть такое место:

"Утром 22 марта Конармия вступила в Майкоп. В городе уже находились представители так называемой "зеленой" армии во главе с Шевцовым. Эта армия, насчитывавшая в своем составе около пяти тысяч штыков, представляла собой соединение кавказских и причерноморских краснопартизанских отрядов. Она активно содействовала наступлению войск Кавказского фронта и за период своих боевых действий разгромила до шести полков белых и помогла нашим войскам овладеть Сочи и Туапсе.

Серьезную помощь войскам фронта оказал также красно-партизанский отряд чеченцев, ингушей и других кавказских народностей, действовавший в районе грозненских нефтепромыслов. Мы много наслышались рассказов, похожих на легенды, о командире этого отряда, грозненском рабочем Гикало"!

82

У себя на родине, в Весьегонском уезде Тверской губернии, Александр Тодорский, редактировал газету и по поручению уездного комитета партии написал книгу "Год — с винтовкой и плугом". Владимир Ильич посвятил этой работе Тодорского специальную статью "Маленькая картинка для выяснения больших вопросов".

Вскоре после выхода книги Тодорский снова взялся за винтовку. Командовал бригадой, дивизией, Кавказским стрелковым корпусом. Впоследствии был членом Реввоенсовета СССР. За героизм в годы гражданской войны награжден четырьмя орденами Красного Знамени.

83

В 1923 году в Тифлисе по инициативе Серго был объявлен конкурс на лучший перевод на грузинский язык книги Джона Рида "Десять дней, которые потрясли мир". В конкурсе участвовало девятнадцать авторов. Первую премию жюри присудило известным общественным деятелям и литераторам Илье Зура-бишвили и Андро Сакварелидзе.

В том же году книга вышла в свет.

84

Мамия Дмитриевич Орахелашвили, врач по образованию, с 1903 года вел пропаганду марксизма в рабочих кружках за Невской заставой в Петербурге, писал статьи для подпольных большевистских газет. Служил военным врачом в Туркестане, Персии, в действующей армии, создавал большевистские военные организации, налаживал доставку литературы.

С лета 1917 года Мамия Орахелашвили вместе с Ноем Буачидзе и Сергеем Кировым на Тереке. Долгие годы был членом Кавказского краевого комитета партии, руководил революционным подпольем при меньшевиках.

После освобождения Грузии — заместитель председатели ревкома. В более поздние годы — секретарь ЦК КП Грузии, председатель Совнаркома Закавказской федерации и заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР, первый секретарь Закавказского краевого комитета партии. Мамия Дмитриевич известен также как талантливый публицист.

85

В последних числах марта 1922 года Орджоникидзе придал в Москву на XI съезд партии. Затем участвовал в заседаниях Реввоенсовета республики, членом которого он являлся многие годы.

86

В Среднюю Азию Орджоникидзе был послан Центральным Комитетом партии в начале мая 1922 года. Это самый разгар авантюры, затеянной бывшим турецким министром, "главнокомандующим всеми войсками ислама" Энвер-пашой. "Энвер, — свидетельствовал один из главных вдохновителей мятежа, английский генеральный консул в Кашгаре Эссертон, — намечал создание великого мусульманского государства в качестве буфера против России".

Басмаческие банды Энвера, вооруженные англичанами, насчитывали более пятидесяти тысяч всадников. Разбойничали и несколько десятков банд более мелких курбашей-атаманов. К тому же далеко не советскую позицию занимали и так называемые "младобухарцы" — крайние националисты, возглавлявшие совет визиров — правительство Бухары.

Восемнадцатого мая Центральный Комитет партии одобрил все предложения Серго "по туркестано-бухарским делам" — о создании Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б), роспуске организации "левых коммунистов", перерегистрации и укреплении коммунистических организаций Бухары; о политике уступок местному населению; об экономическом объединении республик — Туркестана, Бухары и Хивы.

Вторично ЦК привлек Орджоникидзе к решению острых среднеазиатских проблем в августе того же года. Серго участвовал в работе специальной комиссии по военно-политическим и партийно-организационным вопросам Туркестана.

87

Из-за бесконечных протестов и конфликтов, затеваемых национал-уклонистами, Закавказская федерация начала существование лишь с середины марта 1922 года. После того как в Тифлисе полномочная конференция Центральных Исполнительных Комитетов Азербайджана, Армении и Грузии утвердила союзный договор об образовании федерации.

Следующий шаг был сделан десятого декабря того же года. Первый Закавказский съезд Советов, собравшийся в Баку, провозгласил единую Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику. Вместо совещательного органа Союзного Совета всю полноту власти принимали единые ЦИК и Совнарком.

"В Союз советских республик, — радостно отмечал Серго, — мы идем не отдельно — Грузия, Армения и Азербайджан, а идем общей семьей закавказских народов".

Тридцатого декабря в Москве, в Большом театре открылся Первый съезд Советов СССР. Был образован Союз Советских Социалистических Республик.

88

В это время "колонизатор Орджоникидзе" убедил Ленина выделить из совсем скудных золотых запасов России миллион рублей для строительства Земо-Авчальской гидроэлектростанции на реке Куре вблизи Тифлиса.

"Но вот один из группы не приемлющих никакого единения Закреспублик, — писал М. Орахелашвили в специальном выпуске газеты "Заря Востока" 23 апреля 1924 года, — попав на работу в Наркомфин РСФСР, подал протест по поводу отпуска субсидии Тифлисскому исполкому. Естественно, что такое официальное заявление ответственного работника из Грузии ввело в сомнение тех московских товарищей, которые согласны были на субсидию. И тогда Ленин 16 октября 22 г. пишет письмо Орджоникидзе:

"Т. Серго! И Сталин, и Сокольников оказались против ассигновки на электрическую станцию под Тифлисом. Компромисс: поездка Туманова. Отнеситесь с сугубым (подчеркнуто дважды. — М. О.) вниманием. Весь материал сообщите (для управдела), мне пришлите и весь материал и краткую (подчеркнуто три раза. — М. О.) сводку (для меня лично). Ваш Ленин".

Судьба станции выправилась. Тифлисский исполком уже получил из центра около трех миллионов руб. на Земо-Авчальскую станцию. Гордость сооружения этого мощного очага промышленного развития Грузии тифлисский пролетариат, нет сомнения, разделит с Лениным, добрым гением электрификации всего СССР"

89

В комиссию ЦК РКП (б) входили Ф. Дзержинский, Д. Мануильский, В. Мидкевич-Капсукас.

90

Вскоре после XII съезда РКП (б) Филипп Махарадзе, несколько других национал-уклонистов опомнились, стали дружно работать со всей Грузинской Коммунистической партией. Мдивани, Цинцадзе, Окуджава предпочли укрепить союз с Троцким, участвовали во всех оппозициях. Катились по наклонной…

91

"Возьмем нашу злосчастную отчетность, которая всем надоела. Это невиданное и неслыханное явление, — негодовал Серго. — Заполняют невероятное количество бумаги, а потом складывают в сарай, потому что полмиллиона пудов бумаги пережевать — немыслимая штука.

В НКПС, товарищи, в год тратилось 420 тысяч пудов бумаги, т. е. одна четверть производства всего Центробумтреста.

Отчетная форма Наркомторга по учету кожевенного сырья представляла собой громадную книгу — 27 тысяч вопросов… На кой черт, кому это нужно, кто будет разбираться в этом!"

92

Еще в 1920 году командование Кавказского фронта — Орджоникидзе и Тухачевский — мечтало начать силами Кавказской армии труда строительство Волго-Донского канала, Ленин обещал им свою поддержку.

93

16 октября 1927 года "вожди" оппозиции сделали заявление об отказе от фракционной борьбы. Обещание это они не выполнили.

94

Поздней осенью 1927 года Серго внезапно лег на операцию. Подробности ее почти неизвестны. Несколько слов я нашел лишь в постскриптуме письма Орджоникидзе профессору Ноордену. Оно послано из Кисловодска в Вену в августе 1928 года.

"В прошлом году, — вспоминал Серго, — Борхард мне делал операцию. Прошло хорошо, а в этом году со мной другое несчастье. Обнаружили туберкулезное поражение левой почки".

На вторую операцию Серго упорно не соглашался. В ноябре он написал своему старому товарищу по якутской ссылке Емельяну Ярославскому:

"Дорогой, милый Емельян!

Все перепуталось: у меня все время болела правая почка, а врачи утверждают, что правая здоровая, а левая больная. Вот дай им вырезать левую, а правая будет продолжать болеть. Ну, к чертям всех их, лучше оставить все как есть. Будем надеяться на свой организм".

Долго продержаться не удалось. 14 февраля 1929 года левую почку все-таки пришлось удалить.

Оппозиционный блок к тому времени уже не довольствовался фракционными сходками и нелегальным ЦК. Обзавелся и тайной типографией. Вокруг нее, по определению Серго, "вертелась всякая белогвардейская дрянь".

В США подобные доменные печи рискнули строить лишь после того, как они с успехом выдержали испытание на Магнитке. Кстати, Магнитогорский завод и при нем город с населением около ста тысяч человек создан за три неполных года. В Америке такой же по мощности завод фирмы Гери проектировали одиннадцать лет, еще двенадцать строили!

97

В январе 1932 года ВСНХ преобразован в Наркомат тяжелой промышленности.

98

Как-то на заседании коллегии Наркомтяжпрома Орджоникидзе крепко критиковал директора крупного машиностроительного завода. Директор сидел бледный, не мог побороть волнения. Серго прислал ему записку: "Чего ты приуныл? Ты ведь Должен знать, что я ругаю только тех, от кого много жду. Выше голову! С. Орджоникидзе".

99

10 июля 1931 года по настоянию Серго было обнародовано постановление Президиума ЦИК СССР:

"В связи с исключительными достижениями советского гражданского самолетостроения амнистировать конструкторов, всех инженеров, техников, приговоренных к различным мерам социальной защиты за вредительство и ныне добросовестно работающих в Центральном Конструкторском Бюро".

100

В Мариуполь Мазай вернулся в войну. Сражался в рабочем отряде, потом остался в подполье. За ним долго охотились шеф полиции Шаллерт и комендант города Михаэль. После ареста его держали в одиночной камере, Терзали и пытались купить.

Шаллерт как-то приказал накрыть стол в камере, "пригласил" голодного Мазая подкрепиться и "дружески" поговорить.

— Мы ценим вас как специалиста. Моя империя — страна технического прогресса, но и наши инженеры были изумлены вашими достижениями, герр Мазай. Вы нам нужны.

— Чего вы хотите от меня? — спросил Макар.

— Пустите завод. Вы сами позовите мастеров. Ваше слово будет для них оправданием и законом. Повторяю, мы хорошо оплачиваем услуги, Вы будете богатым человеком.

— Я и так самый богатый человек, — ответил Макар. — Я комсомолец и победитель в соревновании сталеваров Советского Союза. Вы в состоянии понять?!

Макара Мазая убили.

На стене камеры в бывшей тюрьме гестапо сохранилась надпись, по-видимому выцарапанная ногтем. Сквозь плесень и накипь извести невысоко, на уровне груди выцарапано косыми глубокими шрамами на камне:

"Я — комсомолец Макар Мазай. Прощайте".

101

В 1920 году А.Ф. Иоффе читал лекции в Политехническом музее о проблемах физики и тайнах атомного ядра. Тогда же он упоминал, что в лондонском журнале на основании неточной информации напечатано паническое сообщение:

"Радиотелеграф принес нам известие, что один из русских ученых полностью овладел тайной атомной энергии. Если это так, то человек, который владеет этой тайной, может повелевать всей планетой. Наши взрывчатые вещества для него смешная игрушка. Усилия, которые мы затрачиваем на добычу угля или обуздание водопадов, вызовут у него улыбку. Он станет для нас больше, чем солнцем, ибо ему будет принадлежать контроль над всей энергией. Как же воспользуется он этим всемогуществом? И кому он предложит тайну вечной энергии: Лиге наций, папе, римскому или, быть может, Третьему Интернационалу? Отдаст ли он ее в обмен на хартию, которая положит навсегда конец войне и эксплуатации труда? Употребит ли он ее на то, чтобы создать на земле золотой век? Или же продаст свое открытие первому попавшемуся американскому тресту?"

Быть может, надо добавить: институт, в стенах которого сформировалась великая школа советских физиков, был открыт в сентябре 1918 года. Его крестные отцы Ленин и Луначарский. Потом Серго

102

Вера Флерова оставила изумительный подарок. Борис и старый опытный геолог Николай Александрович Хрущев доказали, что запасы молибдена в Ущелье ветров колоссальны. Там большой промышленный комбинат и город Тырныауз.

103

Заявление комсомольца Лещенко, посланное им по телеграфу: "Директору мирового гиганта. Я ударник. Имею даже премию за хорошую работу. Желая буксировать Магнитогорск, прошу Вашего распоряжения прибыть на мировой гигант. Ответа не пишите, потому что наша бригада уже снялась с Москвы и едет до Вас".

Американцы за прошедшие тридцать лет так и не сумели пойти дальше этой нормы. Наши же доменщики превысили ее почти вдвое. С одного кубометра печи магнитогорцы давно берут около двух тонн чугуна. На все изменились мерки. Богатырским шагом страна приближается к уже отчетливо видным вершинам. Между XX и XXII съездами партии выработка электроэнергии, увеличилась на пятьдесят Днепрогэсов! Добыча нефти возросла так, как если бы за это время созданы были пять Баку! И это только за шесть неполных лет!

105

В бумагах Серго остался "Проект статьи к 1 мая 1934 г.". В этом наброске есть и строки, рассказывающие, кто такой Шейнман. "Инженеры-коммунисты должны быть не худшими инженерами на заводе, а такими, которых бы уважали беспартийные инженеры не только потому, что у них есть партбилет, а потому, что это инженеры, которые действительно достойны уважения. У нас много прекрасных инженеров-коммунистов. Уже имеется такой инженер коммунист, как тов. Шейнман, бывший начальник кузнечного цеха в Сталинграде. Он еще молод, но у него можно многому научиться и старикам".

106

Осенью 1936 года по настоянию Серго было торжественно отмечено десятилетие работы Лихачева директором автозавода. Серго говорил о пути, пройденном "Ваней Лихачевым, который прекрасно ведет свое дело, который сумел из простого шофера превратиться в крупнейшего директора гигантского завода.

Я как-то недавно говорил, что мы разбаловались и ничему не удивляемся. Если товарищ Лихачев — директор огромного завода, завода, которому во всей Европе нет равного, то это говорит о том, что произошло в нашей стране, говорит о том, что человечество может ждать, когда красное знамя победы социализма будет не только на одной шестой части земного шара, а на всех шести частях земного шара!

В нашей стране мы сильны и богаты тем, что Лихачевым; имеем не одного, а десятки и сотни тысяч…".